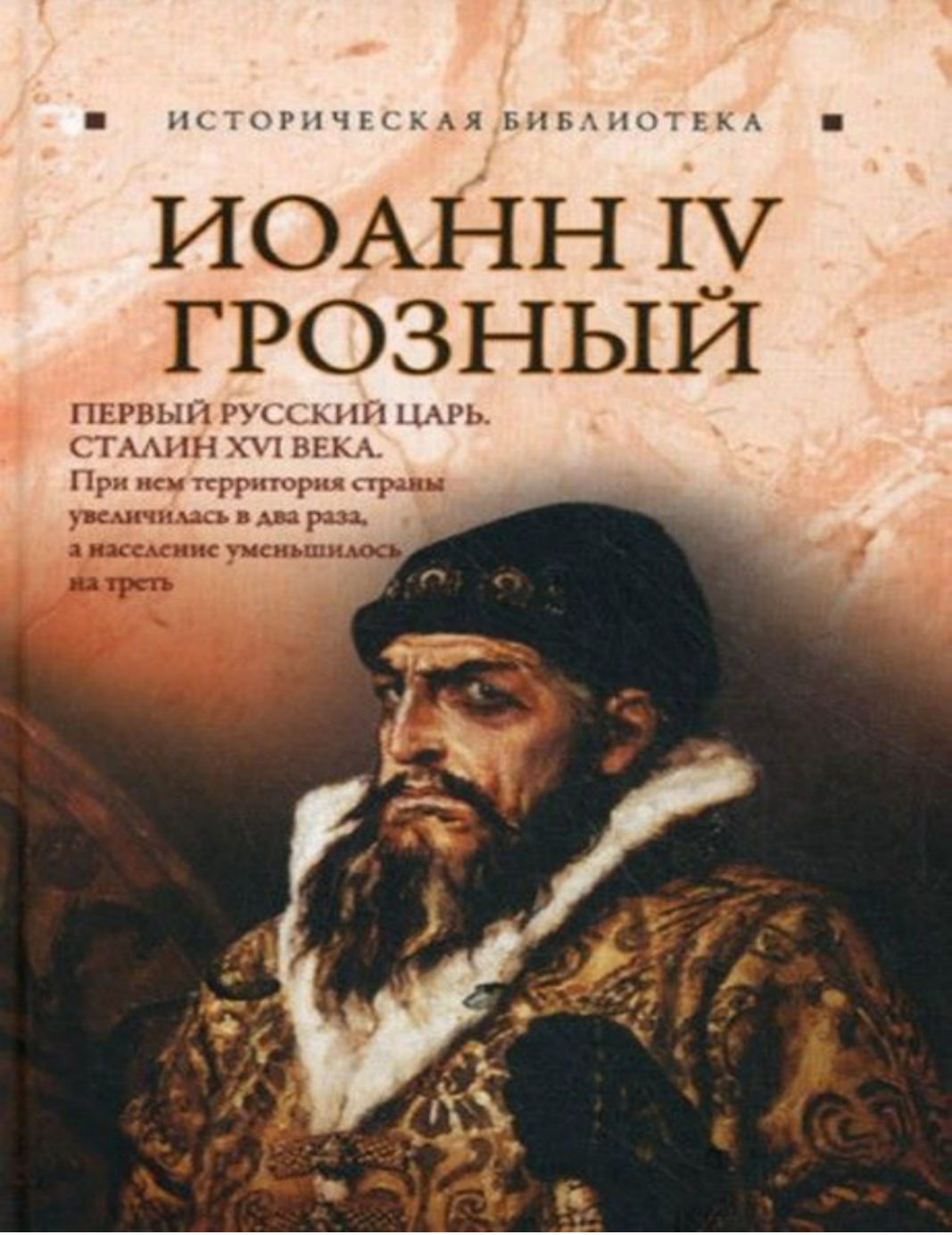
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИОАНН IV ГРОЗНЫЙ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ.
СТАЛИН XVI ВЕКА.
При нем территория страны увеличилась в два раза, а население уменьшилось на треть



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русские монархи всегда отличались своеобразием, что и говорить, но Иван Грозный затмил их всех!

Он открыто практиковал черную магию, а в ходе управления державой постоянно прибегал к услугам астрологов, магов и колдунов. Это, однако, не мешало ему умерщвлять тысячи людей по обвинению в занятиях колдовством. Он нещадно терзал свою страну. Он создал особую карательную службу – опричнину – и, обрядив этих служивых на сатанинский лад, предоставил им полное право казнить и миловать. Опричники утопили Русь в крови… Он до умопомрачения обожал физические пытки, никто не мог сравниться с ним в искусстве истязания плоти человеческой. Он был способен непрерывно пытать человека на протяжении 8 часов! При этом он словно бы знал, к кому какую пытку следует применить. В поисках особого вдохновения он обращался к богословским книгам и выискивал в них подробности истязания душ грешников в аду. Почерпнутые познания он немедленно применял на практике. Поистине это был палач-виртуоз!

Он был также диким сладострастником, но при этом и отвратительным мучителем женщин, поскольку не ведал о том, как следует с ними обращаться, в сущности даже и за людей их не считая. Он умертвил собственного сына, полагая в нем претендента на трон.

При этом ему была присуща истинная государственность – в минуты просветления. Он словно пронизал мысли иноземных послов и не позволял им глумиться над державой русской. Именно благодаря мудрой дипломатии Грозного иезуитскую миссию Антонио Поссевино, желавшего насадить на Руси католическую веру, постигла полная неудача. То, что Крым стал почти русским и была присоединена Сибирь, – все это тоже заслуги Иоанна Грозного, явившего себя подлинным владыкой!

Он был исключительно талантливым композитором. Его "Стихиры" поражают величием. Они подобны древним медитативным гимнам, повергающим незрелые души в смятение…

Он был еще и замечательным писателем. Одна лишь его переписка с Андреем Курбским – блестящее тому свидетельство.

Стихира сочинения Иоанна Грозного

Об Иоанне Грозном, чья натура непостижима, написано великое множество книг. О нем писали как легендарные историки, так и безвестные литераторы. Ему посвящено

бессчетное количество научных исследований – как отечественных, так и зарубежных. И, конечно же, каждый из авторов и специалистов ставил своей целью разгадать тайну личности Иоанна Грозного.

Не составляет исключения и эта книга.

Ну а насколько автору ее удалось справиться с возложенной на себя задачей, надлежит судить читателям.

- Благовещенский Глеб
  -
  -
  - Часть 1. Детство государя
  - Часть 2. Восшествие на престол
  - Часть 3. Начало правления
  - Часть 4 Союз и установление торговых отношений с Англией
  - Часть 5 Захват Астрахани. Бросок на Крым и Приднепровье
  - Часть 6. Триумфальный разгром Крымского Хана
  - Часть 7. Ливонская война
  - Часть 8. Опричнина
  - Часть 9. Присоединение Сибири
  - Часть 10. Исход государя
  - Вместо заключения
  - Приложения
  - Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей Глава 20. Царь Иван Васильевич Грозный
  - Приложение 2 Духовная царя и великого князя Иоанна Васильевича, самодержца всероссийского
  - Примечания переписчика, данные по тексту:
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Благовещенский Глеб

Иоанн IV Грозный

От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, в которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие.

В. Ключевский

АСТ; СПб.:Астрель-СПб Москва, 2010

Благовещенский Глеб. Иоанн IV Грозный. – М.: АСТ; СПб.:Астрель-СПб, 2010. – 386 стр.

ISBN: 978 5-17-069080-0, 978-5-9725-1829-6

Он открыто практиковал черную магию, что не мешало ему умерщвлять тысячи людей по обвинению в занятиях колдовством. Он нещадно терзал свою страну. Он создал особую карательную службу – опричнину – с ее помощью утопив Русь в крови. Он до умопомрачения обожал физические пытки. Поистине это был палач-виртуоз! Он был диким сладострастником, и в то же время отвратительным мучителем женщин. Он умертвил собственного сына, полагая в нем претендента на трон. При этом ему была присуща истинная государственность – в минуты просветления. Он был исключительно талантливым композитором и замечательным писателем. О нем написано великое множество книг, ему посвящено бессчетное количество научных исследований. Разгадать тайну непостижимой личности Иоанна Грозного пробует и автор этой книги…

Предисловие

Об Иоанне Грозном, чья натура непостижима, написано великое множество книг. О нем писали как легендарные историки, так и безвестные литераторы. Ему посвящено бессчетное количество научных исследований – как отечественных, так и зарубежных. И, конечно же, каждый из авторов и специалистов ставил своей целью разгадать тайну

личности Иоанна Грозного.

Не составляет исключения и эта книга.

Ну а насколько автору ее удалось справиться с возложенной на себя задачей, надлежит судить читателям.

Часть 1. Детство государя

Иоанн Васильевич Грозный родился 25 августа 1530 года. Местом рождения его явилось подмосковное село Коломенское. Младенцу выпала нелегкая доля, поскольку уже в 1533 году он стал Великим князем Московским и всея Руси. Его родителями были люди примечательные -Василий III и Елена Глинская. Василий III (1479-1533), будучи еще подростком одиннадцати лет, принял самое активное участие в заговоре против своего отца – тогдашнего русского царя Ивана III. Почти наверняка он действовал по наущению своей матушки Софьи Палеолог, но явно получал от происходящего большое удовольствие. Еще бы: такие страсти вокруг него кипели. Однако заговор был раскрыт, и Василию с матушкой пришлось отправиться в ссылку. Пребывание в опале, тем не менее, длилось для них не слишком долго. Партия их оппонентов при дворе, сплотившаяся вокруг внука Ивана III, умудрилась впасть в немилость. Василий и Софья Палеолог были возвращены ко двору и настолько рьяно принялись наверстывать упущенное, что уже в 1502 году Василий, получив титул Великого князя Московского и самодержца, стал, по сути, соправителем собственного отца, отравив тому последние три года его жизни. У Василия III было две жены.

Василий III. Гравюра неизвестного художника. XVI в.

Елена Глинская. Реконструкция С. Никитина. 1999 г.

Софья Палеолог. Реконструкция С. Никитина. 1994 г.

Иван III

Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем. Худ. Гр. Седов. 1882 г. Увеличив в воображении число невест в 250 (!) раз, можно представить себе сколь непрост был выбор для Василия III.

Первая, Соломония Юрьевна Сабурова, хоть и была выбрана им после скрупулезного отбора среди 1500 самых отборных девиц со всех концов России, оказалась, увы, бесплодной. Стоит попутно заметить, что происхождения она была не барского; предком семьи Сабуровых считался татарский мурза Чет. Этот мурза сыграл исключительно важную роль в формировании генофонда венценосных кланов России. Он приехал из Орды вместе с князем

Иваном Даниловичем Калитой (предком Иоанна Грозного) в 1330 году, стремительно крестился и воздвиг знаменитый Ипатьевский монастырь. Чет, нареченный при крещении Захарием, оказался родоначальником таких знатных семей, как Годуновы, Сабуровы, Зерновы, Шеины и т. д.

Иван Калита

Однако Соломонию Сабурову – ввиду ее бесплодности – все-таки ожидал развод. Василий III развелся с нею в 1525 году, а уже менее чем через год избрал себе новую супругу, дочь литовского князя Василия Львовича Глинского. Так произошло возвышение Елены Глинской. Она, между прочим, могла повторить участь горемычной Соломонии, поскольку поначалу никак не могла понести от своего царственного супруга. Лишь четыре года спустя она смогла преуспеть и благополучно разрешиться от бремени своим первенцем – Иваном (будущим Иоанном Грозным). Впоследствии у нее родился еще один сын Юрий.

Между прочим, Иоанн Грозный мог стать Великим князем гораздо позже. Помог случай: у Василия III образовался на бедре некий странный нарыв, совершенно не поддававшийся излечению. Именно он и явился главной причиной его безвременной кончины. В итоге на престоле оказалась Елена Глинская.

Историк С. Соловьев отмечает: "Уже в „Русской Правде"

находим, что по смерти отца опека над малолетними детьми, распоряжение имуществом их принадлежат матери; не говоря о древней Ольге, в позднейшее время мы видели важное значение матери семейства княжеского, ее влияние на дела не только при малолетних, но даже и при возрастных сыновьях; следовательно, по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством, естественно, принадлежали Великой княгине вдове Елене. Это делалось по обычаю всеми признанному, подразумевавшемуся, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтоб Великий князь назначил жену свою правительницею; говорится только, что трем приближенным лицам – Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигоне – Василий приказал о Великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить. Последние слова о боярском хождении мы должны принимать как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами".

Естественно, что появление на российском престоле суровой литовской рыжеволосой красавицы не могло прийтись по нраву знатным боярам. Перспектива оказаться в подчинении у вчерашней литовской княжны никак их не устраивала; да и назначение малолетнего Иоанна Великим князем тоже выводило из себя.

Василий III, имея замечательный опыт юного вхождения во власть, прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько серьезные проблемы ожидают в случае его кончины саму царицу, а главное – сына Иоанна. Он прекрасно понимал, что смуты боярской не избежать, а потому особенно полагался на своих особо приближенных сподвижников. Как показали дальнейшие события, Елена Глинская и сама оказалась на высоте. Предпринятые ею карательные меры против непокорных бояр произвели изрядное впечатление.

Описание этой жестокой борьбы за русский трон превосходно дано Сергеем Соловьевым:

"Умирающий Василий имел много причин беспокоиться о судьбе малолетнего сына: при малютке осталось двое дядей, которые хотя отказались от прав своих на старшинство, однако могли при первом удобном случае, отговорясь невольною присягою, возобновить старые притязания; эти притязания тем более были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старых правах своих и тяготились новым порядком вещей, введенным при Василии и отце его. „Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем

мы крест целовали", – говорил умирающий братьям; боярам он счел нужным напомнить о происхождении своем от Владимира Киевского, напомнить, что он и сын его – прирожденные государи; Василий знал, что в случае усобицы и торжества братьев должны повториться те же явления, какие происходили при деде его, Василии Темном, что тогда малюткам – детям его нельзя ждать пощады от победителя; и вот он обращается к человеку, по близкому родству обязанному и по способностям могущему блюсти за сохранением семьи великокняжеской: „А ты бы, князь Михайло Глинский, за моего сына, Великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрья, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал".

Опасения умирающего сбылись: тотчас после похорон Василия вдове его донесли уже о крамоле. Летописцы оставили нам об этом деле разные свидетельства: по одним, двое князей Шуйских, Иван и Андрей Михайловичи, еще при Великом князе Василии отъезжали к удельному князю Юрию; Василий отправил к брату с требованием их выдачи, и тот беспрекословно исполнил это требование; Василий велел оковать отъезжиков и разослать их по разным городам; но Великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить их по ходатайству митрополита и бояр. Первым делом Андрея Шуйского по возвращении в Москву была новая крамола: он начал подговаривать князя Бориса Горбатого к отъезду, объявил, что князь Юрий зовет его, Андрея, к себе и он хочет к нему ехать. „Поедем со мною вместе, -говорил он Горбатому, – а здесь служить – ничего не выслужишь: князь великий еще молод, и слухи носятся о князе Юрии; если князь Юрий сядет на государстве, а мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся". Горбатый не только сам не согласился отъехать, но и Шуйскому отсоветовал; тогда последний, видя неудачу и опасаясь последствий своей откровенности с Горбатым, решился предупредить его: явился к великой княгине и объявил, что князь Борис зовет его отъехать к князю Юрию, который также присылал и к нему с приглашением; но правда открылась, и князя Шуйского посадили опять под стражу. При этом бояре сказали правительнице, что надобно схватить и князя Юрия; Елена отвечала им: „Как будет лучше, так и делайте". Бояре сочли за лучшее отделаться заблаговременно от удельного князя, и Юрий вместе с своими боярами посажен был под стражу в той самой палате, где прежде сидел племянник его, несчастный Димитрий, внук Иоанна III.

По второму известию, князь Юрий прислал дьяка своего, Третьяка Тишкова, к князю Андрею Шуйскому звать его к себе на

службу. Шуйский сказал дьяку: „Князь ваш вчера крест целовал Великому князю, клялся добра ему хотеть, а теперь от него людей зовет!" Третьяк отвечал на это: „Князя Юрия бояре приводили заперши к целованию, а сами ему за Великого князя присяги не дали: так что это за целование? Это невольное целование!" Андрей Шуйский сказал об этом князю Горбатому, последний сказал боярам, а бояре – великой княгине. Елена отвечала им: „Вчера вы крест целовали сыну моему на том, что будете ему служить и во всем добра хотеть; так вы по тому и делайте: если является зло, то не давайте ему усилиться". И по приказанию великой княгини Юрий был захвачен.

Какое же из этих двух известий мы должны предпочесть?

Автор первого старается оправдать князя Юрия и обвинить во всем бояр и князя Андрея Шуйского; по его словам, „дьявол вложил мысль недобрую: только не схватить князя Юрия Ивановича, то Великого князя государству крепку быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под Великим князем подыскивать государства. Дьявол вложил эту мысль, зная, что если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблении, продажах, убийствах".

Последние слова показывают нам, что известие составлено в то время, когда уже бояре возбудили против себя всеобщее негодование ограблениями, продажами и убийствами. Когда бояре, по словам того же известия, еще только думали, как сказать великой княгине о необходимости схватить Юрия, дьявол, видя, что мысль его хочет сбыться, вошел в князя Шуйского и побудил его, злодея, замыслить отъезд; у князя Юрия и на мысли этого не было, потому что он крест целовал великому князю: как было ему изменить? Князь Андрей Шуйский один помышлял зло. Многие рассказывали, что дети боярские и даже бояре говорили князю Юрию, чтоб ехал поскорей в Дмитров: „Поедешь в Дмитров, то на тебя никто и посмотреть не посмеет; а будешь здесь жить, то уже ходят слухи, что тебя непременно схватят". Юрий отвечал им: „Приехал я к государю, Великому князю Василию, а государь, по грехам, болен; я ему целовал крест, да и сыну его, Великому князю Ивану: так как же мне крестное целование преступить? Я готов на своей правде и умереть!" Автор известия мог быть убежден в невинности князя Юрия, но, к сожалению, он не приводит ясных доказательств этой невинности; что князь Юрий крест целовал – это еще не доказательство, ибо и Андрей Шуйский также крест целовал; рассказы многих об ответе Юрия своим боярам и детям боярским также не имеют сильной убедительности.

Второе известие имеет за себя обстоятельность рассказа: автор его знает, кого именно князь Юрий присылал к Андрею Шуйскому – дьяка Третьяка Тишкова; знает, чем дьяк оправдывал своего князя в нарушении присяги. Против этого известия приводят то обстоятельство, что Андрей Шуйский действительно был признан виновным и содержался под стражею до самой смерти Елены; но из второго известия нельзя нисколько заключать о невинности Шуйского; первое его возражение насчет недавней присяги Юрия нисколько еще не ведет к заключению, что он после не мог согласиться с доводом Тишкова, не убедился в выгоде отъехать к князю Юрию и не обратился с тем же предложением к Горбатому; в этом отношении второе известие нисколько не противоречит первому: имея в виду только рассказать причину заключения князя Юрия, оно опускает подробности, относящиеся к другому лицу.

Но в приведенных известиях есть еще одно обстоятельство: оба полагают взятие Юрия под стражу 11 декабря; но во втором известии Андрей Шуйский возражает дьяку Тишкову: „Ваш князь вчера крест целовал"; Елена говорит боярам: „Вчера вы крест целовали сыну моему"; но мы знаем, что это крестоцелование происходило немедленно по смерти Василия, т. е. не позднее утра 4 числа (Василий умер вечером с 3 на 4 число), и, следовательно, Юрий присылал к Шуйскому или Шуйский стал подговаривать Горбатого, и дело дошло до Елены 5 числа; как же в такое короткое время Елена успела отдать приказ освободить князей Шуйских, содержавшихся по разным городам, и они успели приехать в Москву, где, побыв мало, как говорит первое известие, Андрей затеял новый отъезд? Если мы даже предположим неверность второго известия относительно 5 числа, то и тут останется сомнительным рассказ первого известия, что Андрей Шуйский находился с братом в заточении и только по смерти Василия получил свободу: в такое короткое время, от 4 числа до 11, Елена успела простить Шуйских, гонец с известием об этом прощении успел съездить в тот город, где был заточен князь Андрей, тогда как мы не имеем никакого права полагать, что он был заточен в ближний от Москвы город, Андрей успел собраться и возвратиться в Москву, где, побыв мало, успел завести крамолу!

По той же самой причине, т. е. по краткости времени, протекшего от смерти Василия до заключения Юрия, нельзя думать, чтоб донос известного нам Яганова относился к замыслам князя Юрия в то время, когда еще последний был на свободе; гораздо вероятнее, что Яганов донес на дмитровских детей боярских князя Юрия, объявил, что они жалеют о своем князе, порицают московское правительство и т. п.; вот как он

рассказывает о своем деле в челобитной: „Приказал ко мне князя Юрия Ивановича сын боярский Яков Мещеринов, который прежде некоторыми делами отцу твоему, государь, служил, чтоб я ехал к нему в деревню для некоторого твоего государева дела; я сказал об этом Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона мне отвечал: ступай к Якову, и если у него какое-нибудь дело государево поновилось, то ты вместе с Яковом пораньше приезжай в Москву: я об нем и об его службе представлю государю. Я приехал к Якову, и, что он мне сказал, я тотчас послал об этом грамоту с моим человеком к князю Михаилу (Глинскому) и к Шигоне, а сам остался у Якова, чтоб доведаться полных вестей о деле. Иван Шигона моего человека к нам отпустил с приказом ехать нам в Москву, а ты, государь, прислал за нами своих детей боярских и велел нас к Москве взять. Здесь, перед твоими боярами, Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышал, говорит, у княж Юрьевых детей боярских; а которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делах, тех речей список я подал твоим боярам; Яков и те речи с меня снял. А что я слышал у тех же детей боярских на попойке жестокую речь с Яковом вместе и мы ту речь сказали твоим боярам, того я не знаю, спьяна ли они говорили или вздурясь: мне в ту пору уши свои не смолою было забить". Донос оказался ложным, и Яганова заключили в оковы; это наказание за ложный донос показывает нам, что правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей и что если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания.

Из челобитной Яганова видно, кто были самые доверенные, самые влиятельные люди при дворе в первое время по смерти Василия; то были князь Михаил Глинский и Шигона Поджогин: к ним двоим обращался Яганов с известиями о государевых делах. Таким образом, Глинский и в Москве достиг почти такого же положения, какое имел в Литве при Александре; но скоро явился ему опасный соперник – то был князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, умевший приобресть особенное расположение великой княгини, сблизившейся с ним, вероятно, посредством сестры его Аграфены Челядниной, мамки великого князя. Оболенскому и Глинскому стало тесно друг с другом, и Елена должна была выбирать между ними; она выбрала Оболенского. Глинский был обвинен в том, что захотел держать государство вместе с единомышленником своим, Михаилом Семеновичем Воронцовым; это обвинение понятно для нас, ибо прежняя деятельность Глинского обличала в нем человека, не умевшего умерять свое честолюбие и выбирать средства для достижения своих целей; мы имеем право смотреть на борьбу его с Оболенским как на следствие честолюбивых стремлений, а не

нравственных побуждений только, но для современников нужно было еще другое обвинение: и Глинского в Москве обвиняли в том, что он отравил Великого князя Василия, точно так, как в Литве обвиняли его в отравлении Великого князя Александра; оба обвинения явно несправедливы; но мог ли жаловаться на них Глинский, мог ли оправдываться в них убийца пана Заберезинского? Что же касается до соумышленника Глинского, Воронцова, то это тот самый вельможа, с которым великий князь Василий помирился перед смертию.

В августе 1534 года был схвачен Глинский и посажен в той самой палате, где прежде сидел при Василии; он скоро умер. В том же августе, но еще прежде, двое людей из самых знатных родов: князь Семен Бельский и Иван Ляцкий – последний из рода Кошкиных – убежали в Литву; за соумышленничество с ними правительница велела схватить брата Семенова, князя Ивана Федоровича Бельского, и князя Ивана Михайловича Воротынского с детьми, князя Дмитрия Бельского не тронули, и это обстоятельство отнимает у нас право предполагать, что Иван Бельский и Воротынский были схвачены без основания. Бегство Семена Бельского и Ляцкого, заключение Ивана Бельского, Воротынского, Глинского и Воронцова, случившиеся в одно время, в одном месяце, могут навести на мысль, что все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского -негодования, которого мы увидим сильные следы. В первые минуты по смерти Василия, когда правление твердого государя сменилось правлением слабой женщины, каждый при этой смене видел возможность для осуществления своих честолюбивых замыслов, и потому все охотно согласились на скорые и решительные меры против замыслов удельного князя Юрия; но когда по прошествии некоторого времени отношения определились, когда увидали Телепнева-Оболенского облеченным полною доверенностию правительницы, занимающим первое место в управлении, когда, следовательно, многие обманулись в своих честолюбивых надеждах, то негодование и обнаружилось.

При заключении князя Юрия источники выставляют на первый план бояр, на решение которых Елена отдала это дело; при заключении второго дяди Иоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видим действующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенского. Князь Андрей не был нисколько заподозрен в соумышленничестве с братом своим Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии; но, собравшись после этого ехать в удел, стал припрашивать у Елены городов к своей отчине; в городах ему отказали, а дали, по обыкновению, на память о покойном шубы, кубки, копей, иноходцев в седлах.

Андрей уехал с неудовольствием в Старицу; нашлись люди, которые передали об этом неудовольствии в Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что в Москве хотят его схватить.

Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Меньшого Путятина внушить Андрею, что это слух ложный. Андрей не удовольствовался этим, но требовал от Елены письменного удостоверения и, получив его, приехал в Москву для личных объяснений с правительницею, причем митрополит Даниил был посредником; Андрей начал с того, что до него дошел слух, будто великий князь и она, Елена, хотят положить на него опалу; Елена отвечала: „Нам про тебя также слух доходит, что ты на нас сердишься; и ты б в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал, да объявил бы нам, что это за люди, чтоб вперед между нами ничего дурного не было". Князь Андрей не назвал никого, сказал, что ему так самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего против него не имеет. Как видно, в это время взята была с Андрея запись, в которой он клялся исполнить договор, заключенный им прежде с племянником, обязался не утаивать ничего, что ни услышит о великом князе и его матери от брата своего, от князей, бояр, дьяков великокняжеских или от своих бояр и дьяков, ссорщиков не слушать и объявлять о их речах великому князю и его матери. Эта запись особенно замечательна тем, что в ней впервые встречаем ограничение или, лучше сказать, уничтожение права удельных князей принимать к себе служивых князей, бояр и слуг вольных, права, как мы видели, нарушавшегося при отце и деде Иоанна, но не переставшего вноситься в договоры великих князей с удельными; Андрей обязался не принимать князей, бояр, дьяков, детей боярских и никого другого, если они отъедут от Великого князя на его лихо. Но при всяком почти отъезде предполагалось неудовольствие отъехавшего, ибо какие выгоды могли заставить отъехать от великого князя к удельному? Почему Великий князь мог знать, что боярин отъехал к дяде на его лихо или нет? При всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего.

По возвращении из Москвы в Старицу Андрей подозрения и страха не отложил и продолжал сердиться на Елену, зачем не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей сбирается бежать. Елена, по свидетельству летописи, не поверила этим доносам и послала звать Андрея на совет по случаю войны казанской; Андрей отвечал, что не может приехать по причине болезни, и просил прислать лекаря. Правительница послала к нему известного нам Феофила, который,

возвратившись, донес ей, что у Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели.

Тогда Еленою овладело подозрение: почему Андрей не приехал на совет о важном деле казанском? Она послала опять к Андрею осведомиться о его здоровье, а между тем велела тайно разузнать, нет ли какого о нем слуха, и почему он в Москву не поехал. Посланные донесли, что у старицкого князя есть лишние люди, которых обыкновенно у него не бывает, и эти люди говорить ничего не смеют; но, по словам других людей, Андрей затем притворился больным, что не смеет ехать в Москву, Елена послала вторично звать его в Москву, и вторично та же отговорка болезнию; послали в третий раз с требованием непременно приехать в каком бы ни было положении. С ответом Андрей отправил в Москву князя Федора Пронского, и этот ответ дошел до нас; здесь дядя государев, удельный князь, называет себя холопом Великого князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он велит сказать ему: „Ты, государь, приказал к нам с великим запрещением, чтоб нам непременно у тебя быть, как ни есть; нам, государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно; а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили. И я от болезни и от беды, с кручины отбыл ума и мысли. Так ты бы, государь, пожаловал, показал милость, согрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, чтобы холопу твоему вперед было можно и надежно твоим жалованьем быть бесскорбно и без кручины, как тебе Бог положит на сердце".

Но не успел еще Пронский доехать до Москвы, как один из детей боярских Андреевых, князь Голубой-Ростовский, тайно ночью прислал к князю Телепневу-Оболенскому с вестию, что князь Андрей непременно побежит из своего удела на другой день. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ: крутицкого владыку, симоновского архимандрита и спасского протопопа, которые должны были сказать удельному князю от имени митрополита: „Слух до нас дошел, что ты хочешь оставить благословение отца своего, гробы родительские, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, Великого князя Василия и сына его; я благословляю тебя и молю жить вместе с государем своим и соблюдать присягу без всякой хитрости; да ехал бы ты к государю и к государыне без всякого сомнения, и мы тебя благословляем и берем на свои руки". В случае если Андрей не послушает митрополичьих увещаний, посланные должны были наложить на него проклятие.

Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, московское правительство выслало к Волоку сильные полки под начальством двоих князей Оболенских – князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронского, перехватили на дороге; но, в то время как брали Пронского, одному из его провожатых, сыну боярскому Сатину, удалось убежать; он прискакал в Старицу и объявил своему князю, что Пронский схвачен и великокняжеские войска идут схватить самого его, Андрея; с Волока пришли вести, что московские полки уже тут. Тогда Андрей не стал более медлить и 2 мая 1537 года выехал из Старицы. Неизвестно, имел ли он прежде намерение броситься к Новгороду и поднять здесь недовольных: смотря по характеру всех действий Андрея, должно думать, что это намерение завести непосредственную, открытую борьбу с племянником в самых областях Московского государства было слишком смело для него; по всем вероятностям, единственным средством спасения в крайности представлялось для него бегство в Литву. Но теперь, при известии, что московские полки уже находятся в Волоке с целью отрезать ему дорогу к юго-западу, к литовским границам, Андрею не оставалось ничего более, как двинуться прямо на север, в новгородские области, причем он велел писать грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: „Князь Великий молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать".

Многие помещики из погостов действительно приехали к нему служить, но зато в собственных полках Андреевых открылась измена: с третьего стану, на Цне, побежало несколько детей боярских; одного из них успели перехватить и привели к князю, который отдал его под присмотр своему дворянину Каше; Каша велел связать руки и ноги перебежчику, посадить его в озеро в одной сорочке, выставя только голову на берег, чтоб не захлебнулся, и таким образом пытал, кто еще хотел бежать с ним вместе. Перебежчик назвал так много соумышленников, что князь Андрей велел потушить дело, потому что нельзя же было их всех перевешать, как говорит летописец. Зато редкою по тогдашним отношениям верностию отличился воевода Андреев, князь Юрий Оболенский: еще прежде, заподозрив старицкого князя во враждебных замыслах и желая ослабить его, Елена потребовала, чтоб он послал на Коломну воеводу, князя Юрия Оболенского, с большим отрядом детей боярских.

Узнавши о бегстве своего князя, Оболенский, по выражению летописца, начал Богу молиться и, утаясь от воевод великокняжеских, выехал из Коломны, перевезся через Волгу под

Дегулиным, потопил суда, чтоб не достались преследователям, и соединился с Андреем на речке Березне, не доезжая немного Едровского яма. В пяти верстах от Заячьего яма, в Тухоле, настиг Андрея другой Оболенский, князь Иван Овчина-Телепнев, товарищ которого, князь Никита, отправился укреплять Новгород.

Здесь известия начинают разногласить, потому что одни летописцы держали сторону московского правительства, другие – сторону удельного князя. По московским известиям, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотел сражаться, завел переговоры с князем Оболенским, обещал бросить оружие, если тот даст ему клятву, что Великий князь и Елена не схватят его и большой опалы на него не положат. Оболенский, не обославшись (т. е. предварительно не обговорив. – Г. Б.) с Еленою, дал Андрею требуемую клятву и вместе с ним отправился в Москву; но Елена сделала ему строгий выговор, зачем без ее приказания дал клятву князю Андрею, велела схватить последнего и заключить в оковы, чтоб вперед такой смуты и волнения не было, ибо многие люди московские поколебались.

По другим известиям, Оболенские получили в Москве от правительницы наказ звать князя Андрея, чтоб шел в Москву, а князь великий его пожалует и вотчин ему придаст. При встрече с московскими войсками князь Андрей хотел биться, но Оболенский первый стал посылать к нему с предложениями, чтоб не проливал крови, и с обещанием свободного возвращения в отчину; Андрей приехал в Москву в четверг, а схвачен был в субботу, следовательно, с ведома или без ведома правительницы Оболенский дал клятву, в Москве не вдруг решились ее нарушить.

Одинаковой участи с Андреем подверглись жена его и сын Владимир. Бояре его – князь Пронский, двое Оболенских, Иван и Юрий Андреевичи Пенинские, князь Палецкий, также князья и дети боярские, которые были в избе у Андрея и его думу знали, – были пытаны, казнены торговою казнию и заключены в оковы; тридцать человек помещиков новгородских, которые передались на сторону Андрея, были биты в Москве кнутом и потом повешены по новгородской дороге, в известном расстоянии друг от друга, вплоть до Новгорода. Андрей не более полугода прожил в неволе".

Помимо подавления боярской смуты, Елене Глинской удалось добиться заключения крайне важного для России мира с польским королем Сигизмундом I. Тут вновь не обошлось без кровопролитных сражений. Благодаря Глинской удалось нейтрализовать Швецию. Это облегчило противостояние России захватническим происка Ливонского ордена, а также повлияло

на отношения с Литвой. Именно Глинская приказала возводить новые города-крепости для укрепления границ (в первую очередь, литовско-русской). Кстати, великодержавная мать Иоанна Грозного уделяла внимание не только внешним проблемам страны, но также и внутренним. Когда до нее дошли сведения о том, что ввиду отсутствия "единой валюты" имеют хождение совершенно различные версии монет (прежде всего, эти монеты отличались по весу!), Елена своим указом ввела на Руси серебряную копейку и полушку (0,25 копейки). Ее решение способствовало экономической стабилизации страны.

Можно только гадать, каких высот бы еще достигла эта необычная женщина, силой Судьбы возведенная на русский трон, но ее владычество оборвалось трагически и внезапно. 4 апреля 1538 года она неожиданно скончалось. В то время ходило немало слухов о том, что вызвало кончину столь еще молодой женщины. Сегодня же нам доподлинно известно, что мать Иоанна Грозного была отравлена ртутью.

Инициаторами ее отравления выступили бояре Шуйские, так и не простившие статной иноземной властительнице своего поражения в правах. Кроме того, Шуйские давно уже засматривались на трон, ожидая подходящего момента, чтобы его занять. Елена Глинская была очень серьезным препятствием для воплощения их намерений в жизнь, а потому, можно сказать, она была заведомо обречена. Это был лишь вопрос времени.

Не прошло и недели со дня смерти Елены, а Шуйские уже вовсю заявили о своих притязаниях. Первой их жертвой стал фаворит умерщвленной царицы – Оболенский. Как пишет Соловьев: "В седьмой день по кончине Елены схвачены были конюший – боярин князь Овчина-Телепнев Оболенский и сестра его Аграфена, мамка великого князя, по совету князя Василия Шуйского, брата его Ивана и других. Оболенский умер в заключении от недостатка в пище и тяжести оков; сестру его сослали в Каргополь и постригли. Заключенные в правление Елены князь Иван Бельский и князь Андрей Шуйский были освобождены". Однако Бельский из династии Гедиминовичей отнюдь не намеревался быть марионеткой в руках бояр Шуйских. Он тоже метил на трон и не думал этого скрывать. Так вместо верного союзника у Шуйских возник серьезный соперник. "Встала вражда, – говорит летописец, – между Великого князя боярами: князь Василий да князь Иван Васильевич Шуйские стали враждовать на князя Ивана Федоровича Бельского да на Михаила Васильевича Тучкова за то, что Бельский и Тучков советовали Великому князю пожаловать боярством князя Юрия Михайловича Голицына (Патрикеева), а Ивана Ивановича Хабарова –

окольничеством, князья же Шуйские этого не хотели; и многие были между ними вражды за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о земских". Бельский был вновь помещен в темницу, но впоследствии вновь вышел на свободу.

Его деятельная натура снискала ему как могущественных сторонников, видевших в нем реального претендента на трон, так и могущественных недругов. В этой борьбе удача оказалась не на его стороне.

"В то самое время, как Бельский и митрополит обнаруживали свое влияние, возвращая удел опальному князю, против них составлялся страшный заговор: бояре, говорит летописец, вознегодовали на князя Бельского и на митрополита за то, что великий князь держал их у себя в приближении. Эти бояре были: князья Михайла и Иван Кубенские, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, с ними княжата, дворяне и дети боярские многие и новгородцы Великого Новгорода – всем городом. Эти люди, или принадлежа к стороне Шуйского и желая восстановить его влияние, или считая необходимым действовать во имя этого могущественного боярина, начали пересылаться с ним. Шуйский находился в это время во Владимире, оберегая восточные области от набега казанцев.

Имя Шуйского может объяснить нам, почему в заговоре участвовали новгородцы всем городом: один из Шуйских был последним воеводою вольного Новгорода;… московские заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его советникам срок – 3 января 1542 года, чтоб быть в этот день в Москву из Владимира; Шуйский привел к присяге многих детей боярских – действовать с ним заодно – и ночью на 3 января приехал в Москву с своими советниками без приказания великокняжеского; прежде его приехал сын его, князь Петр, да Иван Большой Шереметев с 300 человек дружины. В ту же ночь, со 2 на 3 число, Бельский был схвачен на своем дворе и утром на другой день отослан на Белоозеро в заточение; но живой он был страшен и на Белоозере, и потому в мае месяце трое преданных Шуйским людей отправились на Белоозеро и умертвили Бельского в тюрьме. Двоих главных советников Бельского разослали по городам: князя Петра Щенятева – в Ярославль, Ивана Хабарова – в Тверь; Щенятева взяли у государя из комнаты задними дверями. Митрополит Иоасаф был разбужен камнями, которые заговорщики бросали к нему в келью; он кинулся во дворец; заговорщики ворвались за ним с шумом в спальню Великого князя, разбудили последнего за три часа до свету; не найдя безопасности во дворце, подле Великого князя, приведенного в

ужас, Иоасаф уехал на Троицкое подворье, но туда за ним прислали детей боярских, новгородцев с неподобными речами; новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита, только троицкий игумен Алексей именем св. Сергия да боярин князь Димитрий Палецкий успели удержать их от убийства; Иоасафа взяли наконец и сослали в Кириллов Белозерский монастырь, на его место возведен был в митрополиты новгородский архиепископ Макарий; мы видели, что новгородцы всем городом участвовали в низвержении Бельского и Иоасафа; видно также, что Макарий и прежде имел связь с Шуйским. Иван Шуйский недолго жил после этого; власть перешла в руки троих его родственников – князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйских и князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского; между ними первенствовал князь Андрей, уже известный нам по своим сношениям с удельным князем Юрием.

По свержении и смерти Бельского у Шуйских не могло быть соперника, сильного по собственным средствам; но опасность являлась с другой стороны: Великий князь вырастал и могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но доверенностию государя, теперь уже не младенца; и вот Шуйские сведали, что расположением Иоанна успел овладеть Федор Семенович Воронцов – брат известного уже нам Михаила Семеновича. 9 сентября 1543 года трое Шуйских и советники их – князь Шкурлятев, князья Пронские, Кубенские, Палецкий и Алексей Басманов – взволновались в присутствии Великого князя и митрополита в столовой избе у государя на совете, схватили Воронцова, били его по щекам, оборвали платье и хотели убить до смерти; Иоанн послал митрополита и бояр Морозовых уговорить их, чтоб не убивали Воронцова, и они не убили, но повели с дворцовых сеней с позором, били, толкали и отдали под стражу. Государь прислал опять митрополита и бояр к Шуйским сказать им, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться в Москве, то пусть пошлют их на службу в Коломну. Но Шуйским показалось это очень близко и опасно; они сослали Воронцовых в Кострому. „И когда, – говорит летописец, – митрополит ходил от государя к Шуйским, Фома Головин у него на мантию наступал и разодрал ее".

Мы вкратце обрисовали наиболее значимые события, предшествовавшие объявлению Иоанна Грозного царем. Большинство историков сходится на том, что именно чудовищная атмосфера измен, мятежей, лжи и насилия, рек крови оказала решающее воздействие на формирование характера и личности юного самодержца.

Вот что пишет В. Ключевский:

"Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: „родственники мои не заботились обо мне". Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с летами превратилась в глубокое недоверие к людям. В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие или пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к князю Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем, держали как убогих людей, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту.

В торжественные, церемониальные случаи – при выходе или приеме послов – его окружали царственной пышностью, становились вокруг него с раболепным смирением, а в будни те же люди не церемонились с ним, порой баловали, порой дразнили. Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, а первенствующий боярин князь И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрется локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на нее положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного.

Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали как государя и оскорбляли как ребенка. Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами… Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с летами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами.

Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную наклонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная

сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства.

…Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, Иван быстро рос и преждевременно вырос. В 17-20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте".

С этим вполне согласен и Н. Костомаров: "Иван Васильевич, одаренный… в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла… Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности: самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные.

…Иван надолго является совершенно безличным; Русская держава правится не царем, а советом людей, окружающих царя. Но мало-помалу, тяготясь этой опекой, Иван сначала робко освобождался от нее, подчиняясь влиянию других лиц, а наконец, когда вполне почувствовал, что он сильнее и могущественнее своих опекунов, им овладела мысль поставить свою царскую власть выше всего на свете, выше всяких нравственных законов. Его мучил стыд, что он, самодержец по рождению, был долго игрушкою хитрого попа и бояр, что с правом на полную власть он не имел никакой власти, что все делалось не по его воле; в нем загорелась свирепая злоба не только против тех, которые прежде успели стеснить его произвол, но и против всего, что вперед могло иметь вид покушения на стеснение самодержавной власти и на противодействие ее произволу. Иван начал мстить тем, которые держали его в неволе, как он выражался, а потом подозревал в других лицах такие же стремления, боялся измены, создавал в своем воображении небывалые преступления и, смотря по расположению духа, то мучил и казнил одних, то странным образом оставлял целыми других после обвинения. Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь разлакомила самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая

противодействия, и лил до тех пор, пока ему не приелось этого рода развлечение. Иван не был безусловно глуп, но, однако, не отличался ни здравыми суждениями, ни благоразумием, ни глубиной и широтой взгляда. Воображение, как всегда бывает с нервными натурами, брало у него верх над всеми способностями души".

Схожие выводы мы находим и у С. Платонова:

"Растащив многое из великокняжеского имущества, бояре явились перед мальчиком-государем грабителями и „изменниками". Ссорясь и „приходя ратью" друг на друга, бояре не стеснялись оскорблять самого государя, вламываясь ночью в его палаты и силой вытаскивая от него своих врагов. Шуйских сменял князь Бельский с друзьями, Бельского опять сменяли Шуйские, Шуйских сменяли Глинские, а маленький государь смотрел на эту борьбу боярских семей и партий до тех пор, пока не научился сам насильничать и опаляться, – и „от тех мест почали бояре от государя страх имети и послушание". Они льстили его дурным инстинктам, хвалили жестокость его забав, говоря, что из него выйдет храбрый и мужественный царь, – и из мальчика вышел испорченный и распущенный юноша, возбуждавший против себя ропот населения".

Наиболее проницательную и исчерпывающую характеристику личности юного Иоанна Грозного предоставляет С. Соловьев:

"Иоанну исполнилось уже тогда 13 лет (речь идет о времени восшествия Иоанна на престол. – Г. Б.). Ребенок родился с блестящими дарованиями; быть может, он родился также с восприимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою, но, без сомнения, эта восприимчивость, страстность, раздражительность если не были произведены, то, по крайней мере, были развиты до высшей степени воспитанием, обстоятельствами детства его. Известно, что ребенок даровитый, предоставленный с раннего детства самому себе и поставленный при этом в затруднительное, неприятное положение, развивается быстро, преждевременно во всех отношениях. По смерти матери Иоанн был окружен людьми, которые заботились только о собственных выгодах, которые употребляли его только орудием для своих корыстных целей; среди эгоистических стремлений людей, окружавших его, Иоанн был совершенно предоставлен самому себе, своему собственному эгоизму.

При жизни отца он долго бы находился в удалении от дел; под бдительным надзором, в тишине характер его спокойно мог бы сложиться, окрепнуть, но Иоанн трех лет был уже Великим князем, и хотя не мог править государством на деле, однако самые формы, которые соблюдать было необходимо, например

посольские приемы и прочее, должны были беспрестанно напоминать ему его положение; необходимо стоял он в средоточии государственной деятельности, в средоточии важных вопросов, хотя и был молчаливым зрителем, молчаливым исполнителем форм. Перед его глазами происходила борьба сторон: людей к нему близких, которых он любил, у него отнимали, перед ним наглым, зверским образом влекли их в заточение, несмотря на его просьбы, потом слышал он о их насильственной смерти; в то же время он ясно понимал свое верховное положение, ибо те же самые люди, которые не обращали на него никакого внимания, которые при нем били, обрывали людей к нему близких, при посольских приемах и других церемониях стояли пред ним как покорные слуги; видел он, как все преклонялось пред ним, как все делалось его именем и, следовательно, должно было так делаться; да и было около него много людей, которые из собственных выгод, из ненависти к осилившей стороне твердили, что поступки последней беззаконны, оскорбительны для него. Таким образом, ребенок видел перед собою врагов, похитителей его прав, но бороться с ними на деле не мог; вся борьба должна была сосредоточиться у него в голове и в сердце – самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человека борьба, особенно в том возрасте!

Голова ребенка была постоянно занята мыслию об этой борьбе, о своих правах, о бесправии врагов, о том, как дать силу своим правам, доказать бесправие противников, обвинить их. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он с жадностию прочел все, что мог прочесть, изучил священную, церковную, римскую историю, русские летописи, творения святых отцов, но во всем, что ни читал, он искал доказательств в свою пользу; занятый постоянно борьбою, искал средств выйти победителем из этой борьбы, искал везде, преимущественно в Священном Писании, доказательств в пользу своей власти, против беззаконных слуг, отнимавших ее у него. Отсюда будут понятны нам последующие стремления Иоанна, стремления, так рано обнаружившиеся, – принятие царского титула, желание быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском, Август, Константин и Феодосий – на римском; Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

Но, в то время как ум был занят мыслию о правах, дерзко нарушаемых, о средствах, как бы дать окончательное освящение этим правам, дать им совершенную недосягаемость, сердце

волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своих борьбах не щадили друг друга, позволяли себе в его глазах насильственные поступки, Иоанн привык не обращать внимания на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, позволяли ему предаваться чувственным, животным стремлениям, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря, умерщвляя людей, к которым он был привязан, -оскорбляли, таким образом, вдвойне Иоанна: оскорбляли как государя, потому что не слушали его приказаний, оскорбляли как человека, потому что не слушали его просьб; от этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развивались два чувства: презрение к рабам-ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права, и ненависть личная за личные оскорбления, Иоанн в ответном письме к Курбскому так говорит о впечатлениях своего детства: „По смерти матери нашей, Елены, остались мы с братом Георгием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили (т. е. обрели чаемое. -Г. Б.), нашли царство без правителя: об нас, государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего, умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи, иное и себе побрали; а сделал это дед твой – Михайла Тучков".

…Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело, верстали не по достоинству; из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая, на куницах, да и те ветхи; так если б у них было отцовское богатство, то, чем посуду ковать, лучше б шубу переменить. Потом на города и села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям,

исчислить нельзя; подчиненных всех сделали себе рабами, а рабов своих сделали вельможами; думали, что правят и строят, а вместо того везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде".

По словам Курбского, "Иоанна воспитывали великие и гордые бояре на свою и на детей своих беду, стараясь друг перед другом угождать ему во всяком наслаждении и сладострастии. Когда он начал приходить в возраст, был лет двенадцати, то стал прежде всего проливать кровь бессловесных, бросая их на землю с высоких теремов, а пестуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою беду. Когда начал приближаться к пятнадцатому году, то принялся и за людей: собрал около себя толпу знатной молодежи и начал с нею скакать верхом по улицам и площадям, бить, грабить встречавшихся мужчин и женщин, поистине в самых разбойнических делах упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: „О! Храбр будет этот царь и мужествен!"

Если признать верность показаний Курбского, признать, что Иоанн действительно с 12 лет начал обнаруживать дурные наклонности, от которых пестуны не удерживали его, то этот возраст совпадает с правлением Андрея Шуйского и товарищей его.

Прежде, когда Иоанн был еще очень мал, то Шуйские считали ненужным обращать на него большое внимание: князь Иван в его присутствии клал ногу на постель его отца, Тучков пихал ногами вещи его матери, позабывши, что ребенок такие явления помнит лучше, чем взрослый; в это время многое делалось и не так, как хотел ребенок: и платье ему давали дурное, и не давали долго есть. Но когда ребенок стал вырастать, то окружающие переменили обращение с ним; стали готовить в нем себе будущего милостивца, вдруг перестали видеть в нем ребенка, которого еще должно было воспитывать, и начали смотреть на него как на великого князя, которому должно было угождать. Воронцов счел для себя выгодным приобресть расположение тринадцатилетнего государя, и это расположение Шуйские и товарищи их сочли для себя опасным; по всем вероятностям, и сами Шуйские обходились теперь с Иоанном не так, как прежде их старшие: с их ведома пестуны Иоанновы позволяли себе те поблажки, о которых говорит Курбский". Иоанн, как это и следовало ожидать, пытался обрести себя. Для него насущной необходимостью являлось сбросить гнетущее ярмо боярского попечения, обрести хоть некоторую самостоятельность. Он пытается обращаться к боярам с увещаниями, говоря, например, о желании обзавестись супругой (об этом еще пойдет речь) или прямо намекая о желании вступить на царство: "Хочу аз поискати

прежних своих прородителей чинов – и на царство на великое княжение хочу сести". Подобные желания отнюдь не были капризом минуты. Иоанн все тщательно продумывал. Темный и смятенный темперамент Иоанна проявлялся стихийно, но слова его публичных заявления были глубоко и серьезно выношены. Размышлениям он предавался непрестанно и мучительно, изрядно вредя тем самым своему здоровью. Итоги размышлений зачастую были страшны.

У Ключевского читаем об этом следующее:

"В 1546 г., когда ему было 16 лет, среди ребяческих игр он, по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да говорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись. Эта ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению про себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость. Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, уменье направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства. О чем бы он ни размышлял, он подгонял, подзадоривал свою мысль страстью. С помощью такого самовнушения он был способен разгорячить свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия, и тогда с его языка или из под его пера, как от горячего железа под молотком кузнеца, сыпались искры острот, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты".

И вот во время одного из подобных уединенных "помыслов" Иоанн со всей пронзительностью ощутил: лишь боярская кровь, пролитая решительно и неотвратимо, осуществит его заветную мечту стать царем над всей Русью. А уж чью кровь проливать, ему было хорошо известно! Соловьев пишет: "Молодой Великий князь должен был начать свою деятельность нападением на первого вельможу в государстве; понятно, что это нападение будет такое, к каким приучили его Шуйские: 29 декабря 1543 года Иоанн велел схватить первосоветника боярского, князя Андрея Шуйского, и отдать его псарям; псари убили его, волоча к тюрьмам; советников его – князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина, который позволил себе известный нам поступок с митрополитом, и других – разослали. Так свершилось событие для бояр неслыханное. Иоанн впервые решительно выступил против них и преуспел. Отныне правила начинал диктовать он. „Нападение было удачное, враги застигнуты

врасплох, напуганы; с тех пор, говорит летопись, начали бояре от государя страх иметь и послушание" ".

До избрания его царем оставалось менее четырех лет.

Часть 2. Восшествие на престол

Проходит всего год, и Иван уже вовсю входит в роль самодержца, по сути им еще не являясь. Для него становится привычным казнить-миловать. Для Шуйских и их сторонников настали поистине суровые времена.

У Соловьева читаем:

"…опала постигла князя Ивана Кубенского: его сослали в Переяславль и посадили под стражу. Князь Иван Кубенский с братом Михайлом были главами заговора против Бельского и митрополита Иоасафа, в пользу Шуйского; Иван же Кубенский упоминается в числе бояр, бросившихся на Воронцова с Шуйскими. 16 декабря 1544 года был схвачен Кубенский, в мае 1545 был освобожден. 10 сентября Афанасию Бутурлину отрезали язык за невежливые слова; но в следующем месяце – опять опала на князя Ивана Кубенского, князя Петра Шуйского, князя Александра Горбатого, князя Димитрия Палецкого и на Федора Воронцова. Нам не удивительно, что не могли остаться в покое или не умели сдержать своего неудовольствия Шуйские и главные их советники, так много потерявшие при новом порядке вещей, – князь Петр Шуйский, сын прежнего правителя, князя Ивана, князь Кубенский, князь Палецкий, которого имя стоит рядом с именем Кубенского при описании заговора против Бельского и Воронцова; но поражает нас среди этих имен имя Федора Воронцова, подвергшегося опале вместе с заклятыми врагами своими. К счастию, на этот раз летописец объясняет нам дело, и совершенно удовлетворительно.

После казни Андрея Шуйского первым делом Великого князя было возвращение из ссылки Воронцова, который ничего не потерял из прежнего его расположения; возвратившись к двору с торжеством, блистательно отомщенный, Воронцов стал думать, как бы самому занять место Андрея Шуйского, одному управлять всем, одному раздавать все милости именем еще несовершеннолетнего государя: кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно, говорит летописец; сам ли Иоанн заметил эти досады или другие, которым было тесно с Воронцовым, например князья Михаил и Юрий Глинские, дядья государевы, указали ему в Воронцове другого Шуйского, только Воронцов подвергся опале вместе с прежними своими врагами. Но и на этот раз опала продолжалась не более двух месяцев: в декабре 1545 года для отца своего, Макария-митрополита, Великий князь пожаловал бояр своих".

Если внимательно вчитаться в эти строки, сразу же

проявляется одна любопытная и характерная деталь: переменчивость нрава будущего царя. Вначале он благоволит, а потом карает. И подобным образом он будет поступать всю жизнь. В это же время начинает проявляться его легендарная подозрительность.

У Соловьева приводится крайне любопытное для нас свидетельство: "В мае 1546 Великий князь отправился с войском в Коломну по вестям, что крымский хан идет к этим местам. Однажды Иоанн, выехавши погулять за город, был остановлен новгородскими пищальниками, которые стали о чем-то бить ему челом; он не расположен был их слушать и велел отослать.

Летописец не говорит, как посланные Великим князем исполнили его приказание, говорит только, что пищальники начали бросать в них колпаками и грязью; видя это, Иоанн отправил отряд дворян своих для отсылки пищальников, но последние стали сопротивляться и дворянам; те вздумали употребить силу, тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами (т. е. деревянными палицами – дубинами. – Г. Б.), из пищалей стрелять, а дворяне дрались из луков и саблями; с обеих сторон осталось на месте человек по пяти или по шести; Великого князя не пропустили проехать прямо к его стану, он должен был пробираться окольною дорогою.

Легко понять, какое впечатление должно было произвести это происшествие на Иоанна, напуганного в детстве подобными сценами и сохранившего на всю жизнь следствия этого испуга. Но он привык видеть врагов своих, дерзких ослушников своей власти, не в рядах простых ратных людей, и потому сейчас же им овладело подозрение: он велел проведать, по чьей науке пищальники осмелились так поступить, потому что без науки этого случиться не могло. Разузнать об этом он поручил не знатному человеку, но дьяку своему, Василию Захарову, который был у него в приближении; мы видим, следовательно, что Иоанн, подобно отцу, уже начал приближать к себе людей новых, без родовых преданий и притязаний, дьяков. Захаров донес, что пищальников подучили бояре, князь Кубенский и двое Воронцовых, Федор и Василий Михайловичи. Великий князь поверил дьяку и в великой ярости велел казнить Кубенского и двоих Воронцовых как вследствие нового обвинения, так и по прежним их преступлениям, за мздоимство во многих государских и земских делах; людей близких к ним разослали в ссылку".

Правда, здесь же Соловьев указывает: "Летописцы говорят, что дьяк оклеветал бояр. Курбский относит к тем же временам и другие казни". Дьяк, безусловно, мог быть отчасти замешан, но

характер будущего царя уже говорил сам за себя. К тому же времени относится и знаменитый эпизод с женитьбой.

Соловьев пишет: "…13 декабря 1546 года он позвал к себе митрополита и объявил, что хочет жениться; на другой день митрополит отслужил молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже и опальных, и со всеми отправился к Великому князю, который сказал Макарию: „Милостию Божиею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал; если я приведу себе жену из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет; поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого Бог благословит, по твоему благословению".

Митрополит и бояре, говорит летописец, заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем ни с кем не советуется.

Но молодой Иоанн тут же удивил их еще другою речью: „По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш Великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились; и я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть". Бояре обрадовались, что государь в таком еще младенчестве, а прародительских чинов поискал. Но, конечно, всего более удивились они (а некоторые, как увидим из писем Курбского, не очень обрадовались) тому, что шестнадцатилетний Великий князь с этих пор внутри и вне государства принял титул, которого не решались принять ни отец, ни дед его, – титул царя. 16 января 1547 года совершено было царское венчание, подобное венчанию Димитрия-внука при Иоанне III".

Это было действительно царское венчание. Вся церемония была тщательно подготовлена самим митрополитом. Именно ему было суждено возложить на Иоанна знаки царского достоинства – крест Животворящего Древа, бармы (шитое золотом широкое оплечье с изображениями религиозного характера) и шапку Мономаха (после этого Иоанн Васильевич был помазан миром, а затем митрополит благословил царя).

Между тем еще в декабре разосланы были по областям, к

князьям и детям боярским, грамоты: "Когда к вам эта наша грамота придет и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили б. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу".

Ларец-ковчег для хранения грамоты об утверждении на царство Ивана IV. Художник Ф. Г. Солнцев. Россия, фабрика Ф. Шопена. 1848-53 гг. Бронза, литье, золочение, серебрение, чеканка

Да, поистине: царственный сын вполне достоин своего отца! Некогда, как уже упоминалось ранее, Василий III приказал доставить ему со всей России 1500 самых пригожих девиц для избрания среди них своей первой супруги. Схожим образом поступил в свой черед и Иоанн Васильевич. Не иначе как генетика! Ее законы безоговорочно распространяются как на простых смертных, так и на царей. Кто же в итоге явился избранницей Иоанна? Ею стала Анастасия, дочь покойного (скончался в 1543 году) Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, по сути, родоначальника династии Романовых, чей брат, боярин Михаил Юрьевич, кстати, был весьма близок к Великому князю Василию. И так уж вот получилось, что Анастасия стала первой русской царицей. Миниатюрная черноокая брюнетка, она славилась своей ослепительной красотой, но еще более – благородным и великодушным нравом. Она неуклонно пеклась об участи тех, кто беден и угнетен, стремилась помогать им всеми силами. События, последовавшие за бракосочетанием, в известной мере определили и течение самой супружеской жизни Иоанна. Все началось за здравие, а кончилось… за упокой! А произошло и впрямь что-то странное.

У Соловьева читаем: "3 февраля была царская свадьба; 12 апреля вспыхнул сильный пожар в Москве; 20 числа – другой; 3 июня упал большой колокол – благовестник; 21 – новый страшный пожар, какого еще никогда не бывало в Москве; загорелась церковь Воздвижения на Арбате при сильной буре; огонь потек, как молния, спалил на запад все, вплоть до Москвы-реки у Семчинского сельца; потом буря обратилась на Кремль, вспыхнул верх Успенского собора, крыши на царском дворе, казенный двор, Благовещенский собор; сгорела Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казною, двор митрополичий, по каменным церквам сгорели иконостасы и людское добро, которое продолжали и в это время прятать по церквам. В Успенском соборе уцелел иконостас и все сосуды церковные; митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе, он вышел из него, неся образ Богородицы, написанный митрополитом Петром, за ним шел протопоп и нес церковные правила. Макарий ушел было сначала на городскую стену, на тайник, проведенный к Москве-реке, но здесь не мог долго оставаться от дыма; его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался, и митрополит сильно расшибся, едва мог прийти в себя и был отвезен в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри – Чудов и Вознесенский – сгорели; в Китае сгорели все лавки с товарами и все дворы, за городом – большой посад по Неглинной, Рождественка – до Никольского Драчевского монастыря; по Мясницкой пожар шел до церкви Святого Флора, на Покровке – до церкви Святого Василия, народу сгорело 1700 человек".

Иоанн Грозный и иерей Сильвестр во время Большого московского пожара 24 июня 1547 г. Худ. П. Ф. Плешанов

Царь, чье настроение испортилось вконец, а душевный покой испарился, предпочел покинуть Москву и отправиться в село Воробьево. Помимо супруги и брата, его сопровождали самые доверенные бояре.

Впоследствии сам Иоанн признал, как потрясло его зрелище московских пожаров: "Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости моей. Прежде всего смирил меня Бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая вид, что мне доброхотствуют, а на самом деле доискиваясь самовластия, в помрачении ума своего дерзнули схватить и умертвить братьев отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владели царством; по моим грехам, сиротству и молодости много людей погибло в междоусобной брани, а я возрастал в небрежении, без наставлений, навык злокозненным обычаям боярским и с того времени до сих пор сколько согрешил я перед Богом и сколько казней послал на нас Бог! Мы не раз покушались отомстить врагам своим, но все безуспешно; не понимал я, что Господь наказывает меня великими казнями, и не покаялся, но сам угнетал бедных христиан всяким насилием.

Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой, умилился я и познал свои согрешения: выпросив прощение у духовенства, дал прощение князьям и боярам… "

Впрочем, в Воробьево Иоанн оставался недолго. Он не мог отогнать от себя мысли о том, что происшедшая катастрофа – недоброе знамение, тень которого падает на его женитьбу.

Уже буквально на следующий же день он "… поехал с боярами в Новоспасский монастырь навестить митрополита. Здесь царский духовник, благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Челяднин начали говорить, что Москва сгорела волшебством: чародеи вынимали сердца человеческие, мочили их в воде, водою этою кропили по улицам – от этого Москва и сгорела. Царь велел разыскать дело; розыск произвели таким образом: 26 числа, в воскресенье, на пятый день после пожара, бояре приехали в Кремль, на площадь к Успенскому собору, собрали черных людей и начали спрашивать: кто зажигал Москву? В толпе закричали: „Княгиня Анна Глинская с своими детьми волхвовала: вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездя по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела!" Черные люди говорили это потому, что Глинские были у государя в приближении и жаловании, от людей их черным людям насильство и грабеж, а Глинские людей своих не унимали.

Конюший боярин, князь Михайла Васильевич Глинский, родной дядя царский, был в это время с матерью во Ржеве, полученном от царя в кормление; но брат его, князь Юрий, был в Москве и стоял вместе с боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себе и о матери своей такие речи в народе, он понял, что его может постигнуть, и ушел в Успенский собор, но бояре, злобясь на Глинских как на временщиков, напустили чернь: та бросилась в Успенский собор, убила Глинского, выволокла труп его из Кремля и положила перед торгом, где казнят преступников. Умертвивши Глинского, чернь бросилась на людей его, перебила их множество, разграбила двор; много погибло тут и неизвестных детей боярских из Северской страны, которых приняли за людей Глинского.

Но одного Глинского было мало; на третий день после убиения князя Юрия толпы черни явились в селе Воробьеве у дворца царского с криком, чтоб государь выдал им бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ее, князя Михаила, которые будто спрятаны у него в покоях; Иоанн в ответ велел схватить крикунов и казнить; на остальных напал страх, и они разбежались

по городам. Виновниками восстания против Глинских, главными наустителями черни летописец называет благовещенского протопопа Федора Бармина, князя Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григория Юрьевича Захарьина, Федора Нагого. В малолетство Иоанна Шуйские и приятели их сами управлялись с людьми себе враждебными; но когда Иоанн вырос, когда казнь Андрея Шуйского, Кубенского, Воронцова показала им невозможность дальнейшего самоуправства, то они начали действовать против приближенных к царю людей – Глинских не непосредственно, а посредством народа.

В восстании против Глинских мы видим главных советников Андрея Шуйского, которые после казни его были сосланы, но потом возвращены в Москву: князя Федора Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина; но они теперь уже так слабы, что не могут действовать одни и действуют в союзе с приближенными к Иоанну людьми, которые враждебно столкнулись с Глинскими в борьбе за влияние на волю молодого царя: Шуйский и Темкин действуют вместе с духовником царским, Барминым, и дядею царицы, Григорием Захарьиным.

Виновники событий 26 июня умели закрыть себя и достигли своей цели относительно Глинских: оставшийся в живых князь Михайла Васильевич Глинский не только потерял надежду восторжествовать над своими врагами, но даже отчаялся в собственной безопасности и вместе с приятелем своим, князем Турунтаем-Пронским, побежал в Литву; но беглецы были захвачены князем Петром Шуйским, посидели немного под стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бежать по неразумию, испугавшись судьбы князя Юрия Глинского. Могущество Глинских рушилось, но его не наследовали знатные враги их: полною доверенностию Иоанна, могущественным влиянием на внутренние дела начинают пользоваться простой священник Благовещенского собора Сильвестр и ложничий царский Алексей Федоров Адашев, человек очень незначительного происхождения".

Сильвестр оказался первым человеком, что смог оказать на Иоанна благое влияние. Особенно же оно упрочилось после того, как Иоанн стал царем. Сильвестру действительно удалось до некоторой степени смягчить нрав Великого князя. По его просьбе вновь испеченный царь Иоанн подчас даже дарил помилование опальным боярам! Не будет преувеличением сказать, что Сильвестр смог пробудить в Иоанне дремавшие доселе нравственные начала. Впрочем, Грозный на тот момент еще не был конченым человеком. У Соловьева есть интересная запись:

"…не ранее двадцатого года вследствие естественного развития молодой царь нашел в себе силы окончательно порешить с прошедшим, которое сильно тяготило его. Естественным следствием живости, страстности природы в Иоанне было неуменье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким уменьем поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковном соборе, с отъехавшим боярином или с послами иностранными, отчего получил прозвание в словесной премудрости ритора.

Несчастное положение Иоанна с самого детства заставляло его постоянно защищать себя в собственных глазах и пред другими людьми – отсюда его речи и письма обыкновенно или защитительные, в свою пользу, или обвинительные, против врагов своих. Раздражительная, страстная природа и несчастные обстоятельства увлекли его к страшным крайностям, но при этом сознание своего падения никогда не умирало в нем – отсюда это постоянное желание защитить себя, обвинить других в собственном падении.

Теперь он хотел защитить себя пред народом, сложить вину всего прошедшего зла на людей, которых он не переставал называть своими врагами, как мы видели из речи его на соборе. Прежде он хотел мстить им опалами и казнями; теперь, при новом настроении, он хочет торжественно объявить их вину. На двадцатом году возраста своего, видя государство в великой тоске и печали от насилия сильных и от неправд, умыслил царь привести всех в любовь. Посоветовавшись с митрополитом, как бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказал он собрать свое государство из городов всякого чина.

Когда выборные съехались, Иоанн в воскресный день вышел с крестами на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту: „Молю тебя, святый владыко! Будь мне помощник и любви поборник; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери – осьми; родственники о мне не брегли (т. е. не заботились. – Г. Б.), а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись, аз же яко глух и не слышах и не имый в устах своих обличения по молодости моей и беспомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего".

Поклонившись на все стороны, Иоанн продолжал: „Люди Божии и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". В это время расположение царя к Алексею Адашеву достигло высшей степени: в тот самый день, в который говорена была речь к народу, Иоанн пожаловал Адашева в окольничие и при этом сказал ему: „Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей для помощи души моей; хотя твоего желания и нет на это, но я тебя пожелал, и не одного тебя, но и других таких же, кто б печаль мою утолил и на людей, врученных мне Богом, призрел. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клевещущего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым, но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия; избери судей правдивых от бояр и вельмож".

Говорил он это с прощением, прибавляет известие, и с тех пор начал сам судить многие суды и разыскивать праведно. Так кончилось правление боярское".

Да, это свершилось.

Наконец!

Иоанну теперь никто не осмеливался указывать, что делать. Явившись самодержцем, он отныне вершил все исключительно своей волей.

Этому важнейшему событию в жизни Иоанна Грозного маститый русский историк В. Ключевский предпосылает очень любопытный комментарий: "Иван рано и много, раньше и больше, чем бы следовало, стал думать своей тревожной мыслью о том, что он государь московский и всея Руси. Скандалы боярского правления постоянно поддерживали в нем эту думу, сообщали ей тревожный, острый характер. Его сердили и обижали, выталкивали из дворца и грозили убить людей, к которым он привязывался, пренебрегая его детскими мольбами и слезами, у него на глазах выказывали непочтение к памяти его отца, может быть, дурно отзывались о покойном в присутствии сына. Но этого

сына все признавали законным государем; ни от кого не слыхал он и намека на то, что его царственное право может подвергнуться сомнению, спору. Каждый из окружающих, обращаясь к Ивану, называл его великим государем; каждый случай, его тревоживший или раздражавший, заставлял его вспоминать о том же и с любовью обращаться к мысли о своем царственном достоинстве как к политическому средству самообороны. Ивана учили грамоте, вероятно, так же, как учили его предков, как вообще учили грамоте в Древней Руси, заставляя твердить Часослов и Псалтырь с бесконечным повторением задов, прежде пройденного. Изречения из этих книг затверживались механически, на всю жизнь врезывались в память.

Кажется, детская мысль Ивана рано начала проникать в это механическое зубрение Часослова и Псалтыря. Здесь он встречал строки о царе и царстве, о помазаннике Божием, о нечестивых советниках, о блаженном муже, который не ходит на их совет, и т. п. С тех пор как стал Иван понимать свое сиротское положение и думать об отношениях своих к окружающим, эти строки должны были живо затрагивать его внимание. Он понимал эти библейские афоризмы по-своему, прилагая их к себе, к своему положению. Они давали ему прямые и желанные ответы на вопросы, какие возбуждались в его голове житейскими столкновениями, подсказывали нравственное оправдание тому чувству злости, какое вызывали в нем эти столкновения. Легко понять, какие быстрые успехи в изучении Святого Писания должен был сделать Иван, применяя к своей экзегетике такой нервный, субъективный метод, изучая и толкуя слово Божие под диктовку раздраженного, капризного чувства. С тех пор книги должны были стать любимым предметом его занятий. От Псалтыря он перешел к другим частям Писания, перечитал много, что мог достать из тогдашнего книжного запаса, вращавшегося в русском читающем обществе. Это был начитаннейший москвич XVI в. Недаром современники называли его „словесной мудрости ритором".

О богословских предметах он любил беседовать, особенно за обеденным столом, и имел, по словам летописи, особливую остроту и память от Божественного Писания. Раз в 1570 г. он устроил в своих палатах торжественную беседу о вере с пастором польского посольства чехом евангеликом Рокитой в присутствии посольства, бояр и духовенства. В пространной речи он изложил протестантскому богослову обличительные пункты против его учения и приказал ему защищаться „вольно и смело", без всяких опасений, внимательно и терпеливо выслушал защитительную речь пастора и после написал на нее пространное опровержение,

до нас дошедшее. Этот ответ царя местами отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идет прямым логическим путем, натолкнувшись на трудный предмет, туманится или сбивается в сторону, но порой обнаруживает большую диалектическую гибкость. Тексты Писания не всегда приводятся кстати, но очевидна обширная начитанность автора не только в Писании и отеческих творениях, но и в переводных греческих хронографах, тогдашних русских учебниках всеобщей истории. Главное, что читал он особенно внимательно, было духовного содержания; везде находил он и отмечал одни и те же мысли и образы, которые отвечали его настроению, вторили его собственным думам. Он читал и перечитывал любимые места, и они неизгладимо врезывались в его память.

Не менее иных нынешних записных ученых Иван любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати. В первом письме к князю Курбскому он на каждом шагу вставляет отдельные строки из Писания, иногда выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков или апостольских посланий и очень часто без всякой нужды искажает библейский текст. Это происходило не от небрежности в списывании, а от того, что Иван, очевидно, выписывал цитаты наизусть.

Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер. Впрочем, по его сочинениям можно с некоторой точностью восстановить ход его политического самовоспитания. Его письма к князю Курбскому – наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний.

Попробуйте бегло перелистать его первое длинное предлинное послание – оно поразит вас видимой пестротой и беспорядочностью своего содержания, разнообразием книжного материала, кропотливо собранного автором и щедрой рукой рассыпанного по этим нескончаемым страницам. Чего тут нет, каких имен, текстов и примеров! Длинные и короткие выписки из Святого Писания и отцов Церкви, строки и целые главы из ветхозаветных пророков – Моисея, Давида, Исайи, из новозаветных церковных учителей – Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, образы из классической мифологии и эпоса – Зевс, Аполлон, Антенор, Эней – рядом с библейскими именами Иисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Иевффая, бессвязные эпизоды из еврейской, римской, византийской истории и даже из истории западноевропейских

народов со средневековыми именами „Зинзириха" вандальского, готов, савроматов, французов, вычитанными из хронографов, и, наконец, порой невзначай брошенная черта из русской летописи, – и все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, с калейдоскопической пестротой, без видимой логической последовательности, всплывает и исчезает перед читателем, повинуясь прихотливым поворотам мысли и воображения автора, и вся эта, простите за выражение, ученая каша сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посолена тонкой иронией или жестким, иногда метким сарказмом.

Какая хаотическая память, набитая набором всякой всячины, - подумаешь, перелистав это послание. Недаром князь Курбский назвал письмо Ивана бабьей болтовней, где тексты Писания переплетены с речами о женских телогреях и о постелях. Но вникните пристальнее в этот пенистый поток текстов, размышлений, воспоминаний, лирических отступлений, и вы без труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходит по всем этим, видимо столь нестройным, страницам.

С детства затверженные автором любимые библейские тексты и исторические примеры все отвечают на одну тему, все говорят о царской власти, о ее божественном происхождении, о государственном порядке, об отношениях к советникам и подданным, о гибельных следствиях разновластия и безначалия. Несть власти, аще не от Бога. Всяка душа властем предержащим да повинуется. Горе граду, им же градом мнози обладают и т. п.

Упорно вчитываясь в любимые тексты и бесконечно о них размышляя, Иван постепенно и незаметно создал себе из них идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхать от житейских страхов и огорчений. Он с любовью созерцал эти величественные образы ветхозаветных избранников и помазанников Божиих – Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но в этих образах он, как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия. Понятно, что он залюбовался собой, что его собственная особа в подобном отражении представилась ему озаренною блеском и величием, какого и не чуяли на себе его предки, простые московские князья-хозяева.

Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия. Это было для него политическим откровением, и с той поры его царственное „я" сделалось для него

предметом набожного поклонения. Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти. Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: „Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по Божию изволению, а не по многомятежному человеческому хотению" ".

Часть 3. Начало правления

На тот момент у России был один по-настоящему реальный противник. Крымское ханство (наряду с казанскими татарами). Правда, еще имелась Литва, но король литовский Сигизмунд-Август тогда уже достиг весьма преклонного возраста. У него не было необходимой жизненной энергии, для того чтобы решиться на открытое военное противостояние. Его вполне устраивало перемирие, однако это не мешало ему интриговать. Он просто из кожи вон лез, пытаясь подбить крымского хана напасть на Русь. Кроме того, Сигизмунд-Август явно предпочитал быть в готовности на случай начала военных действий. Следует отметить, что у его интриганства была еще одна, притом весьма существенная причина: крымский хан мог вполне двинуть на Литву, соблазняясь более легкой добычей. Чтобы предотвратить подобное, все средства были хороши. Вот король Сигизмунд и старался.

"Готовясь на всякий случай к войне с Москвою, – пишет Соловьев, – Сигизмунд не переставал сноситься с Крымом, где за него, против Москвы действовал Семен Бельский. Осенью 1540 года Бельский писал королю, что он успел отвратить поход крымцев на Литву и взял с хана клятву, что весною пойдет на Москву. Король благодарил за это своего верного и доброго слугу и послал ему сто коп грошей, да королева от себя – некоторую сумму денег.

В июле 1541 года Бельский писал Сигизмунду: „Весною рано хан не мог идти на Москву, потому что захворал; когда, выздоровевши, хотел выехать, пришли все князья и уланы и начали говорить, чтоб царь не ездил на Москву, потому что там собрано большое войско. Услыхавши это, я взял с собою троих вельмож, которые вашей милости служат, и просил царя, чтоб ехал на неприятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взял на свою шею, не жалея горла своего, чтоб только оказать услугу вашей королевской милости. А перед выездом нашим приехали к нам послы от великого князя московского, от братьев моих, и от митрополита, и от всей Рады и листы присяжные привезли с немалыми подарками, прося нас, чтоб мы не поднимали царя на Москву, а князь Великий и вся земля отдаются во всем в нашу волю и опеку, пока Великий князь не придет в совершенные лета. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни в какие сношения с Великим князем московским".

Понятно, какое впечатление должно было произвести это

хвастовство на умного Сигизмунда. Бельский узнал, что при дворе королевском смеются над опекуном Великого князя московского, и писал опять к Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писал, что три раза поднимал ногаев на Москву, поднял крымского хана и повоевал Московское государство, выпленил, выпалил, вывел людей, вынес добро, вред большой наделал, города побрал, выпалил, выграбил, пушки побрал, на двух местах войско московское поразил, великого князя московского и его бояр из Москвы выгнал".

Московские правители отнюдь не желали осложнять отношения с Крымом, подчас идя на поводу у хана Саип-Гирея. Как известно, подчас худой мир гораздо предпочтительнее доброй войны. Русскому государству, раздираемому междоусобными конфликтами, было совершенно не с руки сражаться с неисчислимой крымской ратью. Однако если Москва стремилась к миру, то Крым желал обратного: "…получивши от Иоанна грамоту с изложением прав московских государей на Казань, Саип задержал великокняжеского гонца, отправленного к молдавскому господарю, и писал к Иоанну: „Государского обычая не держал твой отец, ни один государь того не делывал, что он: наших людей у себя побил. После, два года тому назад, посылал я в Казань своих людей; твои люди на дороге их перехватали да к себе привели, и твоя мать велела их побить. У меня больше ста тысяч рати: если возьму в твоей земле по одной голове, то сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка? Вот я иду, ты будь готов; я украдкою нейду. Твою землю возьму, а ты захочешь мне зло сделать – в моей земле не будешь". Бояре определили послать в Крым окольничего Злобина с хорошими поминками, чтоб склонить хана к принятию прежних условий относительно Казани, т. е. что великий князь не будет трогать Казани, но чтоб Сафа-Гирей оставался московским подручником.

Узнавши об этом, хан прислал в Москву большого посла, Дивия-мурзу, и писал в грамоте: „Что ты отправил к нам большого своего посла, Степана Злобина, с добрыми поминками, то помоги тебе Бог, мы этого от тебя и ждали". Хан требовал, чтоб Великий князь наперед дал клятву в соблюдении союза перед Дивием-мурзою, а потом прислал бы своего большого посла взять шерть (т. е. клятву. – Г. Б.) с него, хана; мир Москвы с Казанью поставлен был необходимым условием союзного договора. В другой грамоте хан писал, кому надобно присылать поминки: „Карачей своих я написал с братьею и детьми, а кроме этих наших уланов и князей написал еще по человеку от каждого рода, сто двадцать четыре человека, которые при нас, да Калгиных

пятьдесят человек: пятьдесят человек немного, вели дать им поминки – и земля твоя в покое будет, и самому тебе не кручинно будет".

Злобин взял у хана шертную грамоту, но когда ее привезли в Москву, то бояре увидали, что она написана не так, именно: в ней было обозначено, какие поминки великий князь постоянно должен был присылать в Крым, на что московское правительство, как мы видели, никогда не хотело согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью.

Для окончательного решения дела в Москву был прислан большой посол, Сулеш-мурза, сын Магмедина, племянник Аппака, родовой доброжелатель московский. Сулеш согласился, чтоб грамота была переписана в том виде, в каком хотели ее бояре, и отправлена к хану с требованием новой шерти. Хан в ответ прислал грамоту с непригожими словами, писал, что Великий князь молод, в несовершенном разуме; вследствие этого, когда Сулеш стал проситься домой, то бояре велели отвечать ему: „Положи на своем разуме, с чем тебя государю отпустить! царь такие непригожие речи к государю писал в своей грамоте; и государю что к царю приказать: бить ли челом или браниться? Государь наш хочет быть с ним в дружбе и в братстве, но поневоле за такие слова будет воевать".

Хан не довольствовался одними непригожими речами: крымцы опустошили каширские и ростовские места. Когда в Москве узнали об этом, то у Сулеша взяли лошадей и приставили к нему стражу, а гонца ханского Егупа с товарищами роздали по гостям; но когда языки, взятые у татар, объявили, что хан нарочно послал рать, чтоб великий князь положил опалу на Сулеша, на которого Саип сердился за согласие переписать шертную грамоту с выпуском статьи о поминках, то Великий князь приговорил с боярами пожаловать Сулеша, тем более что он был сын и племянник всегдашних московских доброжелателей.

Между тем казанцы, надеясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничные области московские. В 1539 году они подходили к Мурому и Костроме; в упорном бою, происходившем ниже Костромы, убили четверых московских воевод, но сами принуждены были бежать и потерпели поражение от царя Шиг-Алея и князя Федора Михайловича Мстиславского. В декабре 1540 года Сафа-Гирей с казанцами, крымцами и ногаями подступил к Мурому, но, узнав о движении владимирских воевод и царя Шиг-Алея из Касимова, ушел назад.

Сафа-Гирей был обязан казанским престолом князю Булату, но существовала сторона, противная крымской, как мы видели. Сначала эта сторона была слаба и не могла надеяться на

деятельные движения со стороны Москвы, но чрез несколько лет обстоятельства переменились: Сафа-Гирей окружил себя крымцами, им одним доверял, их обогащал. Это оттолкнуло от него и тех вельмож, которые прежде были на стороне крымской; Булат теперь стал в челе недовольных и от имени всей Казанской земли прислал в Москву с просьбою, чтоб великий князь простил их и прислал под Казань воевод своих: „А мы Великому князю послужим, царя убьем или схватим да выдадим воеводам; от царя теперь казанским людям очень тяжко: у многих князей ясаки отнимал да крымцам отдал; земских людей грабит; копит казну да в Крым посылает" (1541 г.)".

Великий князь отвечал Булату и всей земле, что прощает их и посылает к ним воевод. Действительно, бывший перед тем правитель, боярин князь Иван Васильевич Шуйский, с другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городовыми из 17 городов, отправился во Владимир с поручением наблюдать за ходом дел казанских, пересылаться с недовольными. Зная, что война с Казанью, с Сафа-Гиреем есть вместе и война с Крымом, правительство, т. е. князь Иван Бельский и митрополит Иоасаф, отправили войска и в Коломну для наблюдения за южными границами. Их предусмотрительность оправдалась: прибежали в Москву из Крыма двое пленных и сказали, что Сафа-Гирей сведал о движении русского войска и дал знать об этом Саип-Гирею. Последний начал наряжаться на Русь, повел с собою всю Орду, оставил в Крыму только старого да малого. С ним вместе шел князь Семен Бельский, турецкого султана люди с пушками и пищалями, ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, белогородцы, аккерманцы. Пошел хан на Русь с великою похвальбою…

Однако этот поход не увенчался успехом. Русь сплотилась и не дрогнула.

У Соловьева сказано: "Великий князь (Василий III, отец Иоанна) писал к воеводам, чтобы между ними розни не было и, когда царь переправится за реку, чтоб за святые церкви и за православное христианство крепко пострадали, с царем дело делали, а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их; которого же Бог возьмет, того велит в помянник записать, а жен и детей будет жаловать. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить со слезами: „Укрепимся, братья, любовию, помянем жалование Великого князя Василия; государю нашему Великому князю Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще мал. Послужим государю малому и от большого честь примем, а после нас и дети наши; постраждем за государя и за веру христианскую; если Бог желание наше исполнит, то мы не только здесь, но и в дальних странах славу получим. Смертные

мы люди: кому случится за веру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будет, а детям нашим от государя воздаяние будет". У которых воевод между собою были распри, и те начали со смирением и со слезами друг у друга прощения просить. Когда же князь Димитрий Бельский и другие воеводы стали говорить приказ великокняжеский всему войску, то ратные люди отвечали: „Рады государю служить и за христианство головы положить, хотим с татарами смертную чашу пить". Саип-Гирей, неожиданно для себя столкнувшись с единым монолитом русского воинства, почел за благо отступить. "Пленные рассказывали, будто царь жаловался своим князьям на бесчестие, какое он получил: привел с собою много людей, а Русской земле ничего не сделал. Князья напомнили ему о Тамерлане, что приходил на Русь с большими силами и взял только один Елец…"

Василий III Иоаннович

Однако татары на то и татары, чтобы вновь и вновь предпринимать атаки на Русь.

"Весною следующего же, 1542 года, – продолжает свое повествование Соловьев,- старший сын Саипов, Имин-Гирей, напал на Северскую область, но был разбит воеводами; в августе того же года крымцы явились в Рязанской области, но, увидав пред собою русские полки под начальством князя Петра Пронского, дрогнули, пошли назад; воеводы из разных украинских городов провожали их до Мечи, причем на Куликовом поле русские сторожа побили татарских. Счастливее был Имин-

Гирей в нападении своем на белевские и одоевские места в декабре 1544 года: тут его татары ушли с большим полоном, потому что трое воевод – князья Щенятев, Шкурлятев и Воротынский – рассорились за места и не пошли против крымцев.

Хан писал Великому князю: „Король дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться – и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее?"

Иоанн рассудил, что нет никакой прибыли продолжать сношения с разбойниками, и приговорил: своего посла в Крым не посылать, а на крымских послов опалу положить, потому что крымский царь посланного к нему подьячего Ляпуна опозорил: нос и уши ему зашивали и, обнажа, по базару водили, на гонцах тридевять поминков берут и теперь московских людей 55 человек себе похолопили".

После этого ни о каком мире, конечно же, не могло быть и речи!

Все, равно как и сам Иоанн, понимали, что Казань необходимо вернуть, а с Крымом покончить. Иоанн наверняка сознавал: хотя он и сумел внушить боярам, что время их владычества закончилось, но на этом ему никак не следует останавливаться. Ведь, в сущности, важен не столько триумф, сколько возможность его сохранить. Поэтому весной (в апреле) 1545 года Великим князем был объявлен поход на Казань (он еще не знал тогда, что начинает активное противостояние, которое растянется на годы). Иоанну удалось привлечь изрядные силы для этого похода, причем вот что характерно: брать Казань отправились не одни лишь москвичи. У Соловьева сказано: "Князь Семен Пунков, Иван Шереметев и князь Давид Палецкий отправились к Казани легким делом на стругах, с Вятки пошел князь Василий Серебряный, из Перми – воевода Львов. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побил много неприятелей и сошелся с Пунковым у Казани в один день и час, как будто пошли из одного двора. Сошедшись, воеводы побили много казанцев и пожгли ханские кабаки, посылали детей боярских на Свиягу и там побили много людей. После этих незначительных подвигов они возвратились назад и были щедро награждены: кто из воевод и детей боярских ни бил о чем челом, все получили по челобитью – так обрадовался молодой великий князь, что дело началось удачно, два ополчения возвратились благополучно. Не такова была судьба третьего: Львов с пермичами пришел поздно, не застал под Казанью русского войска, был окружен казанцами,

разбит и убит".

Ну что ж, недаром говорят, что в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя. Несмотря на то что финал похода был трагически смазан, его значение для Иоанна была крайне важным. Вопреки ожиданиям своих недругов из бояр, Иоанн, практически не имевший специального опыта, сумел собрать серьезную рать и осуществил, пусть, может, и не совершенно успешный поход, но все-таки вполне триумфальный. Причем речь в данном случае идет больше о его последствиях. Крымский хан был невероятно изумлен как внезапностью наступления русских, так и гибелью многих своих людей. Он был просто не в состоянии поверить, что военная удача на сей раз была на стороне Руси. А раз так, заключил Сафа-Гирей, ему следует искать изменников среди своих.

Татары всегда славились быстротой решений (особенно при совершении карательных действий). Хан не составлял исключения. Тотчас же полетели головы с плеч многих влиятельных татарских князей. Убоявшись грозящей им участи, уцелевшие татарские князья дерзнули пойти… на предательство (случай для татар поистине беспримерный!).

У Соловьева читаем: "…многие из них поехали в Москву к Великому князю, а другие разъехались по иным землям, и 29 июля двое вельмож, Кадыш-князь да Чура Нарыков, прислали в Москву с просьбою, чтоб Великий князь послал рать свою к Казани, а они Сафа-Гирея и его крымцев 30 человек выдадут. Иоанн отвечал им, чтоб они царя схватили и держали, а он к ним рать свою пошлет. В декабре Великий князь сам отправился во Владимир, вероятно, для того, чтоб получать скорее вести из Казани; действительно, 17 января 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнан из Казани и много крымцев его побито. Казанцы били челом государю, чтоб их пожаловал, гнев свой отложил и дал им в цари Шиг-Алея. В июне боярин князь Дмитрий Бельский посадил Шиг-Алея в Казани. Но изгнание Сафа-Гирея и посажение Шиг-Алея было делом только одной стороны, и едва князь Бельский успел возвратиться из Казани, как оттуда пришла весть, что казанцы привели Сафа-Гирея на Каму, великому князю и царю Шиг-Алею изменили; и Шиг-Алей убежал из Казани, на Волге взял он лошадей у городецких татар и поехал степью, где встретился с русскими людьми, высланными к нему Великим князем.

Крымская сторона восторжествовала, и первым делом Сафа-Гирея было убиение предводителей стороны противной: убиты были князья Чура, Кадыш и другие; братья Чуры и еще человек семьдесят московских или Шиг-Алеевых доброжелателей успели

спастись бегством в Москву. Чрез несколько месяцев прислала горная черемиса бить челом великому князю, чтоб послал рать на Казань, а они хотят служить государю, пойдут вместе с воеводами.

Вследствие этого челобитья отправился князь Александр Борисович Горбатый и воевал до Свияжского устья, привел в Москву сто человек черемисы. В конце 1547 года новый царь московский решился сам выступить в поход против Казани: в декабре он выехал во Владимир, приказавши везти туда за собою пушки; они были отправлены уже в начале января 1548 года с большим трудом, потому что зима была теплая, вместо снега шел все дождь.

Когда в феврале сам Иоанн выступил из Нижнего и остановился на острове Роботке, то наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водою, много пушек и пищалей провалилось в реку, много людей потонуло в продушинах, которых не видно было под водою. Три дня стоял царь на острове Роботке, ожидая пути, но пути не было; тогда, отпустивши к Казани князя Дмитрия Федоровича Бельского и приказавши ему соединиться с Шиг-Алеем в устье Цивильском, Иоанн возвратился в Москву в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить похода. Эти слезы замечательны: они не были следствием только семнадцатилетнего возраста; они были следствием природы Иоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бельский соединился с ШигАлеем, и вместе подошли к Казани; на Арском поле встретил их Сафа-Гирей, но был втоптан в город передовым полком, находившимся под начальством князя Семена Микулинского.

Семь дней после того стояли воеводы подле Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши из знатных людей убитым Григория Васильевича Шереметева. Осенью казанцы напали на Галицкую волость под начальством Арака-Богатыря, но костромской наместник Яковлев поразил их наголову и убил Арака. В марте 1549 года пришла весть в Москву о смерти Сафа-Гирея".

Принципиальное отличие боярской стратегии от тактики, проявленной Иоанном, очевидно. Бояре предпочитали выжидать, были готовы на любые унижения, лишь бы сохранялась некая видимость мира. Не взойди Иоанн на трон, немало исконно русских территорий сделались бы добычей степных захватчиков. Однако, еще даже не став царем, Иоанн продемонстрировал со всей очевидностью, что выжидательная тактика – не его конек. Он предпочитал нападать, ошеломлять внезапностью наступления и добиваться победы. Подчас природная стихия препятствовала ему

достигать намеченного в полной мере, но это лишь вносило дополнительные коррективы, не отменяя сам план разгрома вражеских сил.

Если бояре, заботясь единственно о своем личном благе, грабили и притесняли своих людей, потворствовали татарам и позволили воцариться горестному опустошению не только в приграничных областях, но и в глубине страны, Иоанн стал коренным образом менять положение вещей.

Впрочем, в силу своей непостижимой, болезненной природы, молодой царь нередко вел себя ничем не лучше столь ненавидимых им бояр, разорявших вверенные им вотчины.

В качестве примера можно привести хотя бы такой эпизод: "В конце 1546 года, в одну из любимых поездок своих по монастырям, Иоанн заехал на короткое время во Псков: Печерскому монастырю дал много деревень, но свою отчину, Псков, не управил ни в чем, говорит летописец, только все гонял на ямских и христианам много убытка причинил. Летом 1547 года 70 человек псковичей поехали в Москву жаловаться на наместника; поступок с ними молодого царя показывает привычку Иоанна давать волю своему сердцу: жалобщики нашли Иоанна в селе Островке; неизвестно, чем они рассердили его, только он начал обливать их горячим вином, палил бороды, зажигал волосы свечою и велел покласть их нагих на землю; дело могло кончиться для них очень дурно, как вдруг пришла весть, что в Москве упал большой колокол; царь поехал тотчас в Москву, и жалобщики остались целы".

Между тем война с Крымом продолжалась. Смерть прежнего хана не положила конец вооруженному противостоянию. Татары сделали ханом малолетнего Утемиша, сына Сафа-Гирея. Теперь уже они отчаянно нуждались в мире с Русью. Иоанн прекрасно понимал это, а потому обходился с татарскими послами соответствующим образом.

Соловьев пишет: "Казанцы понимали невыгоду своего положения и потому отправили послов в Крым просить помощи у взрослого царя, но московские казаки побили этих послов и ярлыки их переслали в Москву. В июле 1549 года казанцы прислали к Иоанну грамоту, писали от имени Утемиш-Гирея о мире; царь отвечал, чтоб прислали для переговоров добрых людей. Добрые люди не являлись…"

Оно и понятно.

Иоанн Грозный. Рисунок в Казанской летописи

Карта Московии, выполненная Сигизмундом фон Герберштейном (1549)

Как прикажете толковать слова царя о "добрых людях"? Татарам это явно было не под силу. Как следствие их замешательства, царь Иоанн 4 месяца спустя организовал очередной поход на Казань. "Под Казань пришел царь уже в феврале 1550 года, – отмечает Соловьев. – Приступ к городу не удался, множество людей было побито с обеих сторон, а потом настала оттепель, подули сильные ветры, полился дождь, малые

речки попортило, а иные прошли. Простоявши 11 дней под Казанью, Иоанн принужден был возвратиться назад. Это был уже второй поход, предпринятый им лично и кончившийся неудачно.

На этот раз, впрочем, Иоанн не хотел возвратиться ни с чем в Москву: по примеру отца, основавшего Васильсурск, он заложил на устье Свияги Свияжск; дьяк Иван Выродков отправился с детьми боярскими на Волгу, в Углицкий уезд, в отчину князей Ушатых, рубить лес для церквей и стен городских и везти его на судах вниз по Волге; а для поставления города отправились весною на судах царь Шиг-Алей с двумя главными воеводами – князем Юрием Булгаковым (Голицыным-Патрикеевым) и Данилою Романовичем Юрьевым, братом царицыным; туда же поехали с войском и казанские выходцы, которых было тогда в Москве 500 человек. Князю Петру Серебряному из Нижнего велено было идти изгоном на казанский посад; казаки стали по всем перевозам по Каме, Волге и Вятке, чтоб воинские люди из Казани и в Казань не ездили. Серебряный в точности исполнил приказ: явился внезапно перед казанским посадом, побил много людей и живых побрал и полону русского много отполонил.

24 мая пришел Шиг-Алей с воеводами на Свиягу; тотчас начали очищать от лесу место, где быть городу; очистивши гору, пели молебен, освятили воду и обошли с крестами по стенному месту; потом обложили город и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергия. Леса, который привезли сверху по Волге, стало только на половину горы; другую половину сделали тотчас же воеводы и дети боярские своими людьми, и все окончили в четыре недели.

Следствия построения Свияжска оказались немедленно: горные черемисы, увидав, что русский город стал в их земле, начали приезжать к Шиг-Алею и воеводам с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, простил, велел им быть у Свияжского города, а воевать бы их не велел, а пожаловал бы их государь, облегчил в ясаке и дал им свою грамоту жалованную, как им вперед быть. Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года. Шиг-Алею и воеводам Иоанн послал золотые в награду и приказ – привести всю Горную сторону к присяге и послать черемис войною на казанские места, а с ними отправить детей боярских и казанских князей смотреть: прямо ли станут служить государю.

Воеводы привели к присяге черемис, чуваш, мордву и сказали им: „Вы государю присягнули, так ступайте покажите свою правду государю, воюйте его недруга". Те собрались большими толпами, перевезлись на Луговую сторону и пришли к городу на Арское поле. Казанцы и крымцы вышли к ним навстречу и бились крепко;

когда же из города вывезли пушки и пищали и начали стрелять, то черемисы и чуваши дрогнули и побежали. Казанцы убили у них человек со 100 да с 50 живых взяли. Воеводы увидали, что горные люди служат прямо, и велели их опять перевезти на их сторону. Показавши верную службу, горные начали ездить через все лето в Москву человек по пяти- и по шестисот. Государь их жаловал, князей, мурз и сотных казаков кормил и поил у себя за столом, дарил шубами, доспехами, конями, деньгами". Юный Иоанн отменно знал историю – по крайней мере ту ее часть, что относилась к военным и государственным деяниям его отца. Вернись он в Москву с пустыми руками после бесславного 11-дневного штурма Казани, его авторитет и влияние катастрофически бы пострадали. Пойдя по стопам отца, Иоанн преуспел дважды: он не только возвел новую крепость в стратегически важном районе, но и добился еще возникновения разобщения между Казанью и Крымом. В первую очередь это отразилось на тех крымцах, что пребывали в Казани.

"Начали розниться казанцы с крымцами, – говорит летопись. – Арские чуваши пришли даже с оружием на крымцев, крича: „Отчего не бить челом государю?" – пришли и на царев двор, но крымцы – Улан Кащак с товарищами побили их; эта удача, однако, не поправила дела Гиреев, потому что казанские князья и мурзы один за другим перебегали к русским. Тогда крымцы, видя, что при первом нападении московских воевод казанцы их выдадут, собрались, пограбили все, что было можно, и побежали из Казани в числе 300 человек, побросав жен и детей; они бежали вверх по Каме и вошли в Вятку, но тут вятский воевода Зюзин поразил их наголову и потопил; 46 человек пленных, и в том числе Улан Кащак, были отосланы в Москву и там казнены смертию за их жестокосердие, говорит летописец.

Бегство крымцев отдало Казань в руки русской стороне; тотчас явились оттуда послы с челобитьем, чтоб государь пожаловал пленить их не велел, дал бы им на государство царя Шиг-Алея, а царя Утемиш-Гирея с матерью Сююнбекою взял бы к себе. Иоанн отвечал, что хочет землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальных крымцев и детей их выдадут и всех русских пленников освободят".

Сообщать хану это пожелание царя Иоанна отправился его любимец Адашев. Характерно, что миссия, порученная Адашеву, была не из простых. Татарские ханы всегда славились своей гордостью, а потому слова Иоанна неминуемо должны были привести их в ярость. Приступ ханской ярости вполне мог иметь плачевный итог для посланника. Иоанн не мог не понимать этого, но все же настоял, чтобы именно Адашев взялся за исполнение

столь тяжкого поручения.

"Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шиг-Алею, что государь жалует ему Казанское царство с Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдет к Свияжску, потому что государь саблею взял ее до челобитья казанцев. Это условие сильно оскорбило Шиг-Алея, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет; то же было объявлено и вельможам казанским, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя.

В августе Шиг-Алей посажен был в Казани и, согласно условиям, освободил русских пленников, которых насчиталось 60 000 человек".

Это уже был подлинный триумф! И он серьезно упрочил положение Иоанна.

Но, увы, не обошлось без подводных камней. Татары – народ, как известно, лукавый. Приняв на словах условия перемирия, они намеренно стали препятствовать их исполнению. Речь здесь идет исключительно об обязательствах татарской стороны. Иоанн, помня, что возведенный им Свияжск – крохотный островок русского присутствия в безбрежной татарской степи, хотел дать ему развиться. Если бы он перешел к суровым мерам, которые могли бы вынудить татар соблюдать условия, те вполне были бы способны обрушиться на город и предать его огню. Поэтому Иоанн предпочел избрать иную тактику, твердо решив любой ценой убедить татар выпустить на волю всех до единого русских воинов, томившихся в плену.

"В Казань поехали боярин князь Димитрий Палецкий и дьяк Клобуков; они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханше, князьям казанским и городецким, повезли царю и земле Казанской жалованное слово за службу; но при этом они должны были требовать освобождения всех пленных, в противном случае объявить, что государь, видя христианство в неволе, терпеть этого не будет. Шиг Алею должны были сказать, чтоб он помнил жалованье царя и отца его, великого князя Василия, прямил по шертным грамотам (т. е. был бы верен клятвенному обещанию. – Г. Б.), русских пленников всех освободил и укрепил бы Казань крепко государю и себе, как Касимов городок, чтоб при нем и после него было неподвижно и кровь перестала бы литься навеки.

Палецкий с этим наказом поехал в Казань, а из Казани в Москву приехали большие послы с челобитьем от Шиг-Алея, чтоб государь пожаловал, Горную сторону царю уступил, если же не хочет уступить всей стороны, то пусть даст хотя несколько ясаков с нее; да пожаловал бы государь, дал клятву царю и земле Казанской в соблюдении мира. Иоанн велел отвечать, что с

Горной стороны не уступит Казани ни одной деньги, а клятву даст тогда, когда в Казани освободят русских пленных всех до одного человека. Тогда же возвратились из Казани боярин Хабаров и дьяк Выродков и сказали, что казанцы мало освобождают пленных, куют их и прячут по ямам, а Шиг-Алей не казнит тех, у кого найдут пленников, оправдывает себя тем, что боится волнения: доносят ему, что князья казанские ссылаются с ногаями; он об этом разведывает и даст знать государю.

Действительно, в ноябре Шиг-Алей и князь Палецкий дали знать, что казанские князья ссылаются с ногаями, хотели убить Шиг-Алея и князя Палецкого. Хан узнал о заговоре, перехватил грамоты и велел перебить заговорщиков у себя на пиру числом 70 человек, а другие разбежались; он просил, чтоб государь не отпускал из Москвы больших казанских послов, потому что они также в числе заговорщиков".

Поступок хана вынуждал Иоанна сделать очередной, причем действенный шаг. Ситуация явно начинала выходить из-под его контроля. Однако Иоанну не хотелось начинать войну, так как он предпочитал уладить все мирным путем. Вновь был призван Адашев. Ему теперь предстояла еще более серьезная миссия, назначенная царем.

"Отправился туда Алексей Адашев с такими словами к Шиг-Алею: „Сам он видит измену казанцев, изначала лгут государям московским, брата его, Еналея, убили, его самого несколько раз изгоняли и теперь хотели убить: нужно непременно, чтоб он укрепил город русскими людьми". Шиг-Алей отвечал на это: „Прожить мне в Казани нельзя: сильно я раздосадовал казанцев; обещал я им у царя и великого князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалует, Горную сторону даст, то мне в Казани жить можно, и, пока я жив, до тех пор Казань государю крепка будет. Если же у меня Горной стороны не будет, то мне бежать к государю". Князь Палецкий и Адашев говорили ему на это: „Если тебе к государю бежать, так укрепи город русскими людьми". Алей не соглашался на это. „Я бусурман, – говорил он, – не хочу на свою веру стать и государю изменить не хочу же, ехать мне некуда, кроме государя; дай мне, князь Дмитрий, клятву, что Великий князь меня не убьет и придаст к Касимову, что пригоже, так я здесь лихих людей еще изведу, пушки, пищали и порох перепорчу; государь, приходи сам да промышляй". Палецкий и Адашев отправились в Москву, оставя в Казани Ивана Черемисинова с отрядом стрельцов беречь Алея от казанцев и не держать государя без вести. Когда Палецкий приехал на Свиягу, то жившие здесь князья Чапкун и Бурнаш сказали ему, что в народе ходят слухи: придет весна, и казанцы изменят государю, а

Шиг-Алея не любят; так государь бы своим делом промышлял, как ему крепче, а мы, говорили князья, государю дали правду и по правде к нему приказываем, что казанцы непременно изменят, тогда и горных не удержим".

1551 год в известной мере явился знаковым. Разрыв между крымскими и казанскими татарами предопределял исход всего многолетнего противостояния. Иоанн вполне мог присоединить Казань силой, но тогда было не миновать новой войны с крымским ханом. С другой стороны, сами казанцы, которым была куда как памятна участь 70 самых прославленных князей, умерщвленных на крымском пиру, явно предпочитали быть с Русью, нежели с Крымом. Иоанн принял решение выждать и, казалось, не прогадал.

Уже в январе 1552 года к нему явились послы казанские и "… объявили, что им есть приказ от Казанской земли бить челом государю, чтоб царя Шиг-Алея свел, дал бы им в наместники боярина своего и держал бы их, как в Свияжском городе; если же государь не пожалует, то казанцы изменят, будут добывать себе государя из других земель. Иоанн велел поговорить с ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, за что царя не любят в Казани, как его оттуда свести, как быть у них наместнику и как им в том верить. Послы отвечали, что Алей побивает их и грабит, жен и дочерей берет силою; если государь пожалует землю и хана сведет, то теперь здесь, в Москве, уланов, князей, мурз и казаков человек с триста, один из них поедет в Казань, и казанцы все государю дадут правду, наместников его в город пустят и город весь государю сдадут; кому велит жить в городе, кому на посаде, тем там и жить, а другим всем по селам; царские доходы будут сбираться на государя, имения побитых бездетных князей государь раздаст кому хочет, и все люди в его воле – кого чем пожалует. Если же казанцы так не сделают, то пусть государь велит нас всех здесь побить; если же Алей не захочет ехать из Казани, то государю стоит только взять у него стрельцов, и он сам побежит.

В феврале отправился опять Алексей Адашев в Казань, чтоб свести Алея, и с ним татарин от послов с грамотою к казанцам, в которой описывалось, как они условились в Москве с государем. Адашев объявил Алею, чтоб пустил московских людей в город, а сам пусть просит у государя чего хочет, все получит. Алей отвечал по-прежнему, что бусурманского юрта не нарушит, но съедет в Свияжск, потому что в Казани ему жить нельзя, казанцы уже послали к ногаям просить другого царя. Заколотив несколько пушек и отправив в Свияжск пищали и порох, 6 марта Шиг-Алей выехал из Казани на озеро ловить рыбу, взял с собою многих

князей, мурз, горожан и всех пятьсот стрельцов московских; выехавши за город, он стал говорить казанцам: „Хотели вы меня убить и били челом на меня царю и великому князю, чтоб меня свел, что я над вами лихо делаю, и дал бы вам наместника; царь и великий князь велел мне из Казани выехать, и я к нему еду, а вас с собою к нему же веду, там управимся". Этих князей и мурз, приведенных Алеем в Свияжск, было восемьдесят четыре человека.

В тот же день боярин князь Семен Иванович Микулинский послал в Казань двух казаков с грамотами, что по челобитью казанских князей государь-царь Шиг-Алея свел и дал им в наместники его, князя Семена, чтоб они ехали в Свияжск присягать, и, когда присягнут, тогда он к ним поедет. Казанцы отвечали, что государеву жалованью рады, хотят во всем исполнить волю государеву, только бы боярин прислал к ним князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки им даться. Чапкун и Бурнаш отправились на другой день в Казань вместе с Черемисиновым, и тот дал знать Микулянскому, что вся земля Казанская охотно присягает государю, и лучшие люди едут в Свияжск. Лучшие люди действительно приехали на другой день вместе с Чапкуном и Бурнашом и присягнули, взявши с Микулинского и товарищей его также клятву, что они будут жаловать добрых казанских людей.

После этого Микулинский отправил в Казань Черемисинова с толмачом приводить к присяге остальных людей и смотреть, нет ли какого лиха; для того же отправил Чапкуна, еще одного князя казанского и восемь человек детей боярских; они должны были занять дворы, которые князья обещались очистить, и смотреть, чтоб все было тихо, когда русские полки будут вступать в город. Ночью Черемисинов дал знать Микулинскому, что все спокойно; царский двор опоражнивают, и сельские люди, давши присягу, разъезжаются по селам. Черемисинов писал, чтоб наместник уже отправлял в Казань свой легкий обоз с съестным и прислал казаков с сотню, потому что они на цареве дворе пригодятся на всякое дело, и по этой присылке наместник отпустил обоз с семьюдесятью казаками, у которых было 72 пищали.

Скоро двинулись к Казани и бояре: князь Семен Микулинский, Иван Васильевич Шереметев, князь Петр Серебряный; сторожевой полк вел князь Ромодановский; у него были все те казанцы, которых вывел царь Шиг-Алей. По дороге встречали их разные князья, били челом боярам, чтоб ехали в город, а они все холопы государевы, все в его воле; в Казань и из Казани ездили к воеводам дети боярские и сказывали, что все люди государеву жалованью рады и что Иван Черемисинов

продолжает приводить к присяге".

Казалось, все идет как по маслу! Но тут вновь дал себя знать татарский нрав. Пара тамошних князьков, а именно Ислам и Кебяк, соединившись с известным мурзой Аликеем упросили воевод отпустить их в Казань для решения личных вопросов. Нет бы воеводам насторожиться да и отвергнуть их просьбу. Но увы: воеводы, сочтя, что участь Казани уже окончательно решена, нашли возможным отпустить туда лихую троицу просителей. И что же, спрашивается, эта троица учинила тотчас по прибытии в Казань?

"Приехавши в Казань, они затворили город и объявили жителям, что русские непременно истребят их всех, что об этом говорят городские татары, да и сам Шиг-Алей говорит то же. Когда бояре подъехали к Казани, то встретил их на Булаке Иван Черемисинов с князем Кулалеем и объявил: „До сих пор лиха мы никакого не видали; но теперь, как прибежали от вас князья и стали говорить лихие слова, то люди замешались; с нами выехали к вам из города все князья, один Чапкун в городе остался". Бояре подъехали к царевым воротам: ворота растворены, а люди бегут на стены. Тут приехали к воеводам улан Кудайкул, князь Лиман и другие князья и стали бить челом, чтоб не кручинились: возмутили землю лихие люди; подождите, пока утихнут.

Бояре отправили в город улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителям: „Зачем вы изменили? Вчера и даже сегодня еще присягали, и вдруг изменили! А мы клятву свою держим, ничего дурного вам не делаем". Действительно, русские ратные люди не обидели ничем посадских людей, которые спокойно оставались в домах своих со всем имуществом. Посланные возвратились с ответом: „Люди боятся побою, а нас не слушают". Много было ссылок и речей, но все понапрасну, и бояре, видя, что доброго дела нет, велели перехватать Кудайкула, Лимана и всех князей и казаков, которых вывел Шиг-Алей, а казанцы задержали у себя детей боярских, которые наперед были отправлены с обозами воеводскими. Простоявши полтора дня под Казанью, воеводы пошли назад, к Свияжску; посада казанского не велели трогать, чтоб не нарушить с своей стороны ни в чем крестного целования; а казанцы, послав к ногаям просить царя, немедленно начали войну, стали приходить на Горную сторону, отводить ее жителей от Москвы; но горные побили их отряд, взяли в плен двух князей и привели к воеводам; те велели казнить пленников".

Итак, вместо долгожданного мира вновь продолжала литься кровь. Иоанн узнал о происшедшем только 24 марта. Он немедленно приказал своему шурину Даниле Романовичу Захарьину-Юрьеву отправиться в Свияжск с подкреплением;

крымскому хану было велено прибыть в Касимов.

Царю приходилось признать, что дипломатическая стратегия с казанцами оказалась в конечном итоге не на высоте. После того как ситуация столь серьезно осложнилась, было очевидно, что войны все-таки не избежать. И вот, уже в апреле, был созван специальный совет, на котором было решено организовать очередной военный поход, чтобы покончить с Казанью раз и навсегда. Обсуждение было серьезным и затянулось. Всем было ясно, что сражаться предстоит не только с Казанью, но и с Крымом. Скорее всего, ногаи тоже не останутся в стороне и присоединятся к татарам. Царя решительно отговаривали от участия в походе, но Иоанн прекрасно помнил, сколь безрезультатны были прежние походы к Казани; помнил он и о "робком" нраве своих воевод, ни разу не выказавших под Казанью своей обычной доблести. По всему выходило, что только непосредственное присутствие царя способно оказать магическое воздействие на русскую рать и обеспечить победу.

"Решено было отпустить водою рать, наряд большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, как приспеет время, идти полем.

В том же месяце пришли из Свияжска дурные вести: князь Микулинский писал, что горные люди волнуются, многие из них ссылаются с казанцами, да и во всех мало правды, непослушание большое; но, что хуже всего, в русском войске открылась цинга, много уже померло, много лежит больных, детей боярских, стрельцов и казаков. Царь по этим вестям велел князьям Александру Борисовичу Горбатому и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться в Свияжск. Князья скоро достигли этого города, но вести, присланные ими оттуда к Иоанну, были еще менее утешительны: горные люди изменили все, сложились с Казанью и приходили к Свияжску на воеводские стада; воеводы посылали на них казаков, но казанцы казаков разбили, убили 70 человек и пищали взяли, а болезнь не ослабевает, мрет много людей. От князя Михайлы Глинского из Камы ехали казаки в судах на Свиягу за кормом; и тех казаков казанцы всех перебили, пленным пощады не дали, перебили и всех детей боярских, которые приехали наперед в Казань с воеводскими обозами и были захвачены там жителями; казанцы уже получили царя от ногаев – астраханского царевича Едигера Магмета.

Но от этих вестей в Москве не пришли в уныние: положено было прежде всего поднять дух в свияжском войске средствами религиозными, тем более что к болезни физической там присоединилась нравственная – сильный разврат. Из Благовещенского собора перенесены были в Успенский мощи

святых отцов, с них освящена была вода и отправлена в Свияжск с архангельским протопопом Тимофеем – „мужем изрядным, наученным богодухновенному писанию"; вместе с водою Тимофей повез также поучение к войску от митрополита Макария. В это время приехал из Касимова царь Шиг-Алей и начал говорить, чтоб Иоанн не выступал в поход до зимы, потому что летом должно ожидать прихода других недругов и потому что Казанская земля сильно укреплена природою, лежит в лесах, озерах, болотах, зимою легче ее воевать. Иоанн отвечал ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судах с большим нарядом и со всеми запасами, а что у казанцев леса и воды -крепости великие, то Бог и непроходимые места проходимыми делает, и острые пути в гладкие претворяет".

Медлить с выступлением Иоанну было теперь нельзя.

Он оставил все свои царские дела на супругу Анастасию и 19 июня был в Коломне. Царица весьма порадовалась отъезду Иоанна, поскольку теперь могла вызволить из темниц многих невинных, брошенных туда ее отбывшим на войну супругом. Кроме того, за время отсутствия царя Анастасия изменила к лучшему участь многих опальных бояр. А Иоанн между тем все больше входил во вкус стремительно развертывающейся военной кампании. Практически сразу же по прибытии к нему прибыл специальный гонец с вестью о том, что "…идут многие люди крымские к Украйне".

Иоанн "послал полки на берег: большому полку велел стать под Колычевом, передовому – под Ростиславлем, левой руке – под Голутвиным монастырем; при этом было объявлено, что если придет царь крымский, то государь умыслил делать с ним прямое дело. 21 июня пригнал гонец из Тулы: пришли крымцы к Туле, как видно, царевич, и не со многими людьми.

Государь послал к Туле князей Щенятева, Курбского, Пронского, Хилкова, Воротынского, собрался и сам выступить на другой день утром, как получил весть, что приходило к Туле татар немного, тысяч семь, повоевали окрестности и поворотили назад. Иоанн по этим вестям отпустил только воевод, а сам приостановился; но 23 числа, когда он сидел за столом, пригнал гонец из Тулы с вестию, что сам царь пришел и приступает к городу, с ним наряд большой и янычары турецкие. Иоанн велел поскорее служить вечерню, потому что никогда не нарушал церковного правила, всем воеводам велел поскорее перевозиться через Оку и сам спешил к Кашире, где назначено было перевозиться; но тут прискакал новый гонец и объявил, что хана уже нет у Тулы: 22 июня пришли крымцы к Туле и приступали целый день, били по городу из пушек огненными ядрами, и, когда

во многих местах в городе дворы загорелись, хан велел янычарам идти на приступ; но воевода, князь Григорий Темкин, несмотря на то что с ним было немного людей в Туле, отбил приступ; на другой день утром хан велел уже готовиться к новому приступу, как пришла весть, что русский царь идет к городу; туляне с городских стен увидали столпы пыли, закричали: „Боже милостивый! Помоги нам! Царь православный идет!" – и бросились на татар; вышли из города не только ратные люди и все мужчины, но даже женщины и дети бросились за ними; татар много было побито в этой вылазке и между ними – шурин ханский. Хан побежал в степь, и три часа спустя явились под городом воеводы, отправленные Иоанном; они погнались за татарами, разбили их на речке Шивороне, отполонили много своих пленников, взяли телеги и верблюдов ханских.

Татары, взятые в плен, рассказывали: царь потому пошел на Русь, что в Крыму сказали, будто великий князь со всеми людьми у Казани. У Рязани перехватили мы станичников, и те сказали, что великий князь на Коломне, ждет царя и хочет с ним прямое дело делать, царь тогда же хотел возвратиться в Крым, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыд, то есть у великого князя город Тула на поле, а от Коломны далеко, за великими крепостями – за лесами. Царь их совета послушал и пошел к Туле.

Иоанн, получив эти вести, возвратился в Коломну, куда 1 июня пришли к нему воеводы с тульского дела; они говорили, что, по словам станичников, хан идет чрезвычайно поспешно, верст по 60 и по 70 на день, и лошадей бросает много. Избавившись так счастливо от крымцев, царь начал думать с князем Владимиром Андреевичем, боярами и всеми воеводами, как идти к Казани, на какие места. Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владимир и Муром, воевод отпустить на Рязань и Мещеру, чтоб они могли заслонить царя от внезапного нападения ногаев, а сходиться на поле за Алатырем. Но когда надобно было выступать в поход, боярские дети новогородцы начали бить челом, что им нельзя больше оставаться при войске: с весны были они на службе в Коломне; иные за татарами ходили и на боях бывали, а теперь еще идти в такой долгий путь и там стоять многое время!

Государю была немалая скорбь от этого челобитья, которое останавливало дело в самом начале; наконец он придумал средство, оказавшееся очень действительным: он велел переписать служилых людей и повестить: кто хочет идти с государем, тех государь хочет жаловать и будет под Казанью кормить, а кому нельзя идти, те пусть остаются в Коломне.

Услыхав эту повестку, все отвечали в один голос: „Готовы идти с государем: он наш промышленник и здесь и там, промыслит нами, как ему Бог известит".

3 июля Иоанн выехал из Коломны с двоюродным братом, князем Владимиром Андреевичем; во Владимире получил он приятную весть из Свияжска, что цинга там прекратилась; в Муроме получил другую радостную весть, что воеводы, князь Микулинский и боярин Данила Романович, ходили на горных людей и разбили их, вследствие чего горные люди по Свияге-реке вниз и по Волге снова присягнули государю. 20 июля царь выступил из Мурома, шел частым лесом и чистым полем, и везде войско находило обильную пищу: было много всякого овощу, лоси, по словам летописца, как будто бы сами приходили на убой, в реках множество рыбы, в лесу множество птиц.

Черемисы и мордва, испуганные походом многочисленного войска, приходили к царю, отдаваясь в его волю, и приносили хлеб, мед, мясо; что дарили, что продавали, кроме того, мосты на реках делали. На реке Суре встретили государя посланцы от свияжских воевод и горных людей и объявили, что ходили бояре князь Петр Иванович Шуйский и Данила Романович на остальных горных людей и теперь уже все горные люди добили челом и приложились к Свияжскому городу.

Иоанн позвал на обед посланцев от горных людей, объявил, что прощает их народу прежнюю измену, и приказал мостить мосты по рекам и чистить тесные места по дороге. За Сурою соединился государь с воеводами, шедшими через Рязань и Мещеру, и 13 августа достиг Свияжска, куда воеводы пришли, как в свой дом, из долгого и трудного пути: дичь, рыба и черемисский хлеб им очень наскучили, а в Свияжске почти каждого из них ожидали домашние запасы, привезенные на судах, кроме того, множество купцов наехало сюда с разными товарами, так что можно было все достать. Ставши под городом на лугу в шатре, царь советовался с князем Владимиром Андреевичем, с царем Шиг-Алеем, с боярами и воеводами, как ему, государю, своим делом промышлять, и приговорил идти к Казани не мешкая, а к казанцам послать грамоты, что если захотят без крови бить челом государю, то государь их пожалует. Шиг-Алей должен был писать к родственнику своему, новому казанскому царю Едигеру, чтоб выехал из города к государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалует; сам Иоанн послал грамоты к главному мулле и всей земле Казанской, чтоб били челом, и он их простит.

16 августа войска начали уже перевозиться чрез Волгу и становиться на Казанской стороне, 18 – сам царь переправился за Волгу, 20 – за Казанку и здесь получил ответ от Едигера: в нем

заключалось ругательство на христианство, на Иоанна, на Шиг-Алея и вызов на брань. Иоанн велел вынимать из судов пушки и все устраивать, как идти к городу; тут приехал к нему служить Камаймурза с семью казаками и рассказывал, что их поехало человек с двести служить государю, но казанцы, узнав об этом, почти всех перехватали; про Казань рассказывал, что царь Едигер и вельможи бить челом государю не хотят и всю землю на лихо наводят, запасов в городе много, остальное войско, которое не в городе, собрано под начальством князя Япанчи в Арской засеке, чтоб не пропускать русских людей на Арское поле.

Царь созвал совет, рассказал Камаевы речи и рассуждал, как идти к городу. Приговорили: самому государю и князю Владимиру Андреевичу стать на Царском лугу, царю Шиг-Алею – за Булаком; на Арском поле стать большому полку, передовому и удельной дружине князя Владимира Андреевича; правой руке с казаками – за Казанкою; сторожевому полку -на устье Булака, а левой руке – выше его. Приказано было, чтоб во всей рати приготовили на 10 человек туру да чтоб всякий человек приготовил по бревну на тын; приказано было также настрого, чтоб без царского повеления, а в полках без воеводского повеления никто не смел бросаться к городу. 23 августа полки заняли назначенные им места; как вышел царь на луг против города, то велел развернуть свое знамя: на знамени был нерукотворенный образ, а наверху – крест, который был у великого князя Димитрия на Дону; когда отслужили молебен, царь подозвал князя Владимира Андреевича, бояр, воевод, ратных людей своего полка и говорил им: „Приспело время нашему подвигу! Потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за православную веру христианскую, за единородную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен, страдающих от этих безбожных казанцев; вспомним слово Христово, что нет ничего больше, как полагать души за други свои; припадем чистыми сердцами к создателю нашему Христу, попросим у него избавления бедным христианам, да не предаст нас в руки врагам нашим. Не пощадите голов своих за благочестие; если умрем, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умрем, то умрем же после, а от этих безбожных как вперед избавимся? Я с вами сам пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных казанцев! Если милосердый Бог милость свою нам пошлет, подаст помощь, то я рад вас жаловать великим жалованьем; а кому случится до смерти пострадать, рад я жен и детей их вечно жаловать".

Князь Владимир Андреевич отвечал: „Видим тебя, государь, тверда в истинном законе, за православие себя не щадящего и нас на то утверждающего, и потому должны мы все единодушно помереть с безбожными этими агарянами. Дерзай, царь, на дела, за которыми пришел! Да сбудется на тебе Христово слово: всяк просяй приемлет и толкущему отверзется". Тогда Иоанн, взглянув на образ Иисусов, сказал громким голосом, чтоб все слышали: „Владыко! О твоем имени движемся!"

150 000 войска со 150 пушками обложили Казань, защищенную только деревянными стенами, но за этими стенами скрывалось 30 000 отборного войска. 23 же числа начались сшибки с осажденными; при этих сшибках, обыкновенно удачных для русского войска, особенно удивлялись небывалому порядку: бились только те, которым было приказано; из других полков никто не смел двинуться.

В самом начале осады твердость Иоанна выдержала сильное испытание: страшная буря сломила шатры, и в том числе царский, на Волге разбило много судов, много запасов погибло; войско уныло, но не унывал царь: он послал приказ двинуть новые запасы из Свияжска, из Москвы, объявляя твердое намерение зимовать под Казанью; ездил днем и ночью кругом города, рассматривая места, где удобнее делать укрепления.

Осадные работы шли безостановочно: ставили туры, снабжали их пушками; где нельзя было ставить тур, там ставили тын, так что Казань со всех сторон была окружена русскими укреплениями: ни в город, ни из города не могла пройти весть.

Казанцы беспрестанно делали вылазки, бились отчаянно с защитниками тур, бились, схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы в город. От беспрерывной пальбы по городу гибло в нем много людей; стрельцы и казаки, закопавшись во рвах перед турами, также не давали казанцам входить на стены, снимали их оттуда меткими выстрелами. Но скоро внимание осаждающих было развлечено: из леса на Арское поле высыпал неприятель многочисленными толпами, напал на русские полки и, хотя был отражен с уроном, однако не меньший урон был и на стороне осаждающих; пленники объявили, что это приходит князь Япанча из засеки, о которой говорил прежде Камай-мурза. После этого Япанча не давал покоя русским: явится на самой высокой городской башне большое знамя, и вот Япанча по этому условному знаку нападает на русских из лесу, а казанцы изо всех ворот бросаются на их укрепления.

Войско истомилось от беспрестанных вылазок из города, от наездов из лесу и от скудости в пище: съестные припасы вздорожали, но и сухого хлеба ратнику было некогда поесть

досыта; кроме того, почти все ночи он должен был проводить без сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Для истребления лесных наездников отправились 30 августа князья Александр Борисович Горбатый и Петр Семенович Серебряный; войско Япанчи, конное и пешее, высыпало к ним навстречу из лесу и потерпело решительное поражение; победители преследовали его на расстоянии 15 верст, потом собрались и очистили лес, в котором скрывались беглецы; 340 человек пленных было приведено к Иоанну. Он послал одного из них в Казань с грамотами, писал, чтоб казанцы били челом, и он их пожалует; если же не станут бить челом, то велит умертвить всех пленников; казанцы не дали ответа, и пленники были умерщвлены перед городом.

На другой день, 31 августа, царь призвал размысла (инженера), немца, искусного в разорении городов, и велел ему сделать подкоп под Казань. Потом призвал Камай-мурзу и русских пленных, выбежавших из Казани, и спросил, откуда казанцы берут воду, потому что реку Казанку давно уже у них отняли. Те сказали, что есть тайник, ключ, в берегу реки Казанки у Муралеевых ворот, а ходят к нему подземным путем. Царь сперва приказал воеводам сторожевого полка, князю Василию Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайник, но воеводы отвечали, что этого сделать нельзя, а можно подкопаться под тайник от каменной Даировой башни, занятой уже давно русскими казаками; царь послал для этого Алексея Адашева и размысла, но последнему велел для подкапывания тайника отрядить учеников, а самому надзирать за большим подкопом под город.

День и ночь работали над подкопом под тайник, наконец подкопались под мост, куда ходят за водою; сам князь Серебряный с товарищами вошел в подкоп и, услыхав над собою голоса людей, едущих с водою, дал знать государю; царь велел поставить под тайник 11 бочек пороху, и 4 сентября тайник взлетел на воздух вместе с казанцами, шедшими за водой, поднялась на воздух часть стены, и множество казанцев в городе было побито камнями и бревнами, падавшими с огромной высоты; русские воспользовались этим, ворвались в город и много перебили и попленили татар. Только после этого несчастия осажденными овладело уныние; обнаружилось разногласие: одни хотели бить челом государю, но другие не соглашались, начали искать воды, нашли один смрадный поток и довольствовались им до самого взятия города, хотя от гнилой воды заболевали, пухли и умирали.

6 сентября с большим кровопролитием взят был острог, построенный казанцами в 15 верстах от города, на Арском поле,

на горе между болотами. Взявши острог, воеводы пошли к Арскому городищу, воюя и пожигая села; от Арского городища возвратились другою дорогою к Казани, повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, жен и детей в плен взяли, а христиан многих из плена освободили; воевали они на 150 верст поперек, а в длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали к Казани в полки.

Между тем осадные работы продолжались: дьяк Иван Выродков поставил против Царевых ворот башню в шесть саженей вышиною; внесли на нее много наряду, пищали полуторные и затинные; стрельцы начали стрелять с башни в город и побивали много народу. Осажденные укрывались в ямах, копали рвы под городскими воротами, под стенами и рыли норы под тарасами: у всяких ворот за рвами были у них большие тарасы, насыпанные землею; выползая из нор, как змеи, бились они беспрестанно, день и ночь, с осаждающими, особенно жестоко бились они, не давая придвигать тур ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынский успел придвинуть туры к самому рву, против Арской башни и Царевых ворот, так что между городскими стенами и русскими турами оставался один ров в три сажени шириною и в семь глубиною.

Придвинув туры ко рву, осаждающие разошлись обедать, оставив немногих людей подле укреплений; увидавши эту оплошность, казанцы вылезли изо всех нор, из-за тарасов и внезапно напали на туры; защитники их дрогнули и побежали; но воеводы успели выстроить полки и ударили на казанцев, которые были сбиты во рвы; русские били их и тут, но они норами убегали в город. Дело было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасение дорого стоило осаждающим, потерявшим много убитыми и ранеными; сам князь Воротынский получил несколько ран и спасся только благодаря крепости своего доспеха. В то время как ожесточенный бой кипел против Арской башни, ногаи и казанцы сделали вылазку из Збойлевых ворот на туры передового полка и ертоула (т. е. разведывательного полка. – Г. Б.); здесь воеводы были готовы, подпустили неприятеля к турам, ударили на него со всех сторон и поразили безо всякого для себя урона.

Видя, что русский огонь не причиняет большого вреда осажденным, скрывающимся за тарасами, царь велел подкопать эти тарасы и, как взорвет их, придвинуть туры к самым воротам, Арским и Царевым. 30 сентября тарасы взлетели на воздух с людьми; бревна побили множество народа в городе, остальные обеспамятели от ужаса и долго оставались в бездействии; стрелы перестали летать из Казани.

Пользуясь этим временем, воеводы утвердили туры подле

ворот Царевых, Арских и Аталыковых. Наконец казанцы опомнились, выскочили изо всех ворот и с ожесточением напали на русских. В это время Иоанн сам показался у города; увидав его, русские с новым рвением ударили на неприятеля, схватились с ним в воротах, на мостах, у стен, бились копьями и саблями, схватывались за руки; дым от пушечной и пищальной пальбы покрыл город и сражающихся; наконец осаждающие одолели, взобрались на стены, заняли Арскую башню, втеснились в самый город; князь Михайла Воротынский послал сказать Иоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общий приступ; но остальные полки не были приготовлены к этому дню, и по царскому указанию воинов вывели насильно из города. Стены, ворота и мосты были зажжены, в Арской башне утвердились русские люди; мосты и стена горели целую ночь, из стены сыпалась земля; русские воеводы велели своим ратникам на занятых местах заставиться крепкими щитами, а туры засыпать землею; татары также работали: ставили срубы против пробитых мест и насыпали землею.

На другой день, 1 октября, царь велел наполнить рвы лесом и землею, устроить мосты и бить из пушек беспрестанно; били весь день и сбили до основания городскую стену. Общий приступ был назначен на другой день, в воскресенье, 2 октября; во всех полках велено было ратным людям исповедоваться и приобщаться.

Но прежде решительного приступа царь хотел в последний раз испытать действие мирных переговоров; к городу был отправлен мурза Камай с предложением, чтобы казанцы били челом государю; если отдадутся в его волю и выдадут изменников, то государь простит их. Казанцы отвечали единогласно: „Не бьем челом! На стенах русь, на башне русь – ничего: мы другую стену поставим и все помрем или отсидимся". Тогда царь велел готовиться к приступу; по дорогам велел расставить также полки, чтоб не пропускать казанцев, если вздумают бежать из города.

В ночь с первого числа на второе, с субботы на воскресенье, Иоанн, проведши несколько времени наедине с духовником, начал вооружаться; князь Михайла Воротынский прислал сказать ему, что размысл подставил уже порох под городские стены, что казанцы заметили его, и потому нельзя мешкать.

Царь послал повестить во все полки, чтоб готовились немедленно к делу, а сам пошел в церковь, где велел поскорее совершать правило; на рассвете, отпустив свой полк к городу и велев ему дожидаться себя в назначенном месте, пошел к обедне; здесь, когда дьякон оканчивал Евангелие словами: „И будет едино стадо и един пастырь", раздался сильный гром, земля дрогнула:

царь выступил из церковных дверей и увидал, что городская стена взорвана, бревна и люди летят на высоту; вскоре после этого, когда дьякон читал на ектении молитву о царе и вымолвил слова: „Покорити под нозе его всякого врага и супостата", последовал второй взрыв, сильнее прежнего, множество казанцев виднелось на воздухе, одни перерванные пополам, другие с оторванными руками и ногами. Тогда русское войско, воскликнув: „С нами Бог!" – пошло на приступ; казанцы встретили его криком: „Магомет! Все помрем за юрт!"

В воротах и на стенах началась страшная сеча. Один из ближних людей вошел в церковь и сказал царю: „Государь! Время тебе ехать; полки ждут тебя". Иоанн отвечал: „Если до конца отслушаем службу, то и совершенную милость от Христа получим". Приехал второй вестник и сказал: „Непременно нужно ехать царю, надобно подкрепить войско". Иоанн вздохнул глубоко, слезы полились из глаз, он начал молиться: „Не остави мене, Господи Боже мой! Не отступи от мене, вонми в помощь мою!" Обедня уже оканчивалась, Иоанн приложился к образу чудотворца Сергия, выпил святой воды, съел кусок просфоры, артоса, принял благословение духовника, сказал духовенству: „Простите меня и благословите пострадать за православие, помогайте нам молитвою!" -вышел из церкви, сел на коня и поскакал к своему полку.

Когда Иоанн подъехал к городу, знамена русские развевались уже на стенах; присутствие царя придало ратникам новые силы; князь Воротынский прислал сказать, что русские люди уже в городе, чтоб царь помог им своим полком; Иоанн велел своему полку спешиться и идти на помощь, потому что на лошадях в городские улицы въехать было нельзя по причине страшной тесноты.

Татары оказывали отчаянное сопротивление; несколько часов русские не могли сделать ни шага вперед, наконец им удалось взобраться на крыши домов и оттуда бить неприятеля. Но в эту решительную минуту многие ратники, прельстившись добычею, перестали биться и бросились на грабеж; казанцы начали одолевать остальных. Воеводы дали знать об этом царю, тот послал новую помощь, которая и успела поправить дело.

Русские пробились к мечети, и здесь загорелась самая жаркая битва, в которой погиб главный мулла. С другой стороны царь Едигер затворился в своем дворе и крепко оборонялся; наконец, видя невозможность дальнейшего сопротивления, ринулся в нижнюю часть города к воротам; спереди не давал ему проходу небольшой русский отряд, бывший под начальством князя Курбского, а сзади напирало главное войско. По трупам своих,

лежавшим наравне с стеною, татары взобрались на башню и закричали, что хотят вступить в переговоры; русские перестали биться, и татары начали говорить: „Пока стоял юрт и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и за юрт; теперь отдаем вам царя живого и здорового; ведите его к своему царю! А мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу".

Выдавши царя вместе с тремя приближенными к нему вельможами, татары бросились прямо со стены на берег Казанки, хотели пробиться прямо к реке, но, встреченные залпом 113 русских пушек, поворотили налево вниз, бросили доспехи, разулись и перебрели реку в числе 6000; двое князей Курбских, Андрей и Роман, обскакали неприятеля, врезались в его ряды и были смяты; но троим другим воеводам – князьям Микулинскому, Глинскому и Шереметеву – удалось нанести казанцам окончательное поражение; только немногие успели убежать в лес, и то раненые. В Казани не осталось в живых ни одного из ее защитников, потому что Иоанн велел побивать всех вооруженных, а брать в плен только женщин и детей".

По взятии Казани Иоанн Васильевич приказал отслужить торжественный молебен, а потом пожелал въехать в город. Улицы, по которым царю предстояло проследовать, были загодя освобождены от мертвых тел. Народ (русские, бывшие прежде в неволе) встретил его ликованием. Иоанн был растроган и велел накормить их и помочь добраться до родных мест. Примечательно, что огромную добычу, состоявшую из дорогих сокровищ, пленных женщин и детей, он передал своему победоносному войску. Для себя Иоанн взял лишь знамена да орудия.

Впрочем, Иоанн также вознамерился оставить при себе одного знатного пленника, а именно – царя Едигера. И с такими вот трофеями он немедленно отбыл обратно в ставку, дабы незамедлительно принести благодарственные молитвы в церкви Св. Сергия. Не позабыл он и о народностях, населявших край и плативших ранее дань казанским владыкам (в частности, там обитали черемисы, мордва, чуваши, вотяки, башкиры). Повсюду были разосланы особые грамоты, в которых царь сулил милости и предлагал платить подати в прежнем размере, но уже своим ставленникам (речь идет о князьях Александре Борисовиче Горбатом и Василии Семеновиче Серебряном).

Кроме этого, Иоанн приказал 4 октября заложить в самом центре Казани церковь во имя Благовещения Богородицы. Церковь была сооружена в фантастические сроки и 6 октября уже была освящена. Пять дней спустя Иоанн Васильевич двинулся

обратно.

Казанский поход был завершен.

Поход этот не только для самого молодого царя, но и для всей Руси имел значение невероятное! Пало Татарское царство, а ведь еще недавно московским властителям даже не мечталось видеть себя наравне с татарскими царями. В сущности, Иоанн Васильевич изменил сам ход Истории! Его триумф так и остался непревзойденным. Ни одному русскому царю (ни до него, ни после) так и не удалось сравниться с Иоанном Грозным во мнении народном.

Прекрасно сказано об этом у С. Платонова: "Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казанская татарская орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемису, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгой, на р. Унже и Ветлуге, и мордва за Окой задерживали колонизационное движение Руси на восток; а набеги татар и прочих „язык" на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и уводя в „полон" много русских людей.

Казань была хронической язвой московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народной песней. После взятия Казани, в течение всего 20 лет, она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась, не медля, на богатые земли Поволжья и в лесные районы Среднего Урала. Громадные пространства ценных земель были замирены московской властью и освоены народным трудом. В этом заключалось значение „Казанского взятия", чутко угаданное народным умом. Занятие Нижней Волги и Западной Сибири было естественным последствием уничтожения того барьера, которым колонизации Казанское царство".

Гербовая печать Иоанна Грозного

Иоанн Васильевич прекрасно понимал значение одержанной им победы над татарами. Характерно, что, достигнув Сретенского монастыря в Подмосковье, царь принялся раздавать неисчислимые милости как виднейшим представителям духовенства, так и наиболее проявившим себя боярам. Между тем нельзя не сказать о том, что его ближайшие советчики, которым не терпелось возвратиться в Москву и обрести от царя награду, изо всех сил убеждали его без промедления возвращаться домой. Казалось бы, Казань пала, народы края были согласны платить дань. Почему бы и не вернуться? Царь так и поступил. Только ведь в казанском крае осталось немало татар; они были рассеяны, но не уничтожены. Те, кто предупреждал Иоанна о том, чтобы он остался с войском в Казани хотя бы на несколько месяцев, не были им услышаны. Царю ведь и самому хотелось как можно быстрее добраться до своих московских покоев и ощутить величие своей власти в полной мере.

В дальнейшем оказалось, что правы были те, кто молил царя задержаться в Казани. Если конец 1552 года и первые месяцы 1553-го были просто безоблачны, то уже в марте начались первые стычки со смутьянами. Стрельцы и казаки Иоанна гибли сотнями. Более того, всего лишь в 70-ти верстах от Казани был воздвигнут оборонительный редут, который служил надежным убежищем для мятежных степняков. Через полмесяца объединенные силы татар нанесли сокрушительное поражение русскому войску под предводительством Бориса Солтыкова в Горной стране. Опасность этих проявлений была по достоинству оценена в Москве.

Как пишет Соловьев: "…по этим вестям из Москвы отправился с детьми боярскими в Вятку Данила Федорович Адашев, родной брат Алексея; ему велено было искать изменников по рекам Каме и Вятке; сверху по Волге шли на помощь Адашеву казаки. Адашев все лето ходил по трем рекам – Каме, Вятке и Волге, на перевозах во многих местах бил казанцев и ногаев и переслал в Казань 240 человек пленных. В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семен Микулинский, Петр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Меше, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, вверх по Каме ходили на 250 верст, взяли в плен 6000 мужчин, 15 000 женщин и детей, следствием чего было то, что арские и побережные (прикамские?) люди дали клятву быть неотступными от Казани и давать дань государю".

Однако недаром же говорят, что дурной пример заразителен.

Уже летом "…взволновались луговые люди; воеводы

попробовали послать против них двух казанских князей с арскими, побережными и горными людьми, чтоб испытать верность последних; опыт не удался: казанцы не пошли на изменников, соединились с ними, побили тех арских и горных людей, которые оставались верны, на Каме побили рыбаков и начали приходить к самой Казани на сенокос.

Против них отправился князь Иван Федорович Мстиславский; в две недели были опустошены 22 волости, мятежники, напавшие на сторожевой полк, были разбиты наголову. Толпы луговых явились на Арской стороне; но арские люди поделали остроги и отбились от них с помощию московских стрельцов, которые стрельбою из пищалей наносили много вреда нападавшим; также остались верны и горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанских, отправленные воеводами вместе с стрельцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежников и привели в Казань пленными многих князей и мурз, которые были все казнены.

Арские люди и побережные продолжали отличаться верностию: побили в одну эту осень 1560 мятежников всяких званий. Государь послал воеводам и верным татарам жалованье – золотые. Но если арские и побережные люди все были верны и заплатили ясак исправно, то луговые сотники – Мамич-Бердей с товарищами – не пошли в Казань и по-прежнему разбойничали по Волге, разбивая суда. Против них отправились князь Иван Мстиславский и боярин Данила Романович. В чем состояли их действия, мы не знаем; только весною 1556 года князь Петр Иванович Шуйский дал знать из Казани, что арские люди и побережные опять изменили, стоявших у них стрельцов побили и ссылаются с главным мятежником Мамич-Бердеем, который взял уже себе царевича от ногаев. К счастью, горные люди оставались по-прежнему верными и оказали важную услугу Москве, освободив ее от Мамич-Бердея; с 2000 человек подступил он к их острогу, опустошив окрестные места; горные люди завели с ним переговоры, обещались действовать заодно против царского войска и в знак союза позвали его к себе на пир; Мамич-Бердей пришел к ним с двумястами своих, но эта стража была перебита на пиру, Мамич-Бердей схвачен живой и отвезен в Москву.

Государь пожаловал за это горных людей великим своим жалованьем и сбавил им ясака. Мамич-Бердей объявил в Москве, что он уже убил призванного им царя из ногаев, потому что от него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитого на высокий кол и приговаривали: „Мы было взяли тебя на царство, для того чтоб ты с своим двором оборонял нас, а вместо того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только

волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле".

Мятежники, лишившись ногайской помощи, потеряв Мамич-Бердея, должны были выдержать нападения боярина Петра Морозова; последний весною 1556 года с детьми боярскими, казаками, стрельцами, новокрещеными инородцами выступил к Чалымскому городку и сжег его, повоевавши и побивши многих людей, которые встретили его на реке Меше и потерпели совершенное поражение; после этого Морозов воевал десять дней, опустошил все арские места, побил многих людей, пленных вывел бесчисленное множество. Это было в мае; в июне Морозов вместе с воеводою Феодором Солтыковым выступил в новый поход, за 50 верст только не дошел до Вятки; ратники его брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали. Кроме того, князь Петр Шуйский из Казани отпускал еще другие отряды, вследствие чего Арская и Побережная стороны опустошены были вконец; спасшиеся от меча и плена пришли в Казань и добили челом.

Весною следующего года князь Петр Шуйский велел арским и побережным людям поставить на Каме город Лаишев, который должен был служить обороною против ногаев; в городе посажены были новокрещены и стрельцы, у которых головами были дети боярские; новокрещенам воевода велел тут пашню пахать, также у Казани по пустым селам велел всем пахать пашни – и русским людям, и новокрещенам. Но в то же самое время луговые люди продолжали волноваться: под начальством богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены князем Ковровым, и Ахметек попался в плен; другие толпы луговых, приходившие на арские места, были также побиты, а между тем из Казани, Свияжска и Чебоксар ежедневно выходили русские отряды опустошать Луговую сторону. Наконец в мае государь получил известие, что луговые прислали бить челом о своих винах; Иоанн послал в Казань и на Свиягу стряпчего Ярцева приводить луговых к присяге. Ярцев возвратился с известием, что вся Казанская земля успокоилась".

Да, и впрямь успокоилась! Только не стоит забывать, что на усмирение Казанской земли ушло куда больше времени, чем на взятие самой Казани, а именно – 5 лет. Этого нипочем не случилось бы, прислушайся Иоанн к резонам тех, кто был способен мыслить стратегически.

Часть 4 Союз и установление торговых отношений с Англией

Вскоре после блестящего захвата Казани произошло крайне примечательное событие в политической жизни Руси. В 1553 году в устье Северной Двины показался… английский корабль. Событие серьезное, но первоначально никто даже не предполагал, какие перспективы для русской экспортной торговли откроются с появлением судна англичан. Однако давайте обратимся к фактам. Надо полагать, что Иоанном Грозным еще ранее середины 1550-х годов владело желание стать хозяином Балтийского побережья. Между прочим, для этого ему нужно было заручиться союзом с мощным и развитым европейским государством. Англия вполне соответствовала подобным критериям.

Однако в то же самое время, как отмечается у историка С. Соловьева: "…морские государства Западной Европы чувствовали столь же сильное стремление в противоположную сторону – к богатому Востоку, и следствием этого стремления было заведение торговых сношений России с Англиею на пустынных берегах Белого моря, которые долго должны были заменять для Московского государства заветные берега балтийские.

В половине XVI века английские купцы заметили, что запрос на их товары в дальних и ближних странах уменьшается, цены их понизились, несмотря на то что английские купцы сами отвозили их в иностранные гавани, между тем как требования на иностранные товары увеличились, цены их возвысились чрезмерно. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучших граждан лондонских; они стали искать средств, как помочь горю, и остановились на том же самом, которое обогатило португальцев и испанцев, – именно на открытии новых стран, новых торговых путей. После долгих совещаний с знаменитым мореплавателем Себастианом Каботою они решились отправить три корабля для открытия северных частей света и новых рынков для сбыта английских товаров. Составилась компания, каждый член которой должен был внести 25 фунтов стерлингов; этим средством собрали 6000 фунтов, купили три корабля и отправили их в северные моря под начальством Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера.

Экспедиция отправилась 20 мая 1553 года; буря разнесла флот, и Ченслер на своем корабле „Edward Bonaventure" один достиг Вардегуза в Норвегии – места, где он условился соединиться с Уилльоуби. Но, потерявши семь дней в напрасном

ожидании, он решился ехать далее и благодаря постоянному дню, царствовавшему в это время в полярных странах, скоро (24 августа) достиг большого залива, в котором заметил несколько рыбачьих лодок; рыбаки, испуганные появлением большого, никогда не виданного ими прежде судна, хотели было убежать, но были схвачены и приведены пред Ченслера, который ободрил их ласковым приемом; после этого окрестные жители начали приезжать с предложением съестных припасов. Англичане узнали от них, что страна называется Россиею, или Московиею, и управляются царем Иваном Васильевичем, под властию которого находятся обширные земли".

Так состоялся первый официальный контакт англичан с русскими!

"Русские, – значится у Соловьева далее, – в свою очередь спросили у англичан, откуда они. Те отвечали, что они посланы королем Эдуардом VI, должны доставить от него некоторые вещи царю, ищут они только дружбы государя русского и позволения торговать с его народом, от чего будет большая выгода и для русских, и для англичан. Между тем местное начальство – выборные головы холмогорские отписали к царю о прибытии иностранцев, спрашивая, что с ними делать".

Нетрудно представить себе удовлетворение Иоанна Грозного подобной новостью: "Царь отвечал, чтоб пригласили англичан приехать к нему в Москву, если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествие, то могут торговать с русскими. Но Ченслер не испугался долгого и трудного пути и отправился в Москву еще до прихода ответной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за днем его поездку под разными предлогами, все дожидаясь вестей из Москвы, Ченслер объявил им решительно, что если они не отпустят его в Москву, то он отплывет тотчас же назад в свою землю.

Прожив 13 дней в Москве, Ченслер позван был к государю, которого увидал сидящим на троне, с золотою короною на голове, в золотом платье, с богатым скипетром в руке; в наружности Иоанна Ченслер нашел величие, сообразное с его высоким положением. Прием и угощение Ченслера последовали по обычному церемониалу приема и угощения послов. Получив от Иоанна грамоту, содержавшую благоприятный ответ на грамоту Эдуарда, в которой король просил у всех государей покровительства капитану Уилльоуби, Ченслер отправился в Англию, где уже не нашел в живых Эдуарда; наместо его царствовала Мария".

Сменился владелец трона, но не стремления, приведшие англичан к русским берегам.

Ричард Ченслер на приеме у Иоанна Грозного. Старинная гравюра

"От имени новой королевы и мужа ее, Филиппа Испанского, Ченслер явился снова послом в Москве в 1555 году; с ним приехали и двое агентов компании, составлявшейся для торговли с Россиею. Ченслер и товарищи его были приняты милостиво царем, после чего приступили к переговорам с дьяком Висковатовым и лучшими купцами московскими насчет будущей деятельности компании.

Переговоры кончились тем, что англичане получили следующую льготную грамоту: 1) члены, агенты и служители компании имеют свободный путь всюду, везде имеют право останавливаться и торговать со всеми беспрепятственно и беспошлинно, также отъезжать во всякие другие страны; 2) ни люди, ни товары не могут быть нигде задержаны ни за какой долг или поруку, если сами англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступление, если не сами англичане его совершили; в случае преступления англичанина дело выслушивает и решает сам царь; 3) англичане имеют полную свободу нанимать себе разного рода работников, брать с них клятву в точном исполнении обязанностей, при нарушении

клятвы наказывать и отсылать их, нанимать других на их место; 4) главный фактор, назначенный компаниею в Россию, управляет всеми англичанами, находящимися здесь, чинит между ними суд и расправу; 5) если кто-нибудь из англичан ослушается фактора, то русские, как правительственные лица, так и простые люди, обязаны помогать ему приводить ослушника в повиновение; 6) обещается строгое и скорое правосудие английским купцам при их жалобах на русских людей; 7) если кто-нибудь из англичан будет ранен или убит в России, то обещается строгий и немедленный сыск, и преступник получит должное и скорое наказание в пример другим. Если случится, что служители купцов английских будут подвергнуты за какое-нибудь преступление смертной казни или другому наказанию, то имущество и товары хозяев их не могут быть отобраны в казну; 8) если англичанин будет арестован за долг, то пристав не может вести его в тюрьму, прежде нежели узнает, главный фактор или депутаты будут ли поруками за арестованного? Если будут, то арестованный освобождается".

Вот с такими важными документами следовало Ченслеру предстать пред очи своей королевы.

"Ченслер, – продолжает свое повествование Соловьев, – отправился в Англию с русским послом Осипом Непеею; страшная буря застигла их у шотландских берегов; Ченслер утонул, но Непея спасся и достиг Лондона, где был принят с большим почетом королем, королевою и русскою компаниею. Филипп и Мария в благодарность за льготы, данные англичанам в Московском государстве, дали и русским купцам право свободно и беспошлинно торговать во всех местах своих владений, гуртом и в розницу, обещались, что возьмут их и имущество их под свое особенное покровительство, что им отведены будут в Лондоне приличные домы для складки товаров, также и в других городах английских, где окажется для них удобнее; если корабли их разбиты будут бурею, то товары спасаются в пользу владельцев без расхищения; русские купцы будут судиться верховным канцлером. Наконец, король и королева изъявили согласие на свободный выезд из Англии в Россию художников и ремесленников, вследствие чего Непея уже вывез многих мастеров, медиков, рудознатцев и других".

Значение этого удивительного договора между Англией и Россией огромно!

Иоанн Грозный обретал не только могущественного союзника, но и мог теперь вывести отечественную торговлю на новый уровень.

Впрочем, это еще не самое главное!

Появление англичан у русских берегов представляло собой эффект, вполне сравнимый с тем изумлением, которое охватило души японцев, впервые узревших неподалеку от побережья европейские корабли. Россия, подобно Японии, долгое время пребывала в относительной изоляции, живя без выхода к морю. Заручившись теперь надежной поддержкой туманного Альбиона, Иоанн Грозный получал возможность выведения своей державы на новый уровень, приближение ее к европейским стандартам как в торгово-экономическом плане, так и в культурном.

И это было просто замечательно!

Часть 5 Захват Астрахани. Бросок на Крым и Приднепровье

Собственно говоря, история захвата Астрахани да и всего этого региона напрямую связана с ногаями, фигурировавшими в главе, посвященной началу правления Иоанна Грозного и его триумфальному Казанскому походу. Читателям наверняка будет любопытно узнать, что прародителями ногаев являются тюркские племена, а иначе – гунны, которыми некогда предводительствовал легендарный Аттила. До начала сражений за Казань, можно сказать, что ногаи едва ли проявляли к Москве агрессивное отношение. Впрочем, как отмечает С. Соловьев, представители ногаев частенько наведывались в русскую столицу по разного рода надобностям, причем вели себя, как правило, прескверно: "Послы и купцы ногайские часто приезжали в Москву, приводя с собою на продажу большие табуны лошадей, станы этих кочевников раскидывались под Симоновым на берегу и в других подгородных местах. Купцы ногайские при удобном случае не могли удержаться от хищных привычек, из людей торговых становились разбойниками; так, московское правительство жаловалось князьям ногайским, что гости их, идя по русским украйнам, много вреда наделали, деревни грабили, жгли, людей головами брали и в плен вели. Надобно было поддерживать дружеские сношения с ногайскими князьями, посылать им подарки, чтоб они не мешались в дела казанские, не соединялись с Крымом".

Цель весьма изрядная, а потому Иоанну Грозному – это при его-то безудержном темпераменте – приходилось себя постоянно сдерживать и мириться с ногайским разгулом. На что же были похожи отношения между ним и ногайскими властителями?

С. Соловьев красноречиво свидетельствует: "…потомки Едигея обыкновенно так писали к белому князю московскому: „Ты бы прислал нам те деньги, которые обещал; доведешь нам свою правду – и мы Казани не пособляем, а от Крыма бережем, потому что крымский хан -нам недруг. Деньги пришли, а не пришлешь, то правда на твоей шее. Большого моего посла ты сухо отпустил, а меньшому послу мало поминков дал; и если бы ты нам друг был, то ты так ли бы делал? Ты всякий год нам лжешь. Если назовешь нас себе друзьями, то пришли те куны, которые посулил. А казанский царь ежедневно присылает нас звать, чтоб мы с ним Москву воевали". Иоанн приказывал отвечать на это: „В грамоте к нам писал ты многие непригожие слова, и за такими

словами непригоже в дружбе быть. Если же вперед станешь к нам дружбу свою делать, то пришлешь к нам большого посла, а мы с ним пошлем к тебе своего боярина, и что у нас случится, то мы к тебе пошлем". Хотя за непригожие слова и не следовало быть в дружбе, однако вражда была опасна, и обещались подарки, если придет большой посол. За подарки ногаи готовы были писать Иоанну: „Я твой казак и твоих ворот человек; братству моему знамя то: захотят младшие мои братьи или дети в вашу сторону войною идти, то я, если смогу их унять, уйму; если же не смогу их унять, то к тебе весть пошлю".

Но мы видели, какое важное значение имела Казань для всей Средней Азии и для всего магометанского мира, который теперь благодаря турецкому оружию был не менее могуществен, как и во времена первых калифов. Еще при отце Иоанновом крымский хан обратил внимание султана на унижение, какому подвергается магометанский мир, оставляя Казань в зависимости от христианских государей Москвы; еще при отце Иоанновом посол турецкий объявлял в Москве, что Казань есть юрт султанов; в малолетство Иоанново крымский хан необходимым условием мира поставлял то, чтоб Москва отказалась от притязаний своих на Казань.

Когда Иоанн, возмужав, показал ясно, что нисколько не думает отказаться от этих притязаний, в Бакчисарае и Стамбуле не могли оставаться равнодушными: крымскому хану по причине отдаления и неудобства сообщений нельзя было непосредственно помогать Казани, защищать ее от русских; он мог только нападением на московские украйны отвлекать царя от Казани, что он и попытался сделать; поэтому султан писал к ногайским князьям, чтоб они, заключив союз с крымским ханом, защищали Казань.

По донесениям наших послов, султан так писал к ногайским князьям: „В наших бусурманских книгах пишется, что русского царя Ивана лета пришли, рука его над бусурманами высока. Уже и мне от него обиды великие: поле все и реки у меня поотнимал, Дон у меня отнял, в Азове поотнимал всю волю, казаки его с Азова оброк берут, воды из Дону пить не дадут. А крымскому царю также обиду делают великую: Перекоп воевали. Русские же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют; как вы за это стоять не умеете? Казань теперь как воюют! А в Казани ведь наша же вера, бусурманская. И мы все, бусурманы, сговорились: станем от русского царя борониться заодно".

Ногаи исполнили султанову волю – посадили в Казани царем астраханского царевича Едигера; защищали ее сколько могли,

боролись с русскими и после ее падения. Но главною причиною слабости их при этой борьбе, главною причиною успеха русских в Казани с самого начала, потом в Астрахани и между самими ногаями была постоянная усобица владетелей; усилится один из них и обнаружит враждебное расположение к Москве – Москва могла быть уверена, что найдет себе союзников и даже подданных в других князьях, враждебных ему родичах.

В то время как один астраханский царевич Едигер бился с русскими насмерть в Казани, родственник его, также астраханский царевич, Шиг-Алей, находился в русском стане, другой царевич, Куйбула, владел Юрьевом, изгнанный из Астрахани царь Дербыш-Алей жил в Звенигороде. Незадолго перед тем преемник Дербыша, астраханский царь Ямгурчей, присылал в Москву бить челом государю, чтоб пожаловал, велел ему себе служить и с юртом; когда же вследствие похода Иоаннова на Казань началось между магометанами движение для ее защиты, то Ямгурчею трудно было держаться в Астрахани в качестве союзника московского, и он обнаружил свою вражду к Иоанну тем, что ограбил его посла. Один ногайский князь, Юсуф, тесть Сафа-Гирея, не ладил с Москвою и благоприятно слушал предложения султана, ограбил в 1551 году московского посла, много делал ему докук и бесчестья, много слов говорил жестоких и хвастливых…"

Впрочем, были у Иоанна Грозного и невольные союзники среди ногаев: "…князь Измаил постоянно держался Москвы и говорил Юсуфу: „Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить". Этот Измаил еще до взятия Казани предлагал царю овладеть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его место посадить Дербыша; после взятия Казани предложение возобновилось".

Что ж, этого следовало ожидать! Падение Казани – это было нечто; лучшего доказательства русского могущества было просто невозможно продемонстрировать. А потому брожение в стане ногаев (в силу своего нрава, они никогда не являли собой монолита) не могло не усилиться.

"В октябре 1553 года, – указывает С. Соловьев, – пришли к Иоанну послы от ногаев, от мурзы Измаила и других мурз с челобитьем, чтоб царь и великий князь пожаловал их, оборонил от астраханского царя Ямгурчея, послал бы рать свою на него и посадил бы в Астрахани на его место царя Дербыша, а Измаил и другие мурзы будут исполнять государеву волю. Царь велел Адашеву расспросить хорошенько ногайских послов, чего они хотят, и уговориться, как действовать вместе с ними против

Астрахани. Уговорились, что царь пошлет к Астрахани воевод Волгою на судах с пушками, а Измаил будет помогать им сухим путем или детей и племянников своих пришлет к Астрахани; если воеводы Астраханский юрт возьмут, то посадят здесь царем Дербыша, Измаил же после этого должен идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не прямит, послов его бесчестит".

Такого предложения Москва очень ждала: "Предложение Измаила было как нельзя выгоднее для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть над Астраханью, всегда столь важною для русской торговли, и, кроме того, могла обессилить враждебных ногайских князей, столь опасных теперь для нее по союзу с казанскими мятежниками. Но любопытно, как в летописи выставлены причины, которые заставили Иоанна вооружиться против Астрахани: он вооружился, во-первых, за свою обиду, потому что Ямгурчей-царь присылал сначала послов бить челом, а потом изменил и царского посла ограбил".

Однако не только это смущало покой Иоанна Грозного: "вспомнил царь о своем древнем отечестве: когда святой Владимир делил волости детям своим, то эту, Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканом, отдал сыну своему Мстиславу, здесь был построен храм Пречистыя, здесь владели многие государи христианские, потомки святого Владимира, сродники царя Ивана Васильевича, а потом вследствие междоусобных браней русских государей перешла Астрахань в руки царей нечестивых ордынских. И умыслил царь и великий князь послать рать свою на Астрахань".

Речь могла идти именно о рати: Астрахань представляла собой твердыню; это был могущественный оплот ногайской силы. Чтобы возобладать над ним, требовалась сила еще более изрядная.

И сила такая нашлась.

После казанского триумфа у Иоанна Грозного уж точно не могло возникнуть проблем с подбором необходимого войска.

На сей раз все развертывалось необыкновенно быстро: "Весною 1554 года, как прошел лед, 30 000 русского войска под начальством князя Юрья Ивановича Пронского-Шемякина поплыли Волгою под Астрахань; туда же отправились вятские служилые люди под начальством князя Александра Вяземского. 29 августа, когда царь, по обычаю, праздновал в селе Коломенском свои именины с духовенством и боярами, прискакал гонец от князя Пронского с вестию о взятии Астрахани". За пару месяцев добиться падения Астрахани – да неужто такое возможно?! Обратимся к деталям:

"29 июня, писал Пронский, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Доном, и отпустили наперед князя Александра Вяземского и Данилу Чулкова с детьми боярскими и казаками астраханских людей поискать и языков добыть. Князь Александр встретился с астраханцами выше Черного острова, напал на них и разбил наголову: ни один человек не спасся. Пленные сказали воеводам, что их послал Ямгурчей-царь проведовать про войско московское, а сам Ямгурчей стоит ниже Астрахани в пяти верстах, в городе людей мало, все люди сидят по островам. Пронский, оставя большие суда, пошел наспех к Астрахани, князя Вяземского отпустил на Ямгурчеев стан, а сам пошел к городу, куда прибыл 2 июля; высадившись в двух местах, русские двинулись на крепость и заняли ее без малейшего сопротивления, потому что защитники ее побежали при первом виде врага.

То же самое случилось и с князем Вяземским, который, приблизившись к царскому стану, не нашел там никого: Ямгурчей ускакал к Азову, отпустивши жен и детей на судах к морю; царицы с царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всем углам и дорогам. 7 июля настигнуты были толпы астраханцев, спасавшихся бегством: часть их была побита, другие взяты в плен, причем освобождено было много русских невольников. Тогда остальные астраханцы прислали с челобитьем к воеводам, чтобы государь их пожаловал, побивать и разводить не велел, а велел бы служить себе и царю Дербыш-Алею.

Воеводы согласились на их челобитье с условием, чтоб они выдали всех русских невольников, в какой бы Орде ни были куплены; новый царь Дербыш-Алей также их пожаловал, лучшим людям велел жить у себя в городе, а черных отпустил по улусам; во всех улусах нашлось князей и мурз 500 человек да черных людей 7000; после еще перехватали по дорогам беглецов и привели в Астрахань 3000 человек. Давши царю Дербыш-Алею город и наловивши ему подданных, Пронский обязал его клятвою давать московскому государю каждый год по 40 000 алтын да по 3000 рыб; рыболовам русским царским ловить рыбу в Волге от Казани до Астрахани и до самого моря безданно и безъявочно, астраханским же рыболовам ловить с ними вместе безобидно. Если умрет царь Дербыш-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себе другого царя, а должны бить челом государю и его детям; кого им государь на Астрахань пожалует, тот и будет им люб.

По утверждении этих условий шертною грамотою, воеводы отправились в Москву, отпустивши всех астраханских пленников, взяли с собою только цариц с детьми да русских невольников".

Однако с падением Астрахани история ногайского царства

отнюдь не завершалась. Это ясно показал уже следующий, 1555, год.

У Соловьева читаем об этом следующее: "В феврале 1555 года пришла весть, что союзник московский, князь Измаил, убил брата своего, Юсуфа, и многих мурз, а детей Юсуфовых и племянников всех выгнал. Измаил писал Иоанну, что теперь вся Ногайская Орда смотрит на него и на союзных ему мурз, а что они неотступны будут от царя и великого князя до смерти, просил, чтоб государь дал им вольный торг в Москве, Казани и Астрахани. Служилый татарин, отправленный из Москвы послом к Юсуфу, задержанный последним и освобожденный теперь Измаилом, рассказывал в Москве, что братья, Измаил и Юсуф, резались в продолжение нескольких дней, пока Измаил не одолел окончательно Юсуфа; ногайцев с обеих сторон пало множество: как Орда Ногайская стала, такого падежа над ними не бывало. Так дорезывали кочевники друг друга в степях приволжских, приготовляя окончательное торжество Московскому государству! Измаил просил государя послать стрельцов и казаков на Волгу по перевозам для оберегания на случай прихода Юсуфовых детей; просьба была немедленно исполнена: стрелецкий голова Кафтырев и казачий атаман Павлов отправились на Волгу. Победитель Измаил должен был хлопотать о русской помощи, ибо при степной войне он не мог быть покоен ни одного дня, пока был жив хотя один из сыновей убитого Юсуфа. Положение Дербыша было также незавидное: в постоянном ожидании нападений от Ямгурчея, во вражде с крымским ханом, что еще важнее, во вражде с главою исламизма – султаном турецким, с тяжелым значением данника московского, посаженного на царство вопреки желанию астраханцев. Вот почему он бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовых, как только те дали обещание избавить его от Ямгурчея".

Ну, как мы видим, каждый из ногайских князьков преследовал свою выгоду и печалился единственно о своей участи. При таком отношении всегда можно было ожидать какой-то подлости со стороны ногаев. Так и случилось. И произошло это уже весной 1555 года:

"В апреле 1555 года он (т. е. Дербыш. – Г. Б.) дал знать в Москву, что приходил к Астрахани царь Ямгурчей с сыновьями Юсуфа, крымцами и янычарами и приступал к городу, но что он, Дербыш, с астраханцами и русские казаки, оставленные Пронским, отразили неприятелей. Здесь хан утаил самое важное. В мае оставленный в Астрахани начальник русского отряда Тургенев дал знать также о приходе Ямгурчея и сыновей Юсуфовых, но при этом извещал, что Дербыш вошел в переговоры

с последними, которые побили Ямгурчея с братьею, а Дербыш за это перевез их на другую сторону Волги и таким образом дал им возможность действовать против Измаила, что только и было им нужно: они напали врасплох на дядю и выгнали его. Сам Тургенев встретился с Кафтыревым на Волге и сказал, что Дербыш отпустил его из Астрахани, но послов своих к государю не отправил и ссылается с крымским ханом; Кафтырев воротил Тургенева и с ним вместе поплыл в Астрахань со всеми стрельцами и казаками. Приехавши в Астрахань, Кафтырев нашел город пустым: все астраханцы разбежались, испуганные слухом, что московский царь послал на них свою рать и велел всех их побить; а между тем из Крыма пришли уже к ним три царевича с пушками и пищалями. Кафтырев повестил Дербышу и всем астраханцам, что царь и великий князь вовсе не хочет воевать их, а, напротив, отправляет к ним посла своего Мансурова с милостями: отсылает назад к ним некоторых пленных цариц, о которых просил Дербыш, отпускает их послов, новых Дербышевых и старых Ямгурчеевых, и дарит им годовую дань. По этой повестке Дербыш и астраханцы возвратились в город".

В отличие от вероломного Дербыша, Измаил, с чьей подачи, собственно, и начался Астраханский поход Иоанна Грозного, по-прежнему был верен Москве (точнее – относительно лоялен).

Соловьев пишет: "…была получена весть, что Измаил, собравшись с людьми, опять выгнал племянников и владеет всеми ногаями. Осенью сам Измаил прислал послов с жалобою на Дербыша, что тот царю и великому князю не прямит, им, ногаям, наделал много дурного, чтоб государь их от Дербыша оборонил, взял бы и Астрахань в свое полное владение, как Казань; таким образом, и здесь сами ордынцы потребовали от Москвы уничтожения другого Татарского царства. За себя Измаил и все мурзы прислали шертную грамоту, в которой клялись: куда их царь и великий князь пошлет – всюду ходить и на всех недругов быть заодно".

Тем не менее даже в отношениях с Измаилом имелись свои сложности. Что поделать – таковы уж ногаи…

"Измаил вздумал было писать себя отцом царю Московскому, -продолжает С. Соловьев, – и требовать, чтоб ему платили ежегодно с Казани двадцать сот рублей. Иоанн отвечал ему: „Мы для тебя велели свое астраханское дело делать накрепко. И если астраханское дело сделается и понадобится тебе самому или женам и детям твоим жить в Астрахани, то мы велели держать вас здесь с немногими людьми, как можно вас прокормить, и беречь вас велели от ваших недругов. А если астраханское дело не сделается, то вам и в Казань приезд и отъезд вольный с

немногими людьми, с пятидесятью или шестидесятью, как бы можно было их в Казани прокормить. А что писал ты к нам в своих грамотах многие слова невежливые, и мы на тебя погневались, потому что тебе наше государство и прежние дела ведомы, как прежние князья ногайские и мурзы к отцу нашему и к нам писали. И ты б вперед бездельных слов не писал. А мы ныне гнев свой отложили для того, что на тебя от твоих недругов многие кручины пришли, и мы хотим за прежнюю твою дружбу тебе помогать". Измаил после этого уже не писался отцом Иоанну, а писал: „Всего христианства государю, белому царю много-много поклон"; просьбы были прежние: „Пришли мне трех птиц, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красок много, да бумаги много, да 500 000 гвоздей".

Вот такие своеобразные отношения. Нельзя не отдать дань восхищения беспредельному терпению Иоанна Грозного, стойко общавшегося с ногайским предводителем. Удивляться, однако, тут нечему – Иоанн был истинным государем и вел свою собственную игру. Развитие ситуации показало, что его расчет был верен. Хотя на тот момент торжествовать еще было рано.

"В марте 1556 года Измаил опять дал знать в Москву, что Дербыш изменил окончательно: соединился с крымским ханом и Юсуфовыми детьми и московского посла Мансурова выбил из Астрахани, что он, Измаил, пошел уже под Астрахань, чтоб и государь посылал туда же рать свою. В то же самое время пришла из Казани весть о восстании Мамич-Бердея и о приходе к нему царевича от ногаев; это заставляет думать, что движение казанское было в связи с астраханским, а толчок оба движения, разумеется, получили из Крыма. Чрез несколько дней пришла весть и от самого Мансурова: посол извещал, что Дербыш изменил, побил князей, которые служили прямо царю и великому князю, к нему, Мансурову, приступал три дня со всеми людьми, но он отбился от астраханцев в Малом городе у Волги, пошел на судах вверх по реке и теперь у казаков на Переволоке; из 500 человек народу у него осталось только 308: иные побиты, иные потонули, другие с голоду на дороге померли".

Иоанн Грозный в ответ на все эти известия вновь проявил мгновенную реакцию, нимало не растерявшись, словно вполне готов был к тому, что произошло: "Государь немедленно в том же месяце отправил к Измаилу 50 казаков с пищалями и писал к нему, что отпускает рать свою Волгою на Астрахань, а полем послал для него, Измаила, и для астраханского дела 500 казаков с атаманом Ляпуном Филимоновым".

Этим дело не ограничилось. Царь явно стремился взять власть над регионом в свои руки, а потому дополнительно выслал

более чем существенное подкрепление: "Волгою отправились под Астрахань стрельцы с своими головами Черемисиновым и Тетериным, казаки с атаманом Колупаевым и вятчане с главным головою Писемским".

А бравый Филимонов их и не думал дожидаться; вновь отдадим должное Иоанну Грозному – на сей раз его умению выбирать людей для свершения особых миссий: "Атаман Ляпун Филимонов предупредил их, напал на Дербыша, побил у него много людей, много взял в плен и стал дожидаться Черемисинова с товарищами".

Степняки, судя по всему, намеревались сражаться не на жизнь, а на смерть. К ним тоже поступали подкрепления: "Языки сказывали, что крымский хан прислал в Астрахань 700 татар и 300 янычар с пушками и пищалями".

Что и говорить, дело заваривалось серьезное…

Между тем все шло своим чередом: "В сентябре, когда царь по обыкновению был у Троицы для празднования дня святого Сергия (25 числа), пришло донесение от Черемисинова: приехал он в Астрахань, а город пуст: царь и люди выбежали, разогнанные атаманом Ляпуном; головы сели в Астрахани, город укрепили и пошли к морю, нашли суда все астраханские, посекли их и пожгли, а людей не нашли: люди скрылись далеко на берегу. Пошли в другой раз Писемский и Тетерин, нашли царя от берега верст с 20, напали на него ночью и побили многих людей; наутро собрался царь Дербыш с мурзами ногайскими и крымскими и со всеми астраханцами; русские пошли назад. Дербыш преследовал их и бился, идучи весь день до Волги.

После этого Дербыш начал пересылаться с Черемисиновым, бил челом, что изменил государю неволею, чтоб государь ему милость показал; вместе со всеми астраханцами поклялся, что поедут в город и будут служить государю. Головы в ожидании прихода астраханцев укрепились в городе, чтобы можно было сидеть бесстрашно, по Волге казаков и стрельцов расставили, отняли всю волю у ногаев, у астраханцев отняли все рыбные ловли и перевозы. Дербыш не приходил в город по обещанию, клятве своей изменил, отводил его от государя крымский воевода, присланный от Девлет-Гирея, да Юсуфовы дети. Но последние недолго оставались на крымской стороне: началась опять резня между ногаями, три дня бились друг с другом два рода – Юсуфовы дети с Шиг-Мамаевыми детьми, и следствием было то, что Юсуфовы дети помирились с дядею Измаилом, убийцею отца их, и прислали бить челом к русским головам, что хотят служить государю, как служит ему дядя их Измаил, будут кочевать у Астрахани, а дурного ничего делать не будут; головы

приняли их челобитье, дали им суда, на чем ехать к Измаилу и на чем кормиться на Волге.

Вследствие такого переворота в степной политике судьба Астрахани решилась так, что московскому стрельцу, сидевшему в астраханском кремле, не нужно было заряжать своей пищали: Юсуфовы дети бросились на старого союзника своего Дербыша и прогнали его, отняли крымские пушки и прислали их к Черемисинову в Астрахань; Дербыш побежал к Азову и не возвращался более; черные люди астраханцы начали после этого приходить к головам, присягать и бить челом, чтоб государь пожаловал, велел жить по-старому у Астрахани и дань давать, казнить бы их не велел: они люди черные, водил их царь и князья неволею; много астраханцев развели также ногаи в то время, как те бегали от русского войска".

Что ж, Иоанн Грозный вновь достиг задуманного! Регион устья Волги был причислен к русским владениям. Ногаи были вынуждены с этим считаться: "Из астраханского кремля московский стрелецкий голова легко наблюдал за ногаями, которые просили только позволения кочевать безопасно под Астраханью, ловить рыбу на Волге и торговать беспрепятственно".

Контраст ощутимый, не правда ли?

Вместе с тем опытный Иоанн Грозный – в отличие от многих – заведомо знал, что уж слишком ненадежный народ эти степняки, чтобы на их лояльность можно было всерьез полагаться. Он специально отрядил опытнейших своих людей для надзора за краем: "Государь велел казацкому атаману Ляпуну Филимонову утвердиться на Волге у переволоки, а сотскому Кобелеву – на реке Иргызе для оберегания ногаев от русских и крымских казаков, также для перевозки послов".

Иоанн Грозный как в воду глядел: "Усобицы, не переставшие между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этих застепных русских владений: сыновья Юсуфа недолго нажили в мире с дядею Измаилом; осенью 1557 года они согнали его с княжения, но это событие не повело ни к какой перемене в отношениях ногаев к русскому правительству: старший из Юсуфовых детей, ставши князем, поклялся в верности государю и объявил: укрепится он на княжении – будет служить царю и великому князю; сгонят ли его – все же он государев холоп, и другой надежды у него нет ни на кого; а за то бы государь на него не сердился, что он разбранился с Измаилом: у них прошла кровь, Измаил отца у них убил.

Причина, почему ногаи так боялись Москвы, известна; в стане у сыновей Юсуфовых говорили: „Если государь царь даст Измаилу пищальников, то ногаи все пропали; государь взял всю Волгу до

самого моря, скоро возьмет и Сарайчик, возьмет весь Яик, Шамаху, Дербент, и нам всем быть от него взятым. Наши книги говорят, что все бусурманские государи русскому государю поработают". Русские посланцы доносили: „Ногаи изводятся; людей у них мало добрых, и те голодны необычно и пеши; не верят друг другу и родные братья; земля их пропала, друг друга грабят". Измаил, который прежде хотел писаться отцом Иоанну, теперь должен был согласиться писать Иоанна государем; вместе с московским послом убеждали его к этому собственные его люди, бывавшие в Москве послами и знавшие могущество царя; они говорили Измаилу: „Не стыдись, князь Измаил! Пиши белого царя государем: немцы посильнее тебя, да и у них государь все города побрал". Измаил опять осилил племянников, но старший из них, Юнус, отъехал на службу в Москву; русский посол доносил: „Ногаи все пропали, немного их с Измаилом осталось, да и те в розни: Измаил сильно боится Юнуса, потому что все улусные люди Юнуса очень любят и желают видеть его на юрте, а, кроме Юнуса, юрта держать некому. Измаил не юртный человек, да и стар уже; улусы у него мятутся, грозят ему, хотят в Крым бежать".

Но Измаил был верен себе. Он, как и прежде, продолжал нудить в своих депешах к Иоанну Грозному, сетуя государю русскому на свою обделенность благами и плаксиво клянча у него для себя особых полномочий:

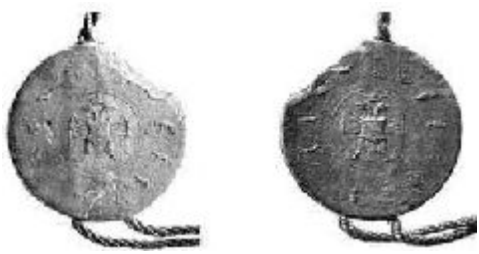
"В 1562 году Измаил писал царю: „Прежде братство и дружба твоя к нам была; прежде ты нам говорил, что если возьмешь Казань, то нам ее отдашь; ты Казань взял, а нам ее не отдал. Потом Астрахань взял, хотел и ее также нам отдать и не отдал. Волга пала в море 66-ю устьями, и этими реками всеми ты владеешь: бью челом, дай мне одну из них, Бузан! Станут говорить: у друга своего, белого царя, одной реки не мог выпросить! И твоему и моему имени добрая ли то слава? Твоим жалованьем держу у себя слуг своих. Голодны мы и в нужде большой, неоткуда нам деньгу взять: пожаловал бы ты, прислал 400 рублей". Царь отвечал: „Того слова не бывало, что будто мы хотели тебе Астрахань отдать. А о Бузане мы сыскивали и нашли, что исстари по Бузан был рубеж астраханский; и ты б велел людям своим кочевать по своей стороне Бузана, а за Бузан не переходить".

Измаил просил, чтоб царь вывел из Астрахани враждебных ему князей; Иоанн отвечал: „Этих князей скоро нам вывести нельзя потому: как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям свое жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить:

вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит. А у нас в книгах христианских писано: не велено силою приводить к нашей вере. Бог судит в будущем веке, кто верует право или неправо, а людям того судить не дано".

Да, состязаться с таким игроком Измаилу было явно не под силу. Оставалось одно – безропотно принять свою судьбу. Что ж, переоценить важность завоевания Астрахани сложно. Вместе с тем у астраханского демарша были свои последствия.

Как указано у С. Соловьева: "Утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев и потому, как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые – с предложением подданства и таким образом незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него".



Печать Иоанна Грозного Оборотная сторона печати Иоанна Грозного

Факты говорили сами за себя, и Иоанну Грозному предстояло их глубоко осмыслить для выработки грамотной стратегии: "Тотчас после падения Казани, в ноябре 1552 года, приехали в Москву двое черкасских князей с просьбою, чтоб государь вступился за них и взял их себе в холопи. В августе 1555 года приехали в Москву князья черкасские жаженские Сибок с братом Ацымгуком да Тутарык, в сопровождении 150 человек. Били они челом от всей земли Черкасской, чтоб государь дал им помощь на турецкого и крымского царей, а они холопи царя и великого князя с женами и детьми вовеки. Государь пожаловал их своим великим жалованьем, насчет же турецкого царя велел им отмолвить, что турский султан в миру с царем и великим князем Шуйским, а от

крымского государя хочет их беречь, как только можно. Князь Сибок просил, чтоб государь велел окрестить сына его, а Тутарык просил, чтоб окрестили его самого.

Летом 1557 года приезжали в Москву другие черкасские князья. Тогда же двое князей черкасских кабардинских, Темрюк и Тизрют, прислали бить челом, чтоб государь велел им себе служить и велел бы астраханским воеводам дать им помощь на шамхала Тарковского; посол говорил: только государь их пожалует, как пожаловал жаженских князей, и поможет на недругов, то князь грузинский и вся земля Грузинская будут также бить челом государю в службу, потому что грузинский князь в союзе с кабардинскими князьями. С другой стороны, из владений шамхала и князя тюменского (с берегов Терека) пришли послы с челобитьем, чтоб государь велел им быть в своем имени, приказал бы астраханским воеводам беречь их со всех сторон, а торговым людям дал бы дорогу чистую: что государь велит себе прислать, то будут присылать каждый год. Черкасские князья просили помощи на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей; тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владетеля, а они всею землею холопи государевы; ханы хивинский и бухарский присылали с великим челобитьем, чтоб государь дал дорогу купцам их в Астрахань". Иоанн Грозный без труда мог предвидеть, как все это будет воспринято Крымом.

С. Соловьев справедливо замечает: "Попытка отвлечь Иоанна от Казани нападением на московские украйны не удалась; деятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну без надежды на грабеж не нравилось разбойникам: они умели только раздувать восстания на Волге и не умели их поддерживать, вследствие чего Казань и Астрахань стали московскими городами. По возвращении Иоанна из-под Казани Девлет-Гирей завел опять пересылку с Москвою, осенью 1553 года прислал даже шертную грамоту, написанную точно так, как требовал царь, только без царского титула; прописано было даже, что если московский посол потерпит бесчестие в Крыму, то государь московский имеет право подвергнуть такому же бесчестию крымского посла у себя. По-прежнему хан жаловался, что Иоанн присылает ему мало поминков, а если пришлет больше, то он и помирится крепче. Иоанн велел отвечать, что дружбы подарками не покупает, и, чтоб мир с ханом был крепче, велел строить город Дедилов в степи против Тулы. Летом 1555 года, поднявши Дербыш-Алея в Астрахани против русских, Девлет-Гирей вздумал опять попытаться напасть врасплох на

московские украйны. По обычаю – в одну сторону лук натянуть, а в другую стрелять – хан распустил слух, что идет на Черкасов".

Крымчане уже потирали руки, полагая, что им удалось провести самого русского царя. Эх, скверно же они знали Иоанна Грозного!

"Обязавшись защищать этих новых подданных, Иоанн первый из московских государей решился предпринять наступательное движение на Крым и отправил боярина Ивана Васильевича Шереметева с 13 000 войска к Перекопи в Мамаевы луга промыслить там над стадами крымскими и отвлечь хана от черкас".

Читателям непременно стоит отметить этот важный момент: впервые Крым становился завоевательной целью Руси, и определена эта цель была Иоанном Грозным!

А что же Шереметев?

Тот, получив прямое указание царя, конечно же, не медлил!" Шереметев двинулся, но на дороге получил весть, что хан вместо черкас идет с 60 000 войска к рязанским или тульским украйнам. Шереметев дал знать об этом в Москву, и царь, отправив тотчас же воевод, князя Ивана Федоровича Мстиславского с товарищами, в поход, сам выступил за ними на третий день с князем Владимиром Андреевичем в Коломну".

Тут еще один важный момент.

Иоанн Грозный во мнении народа стал после захвата Казани безусловным триумфатором. Его личный выезд к войскам был способен воодушевить куда больше любых посулов дополнительного жалованья и проч. Иоанн прекрасно об этом знал и умело использовал данное обстоятельство в своих целях. А цели эти были, как можно понять, далеко идущими.

Причем исключительно далеко идущими! Царя уведомили, что "…хан идет к Туле; Иоанн двинулся туда же; хан, узнавши, что сам царь идет к нему навстречу, поворотил назад. Между тем Шереметев шел за ханом с намерением хватать малочисленные татарские отряды, когда они рассеятся для грабежа по украйне, и прежде всего отправил треть своего войска на крымский обоз, который с половиною лошадей татары обыкновенно оставляли назади, в расстоянии пяти или шести дней пути от главного войска, чтоб лошади и верблюды могли удобнее прокормиться. Русские взяли обоз, при котором нашли 60 000 лошадей, 200 аргамаков, 80 верблюдов, и прислали Шереметеву 20 языков, которые сказали ему, что хан идет к Туле; Шереметев продолжал идти за ним следом, но в это время хан уже узнал о царском походе и возвратился назад.

В 150 верстах от Тулы, на Судбищах, встретился он с отрядом

Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленного уходом трети ратных людей на крымский обоз и еще не возвратившихся, вступил в битву, бился с полудня до ночи, потоптал передовой полк, правую и левую руку, взял знамя князей Ширинских. Но татары не ушли; надобно было приготовляться к новой битве на другой день, и Шереметев послал гонцов к тому отряду, который ходил на обоз, чтобы спешил к нему на помощь, но из этого отряда прискакали к утру только немногие, остальные с добычею отправились в ближайшие русские города, кто в Рязань, кто в Мценск.

Между тем хан ночью пытал двоих русских пленников: хотелось ему дознаться о числе войска, так храбро бившегося с ним днем; один из пленников не вытерпел мук и рассказал, что у Шереметева людей мало и тех целая треть отпущена на татарский обоз. Ободренный этим известием, хан на рассвете возобновил битву; бились до полудня; сначала и тут русские успели разогнать крымцев и около хана оставались только янычары, но воевода Шереметев был тяжело ранен и сбит раненым конем; русские замешались без воеводы и потерпели сильное поражение, только двум воеводам, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысяч с пять или шесть ратных людей и засесть в лесном овраге; три раза приступал к ним хан со всем войском и всякий раз без успеха; наступил вечер; хан, боясь приближения русского войска, оставил Басманова и Сидорова в покое и поспешил переправиться за Сосну; русские потеряли в Судбищенской битве 320 детей боярских и 34 стрельца".

А что же Иоанн Грозный? Как повествует С. Соловьев, "Царь переправился уже чрез Оку и приближался к Туле, когда ему дали знать, что Шереметев поражен и хан идет к Туле; мнения разделились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назад, за Оку, и оттуда к Москве, другие говорили, что не должно обращать тыла перед врагом и помрачать прежнюю славу: хотя хан и одержал победу над Шереметевым, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, потому что битва была упорная, двухдневная. Царь принял последнее мнение и продолжал поход к Туле, но, пришедши туда, узнал, что хан спешит в Крым, делает по 70 верст в день, и догнать его нельзя, потому что между ним и царем уже четыре дня пути. Простоявши в Туле два дня, дождавшись сбора всех своих ратных людей, Иоанн возвратился в Москву".

Да, на этот раз Иоанну Грозному не удалось добиться задуманного (уж сильно припустил от него хан, спасая свою шкуру!), но оба – царь русский и хан – прекрасно понимали, что их противостояние не завершено; быть новым баталиям, и скоро!

После краткой передышки хан вознамерился проявить инициативу. Ни о какой особой стратегии или глубоко продуманных планах наступления тут и речи не было. Просто нападать внезапно – это вообще в крови у степных людей.

Итак, Иоанну Грозному сообщили крайне интересные известия: "В марте следующего, 1556 года ему дали знать, что хан опять собирается со всеми людьми, хочет быть рано весною на московскую украйну. Царь послал дьяка Ржевского с казаками из Путивля на Днепр, велел ему идти Днепром под крымские улусы, добывать языков, проведовать про царя. Ржевский пришел на реку Псел, построил здесь суда, выплыл в Днепр и пошел по наказу; в то же время вниз по Дону отправился другой отряд для наблюдений. В мае выбежал пленник из Крыма и принес весть, что хан вышел и велел брать запасов на все лето.

Тогда царь приговорил с братьями и боярами идти в Серпухов, здесь собраться с людьми и идти на Тулу, из Тулы выйти на поле, дожидаться хана и делать с ним прямое дело, как Бог поможет. В Серпухов пришел к царю гонец от Чулкова, начальника того отряда, который плыл Доном для вестей; Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил их наголову и узнал от пленных, что хан в самом деле собрался на московские украйны, но получил весть, что царь готов его встретить, и пошел было на черкас, как прислали к нему на Миус весть из Крыма, что много русских людей показалось на Днепре у Ислам-Керменя, и хан поспешил возвратиться. Эти русские люди были ратники Ржевского, к которому пристали на Днепре 300 казаков малороссийских из Канева.

Получив эти подкрепления, Ржевский пошел под Ислам-Кермень; люди выбежали отсюда, заслышав о приходе небывалых гостей, и русским удалось только отогнать лошадей и скот; от Ислам-Керменя Ржевский поплыл дальше к Очакову, здесь взял острог, побил турок и татар и поплыл назад; турки преследовали его; он засел в засаду в тростнике у Днепра, побил у неприятеля из пищалей много людей, а сам отошел благополучно. У Ислам-Керменя встретил старшего крымского царевича (калгу) со всем Крымом, с князьями и мурзами, стал против него на острове, перестреливался из пищалей шесть дней, ночью отогнал у татар конские стада, перевез к себе на остров, потом переправился на западную, литовскую сторону Днепра и разошелся с крымцами благополучно".

После этого блистательному Ржевскому оставалось уведомить Иоанна Грозного о достигнутом успехе. Он и не преминул это сделать: "Ржевский прислал сказать государю, что хан уже больше не пойдет к московским украйнам и потому, что

боится царского войска, и потому, что в Крыму моровое поветрие". Любопытная деталь! То, что творилось в Крыму и Приднепровье – при прямом участии Ржевского, – не могло, естественно, укрыться от внимания обитателей литовской стороны Днепра.

Соловьев сообщает: "Поход Ржевского произвел сильное движение в литовской украйне между казаками малороссийскими; неслыханное дело: московские люди явились на Днепре и ходили вниз, искали татар и турок в их собственных владениях! Мы видели, что 300 малороссийских казаков не утерпели, чтоб не проводить московского дьяка в его прогулке на бусурманов. Когда прогулка удалась, не утерпел начальник всей украйны, староста Каневский, князь Дмитрий Вишневецкий, истый казак по природе, достойный преемник Евстафия Дашковича.

В сентябре 1556 года в Москву явился один из атаманов, провожавших Ржевского под Очаков, и привез царю челобитье от Вишневецкого, чтоб государь пожаловал, велел себе служить, а что он, князь Дмитрий Иванович, от короля из Литвы отъехал и на Днепре, на Хортицком острове, город поставил против Конских вод, у крымских кочевищ. Царь послал к нему двоих детей боярских с опасною грамотою и с жалованьем. Вишневецкий отвечал с ними, что он, холоп государев, дал клятву приехать в Москву, но прежде обещал идти воевать крымские улусы и Ислам-Кермень, чтоб показать свою службу царю и великому князю. Об этой службе узнал царь в декабре прямо из Крыма: приехал гонец от Девлет-Гирея с известием, что хан отпускает на откуп всех пленников, взятых им на бою с Шереметевым; в грамоте хан писал, что уже всю безлепицу оставляет и хочет крепкого мира, для утверждения которого надобно с обеих сторон отправить добрых послов. Посол московский Загрязский, живший, по обычаю, все это время в Крыму, писал, что хан провел все лето в тревоге, ожидая царского прихода в Крым, посылал к султану, чтоб тот спас его от беды; что первого октября Вишневецкий взял Ислам-Кермень, людей побил, пушки вывез на Днепр в свой Хортицкий город; с другой стороны пятигорские черкесы, двое князей, бывших в Москве, взяли два города – Темрюк и Тамань; что хан хочет мириться и отправляет больших послов. Царь отвечал, что если хан хочет быть с ним в крепкой дружбе, то пусть поклянется в ней перед Загрязским и пришлет в Москву добрых послов. Но хану прежде всего хотелось выгнать Вишневецкого с Хортицкого острова: весною 1557 года он приходил туда со всеми своими людьми, приступал к городку 24 дня, но принужден был отступить с большим стыдом и уроном.

Вишневецкий, извещая об этом царя, писал, что, пока он будет на Хортице, крымцам ходить войною никуда нельзя. Но если таково было значение Хортицы, то Вишневецкий должен был понимать, что крымцы и турки не оставят его здесь в покое; осенью того же года пришла от него в Москву иная весть: он писал, что, услыхав о приближении войска крымского, турецкого и волошского к его городку, он покинул его по недостатку съестных припасов, отчего казаки его разошлись; что теперь он в прежних своих городах, Черкасах и Каневе, и ждет царских приказаний.

Иоанн велел ему сдать Черкасы и Канев королю, потому что он с ним в перемирье, а самому ехать в Москву; здесь Вишневецкий получил в отчину Белев со всеми волостями и селами да в других областях несколько сел".

Хан крымский по недомыслию своему счел оставление Вишневецким Хортицы за крайне благоприятный для себя знак и за свидетельство слабости Руси. Он тут же позволил себе депешу наглого содержания, направив ее прямо Иоанну Грозному. Тот, однако же, посмеялся и мигом поставил наглеца на место.

"Хан ободрился уходом Вишневецкого с Хортицкого острова и писал к царю, что если он будет присылать ему поминки большие и ту дань, какую литовский король дает, то правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами. Иоанн отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в начале 1558 года отправил князя Вишневецкого на Днепр с пятитысячным отрядом, приказавши черкесам помогать ему с другой стороны.

Хан боялся Иоанна, хотел помириться с ним, но ему хотелось выторговать что-нибудь; зная, что даром ничего теперь не получит из Москвы, он решился опустошать Литву, чтоб и покормить свою орду, и вместе получить награду из Москвы. Посол Загрязский возвратился в Москву с известием, что Девлет-Гирей присягнул царю в дружбе и братстве и сына своего отпустил на Литву; но, давая шерть, хан выговаривал, чтоб царь прислал ему казну, какая посылалась к Магмет-Гирею: тогда и дружба в дружбу, а не пришлет, то и шерть не в шерть; и потом, когда хан повоюет короля, то царю присылать в Крым такую же дань, какую король дает. Но и это предложение в Москве не было принято: царь приговорил, что хан поминки берет и клятву дает, но всегда изменяет, и потому нового посла в Крым не отправил, а послал гонца с грамотою, в которой писал, что захочет хан добра, то безлепицу и большие запросы оставил бы.

В мае пришло известие от Вишневецкого, что он ходил к Перекопи, но не встретил ни одного татарина на Днепре; улусов также не застал, потому что король дал знать хану о

приближении русских и хан забил все улусы за Перекопь, а сам сел в осаде. Вишневецкий хотел провести лето в Ислам-Кермени, но государь велел ему быть в Москву, а на Днепре оставить небольшие отряды детей боярских, стрельцов и казаков. Крымцы пытались малыми толпами, человек в 300, во 100, пробираться на Волгу, нападать на рыболовов, но не имели нигде успеха: одни были побиты горными, другие – русскими людьми".

Как известно, лето и осень – наиболее благоприятны для начала наступления. Уж это-то хану крымскому было хорошо известно. Отчего же он медлил? Зная его лукавый восточный нрав, можно сделать один-единственный вывод: хан выжидал удобного момента для вероломного нападения. Он намеревался избегнуть любого, даже малейшего риска. Момент представился ему очень скоро: в 1558 году Иоанн Грозный начал Ливонскую войну, а потому распространились слухи, что чуть ли не вся рать русского государя брошена на рижское направление.

Как пишет Соловьев: "…зимою в конце 1558 года какие-то татары дали ему (т. е. хану. – Г. Б.) знать из Москвы, что здесь нет никого, что царь со всеми своими силами отправился в Ливонию, к Риге. Девлет-Гирею так хотелось отомстить Иоанну за Ржевского, Вишневецкого и особенно за то, что давно уже не получал поминков из Москвы, что он решился даже на зимний поход, лишь бы воспользоваться случаем и напасть врасплох на беззащитные украйны. Собравши тысяч до ста войска, хан отпустил его тремя отрядами – на Рязань, Тулу и Каширу; но на реке Мече царевич Магмет Гирей, предводительствовавший главным отрядом, узнал, что Иоанн в Москве, спросил, где князь Вишневецкий и боярин Иван Шереметев, два человека, более других знакомые и страшные крымцам, и, узнав, что первый в Белеве, а другой в Рязани, поворотил назад и благодаря зиме переморил лошадей и людей".

Подлая вылазка хана позорно провалилась, причинив ему ощутимый урон. Тем не менее Иоанн Грозный не преминул сделать вывод, что хан явно не успокоился, и от него надлежит ожидать всяческих мерзостей -причем в любой момент.

Иоанн решил на всякий случай достойно подготовиться к возможному набегу крымцев и предпринял ряд упреждающих мер в самом начале следующего года: "В начале года отправлены были князь Вишневецкий с 5000 на Дон и окольничий Данила Адашев с 8000 в городок на Пселе, чтоб оттуда выплыть на Днепр и промышлять над Крымом. Весною Вишневецкий близ Азова разбил 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область; Адашев сделал больше: выплывши на лодках в устье Днепра, взял два турецких корабля, высадился в Крыму, опустошил улусы,

освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад.

Часть 6. Триумфальный разгром Крымского Хана

Естественно, Иоанн Грозный более всего хотел сосредоточиться на одной-единственной цели, а именно на своей вожделенной Ливонии, обладание которой могло бы предоставить ему несравненный в стратегическом отношении козырь: выход на Балтику. Ему был нужен мир с теми же крымцами, чтобы они не донимали его своими непрестанными притязаниями и набегами. Именно с этой целью, как отмечается у С. Соловьева, и предпринял Грозный очередную попытку поладить с ханом без кровопролития: "Чтоб попытаться, нельзя ли склонить Девлет-Гирея к миру, отправился в Крым большой посол Афанасий Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани в грамоте своей к крымскому хану не хотел употреблять прежних почтительных выражений, писать челобитье; Иоанн писал: „Божиею милостию великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, московского, новгородского, казанского астраханского, немецкого и иных – Великие Орды великому царю, брату моему Девлет-Гирею царю с поклоном слово". И в Крыму переменили прежнее поведение относительно московских послов: Нагой писал, что когда он шел к хану и от хана, то зацепки ему не было никакой: встречники и придверники о пошлинах не поминали. Посол так говорил хану именем своего государя: „Изначала дед наш, великий государь Иван, с твоим дедом, Менгли-Гиреем царем, дружбу и любовь держали великую, и кому из них над недругом Бог помощь подаст, друг ко другу сеунчей (вестников победы) посылывали, сами тому радовались, людей между собою жаловали и богатили, недруги их под их ногами были, а друзья их, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, седши сами на конь и со всеми ратями своими многих земель, в королеву землю пришли и, слава Богу, город Полоцк взяли. Мы было хотели и к Вильне идти, но Рада королева большая к нашим боярам прислала бить челом, чтоб бояре упросили нас из земли воротиться, а государь их король сейчас же пришлет к нам послов своих бить челом о своем неисправлении. Бояре наши били челом брату нашему, князю Владимиру Андреевичу, и, вместе с ним падши к нашим ногам, говорили: великий государь! Вера у вас с королем одна, больше кровь зачем проливать! Недруга своего землю ты воевал, рати твои богатством и пленом наполнились, город у него лучший ты взял, недруг твой прислал к тебе бить

челом и в твоей воле хочет быть! И мы, не хотя братнего и боярского челобитья оскорбить, на свое государство пришли".

Полагаю, читатели оценили мастерство риторики, явленное Нагим.

Оно и неудивительно: какой у него был наставник – сам царь Иоанн Грозный.

Иоанн не преминул вручить Нагому особые инструкции: "В наказе Нагому было написано: „Если станут спрашивать о Казани, то отвечать: о Казани что и говорить! Казань во всей государской воле, церкви в городе и по уездам многие поставлены, в городе и на посаде все русские люди живут, и многие земли роздал государь княжатам и детям боярским в поместья; этою зимою было на государской службе в Литовской земле одних казанских людей с 50 000 кроме русских людей; астраханских людей было тысячи с две; а в дальние походы государь астраханских людей не берет, потому что им ходить далеко, а велел им государь ходить на тамошние службы – в Шавкалы, в Юргенч, в Дербент и в иные места, куда государские воеводы пошлют. Если вспомнят при каком-нибудь случае о великом князе Иване Даниловиче Калите и о царе Узбеке и если сам царь начнет говорить, то послу отвечать, что он еще молод, тех дел не слыхал, то ведает Бог да вы, государи; а если станут об этом говорить без царя князья, то отвечать, что такие разговоры к доброму делу нейдут, то дело было невзгодою государя нашего прародителей, а теперь Божиею волею Узбеков юрт у кого в руках, сами знаете; известно, от кого на том юрте посланники и воеводы сидят, и по Узбекову юрту кому к кому следует поминки посылать-знаете; Узбек и князь великий Иван уже минулися, а что теперь, то всеми видимо, и что видимо, то минувшего крепче; во всех государствах Бог сегодня то повысит, а завтра иное".

Всем этим инструкциям Нагой следовал скрупулезно и говорил прекрасно.

Однако собеседник ему попался крепкий: такому палец в рот уж не клади!

Иван Калита

"На речи Нагого хан отвечал: „Король мне дает казну ежегодно, а государь ваш со мною бранится и казны и поминков, как было при прежних царях, не посылает; если государь ваш хочет со мною дружбы, то давай мне казну, как давал Саип-Гирею царю, да и ту мне казну давай же, что мне король дает, да и сверх королевой казны поминки дай; а если не даст мне казны и поминков, то мне с государем вашим для чего мириться и королеву казну из чего потерять?" Нагой отвечал: „Государю моему казны к тебе не присылывать, и в пошлину государь наш никому не дает ничего, государь наш дружбы не покупает: станется между вами доброе дело, так государь наш тебе за поминки не постоит". Хан жаловался, что Иоанн велел схватить в Путивле посла его и держать в Москве под стражею; Нагой отвечал, что это сделалось по распоряжению изменников, которые были в приближении у государя, но что теперь эти люди в опале. Один из князей говорил Нагому: „Татарин любит того, кто ему больше даст, тот ему и друг".

"Мирные предложения со стороны Иоанна, – продолжает далее Соловьев, – дали хану случай торговаться с королем: когда последний прислал ему казну, 36 телег со всякою рухлядью, то хан велел сказать ему, чтоб присылал вдвое, иначе он помирится с московским и будет с ним вместе Литву воевать. Взявши казну

от короля, хан дожидался богатых поминков из Москвы, чтоб помириться и с нею и потом смотреть, кто будет щедрее; новый посол царский, Ржевский, привез хану такие поминки, которые ему очень полюбились: он оказал обоим послам, Ржевскому и Нагому, большие почести, даже обдарил их, чего прежде не бывало, и дал шертную грамоту царю. Крымские ханы по разбойничьему характеру своей Орды не могли постоянно и долго иметь в виду высших интересов: напуганный Ржевским, Вишневецким, Адашевым, прельщенный богатыми подарками, Девлет-Гирей позабыл на время о Казани и Астрахани".

Однако же "…мысль об них, мысль о том, что христианские церкви поставлены в древнем убежище мусульманства, беспокоили другого владельца, который считал себя главою мусульманского мира, – султана турецкого.

Отдаленность и другие заботы помешали Солиману II непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; он поручил это дело крымцам и ногаям, но мы видели, как они исполнили его поручение. Теперь, управившись с делами и слыша жалобы магометан, Солиман решился заняться севером и отправить войско для завоевания Астрахани. Но этого намерения прежде всего испугался крымский хан: зависимость от турок сильно тяготила его; боясь более всего увеличения турецкого могущества на северных берегах Черного моря, на Дону и на Волге, он всеми силами начал отвращать султана от похода на Астрахань; притом он знал, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: крымцы любили только предпринимать опустошительные набеги с верною надеждою на добычу, а теперь заставят их предпринять трудный поход, успех которого был очень сомнителен, заставят осаждать город, биться с русскими, которые нелегко поддаются, и в случае даже успеха грабить своих татар им не дадут, а московские пленники достанутся туркам".

А тут как раз и Нагой удачно "…дал знать Иоанну, что в сентябре 1563 года турский хункер (султан) прислал к Девлет-Гирею чауша с приказанием к весне запас готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; с ханом турский посылает своих царевичей, с ними многих людей и янычар; велел турский хану приготовить тысячу телег под наряд; пойдут турки с большим нарядом на судах Доном до речки Иловли, на устье Иловли класть им наряд и телеги в малые суда и плыть Иловлею вверх до речки Черепахи, до которой от Иловли будет у них переволоки (в нынешней Качалинской станице) верст с семь, и речкою Черепахою идти им вниз до Волги; за Волгу возиться им против Черепашского устья на Ногайскую сторону и идти к Астрахани сухим путем.

Присылали к турскому бить челом черкесы, также астраханские, ногайские и казанские люди, чтоб турский послал людей на Астрахань, а они с ними все готовы вместе промышлять; астраханские татары ждут только приходу турских людей, хотят город взять. Большая досада турскому на государя за то, что когда бусурманы с Прикавказья и из других государств поедут на Астрахань к Магометову гробу, то московские воеводы в Астрахани их не пропускают. Девлет-Гирей отпустил чауша с тем, что государь московский с ним мирится, и послал своего человека к турскому отговорить, чтоб к Астрахани людей не посылал: „И возьмешь теперь Астрахань у великого князя, все же ее тебе не удержать: опять ее великий князь возьмет; только людей потеряешь, а корысти не получишь".

Нагой заключает свое донесение следующим известием: „Обедал у Ржевского ага янычарский, который у хана живет с янычарами, мы и стали его для вестей поить, и как он опьянел, то начал нам сказывать, что турский на весну к Астрахани непременно посылает многих людей и хану велит идти, что у турского наряд и для подкопов буравы, заступы, топоры, лопаты и корыта – к весне все готово; но хан к Астрахани идти не хочет и турскому отговаривает".

Что любопытно, но практически одновременно "…с такими же вестями присылал сам хан в Москву; по словам его гонца, султан приказал на переволоке город поставить, а другой город – против переволоки на Волге, и между этими двумя городами переволоку прокопать и воду пропустить, чтоб можно было этим местом наряд везти, а пришедши к Астрахани, поставить там третий город и Астрахань покорить султану. Но вместе с этим хан извещал, что султан послушался его и отложил поход.

Довольный поведением хана и шертною грамотою, Иоанн отправил к нему третьего посла, Писемского, с поминками, причем писал ему: „В котором платье мы тебе, брату своему, клятву дали, и мы то платье с своих плеч тебе, брату своему, послали; и ты б, брат наш, то платье и носил на здоровье; а из которой чары мы пили, и мы ту чару с черпалкою послали к тебе же, и ты б из нее пил на здоровье". Но долго жить в согласии с ханом было нельзя: Нагой обещал Девлет-Гирею, что царь будет присылать ему такие же поминки, какие присылались Саип Гирею; хан согласился, но татары его не соглашались, требовали таких поминков, какие отец Иоаннов присылал Магмет-Гирею; наконец все согласились на Саип-Гиреевых поминках, и Нагой сбирался уже выехать из Крыма, как приехал гонец литовский с известием, что король посылает двойную казну и берется присылать Саип-Гиреевские поминки, которые обещает царь, если

только хан разорвет с Москвою.

Это дало хану повод торговаться с московским послом; он послал спросить Нагого, ручается ли он, что царь пришлет ему Магмет-Гиреевские поминки. Нагой отвечал, что не ручается, и тогда хан решил, что королева дружба выгоднее, и выступил к московским украйнам, ибо король писал ему, что все царские войска на ливонской границе.

Действительно, вследствие шертной грамоты Девлет-Гиреевой украйна была обнажена от войск, в Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, рязанцы под предводительством любимца Иоаннова, Алексея Басманова, и сына его, Федора, отбили все приступы татар, и хан, услыхав о приближении московских воевод, не стал их дожидаться и ушел назад, потерпев значительный урон в людях, потому что отдельные отряды его, рассеявшиеся для грабежа, были побиты".

Получалась на редкость скверная ситуация: "Опять, следовательно, Иоанну нужно было не спускать глаз с южной украйны или тягаться с королем на крымском аукционе, наддавать поминки разбойникам. Хан не отступался от своих требований: чтоб заставить царя согласиться на Мегмет-Гиреевские поминки, он стал требовать Казани и Астрахани, требовать, чтоб Иоанн посадил в Казани сына его, Адыл-Гирея. Нагой отвечал на это требование: „Как тому статься? В Казани, в городе и на посаде, и по селам государь наш поставил церкви, навел русских людей, села и волости раздавал детям боярским в поместья; а больших и средних казанских людей, татар всех вывел, подавал им в поместья села и волости в московских городах, а иным – в новгородских и псковских; да в Казанской же земле государь поставил семь городов: на Свияге, на Чебоксаре, на Суре, на Алатыре, на Курмыше, в Арске и город Лаишев".

В Москве гонцам ханским, присланным с требованием Казани и Астрахани, дан был ответ, что это требование к доброму делу нейдет. Гонцам за столом даны были, по обычаю, шубы, но полегче тех, которые давались прежде; один из гонцов стал жаловаться на это; в ответ сам царь сказал ему: „За то ли вас нам жаловать, что царь ваш нарушил клятву, Рязань повоевал, а теперь Казани да Астрахани просит? Города и земли за чашею да за хлебом не берутся". Быть может, сам хан и позабыл бы о Казани и Астрахани, если б ему не напоминали о них.

Нагой писал в Москву: „Пришли в Крым от ногаев послы за миром, чтоб с ними хан помирился, и если он захочет воевать Казань и Астрахань, то они с ним готовы идти. Вместе с ногайскими послами пришел в Крым казанец, Коштивлей-улан, и говорит, что был с ногаями в Москве, где виделся с двумя

луговыми черемисинами, Лаишем и Ламбердеем; они приказали с ним к хану, чтоб шел к Казани или послал царевичей, а они все ждут его приходу; как придет, все ему передадутся и станут промышлять заодно над Казанью. С другой стороны, черкесы прислали говорить хану, что царь Иван ставит на Тереке город, и если он город поставит, то не только им пропасть, но и Тюмен и Шевкал будут за Москвою".

Хан отвечал черкесам, что у него нет силы помешать царю ставить город; у него была сила только нападать врасплох на московские украйны, и осенью 1565 года он подступил с пушками к Волхову; но там были воеводы с людьми ратными, они сделали удачную вылазку, не дали татарам даже сжечь посада, а между тем двое воевод, князья Бельский и Мстиславский, уже приближались с большим войском; хан по обыкновению бежал назад".

Оцените этот пассаж: по обыкновению. Казалось бы, ему уже не раз продемонстрировал противник свою мощь – впору смириться и обратиться мыслями на другое. Так нет же, хан был упрям как знаменитый баран из поговорки, и постоянно норовил "переть на новые ворота".

После своего очередного, катастрофически бездарного нападения "…хан прислал в Москву гонцов с требованиями Казани и Астрахани для вечного мира, богатых даров для перемирия; царь отвечал им: „Мы, государи великие, бездельных речей говорить и слушать не хотим". Царь не позволял также хану возобновлять прежнее поведение относительно послов московских; так, в наказе послу Алябьеву читаем: „Если станет хан говорить: посылал я к брату своему, великому князю, гонца Мустафу с добрым делом, а князь великий велел его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулеш взял имение в зачет наших поминков, так я велю этот грабеж Мустафе взять на тебе, - отвечать: которые поминки государь наш послал к тебе с Андреем Щепотьевым, эти поминки Андрей до тебя и довез; а Сулеш у Андрея взял рухлядь силою, Андрей бил тебе челом на Сулеша, а ты управы не дал; Андрей бил челом нашему государю, и государь велел ему за тот грабеж взять на твоем гонце; если же на мне велишь взять что силою, то государь мой велит мне взять вдвое на твоем после и вперед к тебе за то посла не пришлет никакого".

А между тем надо заметить, что посол Иоанна Грозного Нагой "…уже давно жил в Крыму и не хотел выехать оттуда без окончательного договора о мире и без посла ханского. Однажды хан попросил у него шубы беличьей для одного князя, Нагой не дал; тогда мурзы сказали ему: „Ты шубы не дал, так царь наш

наложил на тебя опалу, высылает тебя вон, а что наш посол задержан в Москве, то Крым пуст не будет, много у нашего царя таких холопей, какие на Москве померли". Нагой отвечал: „Если царь ваш отправит послов и нас отпустит, то мы ехать ради, а станет высылать без послов и без дела, то мы не поедем; лучше нам в Крыму помереть, чем ехать без посла".

Пребывание Нагого в Крыму было необходимо для вестей, которые становились все важнее и важнее вследствие неудовольствий, обнаруживавшихся в Казани и Астрахани, и замыслов в Константинополе. Так, Нагой доносил царю, что писали к хану из Казани двое знатных людей и вся луговая черемиса, просили прислать к ним сына с воинскими людьми; и как к ним царевич придет, то они от московского государя отступят и станут промышлять над казанским острогом; а по всем селам московские служилые люди будут их; и в сборе у них луговой черемисы 60 000.

Ногайские князья также приказывали хану: „Пока мы были наги и бесконны, до тех пор мы дружили царю и великому князю, а теперь мы конны и одеты: так если ты царевича в Казань с войском отпустишь, то дай нам знать, мы сыну твоему готовы на помощь". Хан не был в состоянии отнять Казань у царя, но помириться ему с Москвою было трудно: разбойники понимали, какая опасность грозит им от ее усиления. „Была, – пишет Нагой, – дума у царевичей: думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся земля и придумали мириться с королем; поехали к царю и говорили ему, чтоб помириться с королем, а с тобою, государем, не мириться; помириться тебе с московским, говорили они хану, – это значит короля выдать; московский короля извоюет, Киев возьмет, станет по Днепру города ставить, и нам от него не пробыть. Взял он два юрта бусурманских; взял немцев; теперь он тебе поминки дает, чтоб короля извоевать, а когда короля извоюет, то нашему юрту от него не пробыть; он и казанцам шубы давал, но вы этим шубам не радуйтесь: после того он Казань взял".

Хан согласился с их мнением, велел сказать Нагому, что не хочет быть в мире с его государем. Нагой добился, однако, свидания с ханом, который сказал ему: „Ко мне пришла весть, что государь ваш хочет на Тереке город ставить; если государь ваш хочет быть со мною в дружбе и братстве, то он бы города на Тереке не ставил, дал бы мне поминки Магмет-Гиреевские, тогда я с ним помирюсь. Если же он будет на Тереке город ставить, то, хотя давай мне гору золотую, мне с ним не помириться, потому что побрал он юрты бусурманские, Казань да Астрахань, а теперь на Тереке город ставит и несется к нам в соседи".

В том же смысле хан послал грамоту самому Иоанну; царь приговорил с боярами: отвечать, что Казани и Астрахани не отдаст; на Тереке город построен для безопасности князя Темрюка, тестя государева; а хочет хан, пусть пришлет царевича: государь выдаст за него дочь Шиг-Алееву и даст ему Касимов; Магмет-Гиреевских поминков не пошлет. Царь приговорил послать поминков на триста рублей, чтоб с ханом дела не порвать.

На предложение посадить сына в Касимове хан велел отвечать Нагому: „Просил я у вашего государя Казани и Астрахани, государь ваш мне этого не дает, а, что мне дает и на Касимов царевича просит, того мне не надобно: сыну моему и у меня есть что есть; а не даст мне государь ваш Астрахани, так турский возьмет же ее".

Султан Селим, наследник Солимана, действительно задумал опять о завоевании Астрахани; Нагой доносил: „Прислал турский весною (1567 года) к хану с грамотою: были у турского из Хивы послы да из Бухар, которые шли к Мекке на Астрахань, и били челом турскому, что государь московский побрал юрты бусурманские, взял Казань да Астрахань, разорил бусурманство, а учинил христианство, воюет и другие многие бусурманские юрты; а в Астрахань из многих земель кораблям с торгом приход великий, доходит ему в Астрахани тамги на день по тысяче золотых. И турский писал к хану, чтоб шел с сыновьями этою весною к Астрахани, а он, султан, от себя отпускает туда же Крым-Гирея, царевича, да Касима, князя, и людей с нарядом, чтоб Астрахань взяли и посадили там царем Крым-Гирея, царевича".

Сам хан сказал Нагому: „Я бы с государем вашим, побранившись, и помирился, да теперь на государя вашего поднимается человек тяжелый, турский царь, и меня на Астрахань посылает; да и все бусурманские государства на государя вашего поднимаются за то, что государь ваш побрал бусурманские юрты". Нагой отвечал: „Астрахань государю нашему дал Бог, и стоит за нее Бог же да государь наш; ведаешь и сам, что государь наш сидит на своем коне и недругам свою недружбу мстит". Хан сказал на это: „Оно так, государю вашему эти юрты Бог поручил, но ведь и мы надеемся на Бога же". Нагой отвечал: „Век свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются: этому статься нельзя".

Нет, что ни говорите, но более искусного в речах и стойкого духом посла, чем Нагой, представить себе просто нельзя! Иоанну Грозному вновь нельзя не отдать должное за искусный подбор кандидатуры для столь непростых переговоров.

"А хан, – отмечает Соловьев, – по-прежнему боялся турецкого

соседства более, чем московского; он писал султану, что этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимою к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему с сыновьями к Астрахани на весну раньше и промышлять над городом; если Астрахань не возьмут, то город поставить на Крымской стороне, на старом городище, и из него промышлять над Астраханью. Потом хан старался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. „У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украйны: если которых городов и не возьмем, то, по крайней мере, землю повоюем и досаду учиним". Хан прислал гонца в Москву известить о походе турецкого войска под Астрахань и требовать, чтоб царь отдал ему Астрахань лучше добром. „Мы, – велел сказать хан, – не захотели турецким людям на наш юрт дорогу проложить и потому послали к тебе объявить о том". Иоанн отвечал: „Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их?"

Весною 1569 года пришло в Кафу 17 000 турецкого войска, с которыми кафинский паша Касим должен был идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгою и потом взять Астрахань или, по крайней мере, основать вблизи ее крепость; хан с 50 000 своих татар также выступил в поход; суда с пушками под прикрытием 500 ратников плыли от Азова Доном. На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами, находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногаям и захваченный азовскими казаками. „Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! – пишет Мальцев. – Жизнь свою на каторге мучил, а государское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи, дивились, что государевых людей и казаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы казаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели".

Достигши Переволоки в половине августа, турки начали рыть канал; но продолжать работу не было никакой возможности; Касим велел тащить суда по земле; хан советовал уже возвратиться; татары по его наказу разглашали между турками, что и в случае успеха предприятия им придется плохо: ибо в северных странах зима продолжается девять месяцев, а летом

ночи длятся не более трех часов, следовательно, турки должны будут или не спать всю ночь, или пренебрегать своими религиозными обязанностями, по которым они должны молиться два часа спустя по захождении солнца и потом опять на рассвете. Ропот между турками усилился, но в это время явились послы от астраханцев и убедили пашу в бесполезности брать с собою суда, обещаясь доставить их, сколько было нужно, лишь бы только турки шли поскорее к Астрахани и отняли ее у русских. Но сделать это было не очень легко: приблизясь к Астрахани в половине сентября, Касим не решился приступить к ней и, остановившись ниже города, на старом городище, решился строить тут крепость и зимовать, а хана отпустить назад в Крым. Но когда в войске узнали об этом намерении паши, то вспыхнуло возмущение; пришли турки на пашу (рассказывает Мальцев) с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года, а ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем; ты государя взманил, и он по твоей мане не послушался Девлет-Гирея царя, а царь что ни писал к государю, и нам что ни говорил, и тебе перед нами на Переволоке что ни говорил – все вышло правда.

Но Мальцев не довольствовался только тем, что подмечал происходившее в стане турецком: „Взяли турки в плен под Астраханью никольского келаря Арсения да игумнова человека и посадили этого человека со мною на одной цепи, и вот я его стал изучать, велел говорить: слышал он от игумена, что князь Петр Серебряный, а с ним 30 000 судовой рати будет сейчас под Астрахань, а полем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Дмитриевича Бельского, а с ним 100 000 войска, да и ногаи с ним будут, а кизилбашский (персидский) шах присылал к нашему царю бить челом: турские люди мимо Астрахани дороги ко мне ищут, а ты бы, великий царь, сильною своею рукою помог мне на турского; и государь наш шаха пожаловал, послал к нему посла своего, Алексея Хозникова, а с ним 100 пушек да 500 пищалей".

На другую ночь действительно туркам дали знать о приходе московских воевод, князя Петра Серебряного и Замятни Сабурова, с большим войском; извещали, что русские перехватали уже ногаев, передавшихся на турецкую сторону, и что, по выражению Мальцева, все около Астрахани трепещет царя-государя, единого под солнцем страшила бусурманов и латинов. Вследствие этих вестей Касим 20 сентября зажег свои деревянные укрепления и побежал вместе с ханом от Астрахани; в 60 верстах встретился ему гонец от султана: Селим писал, чтоб Касим оставался

зимовать под Астраханью, что весною получит он сильное подкрепление и для отвлечения московских сил пойдет на Русь крымский хан и турецкий паша, зять султанов.

Но Касим продолжал бегство; месяц шли турки до Азова; хан вел их мимо черкесов, Кабардинскою дорогою, по безводным местам; турки, терпя нужду, называли Селима несчастным, потому что после вступления на престол впервые отпустил рать свою в поход и так неудачно: мы и с больших боев, говорили они, в такой истоме не прихаживали, а если бы еще на нас неприятели пришли, то ни один бы из нас не возвратился".

Важнейшее следствие этого триумфа русской рати: "Хан достиг своей цели: турки потеряли охоту восстанавливать мусульманские царства на Волге!" Причем столь значительный результат ему практически ничего не стоил – как отмечали наблюдатели со стороны.

Вместе с тем "…он находился в затруднительном положении относительно Москвы: прежде он все стращал царя султаном, но предприятие султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, московского доброжелателя, хан говорил ему: „С чем мне послать теперь в Москву? Не знаю, чего просить. Астраханским походом я турок истомил; пришедши под Астрахань, я за реку не переправился и к городу не приступал; я так делал и для московского царя, и для себя тут же: мне не хотелось, чтоб Астрахань была за турским, хотел я себе помочь, чтоб турского люди на Крым не ходили". Хан прислал наконец гонца в Москву с грамотою, в которой просил Казани и Астрахани, требовал размена послов – Нагого на Ямболдуя, давно уже задержанного в Москве, тысячи рублей денег, шуб, кречетов. Иоанн ждал второго нашествия турок, видел, что хан может быть ему полезен в этом случае, и потому отвечал очень ласково; отказавши насчет Казани и Астрахани, писал: „Мы бы тебе, брату своему, за Магмет-Гиреевские поминки не постояли, но в Москве был пожар большой, и книги, в которых те поминки значились, потерялись; а который ты нам счет прислал Магмет-Гиреевским поминкам, то здесь старые люди говорят, что столько никогда не посылывалось, и ты бы, брат наш, этот счет пересмотрел и дал нам знать, как тебе с нами вперед в дружбе и братстве быть".

Но главная опасность грозила из Константинополя: если тяжело было при войне Ливонской и при отсутствии постоянного войска держать рать на берегах Оки против хана, то еще тяжелее было держать другие многочисленные полки в отдаленной Астрахани; Иоанн знал, что султан на весну замышлял новый поход к этому городу, а хан в то же время должен был идти к Москве, причем малейший успех турок в низовьях Волги служил

знаком к восстанию недовольных казанских. Имея глаза постоянно обращенными к берегам Балтийского моря, готовясь к важным событиям в Литве и Польше, считая себя небезопасным внутри государства, Иоанн должен был употребить все средства, решиться на важные пожертвования, чтоб только склонить к миру хана и султана.

Соглашаясь давать Магмет-Гиреевские поминки первому, царь в 1570 году отправил посла Новосильцева в Константинополь под предлогом поздравления Селима с восшествием на престол: посол должен был напомнить султану о прежних приятельских отношениях предшественников его к предшественникам Иоанновым и, главное, внушить, что магометанство не терпит никакого притеснения в новых владениях московских, завоеванных у татар; рассказавши о казанских делах при Иоанне III, Василии, Иоанне IV, Новосильцев говорил султану: „Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды Бог над ними так и учинил. А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь наш посадил в Касимове городке царевича Саип-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял; а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булата среди своей земли в бусурманском законе устраивать".

Султан в грамоте, присланной с Новосильцевым, требовал, чтоб Астраханскую дорогу отпереть, русский город, поставленный в Кабардинской земле, покинуть и отовсюду людей проезжих пропускать. В марте 1571 года отправлен был в Константинополь новый посол, Кузминский; царь в грамоте, с ним отправленной, писал к султану: „Желая быть с тобою вперед в братстве и любви, мы показали братской любви знамя: город с Терека-реки, из Кабардинской земли, велели снести и людей своих оттуда свести в Астрахань; а что ты писал к нам о дороге, то она была заперта для того, что многие люди ходили воровским обычаем, измены многие и убытки нашему городу Астрахани делали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велели всяким проезжим людям".

Кузминскому было наказано: „Если станут говорить, что в Астрахани кишени разорили и мертвецов грабили, то отвечать: это делали без государского ведома воры, боярские холопи и казаки". Кузминский должен был говорить от царского имени любимцу султанову, Магметпаше: „Захочешь нашего жалованья и

любви, то послужи нам, введи нас с своим государем в любовь, чтоб брат наш, Селим-султан, был с нами в братстве и любви и заодно был бы на цесаря римского, и на польского короля, и на чешского, и на французского, и на иных королей, и на всех государей италийских" (западноевропейских). Но благоприятного ответа не было: султан требовал Казани, Астрахани и даже подручничества, а между тем вести о неприязненных намерениях султана и хана продолжали приходить в Москву".

Да практически "…все лето 1570 года прошло в тревогах, в ожиданиях татарского нашествия, войско стояло на Оке, сам Иоанн два раза выезжал к нему по вестям о приближении хана; но вести оказались ложными, являлись малочисленные толпы татар, которые легко были прогоняемы, и в конце сентября бояре приговорили, что станичники, показывая большое неприятельское войско, солгали, что государю самому стоять в Серпухове не для чего, а постоят по берегу воеводы с неделю после 1 октября и потом разъедутся по домам.

Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы – князья Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, Михайла Иванович Воротынский, Иван Андреевич Шуйский, Иван Петрович Шуйский – с 50 000 войска отправились к Оке; царь выступил с опричниною в Серпухов. На этот раз тревога не была мнимая; хан, собравши 120 000 войска, пошел к московским украйнам; в степи прибежали к нему дети боярские – двое из Белева, двое из Калуги, один из Каширы, один из Серпухова – и сказали, что „во всех городах московских два года сряду был большой голод и мор, много людей померло, а много других государь в опале побил, остальные воинские люди и татары все в Немецкой земле; государя ждут в Серпухове с опричниною, но людей с ним мало; ты ступай прямо к Москве: мы проведем тебя чрез Оку, и если тебе до самой Москвы встретится какое-нибудь войско, то вели нас казнить".

Потом прибежали к хану двое новокрещеных татар и сказали ему то же самое. Хан пошел по указанию изменников и неизвестно где переправился через Оку; станичники, которые прошлого года в своих известиях даже преувеличивали опасность, теперь, должно быть, молчали; Иоанн, отрезанный от главного войска, поспешил отступить из Серпухова в Бронницы, оттуда – в Александровскую слободу и из слободы – в Ростов, как то делывали в подобных случаях и предшественники его, Димитрий Донской, Василий Димитриевич; он говорил об измене, говорил, что бояре послали к хану детей боярских провести его беспрепятственно через Оку; князь Мстиславский признался после в приведенной выше грамоте, что он навел хана, – вот все,

что мы имеем для объяснения этого дела!

Как бы то ни было, воеводы, узнавши, что хан за Окой, предупредили его, пришли в Москву 23 мая и расположились в ее предместиях, чтоб защищать город. Татары явились на другой день, 24 мая, в день Вознесения, и успели зажечь предместия: в ясный день при сильном ветре в три часа пожар истребил сухую громаду деревянных строений, один только Кремль уцелел; по иностранным известиям, войска и народу погибло до 800 000; допустив преувеличение при невозможности верного счета, вспомним, однако, что при вести о татарах в Москву сбежалось много народу из окрестностей, что во время пожара бежать было некуда: в поле – татары, в Кремль – не пускали; всего более, говорят, погибло тех, которые хотели пройти в самые дальние от неприятеля ворота: здесь, собравшись в огромную толпу и перебивая друг у друга дорогу, они так стеснились в воротах и прилегавших к ним улицах, что в три ряда шли по головам друг у друга и верхние давили нижних. По русским известиям, людей погорело бесчисленное множество; митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения; первый боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе, других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели".

В это практически сложно поверить: как вообще можно было допустить крымцев к Москве, позволить пожечь ее?! Однако на войне случается и не такое. Кстати, забавная деталь: учиненный ими же самими " пожар помешал татарам грабить в предместиях; осаждать Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных – по некоторым известиям, до 150 000,- услыхав о приближении большого русского войска". Вести эти были отнюдь не вымышленными. Иоанн Грозный, как вы помните, всегда отличался быстротой реакции. Он незамедлительно собрал внушительную рать и ринулся к Москве.

"Когда Иоанн возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге, представили ему гонцов Девлет-Гиреевых, которые подали царю такую грамоту от хана: „Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество Божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты – Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами

всесветное богатство нам давать – ненадобно; желание наше – Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал".

Мы видели, как тяжела, опасна, несвоевременна была для Иоанна борьба с Турциею и Крымом за Астрахань, как он прежде готов был на важные уступки, чтоб только избавиться от этой борьбы. Теперь гибельное нашествие Девлет-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествия должны были еще более встревожить царя; успех надмевал хана; нужно было ждать скоро нового нападения, и Девлет-Гирей действительно готовился к нему. Надобно было как можно долее не допускать его до этого, задержать переговорами, новыми уступками: Иоанн возобновил прежние учтивости, в ответной грамоте написал челобитье хану.

„Ты в грамоте пишешь о войне, – отвечает царь, – и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу статься нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки и земли нашей не воевал". Нагому писал Иоанн, чтоб и он говорил то же самое хану и вельможам его: „А разговаривал бы ты с князьями и мурзами в разговоре без противоречия (не встречно), гладко да челобитьем; проведовал бы ты о том накрепко: если мы уступим хану Астрахань, то как он на ней посадит царя? Нельзя ли так сделать: чтоб хан посадил в Астрахани сына своего, а при нем был бы наш боярин, как в Касимове, а нашим людям, которые в Астрахани, насильства никакого не было бы, и дорога в наше государство изо всех земель не затворилась бы, и нельзя ли нам из своей руки посадить в Астрахани ханского сына?"

Большую уступку против принятого обычая находим и в наказе гонцу, отправленному с этими грамотами в Крым: „Если гонца без пошлины к хану не пустят и государеву делу из-за этих пошлин станут делать поруху, то гонцу дать немного, что у него случится, и за этим от хана не ходить назад, а говорить обо всем смирно, с челобитьем, не в раздор, чтоб от каких-нибудь речей гнева не было".

На предложение Астрахани хан отвечал: „Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быть?!" В другой грамоте хан писал: „Теперь у меня дочери две-три на выданье, да у меня же сыновьям моим, царевичам, двоим-троим обрезанье, их радость будет, для этого нам рухлядь и товар надобен; чтоб купить эту рухлядь, мы у тебя просим две тысячи

рублей; учини дружбу, не отнетываясь, дай".

Мы видели, как хан в первой грамоте своей, написанной после сожжения Москвы, притворился бескорыстным, объявил, что не хочет богатства всего света, хочет только юртов бусурманских, воюет за веру; недолго, однако, он мог выдерживать и запросил опять денег; но Иоанн помнил хорошо первую грамоту и не упустил удобного случая поймать хана на словах, что очень любил; он отвечал гонцу ханскому: „Брат наш, Девлет-Гирей царь, на то не надеялся бы, что землю нашу воевал; сабля сечет временем, а если станет часто сечь, то притупеет, а иногда и острие у нее изломается; просит он у нас Казани и Астрахани; но без договора и без послов как такому великому делу статься? А что писал он к нам о великих запросах, то нам для чего ему запросы давать? Землю нашу он вывоевал, и земля наша от его войны стала пуста, и взять ни с кого ничего нельзя".

В грамоте же к хану Иоанн писал: „Ты в своей грамоте писал к нам, что в твоих глазах казны и богатства праху уподобились, и нам вопреки твоей грамоте как можно посылать такие великие запросы? Что у нас случилось, двести рублей, то мы и послали к тебе". Иоанн рассчитывал на характер татар, которые при виде больших денег забывают обо всяких высших интересах, и потому послал наказ Нагому – хлопотать у хана и царевичей, чтоб дело о Казани и Астрахани оставили, и в таком случае обещать не только Магмет-Гиреевские поминки, но и такие, какие посылает король польский, даже обещать и Магмет-Гиреевские и королевские поминки вместе.

Но хан понял намерение Иоанна длить время, мало надеялся на переговоры, и летом 1572 года с 120 000 войска двинулся опять к Оке. Иоанн был в Новгороде; но на Оке, у Серпухова, стояло русское войско под начальством князя Михаила Ивановича Воротынского; хан, оставя тут двухтысячный отряд травиться с русскими и занимать их, с главным войском ночью перешел Оку; Воротынский погнался за ним и настиг в 50 верстах от Москвы, на берегу Лопасни, в Молодях; здесь в последних числах июля и в первых августа происходило несколько сильных схваток, которые все окончились неудачно для хана, и он принужден был бежать назад, потерявши много войска.

После этого хан переменил тон и прислал сказать Иоанну: „Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земли его ход девять месяцев, поперек – шесть месяцев, а мне не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него и кроме них еще много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турского: с царем и великим

князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой – черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду; ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед".

Но Иоанн также переменил тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовскою да Черкесскою землею. „Теперь, – писал он, – против нас одна сабля – Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань – третья, ногаи – четвертая". Гонцу, отправленному в Крым, опять настрого было запрещено давать поминки, хотя в грамотах продолжалось писаться челобитье. Иоанн не переставал колоть хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани. „Поминки я тебе послал легкие, – писал царь, – добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно".

Что ж, каждый сделал свой выбор. Хан рискнул и – проиграл. Иоанн был верен себе, а потому праздновал триумф. Правда, значение этого триумфа была существенно смазано, и причиной этого была, конечно же, пресловутая Ливонская война.

Иоанн Грозный. Худ. В. Васнецов. 1897 г.

Собственно, о ней пойдет речь в следующей части этой книги. А здесь в завершение мы хотим познакомить вас с кратким обзором предостерегающих мер, которые бы могли позволить Иоанну Грозному забыть о непрестанных захватнических поползновениях с южного направления. Обзор создан выдающимся русским историком С. Платоновым и представляет большой интерес!

"В самое мрачное и жестокое время правления Грозного, в 70-х годах XVI столетия, московское правительство поставило себе большую и сложную задачу – устроить заново охрану от татар южной границы государства, носившей название „берега", потому что долго эта

граница совпадала на деле с берегом средней Оки.

В середине XVI в. на восток и на запад от этого берега средней Оки, под прикрытием старинных крепостей на верхней Оке, „верховских" и рязанских, население чувствовало себя более или менее в безопасности; но между верхней Окой и верхним Доном и на реках Упе, Проне и Осетре русские люди до последней трети XVI в. были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексин, Одоев, Тула, Зарайск и Михайлов не могли дать приют и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на тульском и пронском черноземе. Не могли эти крепости и задерживать шайки татар в их быстром и скрытом движении к берегам средней Оки. Надо было защитить надежным образом население окраины и дороги внутрь страны, в Замосковье.

Московское правительство берется за эту задачу. Оно сначала укрепляет места по верховьям Оки и Дона, затем укрепляет линию реки Быстрой Сосны, переходит на линию верхнего Сейма и, наконец, занимает крепостями течение реки Оскола и верховье Северного (или Северского) Донца. Все это делается в течение всего четырех десятилетий, с энергической быстротой и по известному плану, который легко открывается позднейшему наблюдателю, несмотря на скудость исторического материала для изучения этого дела.

Порядок обороны южной границы Московского государства был таков. Для отражения врага строились крепости и устраивалась укрепленная пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска. Для наблюдения же за врагом и для предупреждения его нечаянных набегов выдвигались в „поле" за линию укреплений наблюдательные посты – „сторожи" и разъезды – „станицы".

Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало-

помалу спускалась с севера на юг, следуя по тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар. Преграждая эти дороги засеками и валами, затрудняли доступы к бродам через реки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крепостью, место для которой выбиралось с большой осмотрительностью, иногда даже в стороне от татарской дороги, но так, чтобы крепость командовала над этой дорогой. Каждый шаг на юг, конечно, опирался на уже существовавшую цепь укреплений; каждый город, возникавший на „поле", строился трудами людей, взятых из других „украинских" и „польских" (полевых) городов, населялся ими же и становился по службе в тесную связь со всей сетью прочих городов. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряжениями, но и всем складом боевой порубежной жизни. Весь юг Московского государства представлял собой один хорошо организованный военный округ…

Свойства врага, которого надлежало здесь остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижной и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он „искрадывал" русскую украйну, а не воевал ее открытой войной; он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее; он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткой грозой. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организации, предназначенной на борьбу с таким врагом.

Ряд крепостей стоял на границе; в них жил постоянный гарнизон и было приготовлено место для окрестного населения, на тот случай, если ему при нашествии врага будет необходимо и возможно, по времени, укрыться за стены крепости. Из крепостей рассылаются разведочные отряды для наблюдения за появлением татар, а в определенное время года в главнейших крепостях собираются большие массы войск в ожидании крупного набега крымского „царя".

Все мелочи крепостной жизни, все маршруты разведочных партий, вся „береговая" или „польная" служба, как ее называли, – словом, вся совокупность оборонительных мер определена наказами и „росписями". Самым мелочным образом заботятся о том, чтобы быть „усторожливее", и предписывают крайнюю осмотрительность. А между тем, несмотря на опасности, на всем пространстве укрепленной границы живет и подвигается вперед, все южнее, земледельческое и промышленное население; оно не только без разрешения, но и без ведома власти оседает на новых

землицах, в своих „юртах", пашенных заимках и зверопромышленных угодьях.

Стремление московского населения на юг из центра государства было так энергично, что выбрасывало наиболее предприимчивые элементы даже вовсе за границу крепостей, где защитой поселенца была уже не засека или городской вал, а природные „крепости": лесная чаша и течение лесной же речки. Недоступный конному степнику-грабителю, лес для русского поселенца был и убежищем, и кормильцем. Рыболовство в лесных озерах и реках, охота и бортничество привлекло поселенцев именно в леса.

Один из исследователей заселения нашего „поля" (Миклашевский), отмечая расположение поселков на украине по рекам и лесам, справедливо говорит, что „русский человек, передвигавшийся из северных областей государства, не поселялся в безлесных местностях; не лес, а степь останавливала его движение". Таким образом, рядом с правительственной заимкой „поля" происходила и частная. И та и другая, изучив свойства врага и средства борьбы с ним, шли смело вперед; и та и другая держались рек и пользовались лесными пространствами для обороны дорог и жилищ: тем чаще должны были встречаться и влиять друг на друга оба колонизаторских движения. И действительно, правительство часто настигало поселенцев на их юртах", оно налагало свою руку на частнозаимочные земли, оставляло их в пользовании владельцев уже на поместном праве и привлекало население вновь занятых мест к официальному участию в обороне границы. Оно (т. е. правительство. – Г. Б.) в данном случае опиралось на ранее сложившуюся здесь хозяйственную деятельность и пользовалось уже существовавшими здесь общественными силами. Но, в свою очередь, вновь занимаемая правительством позиция становилась базисом дальнейшего народного движения в „поле": от новых крепостей шли далее новые заимки.

Подобным взаимодействием всего лучше можно объяснить тот изумительно быстрый успех в движении на юг московского правительства, с которым мы ознакомились на предшествующих страницах. Остерегаясь общего врага, обе силы, и общество и правительство, в то же время как бы наперерыв идут ему навстречу и взаимной поддержкой умножают свои силы и энергию. Знакомясь с делом быстрой и систематической заимки „дикого поля", мы удивляемся тому, что и это широкое предприятие организовалось и выполнялось в те годы, когда, по привычным представлениям, в Москве существовал лишь террор „умалишенного тирана".

Часть 7. Ливонская война

У каждого человека есть взлеты и падения, триумфы и неудачи. Были они ведомы и Иоанну Грозному. Самым же горшим из всех поражений, испытанных им на протяжении всей его жизни, явилась Ливонская война (1558-1583).

Собственно, война возникла из-за выяснения того, кто будет владеть балтийским берегом. Умалить стратегическое значение Балтики просто невозможно, а потому повод для войны был более чем серьезный.

Как пишет С. Платонов: "…параллельно внутренней ломке и борьбе с 1558 г. шла у Грозного упорная борьба за балтийский берег. Балтийский вопрос был в то время одной из самых сложных международных проблем. За преобладание на Балтике спорили многие прибалтийские государства, и старание Москвы стать на морском берегу твердой ногой поднимало против „московитов" и Швецию, и Польшу, и Германию".

Что касается шведов, тут необходимо остановиться подробнее.

Иоанна Грозного "…сначала занимала война с Швециею, начавшаяся в 1554 году вследствие пограничных ссор, – сообщает С. Соловьев, – ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами, но шведского короля раздражал обычай московского двора, который не хотел непосредственно сноситься с ним, а предоставлял эти сношения новгородским наместникам, что король считал для себя унижением".

Карта Ливонии (взята из Theatrum Orbis Terrarum)

Каждая из сторон отметилась в военном противостоянии; "Шведы безуспешно осаждали Орешек, русские – Выборг, но окрестности последнего были страшно опустошены; русские продавали пленного мужчину за гривну, девку – за пять алтын; Густав Ваза начал войну, обнадеженный в помощи польской и ливонской, но помощь эта не приходила, и престарелый король принужден был искать мира в Москве и заключить его, как угодно было царю.

Королевская грамота к Иоанну начиналась так; „Мы, Густав, Божиею милостию свейский, готский и вендский король, челом бью твоему велеможнейшеству князю, государю Ивану Васильевичу, о твоей милости. Великий князь и царь всея Русския земли!" Иоанн отвечал; „Мы для королевского челобитья разлитие крови христианской велим унять. Если король свои гордостные мысли оставит и за свое крестопреступление и за все свои неправды станет нам бить челом покорно своими большими послами, то мы челобитье его примем и велим наместникам своим новгородским подкрепить с ним перемирье по старым грамотам, также и рубежи велим очистить по старым перемирным грамотам; мы не захотим нигде взять его земли через старые рубежи, потому что по своей государской справедливости мы довольны своими землями, которые нам Бог дал из старины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылаться, то он бы к нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то купцов своих пусть спросит; новгородские пригородки Псков, Устюг, чай, знают, сколько каждый из них больше Стекольны (Стокгольма)?"

Большие послы приехали и опять начали просить о непосредственных сношениях между государями; говорили; „Наместники новгородские -люди великие, но холоп государю не брат". Им отвечали; „Наместники новгородские – люди великие; князь Федор Даирович – внук казанского царя Ибрагима; князь Михайло Кисло и князь Борис Горбатый -суздальские князья от корня государей русских; князь Булгаков -литовскому королю брат в четвертом колене; теперь князь Михайла Васильевич Глинский – деда его, князя Михаила Львовича, в немецких землях знали многие; Плещеев – известный государский боярин родов за тридцать и больше. А про вашего государя в рассуд вам скажем, а не в укор, какого он рода и как животиною торговал и в Шведскую землю пришел; это делалось недавно, всем ведомо". Послы отвечали боярам; „Пожалуйста, не кручиньтесь; мы эти слова припомянули на разговор, а не в спор; от государя нашего

нам приказано делать по желанию вашего государя".

Посольские инициативы возымели определенный результат.

"Определено было, что шведы своих пленных выкупят, а русских возвратят безденежно; король будет сноситься с новгородскими наместниками; границы останутся по старине. Послы били челом, чтоб государь не велел вставлять в грамоту, что мир нарушен был королевым клятвопреступлением; Иоанн согласился. Послы благодарили за такое великое государское жалованье и сказали; „У нас такого государского жалованья и на мысли не было". Однако в грамоте остались подобные выражения; „И за нарушение перемирья благоверный царь и великий князь положил было гнев на Густава-короля и на всю землю Шведскую". В утвержденной грамоте постановлено было о взаимной свободной торговле между обоими государствами и о свободном проезде через них в другие земли; „Шведским купцам в отчину великого государя, в Великий Новгород, в Москву, в Казань и Астрахань ездить вольно и послам шведским ездить во всякие государства в Индию и Китай". Это условие царь велел внести потому, что „гости и купцы отчин великого государя из многих городов говорят, чтоб им в торговых делах была воля, которые захотят торговать в Шведской земле, и те б торговали в Шведской земле, а которые захотят идти из Шведской земли в Любок и в Антроп (Любек и Антверпен), в Испанскую землю, Англию, Францию – тем была бы воля и береженье, и корабли были бы им готовы".

Внимательнее вчитайтесь в последний абзац!

Это же явно выраженное и притом мучительно осознанное желание Иоанна Грозного об установлении прочных и масштабных отношений со странами Западной Европы! Но одного желания – даже царского – было явно мало. При имеющемся положении вещей любые торговые связи, устанавливаемые русскими, "…должны были зависеть от произвола соседних приморских государств, обыкновенно враждебных; своих гаваней на Балтийском море не было. Эта замкнутость была тем более нестерпима, что чувствовалась сильная потребность в усвоении плодов европейской гражданственности, а людей, могущих принесть в Москву эти плоды, ученых и художников, не пропускали враждебные соседи, справедливо опасавшиеся, что страшное материальными силами государство Московское будет непобедимо, если приобретет еще науку, могущество духовное".

Нам, вслед за С. Соловьевым, просто необходимо обратить внимание читателей на то, что "…более других могущества Москвы должно было бояться самое слабое из соседних государств – Ливонское; действительно, при сильной потребности

иметь непосредственное сообщение с Западною Европою, иметь гавани на Балтийском море взоры московского царя необходимо обращались на Ливонию, добычу легкую по ее внутреннему бессилию, увеличенному еще переменою исповедания католического на протестантское, и вместе добычу, на которую имелись старые права".

"Мы видели, – продолжает анализировать все аспекты этой ситуации С. Соловьев, – что еще в правление отца Иоаннова польское правительство стращало ливонцев этими правами. Понятно, что ливонцы более других хлопотали о том, чтоб знания не проникали в Москву; но этими поступками они, разумеется, усиливали только в московском правительстве желание приобрести балтийские берега и ускоряли, следовательно, падение своего государства.

В 1539 году, когда бежавший из Москвы Петр Фрязин был представлен дерптскому епископу, тот спросил его; знает ли он в Москве немца Александра? Петр отвечал; „Знаю, я жил с ним на одной улице; этот Александр сказывал в Москве боярам, что у него есть товарищ в Дерпте, который умеет пушки лить и стрелять из них и думает ехать в Москву, служить великому князю". Услыхав это, епископ допытался об этом немце и сослал его неведомо куда.

В 1547 году семнадцатилетний Иоанн отправил в Германию саксонца Шлитте с поручением набрать там как можно более ученых и ремесленников. Шлитте выпросил на это позволение у императора Карла V, набрал 123 человека и привез уже их в Любек, как ливонское правительство представило императору опасность, какая может произойти от этого для Ливонии и других соседних стран, и достигло того, что Карл дал магистру полномочие не пропускать в Москву ни одного ученого и художника. Вследствие этого Шлитте был задержан в Любеке и посажен в тюрьму, а набранные им люди рассеялись; один из них, мейстер Ганс, попытался было пробраться в Москву, был схвачен, посажен в тюрьму, освободился и отправился опять в Москву, но был опять схвачен в двух милях от русской границы и казнен смертию".

"В первой дошедшей до нас договорной грамоте русских с епископом дерптским, – сообщает дополнительно Соловьев, – уже говорится о дани, которую последний должен был платить великому князю, и говорится как о старине. В Плеттенберговом договоре, заключенном в 1503 году, условие о дани с Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лет; Василию Иоанновичу, занятому делами литовскими, особенно казанскими и крымскими, находившемуся в союзе с великим магистром,

нельзя было думать о разрыве с Ливониею из-за дерптской дани; нельзя было думать об этом и в малолетство Иоанново; но обстоятельства были не те, когда в 1554 году явились в Москву ливонские послы с просьбою о продолжении перемирия.

Высланный к ним окольничий Алексей Адашев объявил, что немцы уже давно не платят дани с Юрьевской волости, купцов обижают, церкви и концы русские за себя завели; за это неисправление государь положил свой гнев на магистра, епископа и на всю землю Ливонскую и наместникам своим перемирия не велел давать. Послы отвечали, что не знают, о какой дани говорит окольничий; в старых грамотах своих они нигде не находили, чтоб платилась с их земель дань великому князю. Адашев сказал им на это; „Удивительно, как это вы не хотите знать, что ваши предки пришли в Ливонию из-за моря, вторгнулись в отчину великих князей русских, за что много крови проливалось; не желая видеть разлития крови христианской, предки государевы позволили немцам жить в занятой ими стране с условием, чтоб они платили дань великим князьям; но они обещание свое нарушили, дани не платили, так теперь должны заплатить все недоимки".

Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой дерптский епископ обязывался платить с своей области дань в Москву по гривне немецкой с каждого человека, исключая людей церковных, и в три года заплатить недоимки за 50 лет; церкви русские и концы очистить и русским людям во всем учинить управу безволокитно; русским гостям и купцам с литовскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всяким товаром, кроме панцирей, пропускать в Москву всех иностранцев, которые придут из-за моря служить царю, не помогать польскому королю и великому князю литовскому против Москвы. Но послы выговорили, что так как они согласились на дань без ведома магистра и епископа, то последние имеют право и не согласиться на эти условия. Касательно церквей русских сам ливонский летописец свидетельствует, что они были разграблены в Дерпте, Ревеле, Риге и во многих других местах протестантскими фанатиками; летописец ливонский приводит по этому случаю и письмо московского государя к правительству Ордена; „Необузданные ливонцы, противящиеся Богу и законному правительству! Вы переменили веру, свергнули иго императора и папы римского; если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему Богу. Бог посылает во мне вам мстителя, долженствующего привести вас в послушание".

Летописец прибавляет, что царь вместе с этим письмом послал правителям Ливонии бич как символ исправления. Известие любопытное, показывающее нам взгляд тех ливонцев, которые жалели о ниспровержении прежнего порядка вещей и в войне московской, в падении Ливонии видели следствия нового порядка".

Однако договор следовало скрепить, дабы он вступил в законную силу.

"Для окончательного скрепления договора отправился в Дерпт царский посол келарь Терпигорев, который потребовал от епископа, чтоб тот без отлагательства исполнил обычную форму; при скреплении договоров отрезал у грамоты посольские печати и вместо них привесил печати свою и магистрову. Епископ собрал совет; что отвечать послу? Дело было трудное, а Терпигорев не хотел дожидаться. Старый советник, Яков Краббе, говорил; „Если мы скрепим грамоту, то ведь это будет значить, что мы с женами и детьми вступим в подданство к великому князю. Мы должны или платить дань, или видеть опустошение земли своей; что великий князь собрал против нас все свои силы, это я знаю наверное".

Все сидели в глубоком унынии. Тут встал епископский канцлер Голтшюр и сказал; „Дело трудное, и мы должны хлопотать о том, как бы по крайней мере протянуть время. Позовем царского посла и скажем ему, что мы с своей стороны согласны скрепить договор и скрепляем, но он не будет иметь силы без согласия римского императора, верховного господина страны". Мнение Голтшюра было принято, и гонец поскакал к императору с просьбою, чтоб тот отправил посольство в Москву ходатайствовать у царя о сложении дани.

Терпигорев был позван в совет; в присутствии двух нотариусов договор был скреплен новыми печатями, старые посольские отрезали, после чего нотариусы начали писать протест от имени императора. Терпигорев спросил у Краббе; „Что это они такое еще пишут?" Когда Краббе объяснил, в чем дело, то посол резко отвечал; „Какое дело моему государю до цесаря? Дайте мне только грамоту, а не принесете государю дани, так он ее возьмет". При шедши домой, он угостил провожавших его гофюнкеров водкой, вынул из пазухи договор, приказал слуге завернуть его в шелковый платок и сказал; „Смотри береги мне и откармливай этого теленка, чтоб он вырос и разжирел".

Епископ обязался в три года выплатить все недоимки; три года прошло, и в феврале 1557 явились в Москву ливонские послы без денег с просьбою, чтоб дань была сложена. Адашев отвечал им, что так как магистр, архиепископ рижский и епископ

дерптский нарушили договор, то государь будет сам искать на магистре и на всей Ливонской земле. Иоанн не допустил к себе послов, и они без дела уехали в марте месяце, а в апреле царь отправил князя Шестунова строить город и гавань (корабельное пристанище) при устье реки Нарвы, ниже Ивангорода; велел также положить заповедь в Новгороде, Пскове и Ивангороде, чтоб никто к немцам с товарами не ездил; если же приедут немцы в царскую отчину, то с ними торговать безо всякой зацепки. В ноябре выступило в поход к ливонским границам сорокатысячное войско под начальством царя Шиг-Алея и воевод – князя Михаила Васильевича Глинского, царицына брата Данила Романовича и других; подле русских полков шли татары, черемисы, мордва, черкесы пятигорские".

Ливонская сторона поспешила подключить дипломатические силы: " Немцы прислали за опасною грамотою, и в декабре явились их послы, били челом, чтоб государь оставил поголовную дань по гривне с человека, а взял бы единовременно за прошлые недоимки и за настоящие военные издержки 45 000 ефимков (18 000 рублей по московскому счету), да ежегодно Юрьев будет платить по 1000 золотых венгерских. Когда переговоры кончились, царь потребовал денег, но у послов денег не было; тогда раздраженный Иоанн, видя только желание немцев обмануть его и протянуть время, велел послам ехать назад, а войску своему двинуться в Ливонию. Немецкие летописцы говорят, что послы отправились в Москву без денег, понадеявшись на обещания московских купцов, торговавших с Ливониею, что если мир будет заключен, то они дадут послам денег взаймы под вексель; но царь под смертною казнию запретил купцам давать послам денег взаймы. Послы просили, чтоб оставили их самих в Москве заложниками, пока придут деньги из Ливонии, но царь и на это не согласился. Один из немецких же летописцев рассказывает, что перед отъездом позвали послов к царскому столу и подали им пустые блюда ". Столь явно выраженное неуважение (причем, вне всяких сомнений, с ведома самого Иоанна Грозного!) – это практически недвусмысленно выраженное намерение развязать войну.

Мы уже неоднократно отмечали наличие у Иоанна Грозного стратегического дара. Во всяком случае, в том, что касается выбора наиболее благоприятного времени для начала военных действий против Ливонии, он не изменил герою нашего повествования.

Это подтверждает, кстати, и С. Платонов: "Надобно признать, что Грозный выбрал удачную минуту для вмешательства в борьбу. Ливония, на которую он направил свой удар, представляла в ту

пору, по удачному выражению, страну антагонизмов. В ней шла вековая племенная борьба между немцами и аборигенами края – латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нередко вид острого социального столкновения между пришлыми феодальными господами и крепостной туземной массой. С развитием реформации в Германии религиозное брожение перешло и в Ливонию, подготовляя секуляризацию орденских владений. Наконец, ко всем прочим антагонизмам присоединялся и политический; между властями Ордена и архиепископом рижским была хроническая распря за главенство, а вместе с тем шла постоянная борьба с ними городов за самостоятельность. Ливония, по выражению Бестужева-Рюмина, „представляла собой миниатюрное повторение империи без объединяющей власти цезаря".

Разложение Ливонии не укрылось от Грозного. Москва требовала от Ливонии признания зависимости и грозила завоеванием. Был поднят вопрос о так называемой Юрьевской (Дерптской) дани. Из местного обязательства г. Дерпта платить за что-то великому князю „пошлину" или дань Москва сделала повод к установлению своего патроната над Ливонией, а затем и для войны".

Таким образом, можно сделать вывод, что первый этап противостояния оказался для Руси вполне благоприятным.

С. Соловьев пишет: "В генваре 1558 года вступило русское войско из Пскова в Ливонию и страшно опустошило ее на пространстве 200 верст, везде побивая немецкие отряды, выходившие к нему навстречу. Погостивши месяц, с огромною добычею возвратились ратные люди назад. Курбский, находившийся в числе воевод, говорит; „Земля была богатая, а жители в ней гордые; отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спанье, лень, на неправды и кровопролитие междоусобное". По словам ливонских летописцев, разврат в их стране в это время дошел до такой степени, что его не стыдились, но гордились им, правители подавали пример подчиненным.

Оставивши Ливонию, царь Шиг-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали к магистру грамоту, в которой писали; „За ваше неисправление и клятвопреступление государь послал на вас войну; кровь пролилась от вас; если же хотите пред государем исправиться и кровь унять, то присылайте к государю с челобитьем, а мы все станем за вас просить". Магистр прислал за опасною грамотою для послов и получил ее; царь велел прекратить войну. Но жители Нарвы не хотели прекратить ее и

продолжали стрелять на соседний, только рекою Нарвою отделяемый от них, Ивангород. Воеводы новгородские дали знать об этом царю и послали сказать жителям Нарвы, что они нарушают перемирие; те отвечали; „Князец стреляет, нам его не унять".

Получивши от царя приказ начать неприятельские действия, воеводы с Ивангорода открыли сильную пальбу; Нарва не могла ее выдержать более недели, и 9 апреля, в Великую субботу, выехали нарвские начальники и били челом воеводам, чтоб государь показал милость, взял их в свое имя, от магистра и всей земли Ливонской они отстали и за князьца не стоят; воровал он на свою голову. Они дали воеводам заложников, двоих лучших людей, а в Москву послали депутатов.

Взятие Нарвы Иоанном Грозным. Худ. Б. Чориков

Когда последние явились во дворец, то Алексей Адашев спросил их, о чем они приехали бить челом, какое государево жалованье хотят на себе видеть? Депутаты отвечали, что они приехали просить позволения не отставать от магистра, а в прочем чем их государь пожалует. Адашев сказал им на это; „Вы через опасную грамоту стреляли на государев город и по людям; потом, видя беду, били челом, что от магистра отстали и хотите быть во всей государевой воле; воля государева такова; выдайте князьца, который у вас начальствует крепостью, а крепость сдайте нашим воеводам; тогда государь вас пожалует, из домов не разведет, старины вашей и торгу не порушит, а будут владеть и Вышгородом (кремлем) и Нарвою царские воеводы, как владели магистр и князец; иначе тому делу не бывать".

Депутаты согласились и присягнули за всю землю Нарвскую. Но, когда ивангородские воеводы послали сказать об этом в Нарву, тамошние жители отвечали, что они не за тем посылали депутатов в Москву, чтоб отстать от магистра; дело объяснилось тем, что они получили помощь от последнего. Но эта помощь не спасла Нарвы; 11 мая, воспользовавшись сильным пожаром, вспыхнувшим в городе, русские, несмотря на жестокое сопротивление жителей, овладели нижним городом и приступили к кремлю (Вышгороду), к которому приступали до вечера, стреляя из пушек ивангородских и взятых в нижнем городе или собственной Нарве. Наконец из Вышгорода прислали бить челом, чтоб воеводы пожаловали, приняли крепость со всем нарядом, но

чтоб князец с новоприбывшими ратными людьми мог свободно из нее выйти. Воеводы согласились; ратные люди и лучшие граждане вышли, только без имущества, а черные присягнули быть в подданстве у царя и детей его вовеки.

Иоанн очень обрадовался приобретению этого важного места; послал тотчас из Новгорода архимандрита и протопопа, велел ставить церкви в Нарве, очищать ее от веры латинской и люторской; пожаловал воевод и детей боярских; дал жалованную грамоту и жителям Нарвы, даже велел отыскать всех прежде взятых пленников родом из Нарвы и возвратить в отечество".

Вскоре к Иоанну Грозному в Москву заявились важные дипломатические гости: "Еще прежде взятия Нарвы приехали в Москву большие послы ливонские, во главе которых был родной брат магистра Федор Фюрстенберг. Они привезли 60 000 талеров за недоимки и военные издержки; касательно же дани с Дерптской области просили, чтоб царь не требовал теперь ее, потому что эта область опустошена вконец и в несколько лет не поправится и потому что царское войско взяло на войне гораздо больше условленной суммы.

Сначала Иоанн не хотел слышать об этих условиях, но потом купцы московские, желавшие мира с Ливониею, не пожалели богатых подарков для бояр, и переговоры начали было подвигаться вперед, как пришло известие о взятии Нарвы. Адашев объявил послам, что немцы, взявши опасную грамоту, несмотря на то, две недели стреляли по Ивангороду и били людей; государь велел промышлять над Нарвою, и воеводы взяли ее; теперь государь велел промышлять над другими городами, а верить немцам нельзя; клятв своих не исполняют. Если же они хотят мира, то магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский должны сделать то же, что сделали цари казанский, астраханский и Шиг-Алей; должны сами явиться пред государем с данью со всей земли Ливонской, ударить ему челом и впредь во всем исполнять его волю, а города завоеванные останутся за Москвою".

Что ж, послы уехали, а война продолжалась. Согласно Соловьеву: "…некоторые города сдавались без сопротивления; воеводы строили в них православные церкви, приводили жителей – латышей и немцев – к присяге московскому царю. С большим трудом взят был Нейгауз; магистр Фюрстенберг не помог ему; он не смел вступить в битву с русскими войсками, имея не с большим только 8000 ратных людей. По взятии Нейгауза он едва ушел от русских к Валку; здесь по старости он сложил с себя достоинство магистра, и на его место был выбран феллинский командор Готгард Кетлер. Но и молодой магистр так же мало был

способен помочь Ордену, как и старый; нравственные силы народонаселения были истощены.

Sehr grewliche/erschröck.
liche/vnerhörte/warhafftige Newe zeyt
tung/wie sich grausame Tyranney der Moscouiter/an
den Gefangenen/hinweggeführten Christen auß Liffland/beyder
Mannes vnd Frawen/Junckfrawen vnnd kleinen Kindern/ erzeigt
hat/vnd noch täglich erscheinet/ jmmerdar jren Land schlegt. Wie
solches angefangen/ vnd was grosser sache vnd vrsachen
sich zu
Allen Christen zur warnung/vnd
sonderm
Liffland geschehen/ vnd in
Druck verfertiget.

Тщетно раздавался благородный голос дерптского бургомистра Тиле, который говорил, что нечего ждать помощи извне, что надобно пожертвовать всем богатством для спасения родной страны, встать всем, как один человек, и соединенными силами дать отпор врагу, а не дожидаться каждому месту своей очереди. Никто не слушал его, никто не хотел жертвовать своим добром добру общему, и те, которые прежде кричали, что скорее пожертвуют 100 рейхсталеров на войну с Москвою, чем один талер для дани царю, на покупку мира, те теперь, когда беда пришла, не хотели жертвовать ничем ни для мира, ни для войны.

В июле русское войско под начальством князя Петра Ивановича Шуйского обложило Дерпт, где затворился епископ Герман Вейланд с гражданами и двумя тысячами наемных заморских немцев; большая часть дворян, узнав о приближении неприятеля, ночью покинула город. Осажденные сначала защищались мужественно, отстреливались, делали частые вылазки, как следует рыцарским мужам, по выражению Курбского, но осаждающие придвигались все ближе и ближе, от стрельбы их рушились стены, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защите города; послали к магистру с просьбою о помощи; посланный возвратился с ответом, что магистр порицает поступок дворянства, хвалит мужество епископа и граждан, желает, чтоб они защитили город, но сам не в состоянии противиться такому сильному неприятелю и употребляет все старания, чтоб увеличить свое войско; а московский воевода объявил милость царскую, если осажденные сдадутся; в противном случае грозил, что не оставит в живых и малого ребенка.

Осажденные выпросили два дня сроку для размышления, потом выпросили еще один день, на четвертый объявили, что сдадутся на следующих условиях: 1) епископ получает для жительства своего монастырь Фалькенау в двух милях от Дерпта со всеми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; под его ведомством остаются латинское духовенство и церкви с их имуществом. 2) Дворяне, желающие остаться под властию государя, удерживают свои земли и людей, находятся под ведомством епископа и не могут быть выведены в Россию. 3) Граждане дерптские остаются при своей религии аугсбургского исповедания безо всяких перемен и не будут принуждаемы

отступить от нее; церкви их со всеми принадлежностями остаются как были, равно как и школы их. 4) Городовое управление остается по старине. 5) Браки с заморскими немцами дозволяются. 6) Все горожане и обитатели Дерпта при его сдаче могут выехать в течение 8 дней из города со всем своим имением, и чего не смогут взять с собою, то могут оставить у своих приятелей или в своих домах и взять после при удобном случае. 7) Если потом они сами или дети их захотят опять переселиться в Дерпт и жить под властию государя, то могут это сделать. 8) Ратные люди могут выйти из города с имением и оружием. 9) Иностранные купцы, немецкие и русские, не могут торговать в Дерпте непосредственно друг с другом, а только с дерптскими горожанами. 10) Русские ратные люди не будут становиться в домах обывательских. 11) Государь не будет выводить горожан или обывателей из Дерпта в Россию или другие места. 12) Все преступления, даже против государя, судятся городовым судом. 13) Право гражданства дается по старине городовым управлением; новый гражданин должен присягать государю и городовому управлению. 14) Городовое управление желает, чтоб на его судные приговоры могла быть апелляция к рижскому городовому управлению. 18 июля уполномоченные от епископа, дворянства, капитула, от городового совета и общины отправились с этими условиями к князю Петру Ивановичу Шуйскому, который должен был скрепить их. Шуйский скрепил их в надежде, что они будут утверждены и государем. Уполномоченные просили воеводу, чтоб русское войско не вторгалось в домы граждан, не пугало их жен и детей. Это было обещано, и обещание строго исполнено.

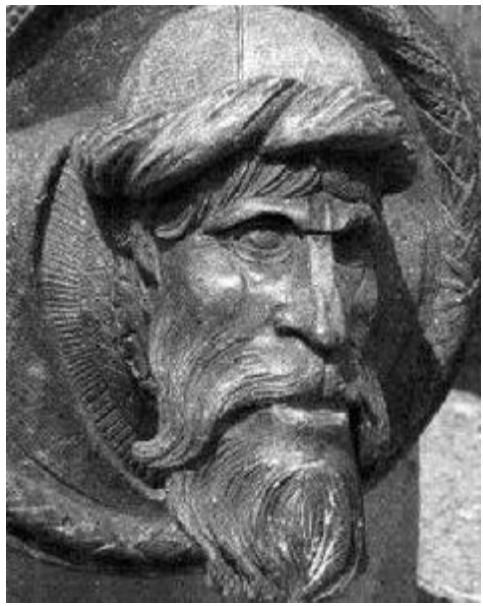
Епископ, ратные люди и те горожане, которые хотели выехать с семействами из города, выехали под прикрытием русских отрядов, чтоб с ними не случилось ни малейшей неприятности. По вступлении своем в город Шуйский повестил, чтоб ратные люди не смели обижать жителей под страхом жестокого наказания, а жители чтоб не смели продавать ратным людям крепких напитков.

По свидетельству современника и очевидца, немца, порядок был сохранен, нарушители его действительно подверглись строгим наказаниям; боярские дети ежедневно объезжали город, забирали всех пьяных и дурно ведших себя людей; жители не терпели никакого насилия и утешали себя этим в несчастии; Шуйский объявил, что его дом и уши будут отворены для каждого, кто придет с жалобою на русских ратных людей. Совет и община послали ему в подарок вина, пива и разных съестных припасов, а Шуйский чрез несколько дней угостил членов совета

и лучших людей хорошим обедом в замке. 6 сентября царь дал жителям Дерпта жалованную грамоту, в которой некоторые из условий были дополнены, некоторые изменены: например, в городском суде должен был заседать и русский чиновник (Drost) для охранения русских людей; апелляции к рижскому городовому суду не были позволены; вместо них поставлена была апелляция к дерптскому воеводе; дела же, которых и воевода решить не мог, отсылались к царю; на монете должен быть с одной стороны герб царский, на другой – городовой; на городовой печати должен быть царский герб. В случае нужды ратные люди могут стоять в домах черных людей. Дерптские жители могут торговать беспошлинно в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве, но если поедут с торгом в Казань, Астрахань или другие области московские, то должны платить пошлины наравне с русскими купцами; свободно могут они отъезжать за море и торговать всякими товарами; если не захотят жить в Дерпте, могут свободно выехать за границу со всем имуществом, заплатив с него десятую деньгу в царскую казну. Если кто из дерптских жителей дойдет по своей вине смертной казни, то имущество его идет в казну, которая платит его долги. Если преступник уйдет за море, то имущество его отбирается в казну, которая из него платит его заимодавцам; если же он убежит со всем своим движимым имением, то недвижимое все идет в казну, которая ничего не платит заимодавцам: зачем они не обращают внимания на таких людей? Дерптские жители могут свободно покупать дома и сады и жить в них в Новгороде, Пскове, Ивангороде, Нарве и во всех других русских областях, равно как новгородцы, псковичи, ивангородцы, нарвцы и всякие русские люди могут покупать дома и сады в Дерпте во всех местах".

Любопытные и важные меры; Иоанн Грозный словно пытался всей Европе продемонстрировать, что русские явились в Ливонию всерьез и надолго: "Такие льготы, данные покорившемуся городу, показывали ясно намерение царя завоевать Ливонию и удержать навсегда за собою это завоевание; детям боярским розданы были земли в покоренных областях; князь Шуйский послал в Ревель с требованием, чтоб он последовал примеру Дерпта, что в таком случае государь даст ему бо (57/accent)льшие привилегии, чем те, которыми он пользовался прежде; в противном же случае да страшится царского гнева. Ревель не покорился, но покорилось несколько других городов, число которых с прежде завоеванными дошло к осени уже до 20. Совершивши такой блистательный поход, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились в Москву в сентябре, оставив гарнизоны в завоеванных городах". Что ж, воеводы действительно поступили по обыкновению. Правда,

учитывая важность ливонского плацдарма для Иоанна Грозного, не исключено, что в данном случае следовало поступить более обдуманно. Например, прислать дополнительные силы для подкрепления гарнизонов и т. д.



Предполагаемый портрет Иоанна IV на орудии "Ревельский лев". Предполагаемый портрет Иоанна IV на орудии "Ревельский лев". Единственный прижизненный скульптурный портрет царя (1559)

Как бы то ни было, но оплошностью русских немедленно "… воспользовался магистр Кетлер: собравши более 10 000 войска, он осадил Ринген и взял его приступом, потерявши, как шел слух, 2000 человек. Воеводы, остававшиеся в Ливонии, не могли собрать более 2000 человек, не могли потому выдержать натиска немцев и при встрече с магистром обратились в бегство, могли только бить отдельные отряды немцев, посылаемые за сбором кормов; немцы пробрались и в собственно русские владения, сожгли посад у псковского пригорода Красного, были и под Себежом, сожгли монастырь Святого Николая. Взятием Рингена, впрочем, магистр должен был удовольствоваться: с таким небольшим войском, какое было у него, он не мог предпринять осады более значительных городов и ушел назад в конце октября. Во время осады Рингена все мужчины были выведены из Дерпта

во Псков и оставались там до тех пор, пока магистр ушел назад в Ригу, тогда их возвратили к семействам, которым в их отсутствие не было сделано ни малейшего вреда, по свидетельству немецкого летописца; эта мера объясняется известием русских летописей, что дерптские немцы ссылались с магистром, звали его к своему городу, где, по их словам, у русских было мало войска ".

Иоанн Грозный, узнав о подлых и вероломных маневрах Кетлера, приказал собрать внушительную рать, чтобы примерно и жестоко наказать его:

"Кетлер накликал месть своим походом; в генваре 1559 года вступило в Ливонию большое московское войско (130 000 – по немецким известиям), разбило немцев при Тирзене и без сопротивления уже целый месяц пустошило всю землю с одной стороны до моря, с другой – до границ прусских и литовских, не щадя младенцев во чреве матерей.

Ливонское правительство обратилось к сыну Густава Вазы шведского, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбою ссудить 200 000 рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц, желая распространения своих владений на счет этой страны, был не прочь вступить в переговоры, но старик отец посоветовал ему не вступаться никаким образом в дело, ибо тогда нужно будет поссориться не с одною Москвою, но также с императором, королями польским и датским, которые все объявляют свои притязания на Ливонию.

Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биорке и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то ревельцев захватили за это в Выборге, и король отправил в Финский залив вооруженные суда для безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву.

Иоанн так отвечал ему на это: „Ты писал к нам о неправдах колыванских людей (ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь; нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим; и вперед ты бы к нам свою службу исполнял и нашим губителям недружбу делал". Орден отправил послов и прямо в Стокгольм к Густаву с просьбою о помощи; послы представили старому королю, что они ждут также сильной помощи от императора, немецких князей и короля польского, что, следовательно, ему вместе с такими союзниками нечего бояться Москвы. Густав отвечал им, что на помощь немцев и поляков полагаться нечего: императору и немецким князьям впору

отбиваться от турок, а польский король обещал и ему помощь в войне московской и обманул; точно так же поступил с ним и Орден; но он не хочет помнить зла и будет просить царя за Ливонию.

Эта просьба, впрочем, была не очень усильна; Густав писал Иоанну: „Мы просим вас за ливонцев собственно не для них (потому что они и с нами не очень хорошо поступили), но чтоб угодить императору, который нам приказывал и просил об этом. Да будет вам известно, что мы немедленно хотим отправить посланника к ливонцам, велим спросить у них, хотят ли они пасть вам в ноги и все исполнить как следует. Мы дадим вам знать, какой ответ получим от них". Шведский посол говорил в Москве: „Его величество, государь мой, стоит теперь с тяжким оружием, со многими кораблями и не хочет пропускать ни датских, ни немецких людей, которые захотят идти на помощь ливонцам". Иоанн отвечал Густаву: „Мы прежде думали, что ты от себя хлопочешь за ливонцев, что так тебе надобно, а теперь ты пишешь, что делаешь это для императора: так если ливонское дело тебе не очень надобно, то ты бы к ливонцам и не посылал, чтоб они били мне челом".

Ревельцы, не ожидая ниоткуда бескорыстной помощи, обратились к датскому королю Христиану III прямо с просьбою принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властию Дании. Но и Христиан III, подобно Густаву Вазе, был старик, приближавшийся к гробу; он объявил послам ревельским, что не может принять в подданство их страны, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага; он взялся только ходатайствовать за них в Москве; назначил послов, но умер, не отправив их, и послы эти явились в Москве уже от имени наследника Христианова, Фридриха II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтоб царь запретил войскам своим входить в Эстонию, как принадлежащую Дании. Иоанн отвечал: „Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном приятельстве, так мы его особою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей; но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали.

Так Фридрих-король в наш город Колывань не вступался бы".

На просьбу не притеснять ливонцев царь велел отвечать послам: „Все ливонцы от прародителей наших извечные наши данники; как мы остались после отца своего трех лет, то наши неприятели пограничные, видя то, наступили на наши земли, а люди Ливонской земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить дань, и в Риге церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридни и палаты отдали литовским попам и купцам; в Колывани русские гридни и палаты колыванские люди за себя взяли, в Юрьеве церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню на том месте поставили, а улицами русскими, палатами и погребами юрьевцы сами завладели".

Однако, желая, как видно, иметь все войска свои на южных границах для действия против крымцев, царь дал датским послам опасную грамоту на имя ливонских правителей; в грамоте говорилось, что для короля Фридриха царь жалует перемирие Ордену от мая до ноября 1559 года; чтоб в это время или сам магистр ударил ему челом в Москве, или прислал бы самых знатных людей для заключения вечного мира. Но Кетлер понимал, что челобитьем нельзя получить выгодного мира; видя, что нет помощи ни от Швеции, ни от Дании, он обратился к третьему соседнему государю, который имел больше побуждений вступиться за Ливонию, чтоб не дать Москве усилиться на ее счет, – Кетлер обратился к королю польскому".

Речь идет о Сигизмунде-Августе. Как пишет С. Соловьев: "…в 1545 году старик Сигизмунд сдал управление Литвою сыну своему, Сигизмунду-Августу, о чем последний и дал знать Иоанну Московскому. В 1548 году умер Сигизмунд Старый; срок перемирия исходил, но из Литвы не было никакой вести; это, впрочем, происходило не оттого, что новый король замышлял войну: войны меньше всего можно было бояться со стороны Сигизмунда-Августа, литовского Сарданапала (так звали мифического царя Ассирии; в литературе – символ привычки к роскоши, комфорту и удовольствиям. – Г. Б.): 1548 год он провел в борьбе за жену свою, Варвару, урожденную Радзивилл, на которой он женился тайно от отца, матери и вельмож польских; теперь последние требовали развода; но когда дело шло о любимой женщине, то Сигизмунд-Август обнаруживал большую твердость – он отстоял Варвару.

Сигизмунд-Август

В то время как на престол Польши и Литвы вошел государь с таким характером, молодой государь московский, принявши царский титул, надевши венец Мономахов, думал о том, как бы возвратить себе отчину Мономахову, Древнюю Русь, Киев. Но прежде всего и московскому потомку надлежало совершить те же подвиги, которыми прославился киевский предок, т. е. надлежало защитить Русь от поганых. Замышляя окончательное низложение Казани, зная, что борьба с Казанью есть вместе и борьба с Крымом, Иоанн не мог желать возобновления войны с Литвою, и бояре написали к епископу и воеводе виленским, чтоб они с другими панами Радою наводили короля на мир.

Вследствие этой задирки, как тогда выражались, в генваре 1549 года приехали в Москву литовские великие послы: Станислав Кишка, воевода витебский, и Ян Камаевский, маршалок. О вечном мире думать было нечего: Литва не хотела мириться без Смоленска; послы твердили: „Без отдачи Смоленска не мириться"; бояре отвечали им: „Ни одной драницы из Смоленска государь наш не уступит". Но если Сигизмунд-Август не хотел вечного мира без Смоленска, то Иоанн не хотел его и с Смоленском, он говорил боярам: „За королем наша вотчина извечная -Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключить? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушить не хочу".

И приговорил государь с боярами вечного мира с королем не заключать для того, чтоб можно было доставать своих старинных вотчин, а взять с королем перемирие на время, чтоб дать людям поотдохнуть и с иными недругами управиться. Так, если послы начнут допытываться у бояр, как государь хочет вечного мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витебска: Полоцка и Витебска требовать для того, чтоб вечный мир не состоялся, потому что если они отступятся от Гомеля, Смоленска, Себежа и Заволочья, то от вечного мира уже тогда отговориться будет непригоже. Заключили перемирие на пять лет, но при написании грамоты встретилось новое затруднение: Иоанн хотел написаться с новым своим титулом, титулом царским, послы никак не согласились, говоря, что прежде этого не бывало; бояре отвечали:

прежде не бывало потому, что Иоанн на царство еще не венчался, а теперь венчался по примеру Владимира Мономаха.

Но это не убедило послов; они потребовали отпуска. Иоанн долго рассуждал с боярами, можно ли уступить послам и написать грамоту без царского титула? Бояре говорили, что теперь, имея в виду двух недругов, казанского и крымского, можно написать грамоту и без царского титула. Царь приговорил: „Написать полный титул в своей грамоте, потому что эта грамота будет у короля за его печатью; а в другой грамоте, которая будет писаться от имени короля и останется у государя в Москве, написать титул по старине, без царского имени. Надобно так сделать потому, что теперь крымский царь в большой недружбе и казанский также: если с королем разорвать из-за одного слова в титуле, то против троих недругов стоять будет истомно, и если кровь христианская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы греха перед Богом. А начнет Бог миловать, с крымским дело поделается и с Казанью государь переведается, то вперед за царский титул крепко стоять и без него с королем дела никакого не делать".

Относительно послов определено было: если не согласятся на титул, отпустить их и на отпуске приказать с ними поклон к королю, а руки им не давать, потому что в ответе на них слово положено гневное. Если после отпуска они не начнут сами опять говорить о деле и станут просить позволения уехать назад в Литву, то велеть приставу задрать их, чтоб повидались опять с боярами, и, как приедут на двор видеться с боярами, говорить им опять накрепко о титуле; и если никак не согласятся, то сделать, как было положено, т. е. написать царский титул только в одной своей грамоте. После отпуска Кишка и Камаевский сами потребовали новых переговоров, но и тут не соглашались на титул, а просили, чтоб им дали на письме о царском поставлении, каким образом государь на царство венчался и откуда предки его царское имя взяли. Царь приговорил с боярами, что такой записки им не давать, потому что они составят на нее свои ответы, и тогда в речах будет говорить о том тяжело. Послы распростились и уже сели в сани, но тут их воротили и позволили им написать грамоту от королевского имени без царского титула.

Для взятия присяги с короля в ненарушении перемирия отправился в Литву боярин окольничий Михайла Яковлевич Морозов; он должен был также требовать царского титула для Иоанна, получившего этот титул от предков своих, именно от великого князя киевского Владимира Мономаха.

Король велел отвечать Морозову, что прежде ни сам Иоанн, ни отец, ни дед его этого титула не употребляли; что же касается

до великого князя киевского Мономаха, то, во-первых, это дела давние, во-вторых, стол киевский есть и будет в руках его, короля, следовательно, если уже кто имеет право называться царем киевским, то, конечно, он, король, а не великий князь московский, но так как этот титул не может принести королю никакой славы и выгоды, то он его и не употребляет, тем более что все государи христианские называют царем только императора римско-германского; если же король и великий князь московский называют царями хана крымского и других татарских и ногайских господарей, то это ведется из старины, давно уже на славянском языке начали их так называть, а сами они на своем языке так себя не величают. Мы видели, как Иоанн объявил, что крестного целования никак нигде нарушить не захочет. В этом отношении лежало у него на совести, что в перемирных грамотах вставлялось условие: беглецов выдавать на обе стороны – и условие это вместе с другими скреплялось крестным целованием, а между тем на деле никогда не исполнялось.

„И ты, брат наш, порассуди, – велел сказать царь Сигизмунду-Августу, – чтоб это неисполнение на наших душах не лежало: или вычеркнем условие из грамоты, или уже будем исполнять его, станем выдавать всех беглецов". Король не согласился уничтожить условие; касательно же исполнения его отвечал неопределенно, что он ничего не делает вопреки перемирной грамоте. Король защищался стариною, обычаем против новых требований Иоанновых; Морозов должен был также напомнить ему грозную старину: „Если польется кровь, то она взыщется на тех, которые покою христианского не хотели, а тому образцы были: Александр-король деда государя нашего не хотел писать государем всея Руси, а Бог на чем поставил? Александр-король к этому еще много и своего придал. А ныне тот же Бог". Король не исполнил и третьего требования Иоаннова – освободить двух пленных вельмож московских – князей Михайла Голицу и Федора Оболенского-Овчину – за 2000 рублей; вместо денег он просил за них городов и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповой горы, Себежа и Заволочья, на что, разумеется, Иоанн не мог согласиться".

Все это время не прекращались дипломатические сношения между двумя сторонами: "Во время перемирия происходили ссылки между двумя дворами о разных делах. В 1550 году приезжал в Москву посол Станислав Едровский, через которого король велел сказать Иоанну: „Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и

торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать". Иоанн отвечал: „Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к нам привозили и пакости многие нашим людям делали; так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела".

Еще при жизни Сигизмунда Старого жиды брестские были выгнаны из Москвы и товары их сожжены за то, что они привозили продавать мумею. Важнее для обоих государств было требование Иоанна от короля: „Я послал грамоты всем своим порубежным наместникам, чтоб на наших землях позволяли твоим сторожам стеречь прихода татарского, и велел своим наместникам беречь твоих сторожей, чтоб им от наших людей обид никаких не было. И ты бы также в Каневе и в Черкасах своим наместникам приказал накрепко, чтоб они на своих землях нашим сторожам места дали, и какие вести у твоих наместников про татар будут, и они б наших наместников без вести не держали".

Король показал было большую учтивость: без окупа освободил из плена старого воеводу, князя Михайлу Булгакова-Голицу, и прислал его в Москву. Царь принял старика очень ласково, к руке звал, о здоровье спросил, велел ему сесть, пожаловал шубою и звал обедать; Голица бил челом, что он истомился, и царь велел ему ехать на подворье, а от стола своего послал к нему с кушаньем. Но и этот поступок не повел к большой приязни между двумя государями, потому что непризнание царского титула со стороны короля постоянно раздражало Иоанна; в наказе послу Астафьеву, отправлявшемуся в Литву, читаем: „Станут говорить: прежде московские писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причине пишется царем? Отвечать: государь наш учинился на царстве по прежнему обычаю, как прародитель его великий князь Владимир Мономах венчан в царство Русское, когда ходил ратью на царя греческого Константина Мономаха, и царь Константин Мономах тогда добил ему челом и прислал ему дары: венец царский и диадему – с митрополитом Ефесским, кир Неофитом, и на царство его митрополит Неофит венчал, и с этого времени назывался царь и великий князь Владимир Мономах. А государя нашего венчал на царство Русское тем же венцом отец его Макарий митрополит, потому что теперь землею всею Русскою владеет государь наш один".

Эти объяснения не помогали: король не называл Иоанна царем в своих грамотах, за это Иоанн в ответных грамотах не писал Сигизмунда-Августа королем, гонцы не брали таких грамот

и уезжали с пустыми руками. Так было до Казанского похода; после взятия Казани, в ноябре 1552 года, приехал в Москву Ян Гайко, присланный от виленского епископа и двоих Радзивиллов (Николая Черного и Николая Рыжего), самых могущественных вельмож в Литве, к митрополиту Макарию и боярам -князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Даниилу Романовичу Юрьеву. Гайко был принят Макарием и двумя этими боярами в митрополичьем доме, причем присутствовали трое владык, архимандриты и игумены. Митрополит спрашивал о здоровье пославших сидя, а бояре – вставши; митрополит звал Гайка к руке, и посол целовал его руку; но когда бояре позвали его к руке и спросили о здоровье, то он, отступя, ударил им челом; после приема посол обедал у митрополита.

В грамоте, посланной с Гайком, епископ и Радзивиллы писали, чтоб митрополит и бояре наводили государя на вечный мир и чтоб для его заключения московские послы приехали в Литву. Митрополит по царскому приказанию отвечал Гайку, что он привез грамоту о государских делах, а не о церковных, государские же земские дела до митрополита не касаются, о них ответ дадут епископу и панам государские бояре; он же, митрополит, если Бог даст, по времени господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станет напоминать и на то его наводить, чтоб разлития крови христианской не было. Бояре отвечали панам, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились оттого, что король не дает Иоанну царского титула, а царь за это не называет Сигизмунда-Августа королем. „Мы думаем, – писали бояре, – что в Великом княжестве Литовском старые паны радные еще есть и того не забыли, что никогда наши государи наперед послов своих не посылали; великий князь Василий, несмотря на просьбы императора и папы, даже и на границу послов своих не отправил для переговоров с литовскими послами; отец короля Сигизмунда не добился этого и в малолетство Иоанна, а теперь государь уже не малолетный и врагов своих победил, Казань взял. Мы не только государю, но даже своим дядьям и братьям грамоты вашей показать не смели".

В 1553 году приехали послы от короля – Довойна и Волович. Царь не позвал их к руке, не пригласил к обеду и верющую грамоту велел отдать им назад, потому что царского имени в ней не было. Послы говорили, что прежде толков о титуле нужно заключить вечный мир, для которого Иоанн должен уступить королю все завоеванные прежде у Литвы земли; после этого уже можно начать дело о титуле, на который король не прежде может согласиться, как получив согласие императора и папы. Бояре отвечали, что император и папа давно называют московских

государей царями и что прежде решения о титуле никакого дела делать не станут.

Послы уехали. Тогда царь созвал бояр и говорил им: „Нам следовало бы за свое имя стоять крепко; но теперь казанские люди еще не поукрепились совершенно, и мне кажется, что для казанского дела надобно заключить с королем перемирие на год или на два, чтоб в это время можно было Казань укрепить, а после этого будем стоять за свое имя крепко". Бояре отвечали, что надобно заключить перемирие именно для казанского дела; послов воротили с дороги и заключили перемирие на два года. Мы видели, что до сих пор для оправдания принятого им царского титула Иоанн указывал только на Владимира Мономаха; теперь нашлись другие оправдания, и московским послам, отправленным в Литву для подтверждения двухлетнего перемирия, дан был такой наказ: „Когда спросят: почему великий князь называется царем? Отвечать: прародитель его, великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, так царь греческий и патриарх венчали его на царство Русское, и он писался царем, а как преставился, то и образ его на иконах пишут царем; потом говорить о Мономахе; наконец, сказать, что царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем".

Скоро взято было и другое царство – Астраханское. Иоанн послал объявить об этом королю. Посланному, между прочим, дан был наказ: „Спросят: черкесы почему государя вашего холопы? Отвечать: черкесы – государей наших старинные холопы, потому что бежали из Рязани". Поздравить Иоанна со взятием Астрахани король послал дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевич был русский, православного исповедания и потому просил, чтоб ему было позволено принять благословение у митрополита.

Царь назначил день, когда быть Тишкевич у у Макария, и послал сказать последнему, чтоб велел убрать у себя палату Столовую, где будет принимать посла, и чтоб на дворе у него было все прибрано, а во время приема были бы у него владыки и архимандриты все, которые в Москве, и было бы у него все порядочно (чиновно).

Митрополит принял Тишкевича по-царски, как царь принимал обыкновенно послов, спросил у него, какого он закона, и, когда Тишкевич отвечал, что греческого, дал ему наставление о вере и благословил. Тишкевич говорил наедине митрополиту, что по рубежам литовским живут все христиане греческого закона, которые скорбят, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступит кровопролитие. Тишкевич просил, чтоб

митрополит уговорил Иоанна отправить к королю послов для заключения вечного мира, но прибавил, что он говорит это от себя, потому что, как слышал он от литовских панов, польские паны всею Радою беспрестанно толкуют королю, чтоб он начал войну с московским государем, о христианстве же польские паны не заботятся; они определили, чтоб королю послов своих в Москву не отправлять. А литовские паны все скорбят, что между государями гнев воздвигается, и о христианстве жалеют. Митрополит отвечал, что так как Тишкевич говорил это от себя и приказа и письма с ним ни от кого нет, то бить челом государю нельзя; вражда же между государями идет за одно государское имя.

Перемирие исходило. Виленский епископ Павел и виленский воевода Радзивилл прислали виленского купца Дементия с грамотою к митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтоб они постарались о продлении перемирия. Дементий, подобно Тишкевичу, объявил, что это посылка тайная, потому что польская Рада хочет войны. Митрополит отвечал, что, хотя это и не его дело, однако, видя раденье епископа и Радзивилла, как пастырь добрый, берется склонить бояр и царя к миру. Иоанн, занятой войною шведскою, дал опасную грамоту на послов литовских, причем отправлены были также списки с грамот императора Максимилиана и султана Солимана, где московский государь называется царем.

В 1556 году приехал посол, князь Збаражский, и заключил перемирие на шесть лет; о титуле не сговорились. Боярин Воронцов и казначей Сукин, отправленные в Литву для подтверждения перемирия, должны были повторить королю о праве Иоанна на царский титул с новыми прибавлениями, а именно: выставлено уже происхождение Рюрика от императора Августа; в заключение сказано: „А теперь не только на Русском господарстве Бог нас учинил с этим титулом, но и Казанского и Астраханского государств титулы царские Бог на нас положил".

Считать, что у этого перемирия есть долгосрочные перспективы, было бы опрометчиво. Тому было немало причин, и первая из них – отказ Иоанна Грозного поступаться хоть малой пядью земли русской; на время – это еще куда ни шло, да и то…

Как пишет Соловьев: "…мы видели, что Иоанн не хотел заключать вечного мира с Литвою, желая непременно возвратить от нее свою отчину – Киев и другие русские города; несогласие короля признать царский титул московского государя должно было ускорить разрыв; несмотря на то, перемирие продолжалось – сперва для казанского дела, потом для шведской войны; наконец Иоанн обратил все свое внимание на Ливонию;

прибрежье Балтийское явилось в его глазах важнее Приднепровья; война с Литвою отлагалась, таким образом, опять на неопределенное время; между тем должно было действовать и против крымского хана, отвлекать его от нападений на московские украйны, а с успехом действовать против Крыма можно было только в союзе с Литвою, владевшей низовьями Днепра.

В феврале 1558 года пришла в Москву весть, что крымский царевич повоевал в Литовской земле и на Подолье многие места и досаду Литовской земле учинил многую. Царь созвал бояр и говорил им: „С крымским мы оставили дело о дружбе; он был в дружбе с королем, а теперь и королю сделал досаду большую; так теперь, пока они не помирились, задрать короля о дружбе, чтоб отвести его от крымского". Приговорили послать к королю с грамотою Романа Алферьева, предложить Литве союз против Крыма. Алферьев, возвратившись из Литвы, сказывал, что присылка царская королю и всей Раде была за большую честь, все люди его приезду были рады и честь ему была большая; только паны опасаются одного, что турецкий султан за крымского хана вступится, а царь в своем слове не устоит и, когда Литва будет воевать с турками, возьмет у нее города.

Королевский посол Василий Тишкевич спросил Алексея Адашева, высланного к нему для переговоров, на каких условиях хочет Иоанн заключить вечный мир. В ответе Адашева высказалось ясно, как Иоанн, занявшись с обычною своею страстию делами ливонскими, переменил мысли относительно Литвы. „Прежние дела должно все отложить, – сказал Адашев, – и делать между государями доброе дело на избаву христианам; если же станем говорить по прежнему обычаю, станем просить у вас Кракова, Киева, Волынской земли, Подолья, Полоцка, Витебска и все города русские станем звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Северской страны, Новгорода Великого, то такими нелепыми речами дело сделается ли?"

Адашев требовал, чтоб вечный мир заключен был по перемирной грамоте, но Тишкевич отвечал, что так мириться нельзя, что Москва должна возвратить Литве все завоевания отца и деда Иоаннова.

„Пишет Златоуст в Златоструе, – говорил Тишкевич, – что у одного человека на дворе была змея, съела у него детей и жену, да еще захотела с ним вместе жить; мир, какого вы хотите, похож на это: съевши жену и детей, змея съест и самого человека. Нынешний государь ваш, конечно, не таков, и видим, что он всякие дела по Боге делает, христианство исправляет и

утверждает, по всей его державе христианство и церкви христианские цветут, как в старину в Иерусалиме при равноапостольном царе Константине. Но нашему государю, не взявши своих отчин, мириться нельзя; какой это мир -взявши, да не отдать!"

Адашев отвечал: „Паны! Положите вы на своем разуме: как говорить то, чего и во сне не пригрезится? Как тому взойти, что гнило посеяно? Только понапрасну истому принимать". Тишкевич объявил последнее слово: без возвращения Смоленска миру вечному не быть, причем очень откровенно высказал опасения литовских панов: „В условия вечного мира будет внесено, что стоять на крымского заодно; но крымский -присяжник турецкого, турецкий за крымского наступит на нашего государя, ваш государь нашему тогда не поможет, и наш до конца свою отчину погубит".

Адашев этот страх отговаривал, утверждал, что царь будет заодно с королем на всех врагов, но Тишкевич не оставлял своих сомнений и говорил: „Если бы образцов не было, а то образцы живые: отец и дед вашего государя что сделали с Литвою? Избавившись от крымского, вам не на кого больше броситься, как на нас. Миру вечному теперь быть нельзя, а доброе перемирие чем не мир?" Тишкевич просил, чтоб перемирие, заключенное на шесть лет князем Збаражским, продлить еще на несколько лет, но царь не согласился. В заключение переговоров посол просил Иоанна от имени королевского помириться с ливонцами; Иоанн отвечал: „Ливонцы, извечные наши данщики, церкви Божие разорили, образам Божиим поругались и нам в наших данях не исправились; за такие свои дела от нас наказанье и приняли; сумеют к Богу исправиться и своим челобитьем наш гнев утолить, тогда мы их пожалуем".

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочет союза с Москвою против татар, потому что Москва опаснее для нее, чем Крым! Чего прежде не было, московские ратные люди плавали по Днепру, иногда, воюя с крымцами, переходили на западную его сторону, сторожа московские стояли по Днепру.

В Москве старались предупредить жалобы на это; послу Ивову, отправленному к королю с исчислением обид, нанесенных литовцами купцам московским и порубежникам, был дан такой приказ: „Станут говорить: та ли государя вашего правда, что в отчину нашего государя, в Днепр, вступается и людей своих на Днепре ставит, вотчины черкасские люди его пустошат и рыболовов грабят? Отвечать: государь наш в королевские земли и воды не вступается ничем, рыболовов наши люди не грабят и вотчин черкасских не пустошат; а стоят наши люди на Днепре,

берегут христианство от татар, и от этого стоянья их на Днепре не одним нашим людям оборона, но и королевской земле всей защита; бывал ли хотя один татарин за Днепр с тех пор, как наши люди начали стоять на Днепре? За такую христианскую оборону надобно было вам наших людей чтить, а вместо того королевские казаки беспрестанно крадут у них лошадей. Мы дел государских не знаем, как между государями о Днепре написано. А если о Днепре между государями и письма нет, не положено, в чьей он стороне, так он Божий! Кто захочет, тот на нем и стоит. До сих пор мы не слыхали, что против Крыма Днепр королевский; нам кажется, что Днепр наш, потому что течет из земли нашего государя".

Увы, Днепр тут был ни при чем… Для решения проблем в Ливонии требовалось немедленного заключения мира с Литвой. И Иоанн Грозный прекрасно это понимал. Но вот парадокс: именно из-за Ливонии разрыв с Литвой был практически неизбежен.

Обратимся к исследованию С. Соловьева: "16 сентября 1559 года между ливонским правительством и Сигизмундом-Августом заключен был в Вильне договор, по которому король обязался защищать орденские владения от Москвы; за это архиепископ и магистр отдали ему 9 волостей под залог с условием, что если они захотят их после выкупить, то должны заплатить 700 000 польских гульденов. Сигизмунд-Август обязался прежде всего отправить посла в Москву с требованием, чтоб царь не вступался в Ливонию, потому что она отдалась под покровительство королевское.

С этим требованием приехал в Москву в генваре 1560 года Мартин Володков. Отдавши королевскую грамоту, он просил повидаться с Адашевым и говорил ему: „Поляки всею землею хотят того, чтоб государь наш с вашим государем начал войну; но воевода виленский Николай Радзивилл и писарь литовский Волович стоят крепко, чтоб король с государем вашим был в любви. Поляки с Радзивиллом сильно бранятся, говорят, что воевода за подарки помогает русскому государю, говорят: нам Ливонской земли нельзя выдать, и не станет король за Ливонскую землю, то мы не станем его за короля держать; и приговорили накрепко, что королю к вашему государю посланника не отправлять. Так вы бы государя своего на то наводили, чтоб он отправил к нашему государю своего посланника, чтоб о Ливонской земле сговориться; тут уж непременно Радзивилл вступится в дело и приведет его к миру".

Адашев отвечал, что государю к королю отправлять посла не годится, потому что король вступился в Ливонскую данную землю, и когда посол усумнился, точно ли Ливония должна

платить дань государю московскому, то ему показали последнюю договорную грамоту с обязательством дерптского епископа платить по гривне с человека. На требование королевское не вступаться в Ливонию Иоанн отвечал: „Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумал идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тем показал, что это не моя земля; знай, что по всемогущего Бога воле начиная от великого государя русского Рюрика до сих пор держим Русское государство и, как в зеркале смотря на поведение прародителей своих, о безделье писать и говорить не хотим. Шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал; так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял; если какую им истому сделал, то сам знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся". Король отвечал: „Ты называешь Ливонию своею; но как же при деде твоем была лютая война у Москвы с ливонцами и прекращена перемирием? Какой государь с своими подданными перемирие заключает?" Но все это остроумие, желание доказать друг другу свои права на Ливонию ни к чему не могли повести: дело могло решиться только оружием".

Поскольку ливонский магистр Кетлер сумел заручиться поддержкой самого короля Сигизмунда-Августа, он обрел невероятную уверенность в своих силах. Этому способствовала также и деятельная денежная помощь из Германии. Кетлер решил немедленно напасть на войска Иоанна Грозного. В самых смелых своих мечтах он уже видел себя восседающим на московском троне! Как пишет С. Соловьев: "Кетлер начал наступательное движение, разбил под Дерптом московского воеводу Захара Плещеева и осадил Дерпт; осажденные сделали не очень удачную вылазку, но успехи немцев этим и ограничились: приближалась зима, союзный отряд, приведенный герцогом Христофом Мекленбургским, ушел; Кетлер с своими ливонцами хотел по крайней мере овладеть Лаисом, но два раза приступ его был отбит гарнизоном, находившимся под начальством стрелецкого головы Кашкарова; таким образом, по словам немецкого летописца, Кетлер вследствие храброго сопротивления

неприятеля ничего не сделал, со стыдом и уроном должен был уйти в Оберпален, куда достиг с большими трудностями, везя тяжелый наряд по дурным дорогам; здесь ратные люди, в досаде на неудачу и не получая жалованья, стали бунтовать и с трудом были усмирены и разведены по зимним квартирам, а тяжелый наряд отправлен в Феллин". Однако русским к холодам было не привыкать. Наглость Кетлера должна была быть наказана.

В сущности, ответ практически не заставил себя ждать: "… князья Мстиславский, Петр Шуйский, Серебряный повоевали землю до Рижского залива, не встречая нигде сопротивления, и взяли Мариенбург; весною отправился отряд русских в Эстонию, разбил немцев под Верпелем; с другой стороны опустошали Ливонию псковские сторонщики, или вольница, пленников и скота из земли гоняли много, а некоторых немцы побивали. Весною же пришел князь Курбский в Ливонию, поразил старого магистра Фюрстенберга под Вейссенштейном и Феллином; взятие последней крепости было целию похода большой, шестидесятитысячной московской рати под начальством князя Мстиславского и Петра Шуйского; 12 000 войска под начальством князя Барбашина отправились в обход к морю по слухам, что Фюрстенберг хочет отправить богатую казну в Габзаль; лучший из воевод ливонских, ландмаршал Филипп Белль, с 500 ратных решился напасть врасплох на Барбашина в надежде, что нечаянность уравняет силы, но обманулся: весь отряд его был истреблен, сам Белль, последний защитник и последняя надежда лифляндского народа, по выражению Курбского, с одиннадцатью командорами и ста двадцатью рыцарями попался в плен.

Курбский с большим уважением говорит о храбрости, остроте разума, доброй памяти и красноречии Белля; русские воеводы обходились с ним по-товарищески, сажали вместе с собою за стол и услаждались его речами, разумом растворенными; из речей этих Курбский сохранил одну, в которой Белль рассказывал историю Ордена и объяснял причины его падения.

„Когда мы, – говорил Белль, – пребывали в католической вере, жили умеренно и целомудренно, тогда Господь везде нас покрывал от врагов наших и помогал нам во всем. А теперь, когда мы отступили от веры церковной, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли веру новоизобретенную, вдались в невоздержание, уклонились к широкому и пространному пути, вводящему в погибель, теперь явственно обличает нас Господь за грехи наши и казнит нас за беззакония наши, предал нас в руки вам, врагам нашим; не трудившись, больших издержек не делая, вы овладели градами высокими, местами твердыми, палатами и дворами пресветлыми, от

праотцев наших сооруженными; не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мне говорить о вас? Вы мечом взяли! А другие без меча вошли даром в наши богатства и стяжания, нисколько не трудившись, обещая нам помощь и оборону. Хороша их помощь: стоим перед врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили нас: Бог за преступление наше предал нас в руки врагам!"

Тут Белль горько заплакал и привел в слезы всех русских воевод; потом, утерши слезы, Белль прибавил с радостным лицом: „Впрочем, благодарю Бога и радуюсь, что пленен и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будет мне смерть". Отсылая Белля в Москву, воеводы просили царя, чтоб не лишал его жизни; но на суровые вопросы Иоанна пленник отвечал сурово и, между прочим, сказал: „Ты неправдою и кровопийством овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христианскому".

Белль, что и говорить, был бравым воякой и вообще неглупым человеком, но он явно просчитался в понимании характера Иоанна Грозного. Выслушав дерзкий ответ пленника, русский царь, даже не переменившись в лице, приказал отрубить тому голову. Приказ был немедленно приведен в исполнение.

Между тем "…Воеводы осадили Феллин; немцы оборонялись храбро, даже когда и внешние стены были уже разбиты; но когда русские стали стрелять огненными ядрами и зажгли город, то осажденные вступили в переговоры, хотя у них оставалась еще главная, необыкновенно твердая, почти неприступная крепость с тремя другими побочными укреплениями, 18 больших стенобитных орудий и 450 средних и малых, всякого рода запасов множество; по немецким известиям, дело объясняется тем, что гарнизон, не получая уже несколько месяцев жалованья, не хотел более служить. Тщетно старый Фюрстенберг предлагал ему все свое имущество; гарнизон сдал город русским, выговорив себе свободный выход из него; но Фюрстенберг должен был отправиться в Москву, причем воеводы обещали ему царскую милость; обещание было исполнено: старику дали в кормление местечко Любим в Костромской области, где он и умер спокойно. Немецкие летописцы говорят, что когда Фюрстенберга и других ливонских пленников в торжестве водили по московским улицам на показ народу, то один из пленных татарских ханов сказал: „Поделом вам, немцы! Вы дали великому князю в руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечет и вас самих". Татарин разумел под розгами оружие, которое русские заимствовали у немцев. Несколько других городов последовали примеру Феллина; русское войско беспрепятственно опустошало

страну, разбивая везде малочисленные немецкие отряды, осмеливавшиеся выходить к нему навстречу; но князь Мстиславский не мог взять Вейссенштейна; этою неудачною попыткою кончился поход 1560 года.

Несмотря на успехи русских войск, завоевание орденских владений было еще далеко до окончания, но удары, нанесенные Иоанном Ордену, ускорили его распадение: эзельский епископ Меннигаузен вошел с датским королем Фридрихом III в тайные сношения, продал ему свои владения Эзель и Пильтен за 20 000 рейхсталеров и уехал с этими деньгами в Германию, несмотря на то что по обязательствам своим не мог располагать означенными землями без ведома и согласия орденских властей. Датский король, обязанный по отцовскому завещанию уступить брату своему, Магнусу, несколько земель в Голштинии, вместо их отдал ему новую свою покупку, и Магнус весною 1560 года явился в Аренбурге, где вступило к нему в службу много дворян, в надежде, что Дания не оставит его без помощи.

Появление этого нового лица в Остзейском краю было причиною новых смут: когда земские чины собрались в Пернау и приехал Магнус в качестве эзельского администратора, то вместо каких-нибудь полезных для земли решений сейм был свидетелем сильной ссоры между Магнусом и магистром Кетлером за земли, которыми Магнус хотел также завладеть; едва дело не дошло до войны между ними, а между тем русские взяли Феллин.

По удалении их из-под Вейссенштейна междоусобная война действительно началась, только не между Магнусом и Кетлером: встали крестьяне, объявили, что так как дворяне в мирное время отягощают их страшными поборами, а в военное не защищают от неприятеля, то они не хотят им повиноваться; стали жечь замки, бить дворян, но при осаде замка Лоде потерпели поражение и усмирились. Ревельцы, видя, что московские ратные люди под самыми стенами их уводят не только скот, но и людей, так что никому нельзя выйти из города, отправили послов к шведскому королю Ерику, сыну и наследнику Густава Вазы, попросить у него денег взаймы и узнать, чего они могут ожидать от него в случае, если московские войска осадят их город. Ерик отвечал, что денег он по-пустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, то он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами. Ревельцы стали думать: от императора и Римской империи нечего надеяться помощи, от магистра также; Польша далеко, из нее также в надлежащее время помощь не придет, притом же у них с поляками разные

обычаи, язык, вера; по дальности расстояния нет у них, как у рижан, торговли с поляками и Литвою, покормиться от них нечем; следовательно, от соединения с Польшею нет никакой выгоды, скорее конечное разорение; Дания уже прежде отвергла их предложение, и притом соединение с Швециею выгоднее по единству религии и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши таким образом, ревельцы в июне 1561 года присягнули в верности шведскому королю с сохранением всех своих прав".

Да, сценарий происходящего складывался явно не в пользу Иоанна Грозного! У него теперь уже практически не было сомнений, что Ливония непременно пожелает войти в союз с Польшей.

У Соловьева сказано: "„Мы, – говорили ревельцы, – не кормимся от Польши и Литвы, как рижане"; следовательно, рижане привязывались торговыми интересами, Двиною к Литве; дворянство ливонское не менее рижских купцов желало соединения с Польшею, ибо ни в одной другой стране не видало более лестного положения своих собратий, и вот Кетлер завел сношения с виленским воеводою Николаем Радзивиллом насчет присоединения Ливонии к Польше; в ноябре 1561 года дело было кончено: Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с подручническими обязанностями к Польше.

До нас дошло любопытное изложение причин, по которым в Польше считали необходимым присоединение Ливонии: „Ни в одной части государства нет такого количества городов, крепостей и замков, как в Пруссии, но Ливония богатством крепких мест превосходит Пруссию или по крайней уже мере равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается в укрепленных местах, потому что с севера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливония знаменита своим приморским положением, обилием гаваней; если эта страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем. О пользе иметь гавани в государстве засвидетельствуют все знатные фамилии в Польше: необыкновенно увеличилось благосостояние частных людей с тех пор, как королевство получило во владение прусские гавани, и теперь народ наш не многим европейским народам уступит в роскоши относительно одежды и украшений, в обилии золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманием податей торговых. Кроме этого как увеличатся могущество, силы королевства чрез присоединение такой обширной страны! Как легко будет тогда управляться с Москвою, как легко будет

сдерживать неприятеля, если у короля будет столько крепостей! Но главная причина, заставляющая нас принять Ливонию, состоит в том, что если мы ее отвергнем, то эта славная своими гаванями, городами, крепостями, судоходными реками, плодородием страна перейдет к опасному соседу. Или надобно вести войну против Москвы с постоянством, всеми силами, или заключить честный и выгодный мир; но условия мира не могут назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступим ей Ливонию. Но если мы должны непременно выгнать москвитян из Ливонии, то с какой стати нам не брать Ливонии себе, с какой стати отвергать награду за победу? Вместе с москвитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество также опасно для нас; но прежде надобно покончить с Москвою".

Теперь вы видите, что Польше было просто необходимо иметь Ливонию в своем составе; еще более очевидно, что Москва в этом нуждалась куда острее. Только вот у Москвы и в помине не было тех козырей, которыми располагала в этом плане Польша. Под козырями же имеются в виду прусские важнейшие стратегические гавани на Балтике, находившиеся в ведении Польши. Свои гавани на Балтийском море – это, прежде всего, контроль, неоспоримое влияние, колоссальный политический перевес. Вот так наши распрекрасные братья-славяне быстрехонько превратились в злейших недругов! Для Иоанна Грозного ситуация дополнительно осложнялась еще и тем, что русским грозила перспектива сражаться в Балтийском регионе сразу же с несколькими противниками.

Как справедливо замечает С. Соловьев: "…Если в Польше хотели прежде покончить с Москвою, а потом уже обратить свои силы против Швеции, то и в Москве не хотели также иметь дела с двумя врагами вместе, и в начавшихся переговорах с Швецией царь не упоминал о Ревеле. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причине: молодой король Ерик никак не мог равнодушно подчиняться унизительному обычаю, по которому он был обязан сноситься не прямо с царем, а с наместниками новгородскими.

В 1560 году Ерик прислал послов с требованием, чтоб перемирные грамоты, написанные при отце его и скрепленные только печатями новгородских наместников, были скреплены печатью царскою, чтобы вперед ссылаться ему прямо с царем и чтоб в прежних грамотах уничтожить условие, по которому шведский король обязывался не помогать королю польскому и магистру ливонскому против Москвы. Чтоб испугать Иоанна, сделать его сговорчивее, шведские послы объявили, что император, короли польский и датский уговаривают Ерика к

союзу против царя, за Ливонию. Но им отвечали: „Того себе в мыслях не держите, что государю нашему прародительские старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густав-король таким же гордостным обычаем, как и государь ваш теперь, с молодости помыслил, захотел было того же, чтоб ему ссылаться с государем нашим, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своих пролил и сколько земле своей запустенья причинил? Да, то был человек разумный: грехом проступил и за свою проступку великими своими и разумными людьми мог и челом добить; а вашего разума рассудить не можем: с чего это в такую высость начали? Знаете и сами: за неправду ливонских людей быстро лихое дело началось, а теперь укротить его кто может? А в Казанской и Астраханской земле? И не такие места великие государства гордостью было поднялись и в старинах своих быть не захотели, тем государя нашего гнев на себя подвигли; и за их неправды что с ними случилось, сами знаете. А вашего государя, Ерика короля, видим: не прибыло у него ниоткуда ничего, на старой своей земле. Нам кажется, что или король у вас очень молод, или старые люди все извелись и советуется он с молодыми – по такому совету такие и слова". Когда послы сказали, что царю не может быть тяжело самому ссылаться с королем, то бояре отвечали: „Тяжелее всего на свете прародительскую старину порушить".

Старина не была нарушена: для подтверждения перемирия отправлены были в Швецию послы от имени новгородских наместников: по наговору толмача шведского посольства, который жаловался королю, что им в Новгороде и Москве было большое бесчестье, и московских послов приняли очень дурно в шведских владениях, причем Ерик был рад сорвать свое сердце; послы писали в Москву: „От короля нам было великое бесчестье и убыток: в Выборге нас речами бесчестили и бранили, корму не дали и своих запасов из судов взять не дали ж, весь день сидели мы взаперти, не евши". По приезде в Швецию отвели им комнаты без печей и лавок, к королю заставили идти пешком; позвавши на обед, король велел поставить перед ними мясные кушанья в Петров пост, зная, что они у приставов брали пищу постную; против поклона от наместников новгородских король с места не двинулся и шляпы не приподнял; три раза послов звали к королю и три раза ворочали с дороги".

Однако все эти досадные детали не могли отвлечь внимания Иоанна Грозного. Русскому царю пришла в голову мысль, каким образом можно нейтрализовать Ливонию, заключив с ней… мирное соглашение! Казалось бы, это просто немыслимо: какой может вообще быть мир после всего случившегося?! Но Иоанн

Грозный был уверен в себе. Что же он задумал? Все просто: ему сызмальства было известно, сколь изрядное значение имеют грамотно и вовремя заключенные союзы меж венценосными особами. Так вот и сейчас Иоанн Грозный решил прибегнуть к испытанному средству.

"Все внимание царя было обращено теперь на Литву, – пишет Соловьев. – И здесь Иоанн хотел было сначала решить дело мирным образом, посредством женитьбы своей на одной из сестер королевских; кроме возможности действовать чрез это родство на мирное соглашение относительно Ливонии у Иоанна могла быть тут другая цель: бездетным Сигизмундом-Августом прекращался дом Ягеллонов в Литве, и сестра последнего из Ягеллонов переносила в Москву права свои на это государство; о Польше же, как увидим, Иоанн мало думал. Он спросил митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестре при известной степени свойства между ними вследствие брака тетки его Елены с невестиным дядею Александром? Митрополит отвечал, что можно, и в Москве уже решили, как встречать королевну, где ей жить до перехода в православие; определили, что боярам на сговоре с панами о крещении не поминать, а начнут сами паны говорить, чтоб королевне оставаться в римском законе, то отговаривать, приводя прежние примеры – пример Софьи Витовтовны и сестры Олгердовой, которые были крещены в греческий закон; если же паны не согласятся, то и дела не делать; Федору Сукину, отправленному в Литву с предложением, дан был такой наказ: „Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как тельны, какова которая обычаем и которая лучше? Которая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как и меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить, а говорить о меньшой; разведывать накрепко, чтоб была не больна и не очень суха; будет которая больна, или очень суха, или с каким-нибудь другим дурным обычаем, то об ней не говорить – говорить о той, которая будет здорова, и не суха, и без порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лет, но если она будет лучше меньшой, то говорить о ней. Если нельзя будет доведаться, которая лучше, то говорить о королевнах безымянно; и если согласятся выдать их за царя и великого князя, то Сукину непременно их видеть, лица их написать и привезти к государю. Если же не захотят показать ему королевен, то просить парсон (портретов) их написанных".

Сукин допытался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому сделал королю предложение выдать ее за царя. Паны от имени Сигизмундова отвечали, что отец королев, умирая,

приказал семейство свое императору, и потому король хочет это дело делать так, как отец его делывал, обослаться (т. е. договориться. – Г. Б.) с императором и с иными королями, своими приятелями и родственниками – зятем, герцогом Брауншвейгским, и с племянником, королевичем венгерским. Притом теперь при короле нет польской Рады; король должен обослаться с нею, потому что королевны родились в Польше и приданое их там. Посол отвечал: „Мы видим из ваших слов нежелание вашего государя приступить к делу, если он такое великое дело откладывает в даль". Так кончились первые переговоры.

Когда послы были призваны в другой раз, то Сигизмунд объявил им, что согласен выдать сестру Екатерину за царя; послы просили позволения ударить ей челом, но паны отвечали: „И между молодыми (т. е. незнатными) людьми не ведется, чтоб, не решивши дело, сестер своих или дочерей давать смотреть". Послы говорили: „Не видавши нам государыни королевны Катерины и челом ей не ударивши, что, приехав, государю своему сказать? Кажется нам, что у государя вашего нет желания выдать сестру за нашего государя!" Им отвечали, что нельзя видеть королевну явно, потому что у ней все придворные – поляки; они расскажут своим, что московские послы королевну видели, и у польской Рады с королем будет за это брань большая; а если послы хотят ее видеть, то пусть смотрят тайно, как пойдет в костел. Послы сперва не соглашались, но потом согласились".

Иоанн Грозный возрадовался неимоверно, но… зря! Все равно из его затеи так ничего и не получилось. Сигизмунда-Августа отнюдь не стоило считать безмозглым стариком. Это был хитрый и опытный противник. Он в принципе был отчасти даже не против заключения мира с Иоанном Грозным, но предпочитал добиться этим для себя максимальной выгоды. И, понятное дело, здесь его интересы шли вразрез с тайными стремлениями Иоанна Грозного. Посол Сигизмунда-Августа Шимкович "…явился в Москву с требованием, чтоб прежде дела о сватовстве заключен был мир, для переговоров о котором вельможи с обеих сторон должны съехаться на границы, и до этого съезда Ливонии не воевать, Сигизмунд хотел пользоваться своим положением, как прежде пользовался подобным же положением Иоанн III Московский, когда Александр Литовский искал руки его дочери Елены; Иоанн III также прежде дела о сватовстве требовал заключения мира; но если искательство родственного союза явилось теперь со стороны московского государя, то Иоанн IV, однако, вовсе не находился в положении Александра, которому во что бы то ни стало нужно было заключить мир и скрепить его женитьбою на Елене; царь не

согласился на порубежные переговоры; мы видели, что в Москве считали тяжелее всего на свете нарушать прародительские обычаи, а эти обычаи требовали, чтоб мирные переговоры велись в Москве.

Военные действия начались наступательным движением литовского гетмана Радзивилла на русских в Ливонии: после пятинедельной осады он взял Тарваст в сентябре 1561 года; русские воеводы разбили литовцев под Пернау и разорили Тарваст, оставленный литовцами. 1562 год прошел в опустошительных набегах с обеих сторон; а между тем не прерывались и сношения между обоими дворами: Сигизмунд не имел ни средств, ни желания вести деятельную войну, ему хотелось длить время переговорами. Посол Корсак приезжал от него в Москву в начале 1562 года с жалобами, что Иоанн обижает короля и мира не хочет, хлопотал, чтоб военные действия были прекращены с обеих сторон впредь до ссылки; Иоанн отвечал Сигизмунду: „Во всем твоем писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: писал ты все дела ложные, складывая на нас неправду… Прежде этого ты послал к нам Яна Шимковича, а к Перекопскому писал, что Шимкович послан не делать дело, а разодрать его; и прежде посылал ты к Перекопскому свою грамоту, укорял в ней нас многими неподобными словами. И если уже так, то нам от тебя больше чего ждать? Всю неправду в тебе мы достаточно высмотрели".

Упреки Иоанна были справедливы: Сигизмунд не переставал поднимать хана на Москву, писал ему, что Иоанн, несмотря на перемирие с Литвою, воюет Ливонию, находящуюся под защитою королевскою; что он, Сигизмунд, не хочет нарушить клятвы и начать войну с Москвою до истечения перемирных лет, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти все полки ее находятся в Ливонии. Паны литовские по старому обычаю писали к митрополиту и боярам, чтоб они склоняли государя к миру и к уступке Ливонии, которая искони принадлежала королям польским и великим князьям литовским.

Митрополит отвечал по царскому наказу: „И прежде бискуп (т. е. католический епископ. – Г. Б.) и воевода виленский посланников и гонцов своих к нам присылали не один раз, и мы им отвечали, что мы люди церковные и нам до тех дел дела нет; также и теперь нам до тех дел дела нет, то ведают боговенчанного самодержца царя государя бояре и с панами ссылаются. И мы, как пастыри христианские, благовенчанному самодержцу напоминаем, чтоб он с пограничными своими соседями имел мир и тишину. Мы били челом государю, и он нашего челобитья не презрил, послал на литовских послов

опасную грамоту".

Бояре отвечали: „Только вспомнить старину, каким образом гетманы литовские Рогволодовичей Данила да Мовколда на Литовское княжество взяли и каким образом великому государю Мстиславу Владимировичу Монамашу к Киеву дань давали, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся – вотчина государя нашего, потому что начиная от великого государя Владимира, просветившего Русскую землю Святым Крещением, до нынешнего великого государя нашего наши государи-самодержцы никем не посажены на своих государствах, а ваши государи – посаженные государи: так который крепче – вотчинный ли государь или посаженный? – сами рассудите. Но такими речами, сколько их ни говорить на обе стороны, доброе дело не станется, а скорее к разлитию крови христианской придет; мы напомнили вам о Литве только для того, что вы в своей грамоте писали непригоже, задираясь за искони вечную вотчину государя нашего… Как Ливонская земля повиновалась прежде нашему государю, о том не только нам, но и многим землям известно; что нам о том и говорить, как Ягайло на дядю своего Кестутья нанимал ливонских немцев – вам это хорошо известно; посмотрите в ваших хрониках – найдете; и как Витовт, бегая от Ягайла, ливонских немцев нанимал – и то вам известно же; и как Ягайло и Витовт ходили в Немецкую землю к Марьину городку (Мариенбургу), и сколько у них немцы побили людей, и как литовские немцы с Ягайлом и Витовтом помирились на своей воле".

Как можно понять, это был уже настоящий скандал. Нет бы сдержаться, не колоть глаза противной стороне скверными для них воспоминаниями! Какое там… Эмоции разыгрались, и все пошло прахом. Теперь оставалось лишь силовое решение вопроса.

"В начале 1563 года сам Иоанн с большим войском и нарядом двинулся к литовским границам, – говорится у С. Соловьева. – Целию похода был Полоцк – город, важный сам по себе и особенно по отношению к Ливонии, по торговой связи его через Двину с Ригою. 31 генваря город был осажден, 7 февраля взят был острог, а 15 февраля, после того как 300 сажен стены было выжжено, город сдался; воевода полоцкий Довойна, один из самых приближенных людей к королю, и епископ отосланы были в Москву, имение их, казна королевская, имение панов и купцов богатых, много золота и серебра отобрано было на царя; жиды потоплены в Двине; но наемные воины королевские одарены шубами и отпущены числом больше 500 человек, дана им воля, вступить ли в царскую службу, ехать ли к королю или в другие земли, потому что они пришельцы из чужих земель.

Уведомляя митрополита о взятии Полоцка, Иоанн велел ему сказать: „Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра-митрополита о городе Москве, что взыдут руки его на плещи врагов его: Бог несказанную свою милость излиял на нас, недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал". Царь возвратился в Москву так же торжественно, как из-под Казани: в Иосифовом монастыре встретил его старший сын, царевич Иван; на последнем ночлеге к Москве, в селе Крылатском, встретили его младший сын, царевич Феодор, брат Юрий, ростовский архиепископ Никандр с другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополит со всем духовенством московским встретил у церкви Бориса и Глеба на Арбате; Иоанн бил им челом, что милостию Пречистой Богородицы, молитвами великих чудотворцев и их молитвами Господь Бог милосердие свое свыше послал, вотчину его, город Полоцк, в руки дал.

Духовенство государю многолетствовало на его вотчине, благодарение великое и похвалы воздавало, что своим великим подвигом церкви святые от иконоборцев-люторей очистил и остальных христиан в православие собрал. В Полоцке оставлены были трое воевод – князья Петр Иванович Шуйский, Василий и Петр Семеновичи Серебряные-Оболенские – с таким наказом: „Укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно; где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтоб были рвы глубокие и крутые; и в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре. Литовских людей в город (т. е. в крепость), приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь день торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу, учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов; и ни под каким бы видом без боярского ведома и без приставов ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил, в городе должны жить одни попы у церквей с своими семьями, а лишние люди у попов не жили бы. В городе сделать светлицу и ночевать в ней каждую ночь воеводам с своими полками поочередно; с фонарем ходить по городу беспрестанно. Управу давать литовским людям, расспроси про здешние всякие обиходы как у них обычаи ведутся, по их обычаям и судить; судебню сделать за городом в остроге; выбрать голов добрых из дворян, кому можно верить, и приказать им судить в судебне всякие дела безволокитно и к присяге их привести, чтоб судили прямо, посулов и поминков не брали, а записывать у них земским дьякам, выбрав из земских людей; на суде быть с ними

бурмистрам. Кто из детей боярских, шляхты и посадских людей останется жить на посаде, у тех бы не было никакого ратного оружия. Если в ком-нибудь из них воеводы приметят шатость, таких людей, не вдруг, затеявши какое-нибудь дело, ссылать во Псков, в Новгород, в Луки Великие, а оттуда в Москву".

Легко представить себе, как подействовало известие о падении Полоцка на Сигизмунда-Августа. Он был просто вне себя и, словно обиженное дитя, кинулся жаловаться. И кому бы вы думали? Крымскому хану! Сигизмунд-Август "…послал к хану крымскому с выговорами, зачем тот уверил его, что пойдет зимою на Москву, и не пошел, а между тем Иоанн, безопасный с этой стороны, пришел со всею своею землей в Литву и взял Полоцк". Параллельно этому "королевская Рада прислала к боярам просить, чтоб московские войска удержались от дальнейших неприятельских действий, что послы литовские будут к Успеньеву дню в Москве".

Иоанн Грозный, до сих пор заходившийся от восторга по поводу захваченного русскими Полоцка, проявил великодушие, велев сдержать наступление.

Возникло напряженное положение.

Сигизмунду-Августу надо было лишь потянуть время в ожидании выступления крымского хана. А у Иоанна Грозного добавилась к прочим проблемам еще одна: "В это время князь Дмитрий Вишневецкий оставил московскую службу по неизвестным причинам и перешел опять в Литву, но с тем, чтоб и здесь недолго оставаться. Гонцу Клобукову, отправленному в Литву, дан был наказ: „Если спросят о Вишневецком, то отвечать: притек он к государю нашему, как собака, и потек от государя, как собака же, а государю нашему и земле убытка никакого не учинил". Но на деле в Москве не были равнодушны к бегству удалого казака, который оказал так много услуг царю против Крыма и мог оказывать теперь услуги королю против царя; Клобукову наказано было разведывать: „Как приехал князь Дмитрий Вишневецкий на королевское имя, то король ему жалованье дал ли, и живет при короле ли, и в какой версте держит его у себя король? Да проведывать про Черкасских - Алексея и Гаврилу: каков их приезд был к королю и чем их король пожаловал? Если Алешка Черкасский пришлет к гонцу и объявит, что хочет опять ехать к государю, то отвечать ему, что челобитье его будет донесено до государя".

Сигизмунд-Август "…прислал гонца с предложением продлить перемирие вместо Успеньего дня до Благовещенья, но царь не согласился и продлил срок только до 6 декабря того же 1563 года. Уведомив об этом хана, король велел сказать ему, что

переговоры с Москвою будут ведены только для освобождения пленных, взятых в Полоцке, а мир заключен не будет, чтоб он, хан, поэтому шел непременно зимою на Москву, которой все силы тогда будут устремлены на Литву, что если и заключено будет перемирие, то не далее как только до июля месяца; посол королевский должен был спросить у хана, надобно ли королю послать к султану, чтоб поднять и его на Иоанна.

Эти сношения остались тайною для Москвы, но обнаружились другие, и когда приехали в Москву послы литовские – крайчий Ходкевич и маршалок Волович, то бояре встретили их упреками, что троцкий воевода присылал в Тарваст к боярскому сыну князю Кропоткину с грамотою, в которой звал его отъехать к королю, выставляя на вид жестокости Иоанновы; перехвачены были грамоты Сигизмунда-Августа к королю шведскому, в которых он старался уговорить последнего к войне с Москвою; Иоанн велел сказать послам: „Это ли брата нашего правда, что ссылается с шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется шведскому братом ровным, то это его дело, хотя бы и водовозу своему назвался братом – в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская земля – его вотчина, а к шведскому пишет, что он вступился за убогих людей, за повоеванную и опустошенную землю; значит, это уже не его земля! Нас называет беззаконником, а какие в его земле безбожные беззакония совершаются, о том не думает (Иоанн разумел здесь распространение протестантизма в Сигизмундовых владениях). Брат наш к шведскому, пригоже ли такое укорительное слово, пишет, что москвичи -христианские враги, что с ними нельзя постоянного мира, дружбы и союза иметь? Потом епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями и грамотами ссылались с нашими боярами, а теперь затеяли ссылаться с митрополитом, тогда как митрополит у нас в такой же чести, как наши братья: так пригоже ли подданным нашим митрополиту братьями писаться?" Послы сказали на это, что митрополит должен сноситься с епископом виленским, а не с панами, и братство у него с епископом; бояре отвечали, что епископ митрополиту не ровня: над епископом есть еще архиепископ, а потом уже митрополит. Бояре упрекали послов и в нарушении последнего перемирия: ротмистр князь Михайла Вишневецкий с белгородскими татарами приходил на московские украйны; приходил к Новгороду Северскому с казаками черкасскими и литовскими и белгородскими татарами.

Когда начались переговоры о мире, то бояре потребовали Волыни, Подолии и Галича; послы отвечали, что это земли польские, а не литовские и они, как литовские послы, о чужих

землях говорить не могут, говорить о них должны польские послы. Потом начались уступки: Иоанн сначала уступил Подольскую землю, потом Волынскую, потом Киев с днепровскими городами. Дело остановилось на Полоцком повете и на орденских владениях, потому что послы, уступая Полоцк, как занятый русскими войсками, не уступали его повета и орденских владений. Иоанн из последних уступил еще Курляндию, назначил Двину границею между своими и королевскими владениями и на этом условии хотел заключить перемирие лет на 10 или на 15, но послы не согласились.

Тогда Иоанн, повинуясь требованиям своей природы, нарушил обычай, велел позвать послов к себе и стал сам с ними говорить: „Я, государь христианский, презрел свою царскую честь, с вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярам нашим с вами говорить, то я сам с вами говорю: если у вас есть от брата нашего указ о любви и добром согласии, как между нами доброе дело постановить, то вы нам скажите". Ходкевич отвечал: „Милостивый государь великий князь! Позволь перед собою говорить нашему писарю (Гарабурде), потому что я рос при государе своем короле от молодых дней и язык мой русский помешался в пословицах с польским языком, так что речей моих и не узнать, что стану говорить". Иоанн отвечал: „Юрий! Говори перед нами безо всякого сомнения, если что и по-польски скажешь, мы поймем. Вы говорите, что мы припоминали и те города, которые в Польше, но мы припомнили не новое дело: Киев был прародителя нашего, великого князя Владимира, а те все города были к Киеву; от великого князя Владимира прародителя наши, великие государи, великие князья русские, теми городами и землями владели, а зашли эти земли и города за предков государя вашего невзгодами прародителей наших, как приходил Батый на Русскую землю, и мы припоминаем брату нашему не о чужом, припоминаем о своей искони вечной вотчине. Мы у брата своего чести никакой не убавляем; а брат наш описывает наше царское имя не сполна, отнимает, что нам Бог дал; изобрели мы свое, а не чужое; наше имя пишут полным именованием все государи, которые и повыше будут вашего государя; и если он имя наше сполна описывать не хочет, то его воля, сам он про то знает. А прародители наши ведут свое происхождение от Августа-кесаря, так и мы от своих прародителей на своих государствах государи, и что нам Бог дал, то кто у нас возьмет? Мы свое имя в грамотах описываем, как нам Бог дал; а если брат наш не пишет нас в своих грамотах полным наименованием, то нам его списывание не нужно".

Бояре в разговоре с послами вывели так генеалогию

государей московских: Август-кесарь, обладающий всею вселенною, поставил брата своего, Пруса, на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, и до сего года по имени его зовется Прусская земля, а от Пруса четырнадцатое колено до великого государя Рюрика. Но хотя Иоанн и объявил, что не нуждается в царском титуле от короля, хотя таким образом одно из препятствий к миру было отстранено, однако теперь было другое препятствие, важнейшее – Ливония".

Ходкевич не мог принять условий Иоанна Грозного.

Ему пришлось уехать ни с чем.

Между тем на фронтах удача улыбалась то одной, то другой стороне: " Военные действия открывались неудачею москвитян: в несчастных для московского войска местах, недалеко от Орши, на реке Уле, гетман Радзивилл разбил князя Петра Ивановича Шуйского; последний лишился жизни вместе с двумя князьями Палецкими; двое воевод – Захар Плещеев и князь Иван Охлябинин – были взяты в плен; из детей боярских было убито немного, все разбежались, потому что дело было к ночи. Но и этою, второю, Оршинскою битвою литовское войско так же мало воспользовалось, как и первою; отъезд Курбского не увлек других воевод: начальствовавший в Полоцке князь Петр Щенятев не принял предложений Радзивилла и не сдал вверенного ему города; русские взяли Озерище, отразили литовцев от Чернигова; действия Курбского в Великолуцкой области состояли только в опустошениях открытых мест; в Ливонии дела шли с переменным счастием".

Это дало повод для нового витка дипломатически переговоров.

Начались опять переговоры; опять приехал гонец от епископа и панов к митрополиту и боярам для задирки, но согласно с прежним объявлением, что митрополиту непригоже сноситься с епископом, гонца к митрополиту не пустили, представлялся он только боярам, которые отвечали, что государь мира хочет и неприятельские действия прекращает.

Опасную грамоту на литовских послов царь отправил с гонцом Желнинским, которому дан был такой наказ: „Если спросят про Андрея Курбского, для чего он от государя побежал, то отвечать: государь было его пожаловал великим жалованьем, а он стал государю делать изменные дела; государь хотел было его понаказать, а он государю изменил; но это не диво; езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству Московскому не сделали ничего; Божиим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей; Курбский государю нашему изменил,

собакою потек, собацки и пропадет. А если спросят о дерптских немцах, для чего их царь из Дерпта велел перевести в московские города, отвечать: перевести немцев государь велел для того, что они ссылались с магистром ливонским, велели ему прийти под их город со многими людьми и хотели государю изменить. Если спросят: зимою государь ваш куда ездил из Москвы и опалу на многих людей для чего клал, отвечать: государь зимою был в слободе и положил опалу на бояр и дворян, которые ему изменные великие дела делали, и за великие измены велел их казнить". Желнинскому при встрече с Курбским и другими изменниками запрещено было с ними говорить. Когда приехал литовский гонец Юряга в Москву, то приставу дан был также наказ, как с ним говорить: „Если спросит: что это теперь у государя вашего слывет опричнина, отвечать: у государя никакой опричнины нет, живет государь на своем царском дворе, и, которые дворяне служат ему правдою, те при государе и живут близко, а которые делали неправды, те живут от государя подальше; а что мужичье, не зная, зовет опричниной, то мужичьим речам верить нечего; волен государь, где хочет дворы и хоромы ставить, там и ставит; от кого государю отделяться?"

Юряга приезжал с известием о больших послах, Ходкевиче и Тишкевиче; когда они приехали в Москву, приставам был дан наказ: если спросят послы о князе Михайле Воротынском, про его опалу, то отвечать: Бог один без греха, а государю холоп без вины не живет; князь Михайла государю погрубил, и государь на него опалу было положил; а теперь государь его пожаловал по-старому, вотчину его старую, город Одоев и Новосиль, совсем ему отдал, и больше старого послы о вечном мире не сговорились: начали толковать о перемирии, уступали Полоцк и в Ливонии все земли, занятые московским войском. Царь не согласился, требовал Риги и других городов, уступая королю Курляндию и несколько городов по сю сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче мир может быть заключен при личном свидании государя с королем на границах. Иоанн охотно согласился на это предложение, но требовал, чтоб послы тут же положили, как быть съезду и всем церемониям; послы отказались решить такое важное дело и требовали сроку для приезда новых послов.

Но государь приговорил с боярами, что о съезде с послами не говорить, потому что этими переговорами дело только затянется, а угадать нельзя, захочет ли король сам быть на съезде или не захочет. Он только время будет проволакивать. Лучше отправить к королю своих послов для переговоров о Ливонской земле и Полоцком повете; они проведают на короле, как он хочет с

государем о Ливонской земле порешить. Да проведать бы послам в Литве про все литовские вести: как король с императором и с поляками, в согласии ли? Какое его вперед умышление? А в то время как государские послы будут у короля, государь велит готовиться к своему большому походу на Ливонскую землю, велит всякого запасу и наряду прибавить".

Иоанну Грозному было необходимо принять исключительно важное решение. С одной стороны, Ливонию прощать было никак нельзя. С другой стороны – череда военных поражений, перспектива затяжной и требующей невероятных ресурсов войны… Вдобавок бегство Андрея Курбского. Казалось бы, мир – это разумное решение. Да только вот, хотя царю и оставлялись все завоеванные им плацдармы, он утрачивал берег Балтики, оставался без выхода к морю. Да, на этот раз Иоанн стоял перед сложнейшим выбором.

С. Соловьев глубоко проанализировал сложившееся положение: "Он (т. е. Иоанн Грозный. – Г. Б.) не хотел решить этого вопроса один; но ему было недостаточно мнения опальных бояр, мнения людей, которых он подозревал в неискренности, в злоумышлениях; ему хотелось знать, что думают другие сословия о войне; но узнать об этом, по его мнению, было нельзя ни чрез опричников, стоявших враждебно к остальному народонаселению, ни чрез бояр земских, от которых он не ожидал правды; обращаться ко всей земле в виде выборных не было новостию для Иоанна: мы видели, как он в молодости своей созывал выборных к Лобному месту, чтоб торжественно очистить себя от обвинения в прежних бедствиях народных и сложить вину их на бояр.

Летом 1566 года царь велел собрать духовенство, бояр, окольничих, казначеев, государевых дьяков, дворян первой статьи, дворян и детей боярских второй статьи, помещиков с западных, литовских границ, торопецких и луцких, как людей, которым более других знакомы местные отношения, дьяков и приказных людей, гостей, лучших купцов московских и смольнян, предложил им условия, на которых хочет помириться с королем, и спрашивал их совета.

Духовенство – девять архиереев, четырнадцать архимандритов и игуменов, девять старцев – совет учинили такой: „Велико смирение государское! Во всем он уступает, уступает королю пять городов в Полоцком повете, по Задвинью уступает верст на 60 и на 70 на сторону, город Озерище, волость Усвятскую в Ливонской земле, в Курской земле (Курляндии) за Двиною 16 городов, да по сю сторону Двины 15 городов ливонских с их уездами и угодьями, пленных полочан отпускает

без окупу и без размены, а своих пленных выкупает: государская перед королем правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за те города ливонские, которые король взял в обереганье, – Ригу, Венден, Вольмар, Ранненбург, Кокенгаузен и другие города, которые к государским порубежным городам, псковским и юрьевским, подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрепятся за королем, и вперед из них будет разорение церквам, которые за государем в ливонских городах; да не только Юрьеву, другим городам ливонским и Пскову будет большая теснота, Великому Новгороду и других городов торговым людям торговля затворится. А в ливонские города король вступился и держит их за собою не по правде, потому что, когда государь наш на Ливонскую землю наступил за ее неисправление, магистра, епископа и многих людей пленом свел, города ливонские побрал и православием просветил, церкви в них поставил, тогда остальные немцы, видя свое изнеможение, заложились за короля с своими городами. А когда государь наш на Ливонскую землю не наступал, то король мог ли хотя один город ливонский взять? А Ливонская земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича, принадлежит нашему государю. А и то королева, правда ли? Будучи с государем нашим в перемирье, королевские люди пришли да взяли наш город Тарваст и людей свели. И наш совет, что государю нашему от тех городов ливонских, которые король взял в обереганье, отступиться непригоже, а пригоже за них стоять. А как государю за них стоять, в том его государская воля, как его Бог вразумит; а нам должно за него, государя, Бога молить; а советовать о том нам непригоже. А что королевы послы дают к Полоцку земли по сю сторону вверх по Двине на 15 верст, а вниз на 5 верст, а за Двину земли не дают, рубежом Двину становят, то можно ли, чтоб городу быть без уезда? И села и деревни без полей и без угодий не живут, а городу как быть без уезда?"

Бояре, окольничие и приказные люди говорили: „Ведает Бог да государь, как ему, государю, Бог известит; а нам кажется, что нельзя немецких городов королю уступить и Полоцк учинить в осаде. Если у Полоцка заречье уступить, то и посады заречные полоцкие будут в королевой стороне; по сю сторону Двины в Полоцком повете все худые места, а лучшие места все за Двиною. И если в перемирные лета литовские люди за Двиною поставят город, то, как перемирье выйдет, Полоцку не простоять; а если в ливонских городах у короля прибудет рати, тогда и Пскову будет нужда, не только Юрьеву с товарищами. Так, чем давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь с ним на таком его высоком безмерье не мириться. Государь наш много сходил ко

всякому добру христианскому и на себя поступал; а литовские послы ни на какое доброе дело не сошли: как замерили великим безмерием, так больше того и не говорят, потому лучше теперь, прося у Бога милости, государю промышлять с королем по своей правде; король над государем верха не взял: еще к государю Божия милость больше прежнего. О съезде у бояр, окольничих и приказных людей такая мысль: литовским послам о съезде отказать; боярам с панами на рубеже быть непригоже и прежде того не бывало; если же король захочет с государем нашим съехаться и договор учинить, то в этом государи вольны для покоя христианского. Известно, послы литовские все говорят о съезде для того, чтоб немного поманить, а между тем с людьми пособраться, с поляками утвердиться, Ливонскую землю укрепить, рати в ней прибавить; а по всем вестям, королю недосуг, с цесарем у него брань, и если Польша будет в войне с цесарем, то Литовской земле помощи от поляков нечего надеяться. По всем этим государским делам мириться с королем непригоже; а нам всем за государя головы свои класть, видя королеву высость, и надежду на Бога держать: Бог гордым противится; во всем ведает Бог да государь; а нам как показалось, так мы и изъявляем государю свою мысль".

Печатник Висковатый сказал свою мысль отдельно, что можно заключить перемирие с королем и не требуя уступки ливонских городов, но только чтоб король вывел из них свои войска и не мешал государю их добывать, обязался бы также не помогать им даже и после истечения перемирных лет. Дворяне и дети боярские говорили согласно с духовенством и боярами; торопецкие помещики сказали: „Мы, холопи государевы, за одну десятину земли Полоцкого и Озерищского поветов головы положим, чем нам в Полоцке помереть запертым; мы, холопи государские, теперь на конях сидим и за государя с коня помрем. Государя нашего перед королем правда; как государь наш Ливонской земли не воевал, тогда король не умел вступаться, а теперь вступается. По-нашему, за ливонские города государю стоять крепко, а мы, холопи его, на государево дело готовы". Остальные отвечали в том же смысле". Встретив подобное единодушие, Грозный принял решение.

"Иоанн отправил в Литву боярина Умного-Колычова с наказом – не заключать перемирия не только без Ливонии, но даже если король откажется давать ему титул царя и ливонского и не согласится выдать Курбского; в наказе было также написано: „Если литовские паны станут говорить, чтоб царь дал им на государство царевича Ивана, то отвечать: с нами о том наказу никакого нет, и нам о таком великом деле без наказа как

говорить? Если это дело надобно государю вашему или вам, панам, то отправляйте к государю нашему послов: волен Бог да государь наш, как захочет делать. Если кто станет спрашивать: для чего государь ваш велел поставить себе двор за городом, отвечать: для своего государского прохладу; а если кто станет говорить, что государь ставит дворы для раздела или для того, что положил опалу на бояр, то отвечать: государю нашему для этого дворов ставить нечего: волен государь в своих людях – добрых жалует, а лихих казнит; а делиться государю с кем? Кто станет говорить, что государь немилостив, казнит людей, и станут говорить про князя Василия Рыбина и про Ивана Карамышева, то отвечать: государь милостив, а лихих везде казнят; и про этих государь сыскал, что они мыслили над ним и над его землею лихо. Если паны Рада спросят: вы говорили нашему государю на посольстве, чтоб он отдал вашему государю князя Андрея Курбского и других детей боярских, которые к нашему государю приехали, но прежде ни при которых государях не бывало, чтоб таких людей назад отдавать, отвечать: государь наш приказал об этих изменниках для того, что они между государями ссоры делают и на большее кровопролитие христианское поднимают. А если спросят: какие от князя Андрея государю вашему измены, отвечать: над государем, царицею Анастасиею и их детьми умышлял всякое лихое дело; начал называться отчичем ярославским, хотел на Ярославле государить".

Колычев уведомил Иоанна, что предложения его отвергнуты, что посольству московскому оказано в Литве большое бесчестье, кормов не давали, что король отправил в Москву гонца Быковского с разметом, т. е. с объявлением войны. Быковский встретил Иоанна на дороге в Новгород; царь принял его в шатре, вооруженный, все окружавшие были также в доспехах; после жалоб на дурное обращение с Колычевым Иоанн сказал гонцу: „Ты не дивись, что мы сидим в воинской приправе; пришел ты к нам от брата нашего, Сигизмунда-Августа, с стрелами, и мы потому так и сидим". Быковский отвечал жалобою, что послы, Колычев с товарищами, ничего доброго не сделали; когда у них решено было с панами не начинать войны до 1 октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотели взять этой грамоты, потому что в ней Ходкевич был назван администратором ливонским. Свидетельствуясь Богом, что не от него начинается война, король объявлял ее чрез Быковского с обещанием, однако, принять московского посла. Царь и сын его, царевич Иоанн, выслушавши королевскую грамоту, приговорили с боярами задержать Быковского за то, что в грамоте, им

привезенной, писаны супротивные слова; имение Быковского и товары пришедших с ним купцов были описаны в казну. Иоанн отправился в Новгород, оттуда выступил было в поход, но на совете с воеводами решил ограничиться оборонительною войною.

В начале 1568 года гетман Ходкевич осадил московскую крепость Улу, но принужден был снять осаду по причинам, о которых он так доносил королю: „Прибывши под неприятельскую крепость Улу, я стоял под нею недели три, промышляя над нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники их трусят, боятся смерти, я велел им идти на приступ ночью, чтоб они не могли видеть, как товарищей их будут убивать, и не боялись бы, но и это не помогло. Другие ротмистры шли хотя и не скоро, однако кое-как волоклись; но простые ратные люди их все попрятались по лесу, по рвам и по берегу речному; несмотря на призыв, увещания, побои (дошло до того, что я собственные руки окровавил), никак не хотели идти к крепости и, чем больше их гнали, тем больше крылись и убегали, вследствие чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною казаки только что дошли до рва – и бросились бежать. Тогда я отрядил немцев, пушкарей и слуг моих (между ними был и Орел-москвич, который перебежал ко мне из крепости): они сделали к стене примет и запалили крепость; но наши ратные люди нисколько им не помогли и даже стрельбою не мешали осажденным гасить огонь. Видя это, я сам сошел с коня и отправился к тому месту, откуда приказал ратным людям двинуться к примету: хотел я им придать духу, хотел или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать, но, к несчастию моему, ни того ни другого не случилось.

После долгих напоминаний, просьб, угроз, побоев, когда ничто не помогло, велел я татарским обычаем кидать примет, дерево за деревом. Дело пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость наших всему помешали: несколько москвичей выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет, а наши не только не защитили его, но и разу выстрелить не смели, а потом побежали от шанцев. Когда я приехал к пушкам, то не только в передних шанцах, но и во вторых и в третьих не нашел пехоты, кроме нескольких ротмистров, так что принужден был спешить четыре конные роты и заставить стеречь пушки, ибо на пехоту не было никакой надежды".

Да, опять государю русскому приходилось хлопотать о решении. Примечательный, кстати, момент: читателям, безусловно, памятно, как стремился Иоанн Грозный заручиться правом принимать единовластное решение. И вот теперь он вторично обращается к боярам – тем самым, кого он всегда так

ненавидел.

Затворившись у себя в Александровской слободе, Иоанн Грозный "…писал к боярам в Москву, велел им поговорить о литовском деле и отписать к нему в слободу, мириться ли с королем или не мириться. И в то же время велел обходиться лучше с Быковским. Бояре отвечали, что надобно Быковского отпустить к королю и с ним в грамоте отписать королевские неправды, что король государевых послов, Колычева с товарищами, задерживал не по прежним обычаям, бесчестил их, и иные неправды короля припомянуть, а после в той же грамоте королю написать поглаже, для того чтоб сношений с ним не порвать, и если король захочет прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу; а рухлядь Быковскому и купцам отдать или заплатить деньгами, чего стоит.

Царь на это отвечал вторым запросом: мириться или не мириться, и если мириться, то на чем? Бояре отвечали, что, когда король возобновит сношения, тогда и рассуждать, смотря по его присылке; Ливонской земли не уступать по прежнему приговору. Иоанн велел боярам сделать так, как они думают; но Быковскому и купцам всего имения их не отдали, и когда гонец на отпуску жаловался на это, то Иоанн отвечал ему: „Чем мы тебя пожаловали, что велели тебе дать из своей казны, с тем и поезжай: пришел ты к нам с разметом, так довольно с тебя и того, что мы крови твоей пролить не велели; а если будет между нами и братом нашим, Сигизмундом-королем, ссылка о добром деле, то твое и вперед не уйдет". В грамоте к королю Иоанн писал, что он за грубую его грамоту хотел было идти на него войною, но моровое поветрие помешало; задержка Быковского объяснялась так: „Исстари велось: которые приедут с разметом, тем живота не давывали".

Итак, все шло своим чередом.

"В Литве очень обрадовались возвращению Быковского, возобновлению сношений, потому что состояние королевского здоровья заставляло думать о важных переменах: в Москву приехал гонец с просьбою об опасной грамоте на больших послов и в поклоне от короля назвал Иоанна царем, Иоанн велел печатнику спросить у гонца в разговоре, что значит эта новость? Гонец отвечал, что велели ему это сделать паны радные, чтоб почесть оказать государю. Следствием такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имение Быковского; опасная грамота также была дана. Но уже по отъезде гонца пришла весть, что литовские воеводы, князья Полубенские, из Вольмара овладели нечаянно Изборском; царь послал своим воеводам приказ отнять Изборск у Литвы, и приказ был исполнен. С жалобою на

Полубенских и с требованием отпуска пленного воеводы изборского отправлен был в Литву сын боярский Мясоедов, которому поручено было разведать: „Которым обычаем слово в Литве и Польше носится, что хотят взять на Великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово в люди пущено? Обманом или вправду того хотят, и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится?" Мясоедову дан был также наказ: „Станет с ним говорить князь Андрей Курбский или иной который государев изменник, то отвечать: с изменником что говорить? Вы своею изменою сколько ни лукавствуете бесовским обычаем, а Бог государю свыше подает на врагов победу и вашу измену разрушает; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а с простым изменником и того не говорить: выбранив его, плюнуть в глаза, да и пойти прочь".

Да, было очевидно: вновь дело за дипломатами! И они заявились, причем очень скоро.

"В 1570 году приехали большие послы литовские Ян Кротошевский и Николай Тавлош. При переговорах начались опять споры о полоцких границах, насчет которых никак не могли согласиться. Тогда послы, чтоб облегчить дело, попросили позволения переговорить с самим царем и объявили, что ему особенно выгодно заключить мир; когда Иоанн спросил, почему, то послы отвечали: „Рада государя нашего Короны Польской и Великого княжества Литовского советовались вместе о том, что у государя нашего детей нет, и если Господь Бог государя нашего с этого света возьмет, то обе рады не думают, что им государя себе взять от бусурманских или от иных земель, а желают избрать себе государя от славянского рода, по воле, а не в неволю, и склоняются к тебе, великому государю, и к твоему потомству". Царь отвечал: „И прежде эти слухи у нас были; у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего для чего хотеть? Но если вы нас хотите, то вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим с вами говорить, чтоб христианство было в покое".

Иоанн в длинной речи (занимающей 44 страницы в посольской книге) рассказывал послам по порядку историю отношений Москвы к Литве в его царствование и заключил, что война не от него, а от короля. Когда Иоанн кончил, то послы сказали, что они некоторых речей вполне не поняли, потому что иных русских слов не знают, и потому государь велел бы им дать речь свою на письме; Иоанн отвечал, что писарь их все слышал и понял и может им рассказать; писарь испугался и сказал:

„Милостивый государь! Таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от Бога дарованный разум выше человеческого разума".

Нам уместно улыбнуться сметливости писца – поистине человек находчивый! Однако давайте обратимся к результатам соглашения (попутно хочется особо обратить внимание читателей на то, в каком тоне Иоанн Грозный общался с послами. Он полностью контролировал весь ход переговоров). Итак, на чем же сошлись обе стороны?

"Заключено было перемирие на три года с оставлением всего, как было, с тем чтоб в эти три года переговаривать о мире. Для подтверждения перемирия отправлены были в Литву князья Канбаров и Мещерский, которым дан был такой наказ: „Если станут говорить: государь ваш в Новгороде, Пскове и Москве многих людей казнил, отвечать: разве вам это известно? Если скажут, что известно, то говорить: если вам это известно, то нам нечего вам и рассказывать: о котором лихом деле вы с государскими изменниками лазучеством ссылались, Бог ту измену государю нашему объявил, потому над изменниками так и сталось: нелепо было это и затевать; когда князь Семен Лугвений и князь Михайла Олелькович в Новгороде были, и тогда Литва Новгорода не умела удержать; а чего удержать не умеем, зачем на то и посягать? Если спросят: зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатого, дьяков, детей боярских и подьячих многих, отвечать: о чем государский изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены, и кровь их взыщется на тех, которые такие дела лукавством делали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже".

Дан был наказ, как поступать послам в случае смерти Сигизмунда и избрания нового короля: „Если король умер и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевстве сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить; а если силою заставят ехать и велят быть в посольстве, то послам, вошедши в избу, сесть, а поклона и посольства не править, сказать: это наш брат; к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылаться".

Послы присылали в Москву приятные донесения: „Из Вильны все дела король вывез; не прочит вперед себе Вильны, говорит: куда пошел Полоцк, туда и Вильне ехать за ним; Вильна местом и приступом Полоцка не крепче, а московские люди, к чему

приступятся, от того не отступятся. Обе рады хотят на королевство царя или царевича; у турецкого брать не хотят, потому что мусульманин и будет от турок утеснение; у цесаря взять – обороны не будет, и за свое плохо стоит; а царь – государь воинственный и сильный, может от турецкого султана и от всех земель оборонять и прибавление государством своим сделать. Хотели уже послать бить челом царю о царевиче, да отговорил один Евстафий Волович по королевскому темному совету, потому что король придумал вместо себя посадить племянника своего, венгерского королевича, но королевич умер. В Варшаве говорят, что, кроме московского государя, другого государя не искать; говорят, что паны уже и платье заказывают по московскому обычаю и многие уже носят, а в королевнину казну собирают бархаты и камки на платье по московскому же обычаю; королевне очень хочется быть за государем царем".

Но Иоанна Грозного уже мало могла тронуть эта лесть (пусть даже в ней и была немалая толика истины). Он мечтал об одном: о Ливонии. Ведь сколько уже лет тянулось мучительное противостояние… Иоанн Грозный был куда мудрее своего окружения, он понимал, если не заполучить ливонские земли, война еще может продлиться невероятно долго. А это сулит лишь самые гибельные последствия – притом что исход столь длительного вооруженного конфликта, естественно, неясен. Может произойти все что угодно…

С. Соловьев отмечает: "Он (Иоанн Грозный. – Г. Б.) соглашался наконец отдать и Полоцк Литве за Ливонию, но мог ли король согласиться на это? Если бы даже Сигизмунд Август и сейм согласились предать вверившиеся им города, то последние могли найти других защитников, как, например, Ревель был уже во власти шведов, да и без защитников приморские города могли долго держаться против войска московского. Одним словом, для достижения непосредственного владычества над Ливониею требовалось еще много крови, много времени; и вот Иоанн напал на мысль о владычестве посредственном, на мысль дать Ливонии немецкого правителя, который бы вошел в подручнические отношения к государю московскому, как герцог курляндский к польскому королю". А кандидатура подходящая у него уже имелась!

"В 1564 году Иоанн предложил пленнику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться в Ливонию и господствовать над нею, если согласится, от имени всех чинов и городов ливонских, присягнуть ему и потомкам его в верности как своим наследственным верховным государям; но Фюрстенберг отказался от предложения, не соглашаясь изменить

клятве, данной им Римской империи.

Так рассказывают ливонские летописцы; но другие вести были получены при дворе польском в конце 1564 года: сюда писали из Москвы, что посол от великого магистра Немецкого ордена, восстановленного по имени в Германии, исходатайствовал у царя свободу Фюрстенбергу на следующих пяти условиях: 1) по возвращении в Ливонию Фюрстенберг обязан восстановить все греческие церкви; 2) все главные крепости Ливонии остаются в руках московских; 3) в совете магистра будут всегда заседать шесть московских чиновников, без которых он не может решать ничего; 4) если магистр будет иметь нужду в войске, то должен обращаться с просьбою о нем только в Москву, а не к другим государствам, разве получит на то согласие царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначает ему преемника.

Весть об этой сделке с Фюрстенбергом сильно обеспокоила короля Сигизмунда-Августа; но в генваре 1565 года пришло другое известие, что Фюрстенберг, сбираясь отправиться в Ливонию, умер. В это время особенною благосклонностию царя пользовались двое пленных ливонских дворян – Иоган Таубе и Елерт Крузе; они не переставали утверждать Иоанна в мысли дать Ливонии особого владетеля с вассальными обязанностями к московскому государю и по смерти Фюрстенберга указывали ему на двух людей, способных заменить его, именно на преемника Фюрстенберга – Кетлера, теперь герцога курляндского, и на датского принца Магнуса, владетеля эзельского.

Чтоб вести дело успешнее на месте, Таубе и Крузе отправились в Дерпт и оттуда написали сперва к Кетлеру; тот отказался; тогда они обратились к Магнусу, который принял предложение и в 1570 году приехал в Москву, где Иоанн объявил его королем ливонским и женихом племянницы своей Евфимии, дочери Владимира Андреевича; жителям Дерпта позволено было возвратиться в отечество; Магнус дал присягу в верности на следующих условиях: 1) если царь сам выступит в поход и позовет с собою короля Магнуса, то последний обязан привести с собою 1500 конницы и столько же пехоты; если же царь сам не выступит в поход, то и Магнус не обязан выступать; войско Магнусово получает содержание из казны царской; если Магнус поведет свое войско отдельно от царя, то считается выше всех воевод московских; если же Магнус не захочет сам участвовать в походе, то обязан внести в казну царскую за каждого всадника по три талера, а за каждого пехотинца – по полтора. Если сам царь лично не ведет своих войск, то Магнус не обязан присылать ни людей, ни денег до тех пор, пока вся Ливония совершенно будет

успокоена; 2) если Магнус будет вести войну в Ливонии и царь пришлет туда же московских воевод, то король имеет верховное начальство над войском, советуясь с воеводами; 3) Магнусу, его наследникам и всем жителям Ливонии даруются все прежние права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняют они свою религию аугсбургского исповедания; 5) города ливонские торгуют в московских областях беспошлинно и без всяких зацепок. Наоборот, король Магнус дает путь чистый в московские области всем заморским купцам с всяким товаром, также всяким художникам, ремесленникам и военным людям; 6) если Рига, Ревель и другие города ливонские не признают Магнуса своим королем, то царь обязывается помогать ему против всех городов и против всякого неприятеля; 7) по смерти Магнуса и потомков его преемник избирается по общему согласию всех ливонцев".

Между прочим, Ревель принадлежал Швеции. Однако это отнюдь не мешало Иоанну Грозному радеть о заключении мира со шведами.

"В 1563 году Иоанн заключил с королем Ериком новое перемирие на семь лет; Ерик опять настаивал на том, чтоб ему сноситься прямо с царем, и опять получил решительный отказ; царь велел отписать к Ерику о безлепостном и неудовольственном его писании, писал к нему в своей грамоте многие странные и подсмеятельные слова на укоризну его безумия, да и то написал: когда его царское величество будет с своим двором витать на шведских островах, тогда королевское повеление крепко будет; написал, что требование королевское - сноситься прямо с царем – так отстоит от меры, как небо от земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественные, непосредственные сношения".

Иоанна Грозного вновь можно было поздравить: он снова – причем в исключительно сложной обстановке – умудрился добиться намеченного! Правда, отношения между Иоанном Грозным и Эриком (Ериком), королем шведским, были достаточно сложными. Они были в чем-то схожи; ситуация дополнительно усугублялась психическим расстройством шведского государя.

Впрочем, как пишет С. Соловьев: "…даже в припадках сумасшествия Ерик обнаруживал сильную умственную деятельность: никто не писал так много и так скоро, как он. Находясь в войне с Польшею и Даниею, Ерик, естественно, должен был желать сближения с царем московским; сближение это произошло вследствие того, что Ерик обязался выдать Иоанну невестку свою, Екатерину, жену заключенного герцога финляндского, за что царь уступал ему Эстонию, обещался

помогать в войне с Сигизмундом, доставить мир с Даниею и ганзейскими городами.

После Иоанн оправдывал свое желание иметь в руках Екатерину тем, что будто бы Ерик сам предложил ее выдать, объявивши о смерти мужа ее, что он, Иоанн, вовсе не хотел жениться на ней или держать ее наложницею, но хотел иметь ее в своих руках в досаду брату ее, польскому королю, врагу своему, хотел чрез это вынудить у него выгодный для себя мир; московские послы явились в Швецию, чтоб, по обычаю, взять с короля присягу в исполнении договора, но Ерик не мог исполнить его: он освободил брата Иоанна из заключения; в припадке сумасшествия ему казалось, что он сам уже в заключении, а брат царствует; московские послы ждали целый год; приходили к ним вельможи с объяснением, что нельзя исполнить желание царя и выдать ему Екатерину, что это – богопротивное дело и бесславное для самого царя; послы отвечали: „Государь наш берет у вашего государя сестру польского короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья над своим недругом и над недругом вашего государя, польским королем".

Когда хотели перевезти послов из Стокгольма в село под предлогом лучшего помещения, то они объявили, что по своей воле не переедут, а пусть король делает, что хочет, их вины перед ним нет, послов в село отсылают за вину. Наконец их допустили к королю, который сказал им: „Мы не дали вам до сих пор ответа потому, что здесь начались дурные дела от дьявола и от злых людей и, кроме того, датская война нам мешала". Потом Ерик, убеждаясь в необходимости схватить вторично брата, приказывал сказать послам, что выдаст им Екатерину.

Однажды пришел к послам „детинка молод, королевский жилец": известно, что Ерик, боясь вельмож, брал из школ молодых людей и давал им разные поручения; молодой детинка объявил, что прислал его король и велел говорить, чтоб послы короля с собою на Русь взяли: боится он бояр своих и воли ему ни в чем нет.

29 сентября 1568 года вспыхнуло восстание против Ерика, который призвал московских послов и объявил им об этом; послы спросили: „Как давно дело началось?" Ерик отвечал: „С тех пор как от вас из Руси послы мои пришли. Я был тогда в Упсале; у них начала быть тайная измена, и я был у них заперт; если бы не пришли в мою землю датские люди, то мне бы еще на своей воле не быть; но как датские люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и с тех пор стало мне лучше. Если брат Яган (Иоанн) меня убьет или в плен возьмет, то царь бы Ягана королем не держал". Об Екатерине Ерик сказал: „Я велел то

дело посулить в случае, если Ягана в живых не будет; я с братьями, и с польским королем, и с другими пограничными государями со всеми в недружбе за это дело. А другим чем всем я рад государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя; а тому как статься, что у живого мужа жену взять?" Восстание кончилось низложением Ерика с престола и возведением брата его Иоанна; при этом восстании солдаты ворвались к московским послам и ограбили их".

Это осложнение было крайне некстати.

Впрочем, новый король "…присылал к царю и великому князю бить челом, чтоб велел государь дать опасную грамоту на его послов и велел своим новгородским наместникам с ним мир и соседство учинить по прежним обычаям. По этой грамоте царь и великий князь к Ягану королю писал и опасную грамоту ему послал. Но Яган-король, не рассмотри той отписки и опасной государевой грамоты, прислал послов своих с бездельем не по опасной грамоте.

Яган пишет, чтоб заключить с ним мир на тех же условиях, как царское величество пожаловал было брата его, Ерика-короля, принял в докончание для сестры польского короля Екатерины. Если Яган-король и теперь польского короля сестру, Екатерину-королевну, к царскому величеству пришлет, то государь и с ним заключит мир по тому приговору, как делалось с Ериком-королем: с вами о королевне Екатерине приказ есть ли? Послы отвечали: „Мы о Ягановой присылке не знаем, что он к царю писал; а приехали мы от своего государя не браниться, приехали мы с тем, чтоб государю нашему с царем мир и соседство сделать, и, что с нами государь наш наказал, то мы и говорим". Послам объявили, что их сошлют в Муром; они стали бить челом боярам, чтоб царь с них опалу снял и велел новгородскому наместнику заключить мир с их королем по старине, но с тем, чтоб в королеву сторону написаны были те города ливонские, которые царь уступил Ерику.

Но тут явился в Москву герцог Магнус, который, по уверению шведских послов, много наделал им вреда, сильно раздражив против них царя. Бояре приговорили, что шведских послов надобно задержать, а государю делать бы теперь ливонское дело и выслушать челобитье датского королевича Магнуса, каким образом тому делу быть пригоже; и как те дела повершатся, тогда б государю шведским делом промышлять. Царь, выслушав приговор, приказал шведских послов отпустить в Муром, и 21 августа 1570 года Магнус подошел к Ревелю с 25 000 русского войска и с большим отрядом из немцев, потому что к нему пристало много дворян и городских жителей.

Увещательная грамота, посланная к ревельцам, не подействовала, и Магнус повел осаду; принудить жителей к сдаче голодом не было никакой возможности, потому что шведские корабли снабдили их всем нужным; обстреливание города также не причинило ему большого вреда; Магнус отправил в Ревель своего придворного проповедника увещевать осажденных к сдаче, но и это не помогло. Тогда Магнус, видя неудачу, сорвал сердце на Таубе и Крузе, сложил на них всю вину, что они своими обещаниями привели его под Ревель, и, простоявши 30 недель под этим городом, 16 марта 1571 года зажег лагерь и отступил.

Русские войска отправились по дороге к Нарве; немцы хотели было взять Виттенштейн, но и это не удалось, после чего Магнус удалился в Оберпален, Таубе и Крузе, боясь ответственности за неудачу перед царем, которому они также обещали легкий успех относительно Ревеля, уехали в Дерпт и оттуда завели сношение с королем польским, обещая овладеть Дерптом в его пользу, если он примет их милостиво и даст те же выгоды, какими пользовались они в Москве. Сигизмунд-Август принял предложение, и они подговорили Розена, начальника немецкой дружины, находившейся в русской службе в Дерпте, напасть врасплох на русских в воскресный день, в послеобеденное время, когда те по обыкновению своему будут спать. Сначала заговорщики имели было успех, перебили стражу, отворили тюрьмы, выпустили заключенных, которые взяли оружие убитых и стали помогать заговорщикам; но когда последние обратились к жителям, призывая их к оружию, то те в ужасе заперлись в домах; русские дети боярские и стрельцы, составлявшие гарнизон, заперлись также в домах и вооружились, к ним на помощь подоспели из посада расположенные там стрельцы, также русские купцы с оружием всякого рода и заставили отряд Розена очистить город, причем раздраженные победители не пощадили жителей, подозревая их в соумышленничестве с заговорщиками.

Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки из Дерпта и теперь, видя неудачу заговора, отправились к польскому королю, который принял их очень благосклонно. Магнус, узнавши о дерптских событиях, испугался царского гнева: отправив к Иоанну грамоту с уверениями, что ничего не знал о заговоре, он счел за нужное выехать из Оберпалена и отправился в прежнее свое владение, на остров Эзель. Но Иоанн спешил успокоить Магнуса и, когда невеста его, Евфимия, умерла, предложил ему руку младшей сестры ее – Марии; Магнус согласился, и прежние отношения восстановились".

Да, на что только не приходилось идти Грозному ради достижения заветной цели – выхода к балтийским берегам! В

июле 1572 года умер Сигизмунд-Август, последний из Ягеллонов.

Как справедливо судит С. Соловьев: "…последнему из Ягеллонов удалось довершить дело, бывшее историческою задачею его династии: склонить Литву к вечному соединению с Польшею". Встала речь о новом короле. Первоначально в Польше прочили на трон самого Иоанна – это сулило надежный мир с Русью. Однако "…потом согласнее были на выбор царевича Феодора, чем самого царя; этим выбором удовлетворялось православное народонаселение; он не был противен протестантам; Литва приобретала безопасность со стороны Москвы, а между тем избавлялась от непосредственных отношений к Иоанну, которого характер был известен в Польше, еще известнее – в Литве. Давши знать царю чрез гонца Воропая о смерти Сигизмунда-Августа, польская и литовская рады тут же объявили ему о желании своем видеть царевича Феодора королем польским и великим князем литовским.

Иоанн, по обычаю, сам отвечал Воропаю длинною речью: „Пришел ты ко мне от панов своих польских и литовских и принес мне от них грамоту с извещением, что брат мой, Сигизмунд-Август, умер, о чем я и прежде слышал, да не верил, потому что нас, государей христианских, часто морят, а мы все, до воли Божией, живем. Но теперь уже я верю и жалею о смерти брата моего; особенно же жалею о том, что отошел он к Господу Богу, не оставивши по себе ни брата, ни сына, который бы позаботился об его душе и о теле по королевскому достоинству. Ваши паны польские и литовские теперь без главы, потому что хотя в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всеми управляла, к которой бы все вы могли прибегать, как потоки или воды к морю стекают. Не малое время были мы с братом своим, Сигизмундом-Августом, в ссоре, но потом дело начало было клониться и к доброй приязни между нами.

Прежде чем приязнь эта окончательно утвердилась, Господь Бог взял его к себе; за нашим несогласием бусурманская рука высится, а христианская низится, и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государи, то увидят, какого получат во мне защитника и доброго государя, сила ногайская тогда выситься не будет; да не только поганство, Рим и ни одно королевство против нас не устоит, когда земли ваши будут одно с нашими. В вашей земле многие говорят, что я зол: правда, я зол и гневлив, не хвалюся, однако пусть спросят меня, на кого я зол? Я отвечу, что, кто против меня зол, на того и я зол, а кто добр, тому не пожалею отдать и эту цепь с себя, и это платье".

Тут Малюта Скуратов прервал его. „Царь и государь преславный! -сказал он. – Казна твоя не убога, в ней найдешь, кого чем подарить".

Иоанн продолжал: „Паны польские и литовские знают о богатстве деда и отца моего, но я вдвое богаче их казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своих любят, потому что и те панов своих любят; а мои люди подвели меня к крымским татарам, которых было 40 000, а со мною только 6000: ровно ли это? Притом же я ничего не знал: хотя передо мною и шли шестеро воевод с большими силами, но они не дали мне знать о татарах; хотя бы моим воеводам и трудно было одолеть такого многочисленного неприятеля, однако пусть бы, потерявши несколько тысяч своих людей, принесли ко мне хотя бич или плеть татарскую; я и то с благодарностию бы принял. Я не силы татарской боялся, но видел измену своих людей и потому своротил немного на сторону от татар. В это время татары вторглись в Москву, которую можно было бы оборонить и с тысячью человек; но когда большие люди оборонять не хотели, то меньшим как было это сделать? Москву уже сожгли, а я ничего об этом не знал. Так разумей, какова была измена моих людей против меня! Если кто и был после этого казнен, то казнен за свою вину.

Спрашиваю тебя: у вас изменника казнят или милуют? Думаю, что казнят. Вот у вас в Вильне Викторин, который ко мне писал, но я ему не отвечал. Взвели на меня, будто я этого Викторина подучал извести брата моего; но Бог – свидетель, что я об этом не думал и Викторину не приказывал, а если он ко мне и писал об этом, то письмо его до меня не дошло; Викторина схватили и казнили; видишь, что и в ваших землях изменников не милуют. Так скажи панам польским и литовским, чтоб, посоветовавшись между собою обо всем и уговорившись, отправляли скорее ко мне послов. А если Богу будет угодно, чтоб я был их государем, то наперед обещаю Богу и им, что сохраню все их права и вольности и, смотря по надобности, дам большие. Я о своей доброте или злости говорить не хочу; если бы паны польские и литовские ко мне или к детям моим своих сыновей на службу присылали, то узнали бы, как я зол и как я добр.

Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них уже такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их ни учестил и ни обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно. Есть люди, которые приехали из моей земли в вашу, надобно бояться, чтоб не ушли они в другую землю, в Орду или в Турцию, если почуют, что паны польские и литовские хотят взять меня в государи. Пусть паны ваши постараются задержать их, а я,

клянусь Богом, не буду им мстить. Курбский к вам приехал; он отнял у него (указывая на старшего сына) мать, а у меня жену; а я, свидетельствуюсь Богом, не думал его казнить, хотел только посбавить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать; а он, испугавшись, отъехал в Литву. Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтоб он куда-нибудь не ушел.

Что касается до Ливонии, то, когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одно будут. А если меня в государи взять не захотят, то пусть приезжают ко мне великие послы для доброго постановления. Я за Полоцк не стою и со всеми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступят мне Ливонию по Двину, и заключим мы вечный мир с Литвою; я и на детей своих наложу клятву, чтоб не вели войны с Литвою, пока род наш не прекратится. А если папы хотят взять себе в государи кого-нибудь из сыновей моих, то их у меня только два, как два глаза у головы; отдать которого-нибудь из них все равно что из человека сердце вырвать. Есть в вашей земле польские и литовские люди веры Мартына Лютера, которые образа истребляют; им не хочется иметь меня государем. Но я об них ничего не буду говорить, потому что Священное Писание дано не на брань и не на гнев, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панам своим польским и литовским, чтоб отправляли сюда послов своих немедленно, людей добрых, чтоб из доброго постановления не вышло дурного"!

Да, Иоанн Грозный был явно не прочь занять польский трон. Этим буквально проникнута его речь. Однако с восшествием на трон далеко не все обстояло благополучно.

"В Польше и Литве при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчас по смерти его многие могли также желать избрания Иоанна в короли, рассуждали при этом о полезных и вредных следствиях такого избрания, взвешивали их; находя важные препятствия в характере Иоанна, в трудности соединить интересы двух самостоятельных государств при управлении одним государем, обращались к одному из сыновей Иоанновых, но при этом упускали из внимания главное: невозможность согласить выгоды обоих государств при самом соединении; рассуждая о выборе Иоанна или сына его, смотрели на Москву и Литву как на государства, не имевшие до сих пор никаких столкновений между собою, или думали, что Иоанн, прельщенный честию видеть себя или одного из сыновей своих на польском престоле, согласится на все уступки в пользу Литвы; естественно было и самому Иоанну вначале смотреть на дело таким же образом: главное препятствие к избранию он находил в своем характере, в поведении относительно бояр, которое должно было прежде всего

беспокоить вельмож польских и литовских, привыкших к совершенно иному порядку вещей; он думал, что обещанием сохранить ненарушимо и даже распространять права и вольности панов и шляхты и извинением своей гневливости боярскою изменою он отстранит самые важные препятствия к избранию, и упускал из виду главное: соглашение выгод Москвы и Литвы, или думал, что Польша и Литва, прельщенные выгодами иметь королем такого могущественного государя, как он, согласятся на его требования, тем более что он старался по возможности умерять эти требования. Но скоро обнаружилось, что было главное в деле, что преимущественно препятствовало избранию. То же, что было непреодолимым препятствием к заключению вечного мира между Москвою и Литвою: спорные земли, число которых увеличилось теперь Ливониею".

Кроме того, Иоанн был абсолютным эгоцентриком.

Сама мысль о том, чтобы поступиться своей властью (пусть даже речь шла о троне другого государства), была для Грозного неприемлема. Вдобавок, что толку было для царя от избрания его сына? Наоборот, этот вариант сулил дополнительные осложнения. С. Соловьев пишет: "Иоанн хотел сам быть королем: здесь прельщала его мысль о возможности вечного тесного соединения трех держав; но рады польская и литовская преимущественно указывали ему на сына его; избрание же последнего не могло ничем прельстить Иоанна, ибо кто мог поручиться, что по смерти его война между родными братьями не вспыхнула бы гораздо сильнее, чем между государями, совершенно чуждыми друг другу… Избрание сына представлялось ему столь же невыгодным, как и прежде; собственное избрание представило ему новые трудности: он должен был управлять двумя самостоятельными государствами, переезжать из одного в другое; и у себя, в Московском государстве, боялся он измены боярской, окружил себя опричниною, а теперь должен будет ехать в Польшу, отдать себя в руки своевольным панам и шляхте, под конец жизни подчиниться тому, что противоречило стремлениям всей его жизни.

Отсюда, естественно, должно было у него родиться желание быть избранным только в великие князья литовские, отдельно от Польши. Здесь уничтожалось главное препятствие относительно сопоставления двух государств, из которых ни одно не хотело уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнув занимать второстепенное положение при Польше, легко могла занять такое же при соединении с царством Московским; притом в Литве преимуществовал элемент русский; большую часть Великого княжества составляли земли, которые Иоанн считал своими

отчинами; по многочисленности православного народонаселения дать здесь господство православию было легко; вследствие близости и второстепенного положения Литвы управлять ею и ладить с панами было легче".

Однако мнение Иоанна в данном случае было не единственным.

Имели место и совсем иные настроения: "Если дело избрания самому Иоанну представлялось уже иначе, то в Польше и Литве желание видеть его королем не могло усиливаться: другие государи, желавшие избрания, отправили в Польшу послов, которые и поддерживали их дело; мы видели, как действовал Коммендоне для того, чтоб был избран король-католик; но Иоанн ждал к себе послов польских и литовских и никак не хотел унижаться до искательства и просьб. Православное народонаселение Литвы желало видеть королем Иоанна, но оно не могло иметь перевеса на сейме, притом же в это время религиозный интерес православного народонаселения не был затронут и потому не стоял на первом плане; другие интересы преобладали.

Иоанн, как мы видели, наказывал Воропаю, чтоб рады польская и литовская немедленно прислали к нему уполномоченных для окончательных переговоров; литовская Рада тотчас же дала знать польской об этом требовании царя с просьбою удовлетворить ему как можно скорее, потому что замедление может грозить большою опасностию для Литвы. Но прошел 1572 год, и польские уполномоченные не являлись; в начале 1573-го литовская Рада принуждена была отправить к Иоанну от одной себя посла Михаила Гарабурду. Последний оправдывал медленность панов моровым поветрием, распространившимся в Польше и Литве, которое помешало им съезжаться; объявил, что литовские паны сами хотят и польских панов будут приводить на то, чтоб избран был или сам царь, или сын его Феодор, и потому просил Иоанна дать решительный ответ, сам ли он хочет быть избран в короли или дать сына; в обоих случаях необходимо обязательство в ненарушении прав и вольностей шляхетских; при определении границ между государствами Иоанн должен уступить Литве четыре города – Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище; если же царевич Феодор будет избран в короли, то отец должен дать ему еще несколько городов и волостей".

Подобного предложения Иоанн Грозный никак не ждал, а потому начал свирепеть, хотя и старался держать себя в руках – из дипломатических соображений:

"Иоанну не понравились речи Гарабурды; он отвечал ему: „Ты

говорил, что паны радные так долго не присылали к нам по причине морового поветрия – это воля Божия; а надобно было бы панам подумать, чтоб дело поскорее уладить, потому что без государя земле быть невыгодно. Паны радные литовские не хотят выбирать себе государя без Короны Польской – на то их воля. Ты говорил о подтверждении прав и вольностей: дело известное, что, в каких землях какие обычаи есть, отменять их не годится. Ты говорил, чтоб мы возвратили Литве Смоленск и Полоцк, Усвят и Озерище. Это пустое: для чего нам уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать.

Для чего я вам дам сына своего, князя Феодора, к убытку для своего государства? Хотят, чтоб я дал сыну еще другие города и волости; но и без наших городов и волостей в Короне Польской и Великом княжестве Литовском много есть городов и волостей, доходами с которых мы и сын наш можем содержать свой двор. И то, по-нашему, не годится, что по смерти государя государство не принадлежит потомкам его, что Корона Польская и Великое княжество Литовское не будут в соединении с государством Московским; так нельзя, так мы сына своего, Феодора, не дадим.

Знаем, что цесарь и король французский прислали к вам; но нам это не пример, потому что, кроме нас да турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; потому они и выпрашивают себе почести; а мы от государства господари, начавши от Августа кесаря из начала веков, и всем людям это известно. Корона Польская и Великое княжество Литовское – государства не голые, пробыть на них можно, а наш сын не девка, чтоб за ним еще приданое давать. Если паны радные польские и литовские хотят нашей приязни, то прежде всего пусть пишут титул наш сполна, потому что мы наше царское имя получили от предков своих, а не у чужих взяли. Во-вторых, если Бог возьмет сына нашего Феодора с этого света и останутся у него дети, то чтобы Корона Польская и Великое княжество Литовское мимо детей сына нашего другого государя не искали; а не будет у нашего сына детей, то Польша и Литва от нашего рода не отрывались бы; и, если кто из нашего рода умрет, тело его привозить для погребения сюда. А наши дети и потомки, кто будет на Короне Польской и в Великом княжестве Литовском, прав и вольностей их ни в чем нарушать не будут; и пусть Польша и Литва соединятся с нашим государством, и в титуле нашем писалось бы наперед королевство Московское, потом Корона Польская и Великое княжество Литовское; стоять и обороняться от всех неприятелей им заодно, а Киев для нашего царского именования уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по реку Березыню, того мы для покою

христианского отступаемся, но Полоцк со всеми пригородами и вся земля Ливонская в нашу сторону, к государству Московскому, и без этих условий сына нашего, Феодора, отпустить к вам на государство нельзя; к тому же он несовершеннолетний, против неприятелей стоять не может.

Что же касается до вечного мира, то мы хотим его на таких условиях: Полоцк со всеми пригородами и Курляндия – к Литве, а Ливония – к Москве; Двина будет границею, а Полоцку и его пригородам с нашими землями граница будет по старым межам; и быть бы всем трем государствам на всех неприятелей заодно, а в короли выбрать цесарского сына, который должен быть с нами в братстве и подтвердить вечный мир; мы готовы жить с цесарским сыном точно так же, как бы жили с своим сыном Феодором, если б дали его вам в государи. Знаю, что некоторые из поляков и из ваших хотят выбрать меня самого в короли, а не сына моего, и гораздо лучше, если б я сам был вашим государем".

Гарабурда отвечал на это, „что паны и шляхты рады выбрать его в государи, но чтобы он объявил, как этому статься? Он должен будет беспрестанно переезжать из одного государства в другое и все по отдаленности не будет в состоянии надлежащим образом оборонять свои государства; большое будет затруднение и относительно суда королевского; наконец, без принятия римской веры он не может быть коронован". Царь велел ему приезжать за ответом на другой день и, когда посол явился, стал опять ему говорить: „Мы на Московском королевстве, в Польше и Литве государем быть хотим и управлять всеми этими государствами можем и, приезжая, по нескольку времени оставаться в каждом. Причины, тобою приведенные, делу не мешают; в титуле нашем стоять прежде королевству Московскому, потом Польше и Литве, а для имени написать к Московскому государству Киев один, без пригородов; Полоцк с пригородами и Курляндию – к Литве, а Ливонию – к нашему государству Московскому; полный титул будет такой: Божиею милостию господарь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь казанский, царь астраханский, а потом расписать области русские, польские и литовские по старшинству.

Вере нашей быть в почете; церкви в наших замках, волостях и дворах, каменные и деревянные, вольно нам ставить; митрополитов и владык почитать нам по нашему обычаю; прав и вольностей панских и шляхетских не нарушать, а увеличивать. Вольно нам будет в старости отойти в монастырь, и тогда паны и вся земля выбирают себе в государи из наших сыновей, который

им будет люб; а сам я неугодного им назначать не буду. А если бы Великое княжество Литовское захотело нашего государствования одно, без Короны Польской, то нам еще приятнее. Мы на Великом княжестве Литовском быть хотим: хотим держать государство Московское и Великое княжество Литовское заодно, как были прежде Польша и Литва; титул наш будет, как прежде было сказано; а которые земли литовские забраны к Короне Польской, те будем отыскивать и присоединим их к Литве, кроме одного Киева, который должен отойти к Москве.

Еще надобно уговориться о дворовых людях, без которых я не могу ехать в Польшу и Литву: этих людей немного (опричнина). И то еще тебе объявляю, что буду ездить в Польшу и Литву не один, а с детьми, потому что они по летам своим еще не могут без нас оставаться; доходят до нас слухи из ваших сторон, что поляки и литовцы хотят взять у нас сына обманом, чтоб отдать его турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали, только я должен тебе об этом объявить, потому что теперь хочу все высказать. Особенно объявляю тебе то, что я уже старею, и в такие три обширные государства ездить мне для управления трудно, так лучше было бы, если бы Польша и Литва взяли в государи цесарского сына, а с нами заключили вечный мир на условиях, какие я уже сказал, – и нам это было бы спокойнее, да и землям также. Но если Польша и Литва не хотят цесарского сына, а хотят нас, то мы согласны быть их государем; только паны должны дать присягу и грамоту, что им над нами и над нашими детьми ничего дурного не делать и ни одного государя против нас не подводить, ни в какое государство нас не выдать и никакой хитрости не замышлять, чтоб нам и детям нашим можно было беспечно приезжать для разных дел в Польшу и Литву, как в свою землю. А если и одно Великое княжество Литовское, без Польши, захочет нашего государствования, то это нам еще приятнее.

Скажи панам радным, чтоб не выбирали в короли француза, потому что он будет больше желать добра турецкому, чем христианству; а если возьмете француза, то вы, литва, знайте, что мне над вами промышлять. Еще объявляю тебе: из ваших земель многие писали ко мне, чтоб я шел с войском к Полоцку, и тогда вы будете нам бить челом, чтоб, не пустоша земли, был я вашим государем. Другие писали такие вещи, которые к делу нейдут, иные просили у нас денег и соболей, за что обещали хлопотать, чтоб сын наш был выбран в короли; скажи это панам радным".

Когда Гарабурда уже совсем был готов отправиться в обратный путь, пришли к нему окольничий Умный-Колычов, думный дворянин Плещеев, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы

и сказали от имени Иоанна: „Если Великое княжество Литовское хочет видеть его своим государем, то он на это согласен; и будьте покойны, Польши не бойтесь: господарь помирит с нею Литву". Потом из Новгорода присланы были пункты (главизны), о которых статьях писарю Гарабурде не изъявлено: 1) Короноваться и ставиться на Корону Польскую и В[еликое] к[няжество] Литовское государю нашему по христианскому обычаю, от архиепископов и епископов, и римского закона бискупам по римскому закону в то время не действовать, а быть бискупам в своем чину с панами радными. 2) Божьим судом царское величество и его сын царевич Иван Иванович не имеют у себя супруг, а царевич князь Феодор Иванович приближается к тому возрасту, когда жениться надобно; так паны радные волю бы дали царскому величеству в Русском царстве, в Короне Польской и В[еликом] к[няжестве] Литовском выбирать и высматривать из подданных, кого пригоже по их государскому чину. А у государей жениться царскому величеству нейдет, к пожитью несхоже, потому что так высмотреть наперед нельзя. А если выйдет такой случай, что можно будет жениться и на государской дочери, то царское величество будет говорить о том с панами радными. А у государей наших издавна ведется, что выбирают и высматривают себе в супруги из подданных своих.

3) Когда государь приедет с своими детьми на Корону Польскую, и учинится мятеж между государем и землею, и помириться нельзя будет, то паны должны отпустить царя и детей его безо всякой зацепки".

Такое вот напряженнейшее общение происходило между Иоанном Грозным и польской стороной.

Надо заметить, что на польский трон претендовали и иные персонажи.

Стойкая и категорическая позиция Иоанна Грозного произвела невыгодное впечатление на польский сейм, испугала собрание. В итоге предпочтение было отдано не русскому царю, а Генриху Анжуйскому, брату французского короля Карла IX и сыну Екатерины Медичи. Генрих оказался королем предрянным; если бы он не воспользовался в качестве предлога для бегства из Польши кончиной собственного брата, его наверняка бы прикончили, настолько велико было омерзение, которое питали к нему поляки за его неизбывное распутство и глупость. Итак, Генрих сбежал, но официально он сидел на троне. Возвращения Генриха не желали, однако Иоанну Грозному тоже не слишком-то благоволили.

Нельзя не согласиться с Соловьевым, когда он пишет: "Иоанн находился в затруднительном положении: с одной стороны,

тяжело ему было унизиться до искательства, неверен был успех и затруднительно положение в случае успеха; с другой – неприятно было и видеть себя обойденным, особенно когда выбор падет на человека нежеланного, с которым надобно будет опять начинать войну за Ливонию". По ходу дела к ситуации подключился австрийский император Максимилиан; благодаря ему переговоры пошли еще медленнее. Максимилиан осмелился унизить Иоанна Грозного тем, что посылал в Москву под видом послов для переговоров простых купцов; тем оказывался торжественный прием как официальным лицам, а в итоге выяснялось, что они не обладают никакими полномочиями. Сам же Максимилиан намеренно уклонялся от переговоров, ссылаясь на исключительную загруженность государственными делами. Представьте только, каково все это было сносить Иоанну Грозному… При этом австрийцы настойчиво рекомендовали Иоанну отказаться от своих притязаний на Ливонию (а именно – на прямой выход к морю).

"В декабре 1575 года, – пишет Соловьев, – явились великие послы Иоган Кобенцель и Даниил Принц. Пристав, провожавший их, доносил государю о речах толмачей посольских, взятых в Польше: „Литовским людям не хотелось послов чрез свою землю пропускать, но, боясь цесаря, пропустили, а слово об них в Литве такое: идут послы от цесаря к московскому государю на совет, чтоб им заодно промыслить и Литовскую землю между собою разделить". Иоанн хотел дать понять послам, как поздно они приехали, как неприлично было императору в продолжение столь долгого времени, при столь важных взаимных интересах, присылать одних гонцов да купцов; он велел остановить послов в Дорогобуже, куда явились боярин Никита Романович Юрьев, князь Сицкий и дьяк Андрей Щелкалов с таким наказом от царя: „Приехавши в Дорогобуж, устроить съезжий двор и, сославшись с цесаревыми послами, съехаться с ними на этом дворе и спросить их от имени государя, за каким делом присланы они от цесаря? Если послы откажутся объявить, зачем они присланы, то понуждать их к тому, несколько раз с ними съезжаться и говорить им: "Не дивитесь, что государь велел вас на дороге спрашивать, не давая вам своих очей видеть, всякое дело живет по случаю: прежде не бывало, чтоб послов на дороге спрашивали о деле, но не бывало прежде и того, чтоб такие ближние люди ездили так далеко говорить с послами о деле; случилось так потому, что от государя вашего, цесаря Максимилиана, приезжали к государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами; государь наш велит им почесть оказывать как пригоже посланникам и гонцам, а посмотрят – так это гости, торговые

люди! Вот почему теперь государь и послал нас, ближних своих людей, спросить вас, какие вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю приехали?"

Послы отвечали, что такие речи им очень прискорбны и что они не могут передать цесаревых речей никому другому, кроме самого великого государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велит их за то казнить, а они, послы, ближние люди у цесаря и приехали за тем, чтоб подтвердить прежний союз, уговориться и о литовском деле, и о всяком христианском прибытке. Максимилиан прежде писал, что ему нельзя вступить в переговоры с московским государем за великими недосугами; Иоанн, узнавши об ответе Кобенцеля и Принца, послал им такую грамоту: „Вы бы о том не поскорбели, что мы вам теперь очей своих вскоре видеть не велели, потому что у нас много дела, были мы в отъезде; а как приедем в Можайск, то сейчас же велим вам быть у нас".

Содержанием посольских речей были два требования, чтоб Иоанн содействовал избранию эрцгерцога Эрнеста в короли польские и великие князья литовские и чтоб оставил в покое Ливонию".

Однако итог этих дипломатических интриг завершился вполне неожиданно для каждой из сторон: престол занял Стефан Баторий, седмиградский воевода, отличавшийся куда большей расторопностью и предприимчивостью, нежели Максимилиан. Баторий, хищник по натуре, изначально не был склонен идти навстречу Иоанну Грозному. Тот понял, что теперь он вынужден сражаться за Ливонию до конца, поскольку в противном случае о Балтийском регионе будет уместнее всего забыть. Удалось ли Иоанну Грозному забыть или нет – можно лишь гадать, но несомненно одно: с приходом к власти Стефана Батория военная удача почти полностью оставила русского государя. Мы не станем подробно останавливаться на всех сражениях данного, катастрофического для Руси, этапа Ливонской войны (их детальный анализ, осуществленный Н. Костомаровым, приводится в разделе Приложения). Пожалуй, будет вполне достаточно ограничиться кратким резюме, принадлежащим перу С. Платонова.

Стефан Баторий

В частности, он утверждает, что "…с появлением Батория картина войны изменилась. Литва из обороны перешла в наступление. Баторий взял у Грозного Полоцк (1579), затем Великие Луки (1580) и, внеся войну в пределы Московского государства, осадил Псков (1581). Грозный был побежден не потому только, что Баторий имел воинский талант и хорошее войско, но и потому еще, что к данному времени у Грозного иссякли средства ведения войны.

Вследствие внутреннего кризиса, поразившего в то время Московское государство и общество, страна, по современному выражению, „в пустошь изнурилась и в запустение пришла". О свойствах и значении этого кризиса будет речь ниже; теперь же заметим, что тот же недостаток сил и средств парализовал успех Грозного и против шведов в Эстляндии. Неудача Батория под Псковом, который геройски защищался, дозволила Грозному, при посредстве папского посла иезуита Поссевина (Antonius Possevinus), начать переговоры о мире.

В 1582 г. был заключен мир (точнее, перемирие на 10 лет) с Баторием, которому Грозный уступил все свои завоевания в Лифляндии и Литве, а в 1583 г. Грозный помирился и со Швецией на том, что уступил ей Эстляндию и сверх того свои земли от Наровы до Ладожского озера по берегу Финского залива (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Корелу). Таким образом борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полной неудачей.

Причины неудачи находятся, конечно, в несоответствии сил

Москвы с поставленной Грозным целью. Но это несоответствие обнаружилось позднее, чем Грозный начал борьбу: Москва стала клониться к упадку только с 70-х годов XVI в. До тех же пор ее силы казались громадными не только московским патриотам, но и врагам Москвы. Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперских судов на балтийских водах поразило среднюю Европу. В Германии московиты представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листков и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни московитов к морю, ни европейцев в Москву, и, разобщив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник".

Часть 8. Опричнина

В предыдущих главах речь шла об основных этапах становления и осуществления принципов внешней политики Иоанна Грозного. Нелишне будет упомянуть о том, что царя заботили не только внешнеполитические цели. Не менее важным представлялось Иоанну Васильевичу и свершение реформ во внутригосударственной сфере. Начало этим реформам, как отмечает С. Платонов, было положено "…торжественным „собором", заседавшим в Москве в 1550-1551 гг. Это не был Земский собор в обычном смысле этого термина. Предание о том, будто бы в 1550 г. Грозный созвал в Москве представительное собрание „всякого чина" из городов, признается теперь недостоверным. Как показал впервые И. Н. Жданов, в Москве заседал тогда собор духовенства и боярства по церковным делам и „земским". На этом соборе или с его одобрения в 1550 г. был „исправлен" Судебник 1497 г., а в 1551 г. был составлен „Стоглав", сборник постановлений канонического характера. Вчитываясь в эти памятники и вообще в документы правительственной деятельности тех лет, мы приходим к мысли, что тогда в Москве был создан целый план перестройки местного управления". Это действительно был серьезный и реальный план; как сказано у В. Ключевского, он "…начинался срочной ликвидацией тяжб земства с кормленщиками, продолжался пересмотром Судебника с обязательным повсеместным введением в суд кормленщиков, выборных старости целовальников и завершался уставными грамотами, отменявшими кормления". Подобная структура и целевая направленность плана были обусловлены существовавшим положением вещей.

С. Платонов пишет: "Так как примитивная система кормлений не могла удовлетворять требованиям времени, росту государства и усложнению общественного порядка, то ее решено было заменить иными формами управления. До отмены кормления в данном месте кормленщиков ставили под контроль общественных выборных, а затем и совсем заменяли их органами самоуправления. Самоуправление при этом получало два вида: 1) Ведению выборных людей передавались суд и полиция в округе („губе"). Так бывало обыкновенно в тех местах, где население имело разносословный характер. В губные старосты выбирались обыкновенно служилые люди, и им в помощь давались выборные же целовальники (т. е. присяжные) и дьяк, составлявшие особое присутствие, „губную избу". Избирали вместе все классы населения. 2) Ведению выборных людей передавались не только

суд и полиция, но и финансовое управление: сбор податей и ведение общинного хозяйства.

Так бывало обыкновенно в уездах и волостях со сплошным тяглым населением, где издавна для податного самоуправления существовали земские старосты. Когда этим старостам передавались функции и губного института (или, что то же, наместничьи), то получалась наиболее полная форма самоуправления, обнимавшая все стороны земской жизни. Представители такого самоуправления назывались разно: излюбленные старосты, излюбленные головы, земские судьи. Отмена кормлений в принципе была решена около 1555 г., и всем волостям и городам предоставлено было переходить к новому порядку самоуправления. „Кормленщики" должны были впредь оставаться без кормов", и правительству надобны были средства, чтобы чем-либо заменить кормы. Для получения таких средств было установлено, что города и волости должны за право самоуправления вносить в государеву казну особый оброк, получивший название „кормленаго окупа". Он поступал в особые кассы, казны", получившие наименование „четвертей" или „четей", а бывшие кормленщики получили право на ежегодные „уроки" или жалованье „из чети" и стали называться „четвертчиками".

Однако при этом нельзя было забывать о так называемых служилых людях. Иоанн Васильевич прекрасно понимал, что без реорганизации в этом классе населения никак не обойтись, иначе утрачивался смысл самих реформ.

С. Платонов справедливо отмечает, что в те времена "… служилые люди делились на „статьи", или разряды. Из общей их массы в 1550 г. была выделена избранная тысяча лучших детей боярских и наделена поместными землями в окрестностях Москвы („подмосковные"). Так образовался разряд „дворян московских", служивших по „московскому списку". Остальные служили „с городов" и назывались детьми боярскими „дворными" и „городовыми" (позднее „дворянами" и „детьми боярскими"). В 1550-х гг. был установлен порядок дворянской службы (устроены „сотни" под начальством „голов"); была определена норма службы с вотчин и поместий (с каждых 100 четвертей или полудесятин „доброй" земли „человек на коне в доспехе"); было регламентировано местничество. Словом, был внесен известный порядок в жизнь, службу и хозяйство служилого класса, представлявшего собой до тех пор малодисциплинированную массу. Если рядом с этими мерами припомним меры, приведенные в „Стоглаве", относительно улучшения церковной администрации, поддержания церковного благочиния и

исправления нравов, – то поймем, что задуманный Грозным и его „радой" круг реформ был очень широк и по замыслу должен был обновить все стороны московской жизни ".

Но тут, как издавна велось на Руси, нашла коса на камень. Куда уж там вельможным боярам радеть о благе Отчизны, когда необходимо было использовать время пребывания при царском дворе исключительно в своих целях. В сущности, Кремль нынешний в этом плане, увы, практически ничем не отличается от тогдашнего, и в особых комментариях тут, право же, нет нужды. И так все понятно.

Правительство Иоанна Грозного отнюдь не являло собой монолита. Причин тому было несколько, среди которых нельзя не выделить жажду личного обогащения, но главная из них – лютая борьба за власть. Характерно, что междоусобная грызня среди бояр по-прежнему продолжалась, и это несмотря на жестокую расправу, которую царь всякий раз учинял при малейшем подозрении на смуту! Понимая, что открытое выступление против царя сулит в итоге лишь смерть, бояре строили тайные козни, норовили свести на нет все реформаторские попытки царя.

У С. Платонова мы читаем: "Уже в 1552-1553 гг. Грозный в официальной летописи жалуется на бояр, что они „Казанское строение поотложиша", так как занялись внутренней реформой, и что они не хотели служить его сыну, а передались на сторону князя Владимира Андреевича. В 1557-1558 гг. у Грозного вышло столкновение с боярами из-за Ливонской войны, которой, по-видимому, боярская рада не желала. А в 1560 г., с кончиной жены Грозного Анастасии Романовны, у Грозного с его советниками произошел прямой разрыв. Сильвестр и Адашев были сосланы, попытки бояр их вернуть повели к репрессиям; однако эти репрессии еще не доходили до кровавых казней. Гонения получили решительный и жестокий характер только в связи с отъездами („изменой") бояр.

Заметив наклонность недовольных к отъездам, Грозный брал с бояр, подозреваемых в желании отъехать в Литву, обязательства не отъезжать за поручительством нескольких лиц; такими „поручными грамотами" он связал все боярство. Но отъезды недовольных все-таки бывали, и в 1564 г. успел бежать в Литву князь Андрей Михайлович Курбский, бросив вверенные ему на театре войны войска и крепость. Принадлежа к составу „избранной рады", он пытался объяснить и оправдать свой побег „нестерпимою яростию и горчайшею ненавистью" Грозного к боярам его стороны. Грозный ответил Курбскому обличительным письмом, в котором противополагал обвинениям боярина свои обвинения против бояр.

Обе стороны – монарх, стремившийся „сам править", и князь-боярин, представлявший принцип боярской олигархии, – обменялись мыслями с редкой откровенностью и резкостью. Бестужев-Рюмин в своей „Русской Истории" первый выяснил, что в этом вопросе о царской власти и притязаниях бояр-княжат основа была династическая. Потомки старой русской династии, „княжата", превратившись в служилых бояр своего сородича московского царя, требовали себе участия во власти; а царь мнил их за простых подданных, которых у него „не одно сто", и потому отрицал все их притязания. В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер „избранной рады", которая, очевидно, служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и делала ограничения царской власти не в пользу учреждений (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат)".

Будь на месте Иоанна Васильевича кто-либо другой, он, скорее всего, вознамерился бы ради сохранения своей власти пойти на известные компромиссы с "княжатами", тем самым умаляя собственный статус и неминуемо обрекая себя на свержение с трона. Однако с Иоанном Грозным такие шутки пройти не могли. Он ненавидит "княжат" всеми фибрами своей души, а потому задумывается о средстве, которое могло бы их извести. И это средство скоро находится.

Имя ему – опричнина. Слово "опричнина" известно многим. Что же оно означает?

Опричный двор в Москве

Вновь предоставим слово С. Платонову: "…характер оппозиции привел Грозного к решимости уничтожить радикальными мерами значение княжат, пожалуй, даже и совсем

их погубить. Совокупность этих мер, направленных на родовую аристократию, называется опричниной.

Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, какой обыкновенно применялся Москвой в завоеванных землях. И отец, и дед Грозного, следуя московской правительственной традиции, при покорении Новгорода, Пскова и иных мест выводили оттуда наиболее видных и для Москвы опасных людей в свои внутренние области, а в завоеванный край посылали поселенцев из коренных московских мест. Это был испытанный прием ассимиляции, которой московский государственный организм усваивал себе новые общественные элементы. В особенности ясен и действителен был этот прием в Великом Новгороде при Иване III и в Казани при самом Иване IV. Лишаемый местной руководящей среды завоеванный край немедля получал такую же среду из Москвы и начинал вместе с ней тяготеть к общему центру – Москве".

Имея уже неплохой опыт в плане уничтожения внешних врагов, Грозный вознамерился применить схожую тактику и по отношению к внутренним недругам и противникам.

"Он решил, – продолжает С. Платонов, – вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев – княжат и поселить их в отдаленных от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин. Исполнение этого плана Грозный обставил такими подробностями, которые возбудили недоумение современников.

Он начал с того, что в декабре 1564 г. покинул Москву безвестно и только в январе 1565 г. дал о себе весть из Александровской слободы. Он грозил оставить свое царство из-за боярской измены и остался во власти, по молению москвичей, только под условием, что ему на изменников „опала своя класти, а иных казнити, и животы их и статки (имущество) имати, а учинити ему на своем государстве себе опришнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной". Борьба с „изменою" была целью; опричнина же была средством. Новый двор Грозного состоял из бояр и дворян, новой „тысячи голов", которую отобрали так же, как в 1550 г. отобрали тысячу лучших дворян для службы по Москве.

Первой тысяче дали тогда подмосковные поместья; второй – Грозный дает поместья в тех городах, „которые городы поимал в опришнину"; это и были опричники, предназначенные сменить

опальных княжат на их удельных землях. Число опричников росло, потому что росло количество земель, забираемых в опричнину. Грозный на всем пространстве старой удельной Руси, по его собственному выражению, „перебирал людишек", иных „отсылал", а других „принимал".

В течение 20 последних лет царствования Грозного опричнина охватила полгосударства и разорила все удельные гнезда, разорвав связь „княженецких родов" с их удельными территориями и сокрушив княжеское землевладение. Княжата были выброшены на окраины государства, остававшиеся в старом порядке управления и носившие названия „земщины", или „земского". Так как управление опричнинскими землями требовало сложной организации, то в новом „дворе" Грозного мы видим особых бояр (думу), особых „дворовых", дьяков, приказы - словом, весь правительственный механизм, параллельный государственному: видим особую казну, в которую поступают податные платежи с опричнинских земель. Для усиления средств опричнины Грозный „поимал" в опричнину весь московский север. Мало-помалу опричнина разрослась до громадных размеров и разделила государство на две враждебных одна другой половины. Ниже будут указаны последствия этой своеобразной „реформы" Грозного, обратившего на свою землю приемы покорения чужих земель; здесь же заметим, что прямая цель опричнины была достигнута, и всякая оппозиция сломлена (выделение составителя. – Г. Б.).

Опричники. Худ. Н. В. Неврев.

На картине изображен момент убийства боярина И. Федорова-Челяднина, которого Иоанн Грозный принудил надеть царские одежды и воссесть на трон; в следующий же миг Грозный, прежде поклонившись, выхватил кинжал и, обвинив боярина в

посягательстве на трон, лишил его жизни.

Достигалось это не только системой принудительных переселений ненадежных людей, но и мерами террора. Опалы, ссылки и казни заподозренных лиц, насилия опричников над „изменниками", чрезвычайная распущенность Грозного, жестоко истязавшего своих подданных во время оргий, – все это приводило Москву в трепет и робкое смирение перед тираном". Однако же вышибить клин клином удается далеко не всегда. Нельзя не согласиться с выводом С. Платонова: "Этот террор больше всего подрывал силы самого правительства и готовил ему жестокие неудачи вне и кризис внутри государства". Под "правительством" надо понимать, в первую очередь, самого царя; отсюда и то "страшное состояние души Иоанновой", о котором, в свою очередь, упоминает С. Соловьев.

Также он в частности отмечает: "…по некоторым известиям, план опричнины принадлежал Василию Юрьеву и Алексею Басманову с некоторыми другими. Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них, освобождало от необходимости постоянного, ежедневного сообщения с ними. Положить на них на всех опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых, как тогда называли, – это было невозможно: прежнего любимца своего, Алексея Адашева, Иоанн не мог провесть дальше окольничего, не мог далеко вести он и новых своих любимцев. Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство – самому уйти от него; Иоанн так и сделал.

Дума, бояре распоряжались всем, только при вестях ратных и в делах чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи остались при своих старых придворных должностях; но Иоанн не хотел видеть их подле себя и потому потребовал для себя особого двора, особых бояр, окольничих и т. д.; но он не мог бы совершенно освободиться от старого вельможества, если б остался жить в старом дворце, и вот Иоанн требует нового дворца; он не мог не встречаться со старыми вельможами при торжественных выходах и т. п., если б оставался в Москве, и вот Иоанн покидает Москву, удаляется на житье в Александровскую слободу.

Но легко понять все гибельные следствия такого удаления главы государства от государства, или земли, как тогда называли: напрасно Иоанн уверял гостей и простых горожан московских,

что он против них ничего не имеет, чтоб они оставались спокойны; эти гости и простые люди очень хорошо понимали, однако, что правителями над ними, к которым они должны обращаться во всех делах, остаются прежние вельможи, и в то же время слышали, что царь торжественно называет этих вельмож своими недоброхотами, изменниками, удаляется от них, окружает себя толпою новых людей, видели, что верховная власть отказывается от собственных своих орудий, через которые должна действовать, объявляет их негодными для себя и в то же время признает годными для государства, ибо оставляет их при прежнем действии и таким образом расторгает связь между государем и государством: объявляя себя против правителей земли, необходимо объявляет себя и против самой земли. Несмотря на обнадеживание в милости, эта вражда к самой земле необходимо должна была обнаружиться если не прямо через особу царя, то через его новую дружину, через этих опричников".

Если же говорить о конкретных последствиях введения опричнины, то выводы просто очевидны: "Как произведение вражды, опричнина, разумеется, не могла иметь благого, умиряющего влияния. Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему; чтобы быть угодным царю, опричник должен был враждовать к старым вельможам и для поддержания своего значения, своих выгод должен был поддерживать, поджигать эту вражду к старым вельможам в самом царе. Но этого мало: можно ли было поручиться, что в таком количестве людей если не все, то, по крайней мере, очень многие не захотят воспользоваться выгодами своего положения, именно безнаказанностию; кто из земских правителей, заподозренных, опальных, мог в суде решить дело не в пользу опричника? Кто из заподозренных, опальных мог решиться принести жалобу на человека приближенного, доверенного, который имел всегда возможность уверить подозрительного, гневливого царя, что жалоба ложная, что она подана вследствие ненависти к опричникам, из желания вооружить против них государя, которому они преданы, которого защищают от врагов; если не все опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою доверенностию, то все они, от большого до малого, считали своею первою обязанностию друг за друга заступаться. Целая многочисленная толпа, целая дружина временщиков!

После этого неудивительно встретить нам от современников сильные жалобы на опричнину. Опричнина, с своей стороны, не оставалась, как видно, безгласною: говорили против бояр, что они

крест целуют да изменяют; держа города и волости, от слез и от крови богатеют, ленивеют; что в Московском государстве нет правды; что люди приближаются к царю вельможеством, а не по воинским заслугам и не по какой другой мудрости, и такие люди суть чародеи и еретики, которых надобно предавать жестоким казням; что государь должен собирать со всего царства доходы в одну свою казну и из казны воинам сердце веселить, к себе их припускать близко и во всем верить".

Кроме того, здесь также необходимо остановиться на еще одном немаловажном моменте. Можно только гадать, был ли уверен Иоанн Грозный в том, что учрежденная им опричнина будет принята всеми на "ура" или нет. Отдельно стоит вопрос: рассматривал ли Иоанн вероятность того, что, в случае негативного отношения к опричнине, этим могут немедленно воспользоваться его политические противники – как внутри страны, так и за ее пределами. Сегодня мы можем лишь гадать об этом. Однако если обратиться к фактам, то легко обнаружить, что Иоанн Грозный был вполне готов к подобным осложнениям; при необходимости он был готов повелеть опричникам действовать в еще более жестокой и устрашающей манере. Не увенчавшиеся успехом выступления против него лишь ожесточали царя внутренне.

Соловьев пишет: "Неудовольствием, возбужденным опричниною, хотели воспользоваться враги Москвы, и неудавшиеся попытки их повели к новым казням, содействовали еще более утверждению опричнины. Какой-то Козлов, родом из московских областей, поселился в Литве, женился здесь, отправлен был гонцом от Сигизмунда-Августа к Иоанну и дал знать королю, что успел склонить всех вельмож московских к измене; отправленный вторично в Москву, Козлов вручил от имени короля и гетмана Ходкевича грамоты князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину с приглашением перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Иоанн велел написать или, вернее, сам написал от имени означенных бояр бранчивые ответы королю и гетману, которые и были отправлены с Козловым. Бельский, Мстиславский, Воротынский успели выпутаться из беды; не успел старик Челяднин и был казнен вместе с женою и соумышленниками: князем Иваном Куракиным-Булгаковым, Дмитрием Ряполовским, троими князьями ростовскими, Петром Щенятевым, Турунтаем-Пронским, казначеем Тютиным. Мы видели, что этот Челяднин участвовал в возмущении народа против Глинских после пожара; князья ростовские возбудили против себя гнев Иоанна с тех пор, как хотели всем родом

отъехать в Литву после болезни царя; во время этой болезни князья Петр Щенятев и Турунтай-Пронский выказали себя явными приверженцами князя Владимира Андреевича (1568 г.)".

В это самое время весьма своеобразно проявилась роль духовенства. От церковных иерархов, конечно же, не могло укрыться происходящее в стране, и они решили вмешаться в ситуацию с целью обеспечения для себя максимальных выгод.

У Соловьева читаем: "Мы видели, как духовенство русское могущественно содействовало утверждению единовластия; но когда московские единовластители вступили в последнюю борьбу с остатками старины, с притязаниями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность – среди этой борьбы сдерживать насилие, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою победу; усердно помогая московскому государю сломить притязания князей и членов дружины, духовенство в то же время брало этих князей и членов дружины под свой покров, блюло над их жизнию как членов церкви; так утвердился обычай, что митрополит и вообще духовенство печаловались за опальных и брали их на поруку. Митрополит Макарий, получивший митрополию вследствие торжества Шуйских, являлся по просьбе молодого Иоанна ходатаем пред Шуйскими за Воронцова, причем подвергался оскорблениям; он пережил Шуйских, пережил волнения, последовавшие за их падением, умел не сталкиваться с Сильвестром и, если верить Курбскому, защищал последнего при его падении, видел возобновление казней и умер в 1563 году; он хотел несколько раз оставить митрополию, но был удерживаем царем и владыками.

Преемником Макария был монах Чудова монастыря Афанасий, бывший прежде духовником государевым. Выговаривая себе неограниченное право казнить своих лиходеев, учреждая опричнину, Иоанн жаловался на духовенство, что оно покрывало виновных, и требовал у него отречения от обычая печаловаться.

Афанасий был свидетелем учреждения опричнины, получил позволение отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынского и в 1566 году оставил митрополию по болезни. В преемники Афанасию был назначен Герман, архиепископ казанский; но беседы его, по словам Курбского, не понравились любимцам Иоанновым; Германа отстранили и вызвали соловецкого игумена Филиппа, сына боярина Колычева; Филипп объявил, что он согласится быть митрополитом только под условием уничтожения опричнины; Иоанн рассердился; наконец Филипп уступил убеждениям, что его обязанность нейти прямо против царской воли, но утолять гнев государя при каждом удобном

случае.

Филипп дал запись: „В опричнину ему и в царский домовый обиход не вступаться, а после поставленья за опричнину и за царский домовый обиход митрополии не оставлять". Но, отказавшись от вмешательства в опричнину, Филипп не отказался от права печаловаться. Начались казни вследствие дела Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народ умоляли митрополита вступиться в дело; он знал, что народ привык видеть в митрополите печальника, и не хотел молчать".

Иоанн Грозный прекрасно отдавал себе отчет, что любая встреча с митрополитом может привести к самым нежелательным последствиям. Ведь если пойдет откровенный разговор (а об ином царю не приходилось и мечтать – уж слишком накалена была атмосфера в стране), то прямой конфликт с Церковью неизбежен. Исход такого конфликта, а точнее, сам такой конфликт был для царя нежелателен, поскольку прямо угрожал его власти. С другой стороны, митрополит стремился к откровенному диалогу с Иоанном Грозным, мечтая умалить его влияние и еще более возвыситься во мнении народном.

"Тщетно Иоанн избегал свиданий с митрополитом, боясь печалований; встречи были необходимы в церквах, и здесь-то происходили страшные сцены заклинаний. „Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святый! – говорил Иоанн, сдерживая дух гнева, который владел им. – Молчи и благослови нас!" Филипп: „Наше молчание грех на душу твою налагает и смерть наносит". Иоанн: „Ближние мои встали на меня, ищут мне зла; какое дело тебе до наших царских советов?" Филипп: „Я пастырь стада Христова!" Иоанн: „Филипп! Не прекословь державе нашей, чтоб не постиг тебя гнев мой, или лучше оставь митрополию!" Филипп: „Я не просил, не искал чрез других, не подкупом действовал для получения сана: зачем ты лишил меня пустыни?" Митрополит знал, как следует говорить с царем. Исступленная набожность Иоанна Грозного была всем прекрасно известна; грамотно построив беседу, Филипп легко мог привести царя в смятение. В сущности, это ему удалось. Уверенность Иоанна Грозного в справедливости его действий была основательно поколеблена, и он покидал храм в глубоком раздумье. Это уж никак не могло порадовать опричников, а потому они замыслили погубить митрополита: "Царь выходил из церкви в большом раздумье, это раздумье было страшно опричникам; они решили погубить Филиппа и нашли сообщников между духовными, во владыках новгородском, суздальском, рязанском, благовещенском протопопе, духовнике царском; последний явно и тайно носил речи неподобные Иоанну на Филиппа; отправились в Соловецкий

монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисия, доносы которого легли в основание обвинений на суде соборном; защитников Филиппу не было, все молчало".

Митрополит Филипп отказывается благословить Иоанна Грозного. Худ. В. Пукирев. 1875 г.

Что ж, симпатии народа переменчивы, а уж русского – в особенности.

Ощутив смертоносную угрозу, исходящую от безжалостной длани опричников, на помощь митрополиту никто не осмелился прийти. Его конец был предопределен; царь же демонстративно устранился от происходящего, предоставив право решения судьбы Филиппа именно опричникам: " 8 ноября 1568 года опричники с бесчестием вывели Филиппа из Успенского собора, народ бежал за ним со слезами. Местом изгнания для Филиппа назначен был Тверской Отроч-монастырь. В 1569 году, проезжая Тверь на походе на Новгород, Иоанн заслал к Филиппу одного из самых приближенных опричников, Малюту Скуратова, взять благословение; но Филипп не дал его, говоря, что благословляют только добрых и на доброе; опричник задушил его. Так пал непобежденным великий пастырь русской церкви, мученик за

священный обычай печалования. На место Филиппа возведен был троицкий архимандрит Кирилл". Как могут понять читатели, с устранением церковного владыки такого масштаба Иоанн Грозный освобождался практически от всех сдерживающих механизмов. Результатом этого были новые казни и расправы. Среди жертв оказался даже ближайший царев родственник!

Митрополит Филипп и Иоанн Грозный. Худ. В. Турлыгин (нач. XIX в.)

Как указывает С. Соловьев: "…в 1569 году дошел черед и до того, за приверженность к которому уже многие погибли, дошел черед до двоюродного брата царского, князя Владимира Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой с Владимира в 1553 году; в следующем, 1554 году, после рождения другого царевича, Ивана, государь взял с двоюродного брата другую запись: держать этого Ивана вместо царя в случае смерти последнего.

До какой степени уже Иоанн не доверял брату после своей болезни, доказывает следующее обещание Владимира: „Жить мне в Москве на своем дворе; а держать мне у себя на дворе своих людей всяких… (число людей стерто), а больше того мне людей у себя на дворе не держать, а всех своих служилых людей держать в своей отчине".

Иоанн определил поведение Владимира и в том случае, если начнутся междоусобия между молодым царем и родным его братом; Владимир обязывается: „Если который брат родной станет недругом сыну твоему, царевичу Ивану, и отступит от него, то мне с этим его братом в дружбе не быть и не ссылаться с ним; а пошлет меня сын твой, царевич Иван, на этого своего

брата, то мне на него идти и делать над ним всякое дело без хитрости, по приказу сына твоего, царевича Ивана. Князей служебных с вотчинами, бояр, дьяков, детей боярских и всяких людей сына твоего мне никак к себе не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякие люди нагрубили мне чем-нибудь при тебе, царе Иване, и мне за те их грубости не мстить им никому. Без бояр сына твоего, которые написаны в твоей духовной грамоте, мне никакого дела не делать и, не сказавши сыну твоему и его матери, мне никакого дела не решать. Если мать моя, княгиня Евфросинья, станет поучать меня против сына твоего, царевича Ивана, или против его матери, то мне матери своей не слушать, а пересказать ее речи сыну твоему, царевичу Ивану, и его матери вправду, без хитрости.

Если узнаю, что мать моя, не говоря мне, сама станет умышлять какое-нибудь зло над сыном твоим, царевичем Иваном, над его матерью, над его боярами и дьяками, которые в твоей духовной грамоте написаны, то мне объявить об этом сыну твоему и его матери вправду, без хитрости; не утаить мне этого никак, по крестному целованию. А возьмет Бог и сына твоего, царевича Ивана, и других детей твоих не останется, то мне твой приказ весь исправить твоей царице, великой княгине Анастасии, по твоей духовной грамоте и по моему крестному целованию". В следующем месяце того же года взята была со Владимира третья запись с некоторыми против прежней дополнениями; удельный князь обязался не держать у себя на московском дворе более 108 человек. В 1563 году, говорит летопись, государь положил гнев свой на княгиню Евфросинию и на сына ее: прислал к царю в слободу служивший у князя Владимира Андреевича дьяк Савлук Иванов бумагу, в которой писал многие государские дела, что княгиня Евфросинья и сын ее многие неправды к царю чинят и для того держат его, Савлука, в оковах в тюрьме; царь велел Савлука к себе прислать, по его словам многие сыски были, неисправления их сысканы, и пред митрополитом и владыками царь княгине Евфросинье и сыну ее неправды их известил. После этого Евфросинья постриглась; у Владимира были переменены все бояре и слуги; мы видели, что и отец Иоанна употребил то же средство в отношении к одному из братьев своих.

В 1566 году царь переменил брату удел: вместо Старицы и Вереи дал ему Дмитров и Звенигород. По одному иностранному известию, в 1568 году князь Владимир Андреевич замышлял поддаться Сигизмунду-Августу; в генваре 1569 он погиб".

Казалось бы, Иоанн должен был хоть немного утихнуть после гибели злокозненного родственника, столь долго портившего ему кровь. Какое там! Он жаждал все новой и новой крови. К тому же

поводов для гнева царского по-прежнему было хоть отбавляй!

С. Соловьев продолжает: "Страшный огонь жег внутренность Иоанна, и для этого огня не было недостатка в пище: летом 1569 года явился к царю какой-то Петр, родом волынец, и донес, что новгородцы хотят предаться польскому королю, что у них уже написана и грамота об этом и положена в Софийском соборе за образом Богоматери. Иоанн отправил в Новгород вместе с волынцем доверенного человека, который действительно отыскал грамоту за образом и привез к государю; подписи – архиепископа Пимена и других лучших граждан – оказались верными; говорят, что этот Петр, бродяга, наказанный новгородцами, из желания отомстить им, сам сочинил грамоту и необыкновенно искусно подписался под руку архиепископа и других граждан. Иоанн решился разгромить Новгород.

В декабре 1569 года он двинулся туда из Александровской слободы и начал разгром с границ тверских владений, с Клина; по всей дороге, от Клина до Новгорода, производились опустошения, особенно много пострадала Тверь. 2 генваря 1570 года явился в Новгород передовой отряд царской дружины, которому велено было устроить крепкие заставы вокруг всего города, чтоб ни один человек не убежал; бояре и дети боярские из того же передового полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырские казны; игуменов и монахов, числом более 500, взяли в Новгород и поставили на правеж до государева приезда; другие дети боярские собрали ото всех новгородских церквей священников и дьяконов и отдали их на соблюдение приставам, по десяти человек каждому приставу; их держали в железных оковах и каждый день с утра до вечера били на правеже, правили по 20 рублей; подцерковные и домовные палаты у всех приходских церквей и кладовые именитых людей были перепечатаны; гостей, приказных и торговых людей перехватали и отдали приставам, дома, имущества их были опечатаны, жен и детей держали под стражею. 8 числа приехал сам царь с сыном Иваном, со всем двором и с 1500 стрельцами, стал на торговой стороне, на Городище.

На другой день вышло первое повеление: игуменов и монахов, которые стояли на правеже, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения.

На третий день, в воскресенье, Иоанн отправился в кремль к Св. Софии к обедне; на Волховском мосту встретил его, по обычаю, владыка Пимен и хотел осенить крестом; но царь ко кресту не пошел и сказал архиепископу: „Ты, злочестивый, держишь в руке не крест животворящий, а оружие и этим оружием хочешь уязвить наше сердце: с своими

единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник, нашей царской багрянице и венцу досадитель". Проговоривши это, царь велел Пимену идти с крестами в Софийский собор и служить обедню, у которой был сам со всеми своими, после обедни пошел к архиепископу в Столовую палату обедать, сел за стол, начал есть и вдруг дал знак своим князьям и боярам, по обычаю, страшным криком; по этому знаку начали грабить казну архиепископа и весь его двор, бояр и слуг его перехватали, самого владыку, ограбив, отдали под стражу, давали ему на корм ежедневно по две деньги.

Дворецкий Лев Солтыков и духовник протопоп Евстафий с боярами пошли в Софийский собор, забрали там ризницу и все церковные вещи, то же было сделано по всем церквам и монастырям.

Между тем Иоанн с сыном отправился из архиепископского дома к себе на Городище, где начался суд: к нему приводили новгородцев, содержавшихся под стражею, и пытали, жгли их какою-то „составною мудростию огненною", которую летописец называет поджаром; обвиненных привязывали к саням, волокли к Волховскому мосту и оттуда бросали в реку; жен и детей их бросали туда же с высокого места, связавши им руки и ноги, младенцев, привязавши к матерям; чтоб никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили на маленьких лодках по Волхову с рогатинами, копьями, баграми, топорами и, кто всплывает наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в глубину; так делалось каждый день в продолжение пяти недель.

По окончании суда и расправы Иоанн начал ездить около Новгорода по монастырям и там приказывал грабить кельи, служебные домы, жечь в житницах и на скирдах хлеб, бить скот; приехавши из монастырей, велел по всему Новгороду, по торговым рядам и улицам товары грабить, анбары, лавки рассекать и до основания рассыпать; потом начал ездить по посадам, велел грабить все домы, всех жителей без исключения, мужчин и женщин, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высекать; в то же время вооруженные толпы отправлены были во все четыре стороны, в пятины, по станам и волостям, верст за 200 и за 250, с приказанием везде пустошить и грабить.

Весь этот разгром продолжался шесть недель. Наконец 13 февраля утром государь велел выбрать из каждой улицы по лучшему человеку и поставить перед собою. Они стали перед ним

с трепетом, изможденные, унылые, как мертвецы, но царь взглянул на них милостивым и кротким оком и сказал: „Жители Великого Новгорода, оставшиеся в живых! Молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христолюбивом воинстве, чтобы Господь Бог даровал нам победу и одоление на всех видимых и невидимых врагов, а судит Бог общему изменнику моему и вашему, владыке Пимену, его злым советникам и единомышленникам: вся эта кровь взыщется на них, изменниках; вы об этом теперь не скорбите, живите в Новгороде благодарно, я вам вместо себя оставлю правителем боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронского". В тот же день Иоанн выехал из Новгорода по дороге в Псков; владыку Пимена, священников и дьяконов, которые не откупились от правежа, и опальных новгородцев, которых дело еще не было решено, отослали с приставами в Александровскую слободу.

Какое впечатление произвел на новгородцев погром, всего лучше видно из следующего известия: 25 мая 1571 года в церкви Св. Параскевы на торговой стороне у обедни было много народа; когда после службы стали звонить в колокола, вдруг на всех напал таинственный ужас, все побежали в разные стороны, мужчины, женщины, дети толкали друг друга, не зная, куда бегут, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же известие о пополохе встречаем в летописях под 1239 годом, после Батыева погрома".

Псков был уже вовсю наслышан о том, что учинил Иоанн Грозный в Новгороде.

Все жители были буквально объяты ужасом: "псковичи боялись участи новгородцев; по распоряжению воеводы, князя Токмакова, они встретили Иоанна каждый перед своим домом с женами и детьми, держа в руках хлеб и соль; завидев царя, все падали на колена. Иоанн недолго прожил во Пскове, велел грабить имение у граждан, кроме церковного причта взял также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола.

Но дело не кончилось Новгородом и Псковом: по возвращении царя в Москву началось следствие о сношениях новгородского архиепископа Пимена и новгородских приказных людей с боярами – Алексеем Басмановым и сыном его Федором, с казначеем Фуниковым, печатником Висковатовым, Семеном Яковлевым, с дьяком Васильем Степановым, с Андреем Васильевым, с князем Афанасием Вяземским; сношения происходили о том, чтоб сдать Новгород и Псков литовскому

королю, царя Иоанна извести, на государство посадить князя Владимира Андреевича. Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии. Известны следствия: казнены были князь Петр Оболенский-Серебряный, Висковатый, Фуников, Очин-Плещеев, Иван Воронцов, сын известного нам Федора, и многие другие, 180 человек прощено; всего удивительнее встретить между осужденными имена главных любимцев Иоанновых - Басмановых и Вяземского; Вяземский умер от пыток, Алексей Басманов, как говорят, был убит сыном Федором по приказанию Иоанна. Владыка Пимен Новгородский сослан был в Венев".

Да, безмерно много крови было пролито царем. Казалось, его жестокостям не будет предела…

Но что-то особенное творилось в душе его.

К 1572 году относится составление особого духовного завещания.

Значение его исключительно важно не только потому, что это, по сути, единственное документально подтвержденное свидетельство воли царя. Огромной неожиданностью для всех явилось то, что этим завещанием Иоанн Грозный словно отгораживался внутренне от опричнины, предоставляя решать ее судьбу своим детям. Не составь этого документа Иоанн Грозный, опричники еще пролили бы много русской крови…

С. Соловьев приводит в своем исследовании завещание Грозного и сопровождает свое повествование важными комментариями (полный текст Духовного завещания см. в разделе Приложения).

Так, например, он пишет: "Известно нам и состояние души Иоанна, образ его мыслей после рассказанных событий; к 1572 году относится единственное дошедшее до нас духовное завещание его. В этой духовной царь высказывает убеждение, что он и семейство его непрочны на московском престоле, что он изгнанник, ведущий борьбу с своими врагами, что этой борьбе не видать близкого конца, и потому Иоанн дает наставление сыновьям, как им жить до окончания борьбы.

Завещание начинается исповедью Иоанна, в которой замечательны следующие слова: „Тело изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мною поскорбел, – и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистию за любовь". Наставление детям начинается словами Христа: „Се заповедаю вам, да любите друг друга… Сами живите в любви и военному делу сколько возможно навыкайте. Как людей держать и жаловать, и от них беречься, и во всем уметь их

к себе присваивать, вы бы и этому навыкли же: людей, которые вам прямо служат, жалуйте и любите, от всех берегите, чтоб им притеснения ни от кого не было, тогда они прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не скоро, по рассуждению, не яростию. Всякому делу навыкайте, божественному, священному, иноческому, ратному, судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы вы сами знали. Также и во всяких обиходах, как кто живет, и как кому пригоже быть, и в какой мере кто держится – всему этому выучитесь; так вам люди и не будут указывать, вы станете людям указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владеть, а люди. А что по множеству беззаконий моих распростерся Божий гнев, изгнан я от бояр, ради их самовольства, от своего достояния и скитаюсь по странам, и вам моими грехами многие беды нанесены: то Бога ради не изнемогайте в скорбях…

Пока вас Бог не помилует, не освободит от бед, до тех пор вы ни в чем не разделяйтесь: и люди бы у вас заодно служили, и земля была бы заодно, и казна у обоих одна – так вам будет прибыльнее.

А ты, Иван сын, береги сына Федора и своего брата, как себя, чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, всем был бы доволен, чтоб ему на тебя не в досаду, что не дашь ему ни удела, ни казны.

А ты, Федор сын, у Ивана сына, а своего брата старшего, пока устроитесь, удела и казны не проси, живи в своем обиходе, смекаясь, как бы Ивану сыну тебя без убытка можно было прокормить, оба живите заодно и во всем устраивайте, как бы прибыточнее.

Ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата младшего держал и берег, и любил, и жаловал, и добра ему хотел во всем, как самому себе, и на его лихо ни с кем бы не ссылался, везде был бы с ним один человек, и в худе и в добре; а если в чем перед тобою провинится, то ты бы его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы отнюдь не верил, потому что Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А даст Бог, будешь ты на государстве и брат твой Федор на уделе, то ты удела его под ним не подыскивай, на его лихо ни с кем не ссылайся; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, ты его береги и накрепко смотри правды, а напрасно его не задирай и людским вракам не потакай, потому что, если кто и множество земли и богатства приобретет, но трилокотного гроба не может избежать,

и тогда все останется.

А ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как меня, и покорен будь ему во всем и добра желай ему, как мне, родителю своему, ни в чем ему не прекословь, во всем живи из его слова, как теперь живешь из моего. Если, даст Бог, будет он на государстве, а ты на уделе, то ты государства его под ним не подыскивай, на его лихо не ссылайся ни с кем, везде будь с ним один человек и в лихе, и в добре: а пока, по грехам, Иван сын государства не достигнет, а ты удела своего, то ты с сыном Иваном вместе будь, за один, с его изменниками и лиходеями никак не ссылайся, если станут прельщать тебя славою, богатством, честию, станут давать тебе города, или право какое будут тебе уступать мимо сына Ивана, или станут на государство звать, то ты отнюдь их не слушай, из Ивановой воли не выходи, как Иван сын тебе велит, так и будь и ничем не прельщайся; а где Иван сын пошлет тебя на свою службу или людей твоих велит тебе на свою службу послать, то ты на его службу ходи и людей своих посылай, как сын мой Иван велит; а где порубежная Иванова земля сошлась с твоею землею, и ты береги накрепко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людским вракам не потакай, потому что если кто и множество богатства и земли приобретет, но трилокотного гроба не может избежать…

И ты б, сын Федор, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему во всем покорен был и добра ему хотел, как мне и себе; и во всем в воле его будь до крови и до смерти, ни в чем ему не прекословь; если даже Иван сын на тебя и разгневается или обидит как-нибудь, то и тут старшему брату не прекословь, рати не поднимай и сам собою не обороняйся; бей ему челом, чтоб тебя пожаловал, гнев сложить изволил и жаловал тебя во всем по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты ему добей челом, как ему любо; послушает твоего челобитья – хорошо, а не послушает – и ты сам собою не обороняйся же". В этом наказе наше внимание останавливается, во-первых, на желании царя, чтоб дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них, Иван, не сломит всех крамол и не утвердится на престоле: ибо в противном случае удельный князь будет самым верным орудием в руках недовольных. Во-вторых, в своем завещании Иоанн не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределенным приказом младшему сыну держать старшего вместо отца; он определяет, в чем должно состоять это сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и до смерти, ни в чем не прекословить, а в случае обиды от старшего не сметь поднимать против него оружие, не сметь

обороняться; этим приказом Иоанн уничтожает законность междоусобий в царском семействе, ставит младшего брата в совершенно подданнические отношения к старшему; теперь уже младшие братья не могут сказать старшему, подобно древним Ольговичам: „Ты нам брат старший; но если не дашь, то мы сами будем искать". Этим приказом Иоанн дорушивает родовые отношения между князьями.

Что Иоанн не был уверен в счастливом для своего семейства окончании борьбы, свидетельствуют следующие слова завещания: „Нас, родителей своих и прародителей, не только что в государствующем граде Москве или где будете в другом месте, но если даже в гонении и в изгнании будете, в божественных литургиях, панихидах и литиях, в милостынях к нищим и препитаниях, сколько возможно, не забывайте".

Иоанн благословляет старшего сына „царством Русским (достоинством), шапкою Мономаховою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что я примыслил, посохами и скатертью, а по-немецки центурь. Сына же своего Ивана благословляю своим царством Русским (областью), чем меня благословил отец мой, князь великий Василий, и что мне Бог дал". Здесь встречаем важную отмену против распоряжения прежних государей: удельный Федор не получает никакой части в городе Москве. Ему в удел дано 14 городов, из которых главный – Суздаль; но показывается, что удельный князь не должен думать ни о какой самостоятельности: „Удел сына моего Федора ему же (царю Иоанну) к великому государству". Наконец, относительно опричнины Иоанн говорит так сыновьям в завещании: „Что я учредил опричнину, то на воле детей моих, Ивана и Федора; как им прибыльнее, так пусть и делают, а образец им готов".

Да, документ поистине замечательный… Однако не стоит обманываться его смиренным и торжественным тоном. За всем эти хватало двоедушия и лицемерия. Да, царь предоставлял детям своим право решить судьбу опричнины; однако сам он покуда не был намерен слагать с себя царские полномочия. А без этого дети Иоанна Грозного так и оставались детьми. Пусть даже царскими, но все-таки детьми. Иоанн по-прежнему продолжал принимать единоличные решения.

С. Соловьев так комментирует эту ситуацию: "Детям своим Иоанн давал на волю продолжать опричнину или уничтожить; но в его собственное царствование трудно было ожидать ее прекращения, ибо зло вызывало другое зло; в 1571 году князь

Иван Мстиславский дал следующую запись: „Я, князь Иван Мстиславский, Богу, святым Божиим церквам и всему православному христианству веры своей не соблюл, государю своему, его детям и его землям, всему православному христианству и всей Русской земле изменил, навел с моими товарищами безбожного крымского Девлет-Гирея царя".

По ходатайству митрополита Кирилла и 24 других духовных особ царь простил Мстиславского, взявши с него означенную грамоту за поручительством троих бояр, которые обязались в случае отъезда Мстиславского внести в казну 20 000 рублей; за поручников поручилось еще 285 человек. Через 10 лет после этого Мстиславский опять бил челом с двумя сыновьями, что они пред государем во многих винах виноваты.

Подобные грамоты могли привести к вопросу, можно ли по-прежнему доверять правление земщиною Мстиславскому с товарищами, и если сам царь не хочет по-прежнему сближаться с земщиною, то не должно ли поставить в челе ее человека, который бы по титулу своему и происхождению мог стать выше князей и бояр и между тем не имел бы с ними ничего общего, мог бы быть вернее их.

И вот в одной летописи под 1574 годом находим следующее известие: „Казнил царь на Москве, у Пречистой, на площади в Кремле многих бояр, архимандрита чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского. В то же время производил царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина, касимовского хана) и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях, и, как приедет к царю Симеону, ссаживается от царева места далеко, вместе с боярами".

Действительно, до нас дошли грамоты, в которых от имени великого князя Симеона всея Руси делаются разного рода земские распоряжения как от имени царя, царь же Иоанн называется государем князем московским. Симеон, впрочем, не более двух лет процарствовал в Москве; по словам летописи, он был сослан отсюда Иоанном, который дал ему Тверь и Торжок.

Разделение на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счел за нужное вывести его из употребления: вместо названий „опричнина" и „земщина" видим названия: двор и земщина; вместо: города и воеводы опричные и земские – видим: города и воеводы дворовые и земские. Между тем казни продолжались по разным поводам: по поводу нашествия крымского хана, когда Мстиславский

признался, что он с товарищами привел его; по поводу болезни и смерти невесты царской; погибли старые бояре – знаменитый воевода князь Михайла Воротынский, которого мы видели уже прежде в заточении в Кирилло-Белозерском монастыре, князь Никита Одоевский, Михайла Яковлевич Морозов, князь Петр Куракин и другие менее значительные лица. Курбский говорит, что Воротынский был подвергнут пыткам по доносу раба, обвинявшего его в чародействе и в злых умыслах против Иоанна; измученного пытками старика повезли в заточение опять на Белоозеро, но на дороге он умер".

Что ж, за все рано или поздно приходится платить. Иоанн Грозный тоже платил. Благодаря опричнине у царя оказались развязанными руки, и он сладострастно карал всех, кто представлялся ему недостаточно благонадежным. Но, образно говоря, захлебнувшись этой кровью, Иоанн Грозный, вполне вероятно, ощутил безмерность своей ответственности за содеянное им. Мы, конечно же, не можем утверждать это со всей уверенностью (недаром же говорят в народе, что чужая душа – потемки). Однако нельзя не обратить внимание на своеобразную деталь, что приводится С. Соловьевым: "…в последние восемь лет его жизни мы не встречаем известий о казнях". Отсутствие казней, впрочем, отнюдь не отменяло проявлений кипучего царского темперамента, отличавшегося двойственностью невероятной: "Современные русские свидетельства говорят, что Иоанн до конца жизни оставался с одинаким настроением духа, одинаково скор на гнев и на опалы".

Но, как бы то ни было, опричнина была упразднена в том же 1572 году.

Часть 9. Присоединение Сибири

Наверное, вторым по важности решением, что было принято Иоанном Грозным в последние 10-15 лет его жизни, было повеление завоевать Сибирский край и присоединить его к царским владениям. Вы знаете, присоединение Сибири – это событие вообще из разряда чудесных! Замечательнее всех сказал о нем В. Ключевский: "В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых Ляхов и Немцев (речь, как вы понимаете, идет о крайне неудачной для Иоанна Васильевича Ливонской войне. – Г. Б.), – в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностию к корысти, и благородною любовию ко славе, приобрела новое Царство для России, открыла второй новый мир для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой, ознаменованный разнообразием, величием, богатством естества, где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери, и сама природа усевает обширные степи диким хлебом; где судоходные реки, большие рыбные озера и плодоносные цветущие долины, осененные высокими тополями, в безмолвии пустынь ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности, дать простор стесненным в Европе народам и гостеприимно облагодетельствовать излишек их многолюдства. Три купца и беглый Атаман Волжских разбойников дерзнули, без Царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь".

Право, лучше и не скажешь!

Подножие трона Иоанна Грозного в Успенском соборе

Но у этого грандиозного присоединения была своя история, достаточно примечательная. В сущности, все началось в сложный период времени между захватом Казанского и Астраханского царств и знаменовало собой первый этап в освоении Сибири. В пику тем современным авторам, которые предпочитают фокусировать свое внимание исключительно на скандальных подробностях, связанных с именем Иоанна Грозного, мы хотим особо подчеркнуть, что уже сама идея о Сибири лишний раз говорит о русском царе как о дальновидном стратеге. Казалось бы, пало Казанское царство, идет успешная война, итогом которой станет падение уже Астраханского царства… Впору спокойно почивать на лаврах. Тем более что в то время параллельно и с переменным успехом шла Шведская война и вот-вот должна была начаться крайне затяжная и фатальная для Руси еще одна война – Ливонская.

Государство может успешно сражаться со своими противниками лишь при наличии крепкого и надежного тыла. Таким тылом во мнении Иоанна Грозного была Сибирь. Этот край издавна привлекал тех русских, что были наслышаны о его богатствах и стремились добиться процветания – пусть даже в изрядном отдалении не только от Европы, но и цивилизации. С другой стороны, Сибирь – в некотором роде – явно стремилась к альянсу с Русью. С. Соловьев пишет: " В генваре 1555 года пришли, говорит летопись, послы к царю от сибирского князя Едигера и от всей земли Сибирской, поздравили государя с царством Казанским и Астраханским и били челом, чтоб государь князя их и всю землю Сибирскую взял в свое имя и от всех неприятелей заступил, дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань сбирать".

Как ни был обременен государственными делами царь Иоанн, но подобное посольство никак не мог обделить своим вниманием. "Государь пожаловал, взял князя сибирского и всю землю в свою волю и под свою руку и дань на них положить велел; послы обязались за князя и за всю землю, что будут давать с каждого черного человека по соболю и по белке сибирской, а черных людей у себя сказали 30 700 человек. Царь отправил в Сибирь посла и дорогу (сборщика дани) Дмитрия Курова, который возвратился в Москву в конце 1556 года вместе с сибирским послом Бояндою".

И тогда же проявились первые проблемы. "Дани Едигер прислал только 700 соболей, об остальной же посол объявил, что воевал их шибанский царевич и взял в плен много людей, отчего и мехов собрать не с кого. Но Куров говорил, что дань было

можно собрать сполна, да не захотели, вследствие чего царь положил опалу на Боянду, велел взять у него все имение, самого посадить под стражу, а в Сибирь отправил служивых татар с грамотою, чтоб во всем исправились". Политика железной царской длани немедленно принесла свои плоды.

"В сентябре 1557 года посланные татары возвратились с новыми послами сибирскими, которые привезли 1000 соболей да дорожской пошлины 106 соболей за белку; привезли и грамоту шертную с княжею печатью, в которой Едигер обязывался быть у царя в холопстве и платить каждый год всю дань бесперебодно". Казалось бы, отныне все должно пойти как по маслу. Только разве можно было ожидать от Едигера долгосрочной лояльности? Будучи жестко прижат однажды, он подчинился силе. Однако смирения его не могло хватить надолго. Он немедленно принялся выгадывать для себя варианты.

"Едигер поддался с целию иметь помощь от русского царя против своих недругов или по крайней мере сдерживать их страхом пред соседственными народами, в особенности богатыми мягкою рухлядью.

В числе тамошних Российских всельников были и купцы Строгановы, Яков и Григорий Иоанникиевы, или Аникины, коих отец обогатился заведением соляных варниц на Вычегде и (если верить сказанию иностранцев) первый открыл путь для нашей торговли за хребет гор Уральских. Пишут, что сии купцы происходили от знатного, крещеного Мурзы Золотой Орды, именем Спиридона, научившего Россиян употреблению счетов; что Татары, им озлобленные, пленили его в битве, измучили и будто бы застрогали до смерти; что сын его потому назван Строгановым, а внук способствовал искуплению Великого Князя Василия Темного, бывшего пленником в Казанских Улусах. Желая взять деятельные меры для обуздания Сибири, Иоанн призвал упомянутых двух братьев, Якова и Григория, как людей умных и знающих все обстоятельства северо-восточного края России, беседовал с ними, одобрил их мысли и дал им жалованные грамоты на пустые места, лежащие вниз по Каме от земли Пермской до реки Сылвы и берега Чусовой до ее вершины".

Что и говорить, насаждать в Сибири русский порядок – это было занятие, мягко говоря, не из легких, однако царская милость к отважным купцам была более чем изрядна. Иоанн Грозный понимал, как много зависит от Строгановых, а потому не скупился. В свою очередь, Строгановы по достоинству оценили благоволение царя.

Они с воодушевлением приступили к масштабному освоению Сибири. " Довольные Царскою милостию, деятельные и богатые

Строгановы основали в 1558 году близ устья Чусовой городок Канкор…" – отмечает Карамзин. Это был тщательно разработанный стратегический ход. Перед этим, если мы обратимся к Соловьеву: "…в 1558 году Григорий Аникиев Строганов бил царю челом и сказывал: в осьмидесяти осьми верстах ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны, до реки Чусовой, лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые, и всего пустого места здесь сто сорок шесть верст; до сих пор на этом месте пашни не паханы, дворы не стаивали и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, в писцовых книгах, в купчих и правежных не написаны ни у кого. Григорий Строганов бил челом, что хочет на этом месте городок поставить, город пушками и пищалями снабдить, пушкарей, пищальников и воротников прибрать для береженья от ногайских людей и от иных орд; по речкам до самых вершин и по озерам лес рубить, расчистя место, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписьменных и нетяглых, рассолу искать, а где найдется рассол, варницы ставить и соль варить. Царские казначеи расспрашивали про эти места пермича Кодаула, который приезжал из Перми с данью, и Кодаул сказал, что эти места искони вечно лежат впусте, и доходу с них нет никакого, и у пермичей там нет угодий никаких.

Тогда царь Григория Строганова пожаловал, отдал ему эти земли, с тем чтоб он из других городов людей тяглых и письменных к себе не называл и не принимал, также чтоб не принимал воров, людей боярских, беглых с имением, татей и разбойников; если приедут к нему из других городов люди тяглые с именами и детьми, а наместники, волостели или выборные головы станут требовать их назад, то Григорий обязан высылать их на прежние места жительства. Купцы, которые приедут в городок, построенный Строгановым, торгуют в нем беспошлинно; варницы ставить, соль варить, по рекам и озерам рыбу ловить Строганову безоброчно; а где найдет руду серебряную, или медную, или оловянную, то дает знать об этом царским казначеям, а самому ему тех руд не разрабатывать без царского ведома.

Льготы Строганову дано на двадцать лет: какие неписьменные и нетяглые люди придут к нему жить в город и на посад и около города на пашни, на деревни и на починки, с тех в продолжение двадцати лет не надобно никакой дани, ни ямских и селитряных денег, ни посошной службы, ни городового дела, ни другой какой-либо подати, ни оброка с соли и рыбных ловель в тех местах. Которые люди поедут мимо того городка из

Московского ли государства или из иных земель, с товарами или без товару, с тех пошлины не брать никакой, торгуют ли они тут или не торгуют; но если сам Строганов повезет или пошлет соль или рыбу по другим городам, то ему с соли и с рыбы всякую пошлину давать, как с других торговых людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей пермские наместники и тиуны их не судят ни в чем, праветчики и доводчики в его городок и деревни не въезжают ни за чем, на поруки его людей не дают и не присылают к ним ни за чем: ведает и судит своих слобожан сам Григорий Строганов во всем. Если же людям из других городов будет дело до Строганова, то они в Москве берут управные грамоты, и по этим грамотам истцы и ответчики без приставов становятся в Москве перед царскими казначеями на Благовещеньев день.

Когда урочные двадцать лет отойдут, Григорий Строганов обязан будет возить все подати в царскую казну в Москву на Благовещеньев день. Если царские послы поедут из Москвы в Сибирь и обратно или из Казани в Пермь и обратно мимо нового городка, то Строганову и его слобожанам подвод, проводников и корму посланникам в продолжение двадцати льготных лет не давать; хлеб, соль и всякий запас торговые люди в городе держат и послам, гонцам, проезжим и дорожным людям продают по цене как между собою покупают и продают; также проезжие люди нанимают полюбовно подводы, суда, гребцов и кормщиков.

До урочных двадцати лет Строганов с пермичами никакого тягла не тянет и счету с ними не держит ни в чем. Если же окажется, что Григорий Строганов бил царю челом ложно, или станет он не по этой грамоте ходить, или станет противозаконно поступать (воровать), то эта грамота не в грамоту".

Читатели, даже не являющиеся экспертами в торговой сфере, легко смогут понять и оценить значение для Строгановых царского указа, освобождающего на двадцать лет (!) от любого налогообложения. Что касается грамоты, пожалованной Иоанном Грозным, то она изрядно отличалась от прочих грамот такого рода, который выдавал царь.

На это особо обращает наше внимание С. Соловьев: "… грамота, которою давалось право на заселение пустынных прикамских пространств, будучи сходна вообще с грамотами, которые давались населителям пустынных пространств во всех частях государства, должна была и разниться от них: Прикамская сторона была украйна, на которую нападали дикие зауральские и приуральские народцы; правительство не могло защищать от них насельника, он должен был защищаться сам, своими средствами, должен был строить городки или острожки, снабжать их нарядом

(артиллериею), содержать ратных людей. Понятно, что к этому могли быть способны только насельники, обладавшие обширными средствами: отсюда уясняется важное значение Строгановых, которые одни, по своим средствам, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русские селища к Уралу и чрез это дать возможность распространить их и за Урал.

Понятно также, что Строгановы могли совершить этот подвиг на пользу России и гражданственности не вследствие только своих обширных материальных средств; нужна была необыкновенная смелость, энергия, ловкость, чтоб завести поселения в пустынной стране, подверженной нападениям дикарей, пахать пашни и рассол искать с ружьем в руке, сделать вызов дикарю, раздразнить его, положивши пред его глазами основы гражданственности мирными промыслами. Для наряда для пушек и пищалей в своем новом городке Строганов нуждался в селитре; царь по его челобитной позволил ему на Вычегодском посаде и в Усольском уезде сварить селитры, но не больше тридцати пудов, причем писал старостам тех мест: „Берегите накрепко, чтоб при этой селитряной варке от Григорья Строганова крестьянам обид не было ни под каким видом, чтоб на дворах из-под изб и хором он у вас сору и земли не копал и хором не портил; да берегите накрепко, чтоб он селитры не продавал никому".

Легко заметить, что Иоанн Грозный, который в процессе вхождения во власть почерпнул немало знаний о природе человеческой, прекрасно понимал, что, если и без того богатым Строгановым еще позволить дополнительно обзавестись собственной военной ратью да еще с приличным вооружением, это может стать прекрасным поводом для возникновения у купцов – образно говоря – мании величия. Как знать, а что, если вдруг Строгановы, сочтя себя в полном праве, дерзнут замыслить взойти на трон?! Иоанн знал, что это вполне возможно, а потому предпочитал заранее подстраховаться.

Что ж, первый город Строгановых был построен, как они и обещали царю. Значение его было велико и вполне оправдывало потраченные на его возведение средства. Однако очень скоро стало очевидно, что одним городом никак не обойтись. Одного Канкора было явно мало для того, чтобы осуществлять свою власть над Сибирью. Иоанн Грозный, будучи поставлен об этом в известность, не мог не признать справедливости этих доводов. Скорее всего, он даже изначально предполагал, что потребуются другие города для упрочения русского присутствия.

Не минуло еще и пяти лет, как Строгановы вновь обратились к Иоанну Грозному за позволением о строительстве нового

города. У С. Соловьева так говорится об этом: "В 1564 году Строганов бил челом, чтоб царь позволил ему поставить другой городок, в двадцати верстах от Канкора: нашли тут рассол, варницы ставят и соль варить хотят, но без городка люди жить не смеют, и слух дошел от пленников и от вогуличей, что хвалятся сибирский салтан и шибаны идти на Пермь войною, а прежде они Соликамск дважды брали".

Царь исполнил и эту просьбу, и явился новый городок – Кергедан с стенами в тридцать сажен, а с приступной стороны, для низкого места, "закладен он был вместо глины камнем". А еще два года спустя сметливые Строгановы, познав, как важна для Иоанна Грозного принадлежность к опричнине, обратились к царю с новой просьбой.

"В 1566 году брат Григория, Яков, от имени отца своего, Аникия Федорова, бил челом, чтоб государь пожаловал, взял их городки Канкор и Кергедан и все их промыслы в опричнину, – и эта просьба была исполнена. В 1568 году тот же Яков бил челом, чтоб додано было ему земли еще на двадцать верст к прежнему пожалованию, причем также обязывался построить крепости на свой счет с городовым нарядом скорострельным, – земля была ему дана с такими же условиями, как и прежде, но поселенцы освобождались от податей только на 10 лет", -отмечает С. Соловьев.

Царь не зря одобрил строительство нового города. Благодаря этому чуть ли не на восемь лет край был избавлен от беспорядков и смут. Но, увы, все течет, все меняется.

И подтверждение этому применительно к сибирской экспансии мы находим все у того же С. Соловьева: "До 1572 года в прикамских областях все было тихо, но в этом году пермский воевода донес царю, что сорок человек возмутившихся черемис вместе с остяками, башкирами и буинцами приходили войною на Каму, побили здесь пермичей, торговых людей и ватащиков 87 человек. Иоанн по этим вестям послал Строгановым грамоту, в которой писал: „Вы бы жили с великим береженьем, выбрали у себя голову доброго да с ним охочих казаков, сколько приберется, с всяким оружием, ручницами и саадаками; велели бы прибрать также остяков и вогуличей, которые нам прямят, а женам и детям их велели бы жить в остроге.

Этих голов с охочими людьми, стрельцами, казаками, остяками и вогуличами посылайте войною ходить и воевать наших изменников -черемису, остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остяки добрые, захотят к своим товарищам приказывать, чтоб они от воров отстали и нам прямили, таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем; а которые прежде воровали, а теперь захотят нам прямить и правду свою покажут, таким велите говорить наше жалованное слово, что мы их не накажем и во всем облегчим, пусть только собираются и вместе с охочими людьми ходят воевать наших изменников, и которых повоюют, тех имение, жен и детей пусть берут себе, и вы бы у них этого имения и пленников отнимать никому не велели".

Строгановы исполнили приказ: выбранный ими голова с охочими людьми ходил на государевых изменников – одних побил, других привел к шерти, что будут вперед прямить государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы, естественно, должны были обратить внимание и на земли зауральские, обещавшие им еще более выгод, чем страны прикамские".

Последнее подтверждает и Карамзин: "Строгановы… приманили к себе многих людей, бродяг и бездомков, обещая богатые плоды трудолюбию и добычу смелости; имели свое войско, свою управу, подобно Князькам Владетельным; берегли северо-восток России и в 1572 году смирили бунт Черемисы, Остяков, Башкирцев, одержав знатную победу над их

соединенными толпами и снова взяв с них присягу в верности к Государю. Сии усердные стражи земли Пермской, сии населители пустынь Чусовских, сии купцы-владетели, распространив пределы обитаемости и государства Московского до Каменного Пояса, устремили мысль свою и далее". Для того чтобы реально приступить к освоению новых земель, нужен был благоприятный случай. Ведь не могли же Строгановы заниматься самоуправством – даже если в глубине души были и не прочь. Ума, однако, им было не занимать, а потому каждый свой шаг они загодя согласовывали с Иоанном Грозным. А вскоре и удобный случай представился в очередной раз заслать царю челобитную. И невольным помощником Строгановых в этом предприятии выступил один из сибирских удельных властителей – Кучум. Это был убежденный противник Иоанна Грозного, да и всего русского.

У С. Соловьева сказано: "…сибирский салтан Кучум действовал враждебно против Московского государства: бил, брал в плен остяков, плативших дань в Москву; в июле 1573 года сибирский царевич Маметкул приходил с войском на реку Чусовую проведовать дороги, как бы ему пройти к Строгановским городкам и в Пермь Великую, причем побил много остяков, московских данщиков, жен и детей их в плен повел, государева посланника, шедшего в Киргиз-Кайсацкую орду, убил. Не доходя пяти верст до Строгановских городков, Маметкул возвратился назад, испуганный рассказами пленников, что в городках этих собралось много ратных людей".

Как ни удивительно, но людская молва сильно преувеличила. Зато Строгановы не дремали. Они немедленно составили челобитную Иоанну Грозному, благо повод для нее – в лице Кучума – появился просто замечательный.

"Строгановы, уведомивши царя о нападениях сибирского салтана и царевича, били челом, что они своих наемных казаков за сибирскою ратью без царского ведома послать не смеют, между тем как зауральские остяки просят, чтоб государь оборонял их от сибирского салтана, а они будут платить дань в Москву; для этого бы государь пожаловал их, Якова и Григорья Строгановых, позволил между тахчеями, на реке Тоболе и по рекам, которые в Тобол впадают, до вершин их, на усторожливом месте крепости делать, сторожей нанимать и огненный наряд держать на свой счет, железо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владеть". Иоанн, как всегда, моментально оценил перспективы, которые открывались при одобрении им челобитной Строгановых.

"Предложение перенести русские владения за Урал, приобрести там новых данщиков и оборонять их без всяких издержек и хлопот со стороны правительства не могло не

понравиться Иоанну; он дал Строгановым право укрепляться и за Уралом на тех же условиях, на каких они завели селения по Каме и Чусовой, с обязанностию надзирать и за другими промышленниками, которые вздумают поселиться по Тоболу и другим рекам сибирским.

„Где Строгановы найдут руду железную, – говорит царская грамота, -то ее разрабатывают; медную руду, оловянную, свинцовую, серную также разрабатывают на испытание. А кто другой захочет то же дело делать, позволять ему да и пооброчить его промысел, чтоб нашей казне была прибыль; если кто-нибудь за этот промысел возьмется, отписать к нам, как дело станет делаться, во что какой руды в деле пуд будет становиться и сколько на кого положить оброку, – все это нам отписать, и мы об этом указ свой учиним. Льготы на землю тахчеев и на Тобол-реку с другими реками и озерами до вершин, на пашни, дали мы на 20 лет: в эти годы пришлые люди не платят никакой дани. Которые остяки, вогуличи и югричи от сибирского салтана отстанут, а начнут нам дань давать, тех людей с данью посылать к нашей казне самих. Остяков, вогуличей и югричей с женами их и детьми от прихода ратных людей-сибирцев беречь Якову и Григорью у своих крепостей, а на сибирского салтана Якову и Григорью собирать охочих людей – остяков, вогуличей, югричей, самоедов – и посылать их воевать вместе с наемными казаками и с нарядом, брать сибирцев в плен и в дань за нас приводить. Станут к Якову и Григорью в те новые места приходить торговые люди бухарцы и киргизы и из других земель с лошадьми и со всякими товарами, в Москву которые не ходят, то торговать им у них всякими товарами вольно, беспошлинно. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртыше, и на Оби, и на других реках, где пригодится, для обереганья и охочим людям для отдыха строить крепости, держать сторожей с огненным нарядом, ловить рыбу и зверя безоброчно до исхода урочных двадцати лет".

Право же, сложно переоценить значение одобренной Иоанном Грозным челобитной.

"Строгановы получили право завести промыслы и за Уралом вместе с необходимым правом или обязанностию не только построить острожки для оберегания этих промыслов, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную – посылать войско на сибирского салтана, брать сибирцев в плен и в дань приводить за царя; эта наступательная война была необходима: за Уралом, прежде чем взять землю в свое владение, завести на ней промыслы, надобно было ее очистить от сибирского салтана, который считал ее своею собственностию".

Здание главного управления в имении Строгановых

Естественно, не все было столь безоблачно. Устранение Кучума – это был не фунт изюма. Кучум обладал немалыми силами; чтобы одолеть его, была необходима реальная военная рать. Как мы помним, Строгановым отнюдь не приходилось рассчитывать в этом плане на помощь Грозного. Договор с царем предусматривал, что Строгановы решат военный конфликт самостоятельно.

Да только вот рассчитывать Строгановым было особенно не на кого. "На охочих инородцев – остяков, вогуличей, югричей, самоедов – была плохая надежда; мирные промышленники нуждались в передовых людях колонизации, которые вовсе не имеют мирного промышленного характера, нуждались в отыскивателях путей, новых землиц, нуждались в казаках". Казаки же – это была вообще особая тема.

С. Соловьев, анализируя сложившуюся ситуацию, отмечает: "вследствие географического положения древней России, открытости границ со всех сторон, соприкосновенности их с степями и пустынными пространствами, как вследствие одного из господствующих явлений древней русской жизни – колонизации, – общество должно было постоянно выделять из себя толпы людей, искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимания на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости в степях, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленностию от государства и слабостию последнего.

Мы видели, что уже при Василии Иоанновиче рязанские казаки хорошо знали места по Дону; при сыне Василия они здесь утверждаются, принимают от места название донских и становятся страшны ногаям, крымцам, азовцам. На жалобы

одного ногайского мурзы, что русские казаки грабят его людей, московское правительство отвечало: „Вам гораздо ведомо: лихих людей где нет? На поле ходят казаки многие, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и из наших украйн, с ними же смешавшись, ходят; и те люди, как вам тати, так и нам тати и разбойники; на лихо никто их не учит; а учинив какое-нибудь лихо, они разъезжаются по своим землям".

Не из одних, впрочем, жителей Рязанской области составлялись толпы донских казаков: на Дон шли и севруки – жители Северной Украйны, подобно рязанцам издавна славившиеся своею отвагою. Ногайский князь Юсуф писал в Москву в 1549 году: „Наши люди ходили в Москву с торгом, и, как шли назад, ваши казаки и севруки, которые на Дону стоят, их побили". Видим, что казаки городовые, находившиеся под ближайшим надзором государства, сделавши что-нибудь противное его интересам, уходили на Дон; так, путивльские казаки, замешанные в деле о грабеже крымского гонца, Левон Бут с товарищами, сказывали: было их на поле шесть человек и весновали на Донце, потом пошли было в Путивль, но на Муравском шляху встретились с ними черкасские (малороссийские) казаки, 90 человек, взяли их с собою и крымского гонца пограбили; после грабежа Левон Бут сам-четверт пришел в Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Дон.

Русский гонец доносил: „Шли мы Волгою из Казани в Астрахань, и, как поравнялись с Иргызским устьем, пришел на нас в стругах князь Василий Мещерский да казак Личюга Хромой, путивлец, и взяли у нас судно царя Ямгурчея; я у них просил его назад, но они мне его не отдали и меня позорили". На жалобы Юсуфа ногайского царь отвечал опять: „Эти разбойники живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы и прежде посылали не один раз, чтоб их переловить, но люди наши добыть их не могут. Мы и теперь посылаем добывать этих разбойников, и, которых добудем, тех казним. А вы бы от себя велели их добывать и, переловивши, к нам присылали. А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что сам знаешь хорошо: на поле всегда всяких людей много из разных государств. И этих людей кому можно знать? Кто ограбит, тот имени своего не скажет. А нам гостей наших на поле беречь нельзя, бережем и жалуем их в своих государствах".

Но Юсуф не переставал жаловаться.

„Холопы твои, – писал он царю, – какой-то Сары-Азман слывет, с товарищами, на Дону в трех и четырех местах города поделали да наших послов и людей стерегут и разбивают. Какая же это твоя дружба! Захочешь с нами дружбы и братства, то ты

этих своих холопей оттуда сведи". Мы видели, как султан жаловался на донских казаков, приписывал им такие подвиги, о которых из других источников мы не знаем, например что они Перекоп воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между азовскими турецкими казаками и донскими русскими: московский посол Нагой писал к государю, что ему нельзя послать вести в Москву, „потому что азовские казаки с твоими государевыми казаками не в миру".

Казаки были нужны московскому правительству в этих пустынных странах не для одного противодействия хищным азиатцам: отпуская в Константинополь посла Новосильцева через Рыльск и Азов, государь велел послать проводить его до донских зимовищ донского атамана Мишку Черкашенина (прозвание это показывает, что Мишка был малороссийский казак), а с ним его прибору атаманов и казаков 50 человек. Новосильцев должен был донским атаманам и казакам говорить государевым словом, чтоб они государю послужили, его, посла, в государевых делах слушали. На Донец Северский атаманам и казакам, всем без отмены, послана была царская грамота, чтоб они Новосильцева слушались во всех государевых делах, ходили бы куда станет посылать. „Тем бы вы нам послужили, – писал царь, – а мы вас за вашу службу жаловать хотим". Как важна была помощь казаков в степи русским послам и к какой жизни должны были привыкнуть здесь казаки, всего лучше видно из донесений послов о их многотрудном пути.

Новосильцев, например, писал из Рыльска от 10 марта: „Снега на поле очень велики, и осеренило их с великого мясоеда, отчего с лошадьми идти вперед нельзя, серень не поднимает: мы думаем взять салазки, а сами пойдем на ртах к Северскому Донцу. Мишкина прибора казак поместный Сила Нозрунов на твою государеву службу не пошел, воротился из Рыльска к себе в вотчину Рыльскую".

Потом Новосильцев писал: „Шли мы до Донца на ртах пешком, а твою государеву казну и свой запасишка везли на салазках сами. Как пришли мы на Донец первого апреля, я велел делать суда, на которых нам идти водяным путем к Азову, и за этими судами жили мы на Донце неделю; а у Мишки Черкашенина, у атаманов и казаков не у всех были суда готовые старые на Донце, и они делали себе каюки". О возвратном пути своем из Азова Новосильцев доносил: „Как мы пошли из Азова, пришла ко мне весть, что за нами пошли из Азова полем казачьи атаманы, Сенка Ложник с товарищами, 80 человек, да с ними же прибираются Казыевы татары да два атамана крымских, а с ними человек с 300, и хотят нас на Дону или на Украйне громить с

обеих сторон; а со мною донских атаманов и казаков идет для береженья немного: иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали".

Любопытно, что азовский казачий атаман называется Сенка Ложник, а русский донской атаман называется Сары-Азман. Как упомянутый Мишка Черкашенин отмстил за своего сына, взятого в плен крымцами и казненного, видно из следующего донесения из Крыма в Москву: „Прислал турский царь чауша к крымскому царю и писал к нему: зачем ты казнил сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня донские казаки за сына Мишкина Азов взяли, лучших людей из Азова побрали 20 человек да шурина моего Усеина кроме черных людей".

Донские казаки, надеясь на безнаказанность вдали от государства, не ограничивались тем, что не исполняли царских и посольских приказаний или исполняли их вполовину; они нападали не на одних ногаев, азовцев и крымцев, но, разъезжая по Волге, грабили суда царские, били людей, разбивали персидских и бухарских послов, русских торговых людей. Царь принужден был выслать против них воевод с большим числом ратных людей; казаков казнили и ловили, другие разбежались, как волки, по выражению летописца…"

Не иначе как по велению судьбы, часть преследуемых казаков оказалась в непосредственной близости от владений Строгановых. А тем, как мы понимаем, лишь этого было и нужно! Тут стоит отметить, что описываемые события имели место в 1579 году – то есть спустя пять лет после того, как Строгановым была пожалована царская челобитная. Казалось бы, Строгановы должны были немедленно решить вопрос о привлечении казаков, тем более что они сами прекрасно понимали, что без них им никак не обойтись. Что же произошло?

Как-то не похоже подобное толчение воды в ступе на стремительный стиль работы Строгановых.

Объяснение этому противоречию мы находим опять-таки у С. Соловьева: "можно было ожидать, что Строгановы станут прибирать охочих казаков гораздо ранее, именно с 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую им право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральских гор. Но эта медленность объясняется легко событиями в роде Строгановых. Яков и Григорий Аникиевы умерли; остался третий брат, Семен, с двумя племянниками, Максимом, сыном Якова, и Никитою, сыном Григория, причем, как видно, Никита не жил в большом согласии с дядею Семеном и двоюродным братом Максимом".

Что ж, случается и такое, причем довольно часто.

Впрочем, пяти лет на улаживание трений меж родственниками вполне хватило, и в 1579 году казаки были приглашены и встретили у Строгановых достойный прием. Характерно, что они уже очень скоро продемонстрировали свои незаурядные военные способности.

"Казаки явились к Строгановым в числе 540 человек под главным начальством атамана Ермака Тимофеева; другие атаманы были: Иван Кольцо (который, по словам царской грамоты к ногаям, был присужден к смертной казни), Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк. Они пришли в Чусовские городки в конце июня 1579 года и оставались здесь до сентября 1581 года. В это время, по словам летописца, они помогали Строгановым защищать их городки от нападения дикарей: в июле 1581 года 680 вогуличей под начальством мурзы Бегбелия Агтакова напали нечаянно на строгановские владения и начали жечь деревни, забирая в плен людей, но ратные люди из городков с успехом напали на них и взяли в плен самого мурзу Бегбелия. Из слов же царской грамоты 1582 года оказывается, что Строгановы не довольствовались только обороною своих городков, но посылали отряды воевать вогуличей, вотяков и пелымцев. После поражения Бегбелия Строгановы решились отпустить казаков, Ермака с товарищами, за Уральские горы для достижения той цели, с какою отцы их испросили царскую грамоту в 1574 году. По словам летописи, 1 сентября 1581 года Строгановы, Семен, Максим и Никита, отпустили на сибирского салтана казаков, Ермака Тимофеева с товарищами, придавши к ним ратных людей из городков своих -литовцев, немцев (пленных), татар и русских, всего 300 человек, а в целом отряде с казаками было 840 человек; Строгановы дали им жалованье, снабдили съестными запасами, одеждою, оружием, пушечками и пищалями, дали проводников знающих сибирский путь, и толмачей, знающих бусурманский язык.

Ермак с казаками. Рис. Вас. Сурикова

Но в тот самый день, первого сентября, когда Ермак с своею дружиною пошел на очищение Сибирской земли, толпы дикарей, собранных пелымским князем, напали на пермские места, на Чердынь и на строгановские владения. Семен и Максим отправили в Москву грамоту с жалобою, что вогуличи поняли их слободки и деревни, усольские варницы и мельницы, хлеб всякий и сено, крестьян с женами и детьми в плен взяли, и просили, чтоб царь велел им дать на помощь ратных людей с ружьем.

Иоанн велел пермскому наместнику князю Елецкому распорядиться, чтоб земские старосты и целовальники собрали с пермских волостей и Соли-Камской ратных людей со всяким оружием, человек 200; в головах были бы у них земские же люди; пусть ратных людей пермичи и усольцы собирают сами между собою, чтоб им от наместника убытков не было; собранное таким образом ополчение должно было помогать Семенову и Максимову острогу; если же вогуличи придут на пермские и усольские места, то строгановские люди должны помогать этим местам. Царь

писал и Никите Строганову, чтоб он помогал своим родственникам".

Однако в подобных масштабных предприятиях никогда не обходится без интриг. Строгановы были людьми богатыми и властными. Преследуя свои дерзновенные цели, они вполне могли обидеть кого-либо из тех, кто не достигал до их уровня. А таких было, разумеется, более чем достаточно. Одним из подобных обиженных персонажей явился воевода Пелепелицын, из Чердыни. Характерно, что Иоанн Грозный, принципиально не веривший практически никому, уделил должное внимание доносу безвестного воеводы. Казалось бы, как такое возможно?! Строгановы кладут к стопам царя чуть ли не всю Сибирь (пусть даже не без выгоды для себя!) – какие тут могут быть сомнения на их счет.

Оказалось, что могут.

Причем немалые. С. Соловьев пишет: "Но в следующем году чердынский воевода Пелепелицын, вероятно не поладивший с Строгановыми, донес царю, что в то самое время, как пелымский князь напал на Пермь, Строгановы, вместо того чтоб защищать эту область, отправили своих казаков воевать сибирского салтана. Вследствие этого донесения царь велел отправить к Строгановым такую грамоту: „Писал к нам из Перми Василий Пелепелицын, что вы из своих острогов послали волжских атаманов и казаков, Ермака с товарищами, воевать вотяков и вогуличей, пелымские и сибирские места 1 сентября и в тот же самый день пелымский князь, собравшись с сибирскими людьми и вогуличами, приходил войною на наши пермские места, к городу Чердыни, к острогу приступал, наших людей побил и много убытков нашим людям наделал.

Это случилось по вашей измене: вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили, этим задором ссорили нас с сибирским салтаном; потом, призвавши к себе волжских атаманов, воров, наняли их в свои остроги без нашего указа, а эти атаманы и казаки и прежде ссорили нас с Ногайскою Ордою послов ногайских на Волге, на перевозах, побивали, ордобазарцев грабили и побивали и нашим людям много грабежей и убытков чинили. Им было вины свои покрыть тем, что нашу Пермскую землю оберегать, а они вместе с вами сделали точно так же, как на Волге: в тот самый день, в который приходили к Чердыни вогуличи 1 сентября от тебя из острогов Ермак с товарищами пошли воевать вогуличей, а Перми ничем не пособили.

Все это сделалось вашим воровством и изменою: если бы вы нам служили, то вы бы казаков в это время на войну не посылали,

а послали бы их и своих людей из острогов Пермскую землю оберегать. Мы послали в Пермь Воина Оничкова, велели ему этих казаков, Ермака с товарищами, взять и отвести в Пермь и в Камское Усолье, тут велели им стоять, разделясь, и зимою на нартах ходить на пелымского князя вместе с пермичами и вятчанами; а вы, обославшись с Пелепелицыным и Оничковым, посылали бы от себя воевать вогуличей и остяков. Непременно по этой нашей грамоте отошлите в Чердынь всех казаков, как только они к вам с войны возвратятся, у себя их не держите; а если для неприятельского прихода вам в остроге пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, человек до ста, с каким-нибудь атаманом, остальных же всех вышлите в Чердынь непременно тотчас. А не вышлете из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищами, станете держать их у себя и пермских мест не будете оберегать и если такою вашею изменою что вперед случится над пермскими местами от вогуличей, пелымцев и от сибирского салтана, то мы за то на вас опалу свою положим большую, атаманов же и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешать".

Ясно, что выражения грамоты: „Вы вогуличей, вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, их задирали, войною на них приходили" – никак не могут относиться к знаменитому походу Ермака на Сибирь 1 сентября 1581 года; не могут относиться уже грамматически, по многократным формам; не могут относиться и потому, что известие о призыве Ермака помещено после, без связи с прежними нападениями Строгановых на вогуличей, вотяков и пелымцев; наконец, Ермак своим последним походом не мог возбудить пелымского князя, который не знал об этом походе, а когда узнал, то ушел назад; следовательно, прежде посылки Ермака 1 сентября 1581 года Строгановы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательные движения на сибирских народцев.

Царь обнаруживает неудовольствие, зачем Строгановы призвали к себе волжских казаков без его указу; но это неудовольствие выражено несильно, да и гнев царский на казаков за их прежние дела на Волге выражен также несильно; непосредственно следуют слова, в которых выражается, что казаки совершенно покрыли бы свою вину, если б защищали Пермскую землю от сибирских дикарей, и сейчас следуют распоряжения об употреблении казаков для этой защиты, причем и Строгановым позволяется удержать часть их в своих острожках.

Царь выражает гнев свой не за то, следовательно, что

Строгановы призвали волжских охочих казаков, и не за то, что послали их за Уральские горы, на что имели полное право по прежней грамоте; он сердится за то, что они предпочли, по его мнению, свои выгоды выгодам царским; нападениями раздражили дикарей, и, в то время как эти дикари напали на Пермскую землю и на владения Строгановых, у последних не оказалось средств для защиты своих земель и для помощи царским воеводам, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваний в Сибири; царь грозит Строгановым большою опалою только в том случае, когда они будут продолжать подобное поведение, продолжать заботиться только о своих выгодах, грозит перевешать казаков только в том случае, когда они будут предпочитать службу частным людям службе царской, слушать Строгановых и служить им, а царскую землю выдавать".

В принципе, все понятно. Иоанн Грозный дал понять, кто истинный хозяин, заведомо предупреждая возможные попытки пошутить с царской властью в его лице. Тем не менее его внушение хоть и подействовало, но отдельные предпринятые меры оказались не на высоте.

В частности, это касается посланного им искусного в ведении военных действий Оничкова. "Отправленный царем Оничков не мог исполнить его приказаний: Ермак с товарищами не возвратился к Строгановым из своего похода (выделение наше. – Г. Б.)". Что же с ними приключилось? О, да он со своими людьми развернулся в полной мере.

Ермак словно бы давал понять, что намерен действовать исключительно по своей инициативе и своим собственным планам. Его непоколебимая воля и уверенность в себе возымели достойные результаты: именно Ермаку и его казакам удалось одолеть Кучума и присоединить тем самым Сибирь к владениям Иоанна Грозного.

Читаем у Соловьева: "Четыре дня шел он вверх по Чусовой до устья реки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до Сибирской дороги; здесь высадились и поставили земляной городок, назвавши его Ермаковым Кокуем-городом; с этого места шли волоком до реки Жаровли; Жаровлею выплыли в Туру, где и начиналась Сибирская страна. Плывя вниз по Туре, казаки повоевали много татарских городков и улусов; на реке Тавде схватили несколько татар, и в том числе одного из живших при Кучуме, именем Таузака, который рассказал казакам подробно о своем салтане и его приближенных. Ермак отпустил этого пленника к Кучуму, чтоб он рассказами своими о казаках настращал хана.

Таузак, по словам летописца, так говорил Кучуму: „Русские

воины сильны: когда стреляют из луков своих, то огонь пышет, дым выходит и гром раздается, стрел не видать, а уязвляют ранами и до смерти побивают; ущититься от них никакими ратными сбруями нельзя: все навылет пробивают". Эти рассказы нагнали печаль на хана и раздумье; он собрал войско, выслал с ним родственника своего, Маметкула, встретить русских, а сам укрепился подле реки Иртыша, под горою Чувашьею. Маметкул встретил Ермака на берегу Тобола, при урочище Бабасан, и был разбит: ружье восторжествовало над луком. Недалеко от Иртыша один из вельмож, или карачей, защищал свой улус: казаки разгромили его, взяли мед и богатство царское; неприятели настигли их на Иртыше, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; казаки поплатились за свою победу несколькими убитыми и все были переранены.

К ночи казаки взяли город Атик-мурзы и засели в нем; на другой день должна была решиться их участь, надобно было вытеснить Кучума из его засеки. Казаки собрали круг и стали рассуждать, идти ли назад или вперед. Осилили те, которые хотели вперед во что бы то ни стало. „Братцы! – говорили они. – Куда нам бежать? Время уже осеннее, в реках лед смерзается; не побежим, худой славы не примем, укоризны на себя не положим, но будем надеяться на Бога: Он и беспомощным поможет. Вспомним, братцы, обещание, которое мы дали честным людям (Строгановым)! Назад со стыдом возвратиться нам нельзя. Если Бог нам поможет, то и по смерти память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет". На рассвете 23 октября казаки вышли из города и начали приступать к засеке; осажденные, пустивши тучи стрел на нападавших, проломили сами засеку свою в трех местах и сделали вылазку. После упорного рукопашного боя казаки победили: царевич Маметкул был ранен; остяцкие князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своим местам.

Тогда и старый хан оставил засеку, прибежал в свой город Сибирь, забрал здесь сколько мог пожитков и бежал дальше. Казаки вошли в пустую Сибирь 26 октября. На четвертый день пришел к Ермаку один остяцкий князь с дружиною, привез много даров и запасов; потом стали приходить татары с женами и детьми и селиться в прежних своих юртах.

Казаки владели в стольном городе Кучумовом, но Маметкул был недалеко. Однажды, в декабре месяце, несколько из них отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу; Маметкул подкрался и перебил их всех. Ермак, услышавши об этом, пошел мстить за товарищей, настиг поганых при Абалаке, бился с ними до ночи; ночью они разбежались, и Ермак возвратился в Сибирь.

Весною, по водополью, пришел в город татарин и сказал, что Маметкул стоит на реке Вагае; Ермак отрядил часть казаков, которые ночью напали на стан царевича, много поганых побили, самого Маметкула взяли в плен и привели к Ермаку в Сибирь. Плен храброго Маметкула был страшным ударом для Кучума, стоявшего тогда на реке Ишиме. Но одна дурная весть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идет на него князь Сейдек, сын убитого им прежде князя Бекбулата; затем покинул его карача с своими людьми. Горько плакал старик Кучум. „Кого Бог не милует, – говорил он, -тому и честь на бесчестье приходит, того и любимые друзья оставляют".

Лето 1582 года Ермак употребил на покорение городков и улусов татарских по рекам Иртышу и Оби; взял остяцкий город Назым, пленил его князя, но в этом походе потерял атамана Никиту Пана с его дружиною. Возвратившись в Сибирь, Ермак дал знать Строгановым о своих успехах, что он Кучума-салтана одолел, стольный город его взял и царевича Маметкула пленил".

Это был не просто успех, а невероятный триумф!!! Сибирь стала русской. Естественно, Строгановы тут же известили о случившемся царя.

"Строгановы дали знать об этом царю, который за их службу и раденье пожаловал Семена городами – Солью Большою на Волге и Солью Малою, а Максиму и Никите дал право в городках и острожках их производить беспошлинную торговлю как им самим, так и всяким приезжим людям. Казаки от себя прямо послали несколько товарищей своих в Москву известить царя об усмирении Сибирской земли. Иоанн пожаловал этих казаков великим своим жалованьем – деньгами, сукнами, камками; оставшимся в Сибири государь послал свое полное большое жалованье; а для принятия у них сибирских городов отправил воевод -князя Семена Болховского и Ивана Глухова.

Касательно отправления этих воевод в Сибирь до нас дошла царская грамота к Строгановым от 7 января 1584 года: „По нашему указу велено было князю Семену Болховскому взять у вас, с ваших острожков, на нашу службу, в сибирский зимний поход, пятьдесят человек на конях. Но теперь дошел до нас слух, что в Сибирь зимним путем на конях пройти нельзя, и мы князю Семену теперь из Перми зимним путем в Сибирь ходить не велели до весны, до полой воды, и ратных людей брать у вас также не велели. Весною же велели взять у вас под нашу рать и под запас пятнадцать стругов со всем струговым запасом, чтоб струги подняли по двадцати человек с запасом; а людей ратных, подвод и проводников брать у вас не велели и обиды вашим людям и крестьянам никакой делать не велели. Так вы бы тотчас

велели изготовить к весне струги чтоб за ними воеводам в ваших острожках и часу не мешкать. А не дадите судов тотчас и нашему делу учинится поруха, то вам от нас быть в великой опале".

Иоанн Грозный. Неизвестный художник

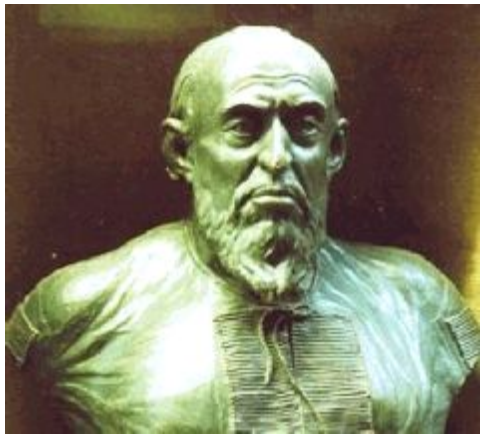
Это распоряжение Иоанна относительно Сибири было последнее: он не дождался вестей ни о судьбе Болховского, ни о судьбе Ермака".

Да, С. Соловьев совершенно прав. И хотя Иоанну Грозному не было суждено узнать о том, насколько четко реализовано его распоряжение. Однако он все равно мог гордиться: колоссальных размеров край, в разы превосходящий Европу, со всеми его неимоверными бесчисленными богатствами, таящимися в недрах, сделался принадлежностью Руси. Пожалуй, более изрядного приращения национальных богатств не удалось добиться ни одному русскому монарху! Сибирь не только стала одной из самых значимых жемчужин царской короны, она явила собой заветную козырную карту, которой предстояло изрядно пользоваться всем будущим императорам России.

Часть 10. Исход государя

В сущности, Иоанн Грозный был от рождения совсем неплохо одарен физически. Если бы не тот жуткий, кошмарный и мучительный сценарий, что уготовила ему жизнь, для него все могло сложиться иначе.

"Подобно деду своему, Иоанну III, – пишет С. Соловьев, – Иоанн IV был очень высокого роста, хорошо сложен, с высокими плечами, широкою грудью; по иностранным свидетельствам, он был полон, а по русским – сухощав, глаза у него были маленькие и живые, нос выгнутый, усы длинные. Привычки, приобретенные им во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выражение, хотя смех беспрестанно выходил из уст его. Он имел обширную память, обнаруживал большую деятельность; сам рассматривал все просьбы; всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей. Подобно отцу, любил монастырскую жизнь, но по живости природы своей не довольствовался одним посещением монастырей, созерцанием тамошнего быта: в Александровской слободе завел монастырские обычаи, сам был игуменом, опричники – братиею. По русским и иностранным свидетельствам, в первую половину жизни Иоанн мало занимался охотою, посвящая все свое время делам правления; когда Баторий по окончании войны прислал просить у царя красных кречетов, то Иоанн велел ему отвечать, что послал за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже он мало охотится, потому что пришли на него кручины большие. Баторий в благодарность за кречетов спрашивал, какие вещи особенно любит царь, чтоб прислать их ему; Иоанн отвечал, что он охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок хороших железных с наводом пищалей ручных чтоб были добры цельны и легки…"



Реконструкция М. Герасимовым внешнего облика Иоанна Грозного

Но, к сожалению, не только охотой пробавлялся Иоанн.

Будучи наследником трона, он очень рано стал свидетелем событий чудовищных, непоправимо ранящих и уродующих воображение. Изрядную роль в становлении его личности сыграло окружение, большая часть которого сама лелеяла надежды на трон. Сызмальства Иоанн видел, как проливается кровь людская. Когда поделом, а когда (увы, гораздо чаще!) и нет. Это влияло на формирование его характера, воспитывало в нем тирана. Таким образом, все изначально способствовало развитию двойственной природы личности Иоанна Грозного. Отсюда не приходится удивляться тому, что жизнь его протекала меж молельным и пыточным залами.

Подобная двойственность никогда не идет впрок здоровью.

Не пошла она на пользу и Иоанну Грозному.

С. Соловьев отмечает, что "…еще будучи только 43 лет, в 1573 году Иоанн говорил литовскому послу Гарабурде, что он уже стар. Действительно, такая страшная жизнь, какую вел Иоанн, такая страшная болезнь, которою страдал он, должны были состарить его преждевременно. Несчастная война с Баторием, потеря Ливонии, унижение, претерпенное Иоанном, должны были также разрушительно подействовать на его здоровье".

Заметим попутно, что, когда темная природа Иоанна Грозного в очередной раз проявлялась, он становился просто неуправляем и был готов практически на все. Соловьев пишет, что Иоанну Грозному вообще было присуще "…невоздержание

всякого рода, против чего не могло устоять и самое крепкое телосложение". Одним из объектов подобного "невоздержания" были женщины. Следствием этого явилось непомерное для царя количество заключенных Иоанном Грозным браков – причем, потакая страстям, в нем кипевшим, он ни во что не ставил даже церковные установления и был готов пренебречь любым из них. И характерно, что "дамы сердца", выбранные царем, почти всегда приходились не по нраву его ближайшему окружению.

"По смерти Анастасии (его первой супруги. – Г. Б.), – продолжает рассказ С. Соловьев, – Иоанн сватался к сестре польского короля, но сватовство это не имело успеха; Иоанн обратился в сторону противоположную, на Восток, и в 1561 году женился на дочери черкесского князя Темрюка, которой при крещении в Москве дали имя Марии.

Выгода жениться не на русской, особенно при тогдашних обстоятельствах, и красота черкешенки могли прельстить Иоанна; но легко понять, что он мог выиграть в нравственном отношении от союза с дикаркою.

Мария умерла в 1569 году. В 1571 году Иоанн решился вступить в третий брак и выбрал в невесты Марфу Собакину, дочь купца новгородского; но молодая царица не жила и месяца. Иоанн не любил сдерживаться никакими препятствиями и в начале 1572 года вопреки уставу церковному женился в четвертый раз, на Анне Колтовской: он призвал архиереев, архимандритов, игуменов на свой царский духовный совет и молил о прощении и разрешении четвертого брака, потому что дерзнул на него по следующим причинам: женился он первым браком на Анастасии, дочери Романа Юрьевича, и жил с нею тринадцать лет с половиною, но вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами царицу Анастасию извели. Совокупился вторым браком, взял за себя из черкес пятигорских девицу и жил с нею восемь лет, но и та вражиим коварством отравлена была. Подождав немало времени, захотел вступить в третий брак, с одной стороны, для нужды телесной, с другой – для детей, совершенного возраста не достигших, поэтому идти в монахи не мог, а без супружества в мире жить соблазнительно; избрал себе невесту, Марфу, дочь Василия Собакина, но враг воздвиг ближних многих людей враждовать на царицу Марфу; и они отравили ее, еще когда она была в девицах; царь положил упование на всещедрое существо Божие и взял за себя царицу Марфу в надежде, что она исцелеет; но была она за ним только две недели и преставилась еще до разрешения девства.

Царь много скорбел и хотел облечься в иноческий образ; но, видя христианство распленяемо и погубляемо, детей

несовершеннолетних, дерзнул вступить в четвертый брак. Царские богомольцы, архиепископы и епископы, видя такое царево смирение и моление, много слез испустили и на милосердие преклонились. Собравшись в соборной церкви Успения, они положили: простить и разрешить царя ради теплого умиления и покаяния и положить ему заповедь не входить в церковь до Пасхи; на Пасху в церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потом стоять год с припадающими; по прошествии года ходить к меньшой и к большой доре; потом год стоять с верными и, как год пройдет, на Пасху причаститься Святых Тайн; с следующего же, 1573 года разрешили царю по праздникам владычным и богородичным вкушать богородичный хлеб, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будет подавать сколько захочет.

Если государь пойдет против своих неверных недругов за святые Божии церкви и за православную веру, то ему епитимию разрешить: архиереи и весь освященный собор возьмут ее тогда на себя. Прочие же, от царского синклита до простых людей, да не дерзнут на четвертый брак; если же кто по гордости и неразумию вступит в него, тот будет проклят. Но Иоанн жил в четвертом браке не более трех лет: Колтовская заключилась в монастыре. Не имеем права двух наложниц царя, Анну Васильчикову и Василису Мелетьеву, называть царицами, ибо он не венчался с ними, и в современных памятниках они царицами не называются. В пятый и последний раз Иоанн венчался в 1580 году с Мариею Федоровною Нагою, от которой имел сына Димитрия; но он считал делом легким расторгнуть этот брак и сватался к англичанке. Во время пребывания Поссевина в Москве Иоанн исповедовался, но не приобщался вследствие того, что был женат на пятой жене".

Царь Иоанн Грозный у смертного ложа его жены Василисы. Худ. Гр. Седов. 1875 г.

Кроме женщин, Иоанн Грозный имел и другую страсть. Он обожал пытки и рукоприкладство. Подчас это имело фатальные результаты.

"Привычка давать волю гневу и рукам не осталась без страшного наказания: в ноябре 1581 года, рассердившись за что-то на старшего сына своего, Иоанна, царь ударил его – и удар был смертельный. Мы сказали: за что-то, ибо относительно причины гнева свидетельства разноречат; у псковского летописца читаем: „Говорят, что сына своего, царевича Ивана, за то поколол жезлом, что тот стал говорить ему об обязанности выручить Псков (от Батория)"; то же самое повторяют некоторые иностранные писатели; но Поссевин, бывший в Москве спустя только три месяца после события, рассказывает, что убийство произошло вследствие семейной ссоры: царевич вступился за беременную жену свою, которую отец его прибил.

По свидетельству того же Поссевина, убийца был в отчаянии, вскакивал по ночам и вопил; собрал бояр, объявил, что он убил сына, не хочет более царствовать, и так как оставшийся царевич Феодор не способен править государством, то пусть подумают, кто из бояр достоин занять престол царский. Бояре, опасаясь, чтоб это предложение не было хитростию, объявили, что они не хотят видеть на престоле никого, кроме сына царского, и упрашивали самого Иоанна не покидать правления".

Вот так и протекала жизнь царя.

"Не с большим два года прожил Иоанн по смерти сына; в начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи. В марте разосланы были по монастырям грамоты: „В великую и пречестную обитель, святым и преподобным инокам, священникам, дьяконам, старцам соборным, служебникам, клирошанам, лежням и по кельям всему братству: преподобию ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет, молясь и припадая преподобию вашему, чтоб вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили Бога и Пречистую Богородицу, чтоб Господь Бог и Пречистая Богородица ваших ради святых молитв моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящие смертные болезни свободили и здравие дали; и в чем мы перед вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали, простили, а вы в чем перед нами виноваты, и вас во всем Бог простит".

Говорят, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался к боярам, убеждал сына Феодора царствовать благочестиво, с любовию и милостию, избегать войны с христианскими государствами; завещал уменьшение налогов, освобождение заключенных и пленных; в припадках все звал убитого сына Ивана. Говорят также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своих требований… Смертный удар застиг Иоанна 18 марта, когда, почувствовав облегчение, он сбирался играть в шашки. Над полумертвым совершили обряд пострижения, назвали его Ионою", – завершает С. Соловьев.

Вот так – под именем Ионы – и оставил сей мир русский царь Иоанн Грозный…

Вместо заключения

Рассказ о жизни Иоанна Грозного почти что закончен. Конечно же, поведать обо всех деталях его жизни, будучи ограничены как недостатком фактических свидетельств, так и объемом настоящей книги, мы просто не имели возможности, однако наиболее существенные и значимые для судеб русской государственности его деяния нашли отражение в этой книге.

Что ж, как справедливо отмечал С. Платонов: "…факты не всегда нам известны точно; не всегда ясна в них личная роль и личное значение самого Грозного. Мы не можем определить ни черт его характера, ни его правительственных способностей с той ясностью и положительностью, какой требует научное знание. Отсюда – ученая разноголосица в оценке Грозного. Старые историки здесь были в полной зависимости от разноречивых источников. Кн. Щербатов сознается в этом, говоря, что Грозный представляется ему „в столь разных видах", что „часто не единым человеком является".

Карамзин разноречие источников относит к двойственности самого Грозного и думает, что Грозный пережил глубокий внутренний перелом и падение. „Характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка", -говорит он. Позже было выяснено пристрастие отзывов о Грозном, как шедших с его стороны, от официальной московской письменности, так и враждебных ему, своих и иноземных.

Историки пытались, учтя это одностороннее пристрастие современников, освободиться от него и дать свое освещение личности Грозного. Одни стремились к психологической характеристике Ивана. Они рисовали его или с чертами идеализации, как передовую непонятую веком личность (Кавелин), или как человека малоумного (Костомаров) и даже помешанного (М. Ковалевский).

Более тонкие характеристики были даны Ю. Самариным, подчеркнувшим несоответствие умственных сил Грозного с слабостью его воли, и И. Н. Ждановым, который считал Грозного умным и талантливым, но „неудавшимся" и потому болезненно раздраженным человеком. Все такого рода характеристики, даже тогда, когда они остроумны, красивы и вероподобны, все-таки произвольны: личный характер Грозного остается загадкой. Тверже стоят те отзывы о

Грозном, которые имеют в виду определить его политические способности и понять его государственное значение. После

оценки, данной Грозному Соловьевым, Бестужевым-Рюминым и др., ясно, что мы имеем дело с крупным дельцом, понимавшим политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. Одинаково и тогда, когда с „избранной радой" Грозный вел свои первые войны и реформы, и тогда, когда позднее, без „рады", он совершал свой государственный переворот в опричнине, брал Ливонию и Полоцк и колонизовал „дикое поле", – он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбрать вожаков – все равно: это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу. Недаром шведский король Иоанн, в противоположность Грозному, называл его преемника московским словом „durak", отмечая, что со смертью Грозного в Москве не стало умного и сильного государя".

Завершить же повесть его жизни мы хотим пространным и блестящим анализом Сергея Соловьева, масштабного русского историка, к труду которого об Иоанне Грозном мы нередко обращались на страницах этой книги.

"Долго Иоанн Грозный был загадочным лицом в нашей истории, долго его характер, его дела были предметом спора. Причина недоумений и споров заключалась в незрелости науки, в непривычке обращать внимание на связь, преемство явлений. Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название Грозный, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками его, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным.

Иоанн Грозный. Гравюра из книги П. Орденборна

Мы жаловались на сухость, безжизненность наших источников в Северной Руси до половины XVI века; жаловались, что исторические лица действуют молча, не высказывают нам своих побуждений, своих сочувствий и неприязней. Но во второй половине XVI века борьба старого с новым, раздражительность при этой борьбе доходят до такой степени, что участвующие в ней не могут более оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся в Москве с половины XV века начитанность, грамотность помогают этому высказыванию, этому ведению борьбы словом, и являются двое борцов – внук Иоанна III и Софии Палеолог Иоанн IV и потомок удельных ярославских князей, московский боярин, князь Андрей Курбский. Курбский указывает нам начало неприязни в самом собрании земли, в подчинении всех княжеств Северной Руси княжеству Московскому; как боярин и князь, Курбский указывает перемену в отношениях московских великих князей к дружине их, начало борьбы при Иоанне III, указывает на Софию Палеолог как на главную виновницу перемены, еще сильнее вооружается он против сына Иоанна III и Софии, Василия, и в Иоанне IV видит достойного наследника отцовского и дедовского, достойного продолжателя их стремлений. Слова Курбского вполне объясняют нам эти

стремления Иоанна IV, стремления, обнаружившиеся очень рано, высказывавшиеся постоянно и сознательно. Нам понятно становится это поспешное принятие царского титула, желание сохранить его, желание связать себя и с Августом-кесарем и с царем Владимиром Мономахом, желание выделить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится нам презрение к королю шведскому, к которому приписывается земля, к Стефану Баторию, многомятежным сеймом избранному, объявление, что нет им равенства с царем московским.

Мы видели, вследствие чего Иоанн дошел до раннего сознания борьбы, которую он должен был вести, до сознания начал, которые он должен был защищать от начал противоположных. Последним во время его малолетства дана была возможность вполне обнаружиться, и это обнаружение вызвало противодействие, усиленное еще новыми, известными нам обстоятельствами характером главного деятеля, образовавшимся также под влиянием борьбы. В борьбе этой обнаружились значение и средства той и другой стороны; она бросила яркий свет и на прежние отношения, на древнюю историю Руси. Чтоб уяснить себе характер отношений между нашими древними князьями, нам стоило только спросить у летописцев, как эти князья звали друг друга и как звали их подданные.

Встречаем ли мы в древних летописях названия: князь киевский, черниговский, переяславский, туровский, полоцкий? Нет, мы этих названий не встречаем; встречаем одни собственные имена княжеские, которые приводят обыкновенно в такое затруднение людей, начинающих заниматься древнею русскою историею. Чего нет в древних памятниках, того не должны мы искать в древнем обществе: князья не титулуются по имени своих владений, следовательно, владения эти не имели для них первенствующего значения, и действительно видим, что они их меняли; видим, что они называют друг друга братьями, считаются, ведут споры о старшинстве по родовой лестнице; заключаем, что господствующие отношения между ними были родовые, а не по владениям.

Обратимся с тем же вопросом и к дружине княжеской, к боярам, спросим, как их зовут. При именах вельмож Западной Европы мы привыкли встречать частицы фон, де с собственными именами земельных участков, замков. Если б исчезли все известия о происхождении западноевропейского высшего сословия, то из одних фамильных имен мы заключили бы, „что имеем дело с землевладельцами, что владение землею положено в основу сословного значения".

Но обратимся к нашим боярам, к их именам: что встретим? „Данило Романович Юрьевича Захарьина, Иван Петрович Федоровича". Как у древних князей, так и у бояр нет следа отношения к земельной собственности, и одно явление объясняет другое: если князья не имели постоянных волостей, меняли их по родовым счетам, то и дружина их меняла также волости вместе с ними, не могла усесться на одних местах, глубоко пустить корней в землю, приобрести чрез землевладение самостоятельное земское значение, зависела, получала средства существования и значение от князя или от целого рода княжеского, ибо дружинники переходили от одного князя к другому.

Какой был главный интерес русского боярина, это выражается в его имени: к имени, полученному при рождении или при крещении, он прибавляет имя отца деда и прадеда, носит с собою свое родословие и крепко стоит за то, чтоб роду не было порухи, унижения; отсюда понятно становится нам явление местничества – интерес родовой господствует. Когда князей было много, когда можно было переходить от одного из них к другому, выгодное положение дружинника обеспечивалось вполне этою возможностию; когда же эта возможность с установлением единовластия исчезла, дружинник должен был принять то положение, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословные отличия и преимущества не выработались, не определились законом: мы видели, что когда на поле или судебный поединок являлись, с одной стороны, дети боярские, а с другой – крестьяне и дети боярские по сословным требованиям отказывались биться с крестьянами, то судья обвинял их, ибо закон молчал о сословных различиях.

В отношениях княжеских в Северной России произошла перемена; здесь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились все Москве, то князья их явились сюда с волостными наименованиями. Но князья, отстранив от первых мест, заехав, по тогдашнему выражению, старинные роды боярские, не долго удерживают за собою первенствующее положение, кроме титула, скоро ничем более не отличаются от остальных членов служилого сословия, и многие из них даже забывают свои наименования по волостям и сохраняют только имена, от личных прозвищ происходящие. Все это объясняет нам, почему в малолетство Иоанна IV мы видим только борьбу известных отдельных родов за первенство, почему служилое сословие так долго и упорно держалось за обычай местничества: в глубине жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно из одной сферы – с большею силою и упругостию обнаружится в другой. Древнее начало было сильно, вело

упорную борьбу; но уже государству пошел седьмой век, оно объединилось, старое с новым начало сводить последние счеты: немудрено, что появилось много важных вопросов, важных требований. Вторая половина XVI века, царствование Иоанна IV, характеризуется преимущественно этим поднятием важных вопросов в государственной жизни, наибольшею выставкою этих вопросов, если начали подниматься они и прежде, ибо в истории ничто не делается вдруг.

Так, опричнина, с одной стороны, была следствием враждебного отношения царя к своим старым боярам, но, с другой стороны, в этом учреждении высказался вопрос об отношении старых служилых родов, ревниво берегущих свою родовую честь и вместе свою исключительность посредством местничества, к многочисленному служилому сословию, день ото дня увеличивавшемуся вследствие государственных требований и вследствие свободного доступа в него отовсюду; подле личных стремлений Иоанна видим стремления целого разряда людей, которым было выгодно враждебное отношение царя к старшей дружине. Мы видели, что сам Иоанн в завещании сыновьям смотрел на опричнину как на вопрос, как на первый опыт. После мы увидим, как будет решаться этот важный вопрос об отношениях младшей дружины к старшей.

Государство складывалось, новое сводило счеты со старым; понятно, что должен был явиться и громко высказаться вопрос о необходимых переменах в управлении о недостаточности прежних средств, о злоупотреблениях, от них происходящих, являются попытки к решению вопроса – губные грамоты, новое положение дьяков относительно воевод и т. д. Понятно, что в то же время должен был возникнуть вопрос первой важности – вопрос о необходимости приобретения средств государственного благосостояния, которыми обладали другие европейские народы; и вот видим первую попытку относительно Ливонии. Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступать немедленно к их решению.

К сказанному прежде об этом характере, о его образовании и постепенном развитии нам не нужно было бы прибавлять ничего более, если б в нашей исторической литературе не высказывались об нем мнения, совершенно противоположные. В то время как одни, преклоняясь пред его величием, старались оправдать Иоанна в тех поступках, которые назывались и должны называться своими очень нелестными именами, другие хотели отнять у него всякое участие в событиях, которые дают его царствованию беспрекословно важное значение. Эти два

противоположных мнения проистекли из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатков в предмете любимом, достоинств в предмете, возбудившем отвращение. Прославилось известное историческое лицо добром, и вот повествователи о делах его не хотят допустить ни одного поступка, который бы нарушал это господствующее представление об историческом лице; если источники указывают на подобный поступок, то повествователи стараются во что бы то ни стало оправдать своего героя; и наоборот, в лице, оставившем по себе дурную славу, не хотят признать никакого достоинства.

Так случилось и с Иоанном IV: явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершенных в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих – Сильвестра и Адашева. Мнение это основывается на тех местах в переписке с Курбским, где Иоанн, по-видимому, сам признается, что при Сильвестре он не имел никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, как Иоанн, так и Курбский, пишут под влиянием страсти и потому оба преувеличивают, впадают в противоречия. Если основная мысль Курбского состоит в том, что царь должен слушаться советников, то основная мысль Иоанна состоит в том, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться к подчинению царской воли воле собственной; такое стремление в глазах Иоанна есть величайшее из преступлений, и всею тяжестию его он хочет обременить Сильвестра и его приверженцев; вот почему он приписывает им самое преступное злоупотребление его доверенностию, самовольство, самоуправство, говорит, что вместо него они владели царством, тогда как он сам облек их неограниченною своею доверенностию; вот эти знаменитые места: „Вы ль растленны или я? Что я хотел вами владеть, а вы не хотели под моею властию быть, и я за то на вас гневался? Больше вы растленны, что не только не хотели быть мне повинны и послушны, но и мною владели и всю власть с меня сняли; я был государь только на словах, а на деле ничем не владел".

Иоанн Грозный выслушивает письмо от Андрея Курбского. Худ. Б. Чориков. 1836 г.

В другом месте Иоанн, щеголявший остроумием, ловкостию в словопрении, низлагает Курбского следующею уверткою, не думая, что после можно будет употребить его адвокатскую тонкость против него же самого: „Ты говоришь, что для военных отлучек мало видал мать свою, мало жил с женою, отечество покидал, всегда в городах против врагов ополчался, претерпевал естественные болезни и ранами покрывался от варварских рук и сокрушенно уже ранами все тело имеешь, но все это случилось с тобою тогда, когда вы с попом и Алексеем владели. Если это вам было не угодно, то зачем же так делали? Если же делали, то зачем, своею властию сделавши, на нас вину вскладываете!"

Приводят еще третье место в доказательство, что поход на Казань предпринят не Иоанном, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы с крестоносною хоругвию всего православного христианского воинства двинулись на безбожный язык казанский и, получив неизреченным Божиим милосердием победу, возвращались домой, то какое доброхотство к себе испытали мы от людей, которых ты называешь мучениками? Как пленника, посадивши в судно, везли с ничтожным отрядом чрез безбожную и неверную землю". Но здесь нет ни малейшего указания на невольный поход, ибо Иоанн прямо говорит: „Когда мы двинулись"; потом Иоанн говорит ясно,

что не заботились о его безопасности, везли, как пленника, уже на возвратном пути, по взятии Казани.

Курбский обвиняет Иоанна в недостатке храбрости во время казанского похода, в желании поскорее возвратиться в Москву; Иоанн возвращает ему все эти обвинения и так описывает свое поведение и поведение бояр в казанских войнах: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинского, с товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали их в опале своей, желая их казнить, а не для своего дела! Неужели это храбрость службу ставить в опалу? Так ли покоряются прегордые царства! Сколько потом ни было походов в Казанскую землю, когда вы ходили без понуждения, охотно? Когда Бог покорил христианству этот варварский народ, и тогда вы не хотели воевать, и тогда с нами не было больше пятнадцати тысяч по вашему нехотению. Во время осады всегда вы подавали дурные советы: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотели домой возвратиться! Никогда не хотели вы подождать благоприятного времени; вам и голов своих не было жаль, и о победе мало заботились; победить или потерпеть поражение – только бы поскорее домой возвратиться. Для этого скорого возвращения войну вы оставили, и от этого после много было пролития христианской крови. На приступе если б я вас не удержал, то вы хотели погубить православное воинство, начавши дело не вовремя". Как согласить эти слова: „Я посылал, если б я вас не удержал" – со словами: „Вы государились, а я ничем не владел"? Эти несогласия показывают нам ясно, с какого рода памятником мы имеем дело и как мы им должны пользоваться.

Важное значение Сильвестра и Адашева, проистекавшее из полной доверенности к ним Иоанна в известное время, бесспорно, явственно из всех источников; но вместе явно также, что Иоанн никогда не был слепым орудием в руках этих близких к нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки их советам, они советовали покорить Крым. После взятия Казани, говорит Курбский, все мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) советовали царю остаться еще несколько времени в Казани, дабы совершенно окончить покорение страны; но царь „совета мудрых воевод своих не послушал, послушал совета шурей своих". Следовательно, Иоанн имел полную свободу поступать по совету тех или других, не находясь под исключительным влиянием какой-нибудь одной стороны.

Когда в 1555 году царь выступил против крымского хана и пришла к нему весть, что один русский отряд уже разбит татарами, то многие советовали ему возвратиться, но храбрые

настаивали на том, чтоб встретить татар, и царь склонился на совет последних, т. е. на совет приверженцев Сильвестра, потому что когда Курбский хвалит, то хвалит своих.

Таким образом, мы видим, что Иоанн в одном случае действует по совету одних, в другом – других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу с советниками.

О могущественном влиянии Сильвестра говорят единогласно все источники; но мы имеем возможность не преувеличивать этого влияния, установить для него настоящую меру, ибо до нас дошел любопытный памятник, в котором очень ясно можно видеть отношения Сильвестра и к митрополиту, и к царю.

Это послание Сильвестра к митрополиту Макарию по поводу дела о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарию, митрополиту всея Русии, и всему освященному собору благовещенский поп Селивестришко челом бьет. Писал тебе, государю, Иван Висковатый: Башкин с Артемьем и Семеном в совете, а поп Семен Башкину отец духовный и дела их хвалит; да писал, что я, Сильвестр, из Благовещенья образа старинные выносил, а новые, своего мудрования поставил; государь святый митрополит!

Священник Семен про Матюшу мне сказывал в Петров пост на заутрени; пришел на меня сын духовный необычен и многие вопросы мне предлагает недоуменные. И как государь из Кириллова приехал, то я с Семеном царю-государю все сказали про Башки на; Андрей-протопоп и Алексей Адашев то слышали ж. Да Семен же сказывал, что Матюша спрашивает толкованья многих вещей в Апостоле и сам толкует, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали ж. И государь велел Семену говорить Матюше, чтоб он все свои речи в Апостоле изметил; но тогда царь и государь скоро в Коломну поехал и то дело позалеглось.

А про Артемья, бывшего троицкого игумена, сказывает Иван, что мне с ним совет был; но до троицкого игуменства я его вовсе не знал; а как избирали к Троице игумена, то Артемья привезли из пустыни; государь велел ему побыть в Чудове, а мне велел к нему приходить и к себе велел его призывать и смотреть в нем всякого нрава и духовной пользы. В то же время ученик его Порфирий приходил к благовещенскому священнику Семену и вел с ним многие беседы пользы ради; Семен мне пересказывал все, что с ним говорил Порфирий; я усумнился, позвал Порфирия к себе, дважды, трижды беседовал с ним довольно о пользе духовной и все пересказал царю-государю. Тогда царь-государь Богом дарованным своим разумом и богорассудным смыслом

ошибочное Порфириево учение и в учителе его, Артемии, начал примечать".

Здесь, с одной стороны, видна высокая степень доверия, которою пользовался Сильвестр: его посылал царь к Артемию испытать, годится ли последний занять место троицкого игумена; но, с другой стороны, ясно видно, что Сильвестр должен был обо всем докладывать Иоанну и тот сам распоряжался, как вести дело, сам вникал в него и своим разумом и смыслом подмечал то, чего не мог заметить Сильвестр; когда Иоанн уезжал из Москвы, дела останавливались. Как же после этого можно буквально принимать слова Иоанна и думать, что Сильвестр владел государством, оставляя ему одно имя царя?

Всего страннее предполагать, чтоб человека с таким характером, какой был у Иоанна, можно было держать в удалении от дел! Наконец, мы считаем за нужное сказать несколько слов о поведении Иоанна относительно крымского хана после сожжения Москвы Девлет-Гиреем, потом относительно короля шведского и особенно относительно Батория; неприятно поражает нас этот скорый переход от гордости к унижению; мы готовы и по своим понятиям имеем право видеть здесь робость.

Но мы не должны забывать разности понятий, в каких воспитываемся мы и в каких воспитывались предки наши XVI века; мы не должны забывать, как воспитание в известных правилах, образованность укрепляют нас теперь, не позволяют нам обнаруживать этих резких переходов, хотя бы они и происходили внутри нас. Но люди веков предшествовавших не знали этих искусственных укреплений и сдерживаний и потому не стыдились резких переходов от одного чувства к другому, противоположному; эту резкость переходов мы легко можем подметить и теперь в людях, которые по степени образования своего более приближаются к предкам. Притом относительно Иоанна IV мы не должны забывать, что это был внук Иоанна III, потомок Всеволода III; если некоторые историки заблагорассудили представить его вначале героем, покорителем царств, а потом человеком постыдно робким, то он нисколько в этом не виноват. Он предпринял поход под Казань по убеждению в его необходимости, подкреплялся в своем намерении религиозным одушевлением, сознанием, что поход предпринят для избавления христиан от неверных, но вовсе не вел себя Ахиллесом: сцена в церкви на рассвете, когда уже войска пошли на приступ, сцена, так просто и подробно рассказанная летописцем, дает самое верное понятие об Иоанне, который является здесь вовсе не героем. Иоанн сам предпринимал поход под Казань, потом под Полоцк, в Ливонию по убеждению в

необходимости этих походов, в возможности счастливого их окончания, и тот же самый Иоанн спешил как можно скорее прекратить войну с Баторием, ибо видел недостаточность своих средств для ее успешного ведения: точно так, как дед его, Иоанн III, сам ходил с войском под Новгород, под Тверь, рассчитывая на успех предприятия, и обнаружил сильное нежелание сразиться с Ахматом, потому что успех был вовсе неверен. Таковы были все эти московские или вообще северные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, с одной стороны, странно желание некоторых отнять у Иоанна значение важного самостоятельного деятеля в нашей истории; если, с другой стороны, странно выставлять Иоанна героем в начале его поприща и человеком постыдно робким в конце, то более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием.

Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняются борьбою старого с новым, событиями, происходившими в малолетство царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событиями? Можно ли оправдать человека нравственною слабостию, неуменьем устоять против искушений, неуменьем совладать с порочными наклонностями своей природы? Бесспорно, что в Иоанне гнездилась страшная болезнь, но зачем же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаем глубокое сочувствие, уважение к падшим в борьбе, но когда мы знаем, что они пали, истощив все зависевшие от них средства к защите; в Иоанне же этой борьбы с самим собою, с своими страстями мы вовсе не видим.

Мы видим в нем сознание своего падения. „Я знаю, что я зол", – говорил он; но это сознание есть обвинение, а не оправдание ему; мы не можем не уступить ему больших дарований и большой возможной в то время начитанности, но эти дарования, эта начитанность не оправдание, а обвинение ему.

Его жестокости хотят оправдать суровостию нравов времени; действительно, нравственное состояние общества во времена Иоанна IV представляется нам вовсе не в привлекательном виде; мы видели, что борьба между старым и новым шла уже давно и давно уже она приняла такой характер, который не мог содействовать умягчению нравов, не мог приучить к осторожному обхождению с жизнию и честию человека; действительно, жесткость нравов выражается и в письменных памятниках того времени: требуя установления наряда, прекращения злоупотреблений, указывали на жестокие средства как на

единственно способные прекратить зло; так, например, в очень распространенном в древности сказании Ивана Пересветова „О царе турском Магмете, како хотел сожещи книги греческия" строгий суд и жестокие казни султана прославляются как достойные подражания: „Магмет-салтан учал говорити: аще не такою грозою великий народ угрозити, ино и правду в землю не ввести".

Но возможность найти объяснение в современном обществе не есть оправдание для исторического лица; да и не смеем мы сложить вину дел Грозного на русское общество XVI века потому: оно было основано на другом начале, чем то общество, которым управлял Магмет-султан; оно было способно выставить человека, который указал Иоанну требования этого основного начала; русское общество, выставив св. Филиппа, провозгласив устами этого пастыря требования своего основного начала, высказав свое неодобрение образу действий Грозного, показав, что имело закон и пророка, очистилось, оправдалось пред историею, вследствие чего Иоанн, не послушавшийся увещаний Филипповых, оправдан быть не может.

Иоанн сознавал ясно высокость своего положения, свои права, которые берег так ревниво; но он не сознал одного из самых высоких прав своих – права быть верховным наставником, воспитателем своего народа: как в воспитании частном и общественном, так и в воспитании всенародном могущественное влияние имеет пример наставника, человека, вверху стоящего, могущественное влияние имеет дух слов и дел его. Нравы народа были суровы, привыкли к мерам жестоким и кровавым; надобно было отучать от этого; но что сделал Иоанн? Человек плоти и крови, он не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами, и страшна была жатва – собственноручное убийство старшего сына, убиение младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слово оправдания такому человеку; он может произнести только слово сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы…"

Приложения

Приложение 1 От составителя

Из целого ряда российских историков, повествовавших о Смутном времени и ставивших своей задачей раскрытие личности Иоанна Грозного, особо должен быть выделен Николай Иванович Костомаров (1817-1885). Прежде всего, благодаря оригинальной трактовке исторических событий, а также характерной, особенной манере изложения материала. Необычность научного подхода Костомарова не только не принесла ему при жизни изрядной славы, а наоборот, создала немало врагов и просто недоброжелателей. Уж слишком необычно было его видение всего хода исторического процесса, не говоря о нетипичных, глубоких и категоричных характеристиках, данных наиболее значимым (в его понимании) персоналиям. Однако в силу этого книги Костомарова всегда будоражили воображение читателей, заставляли их думать, вырабатывать самостоятельное мировоззрение. В сущности, Время все поставило на свои места. Уже без малого два столетия Н. И. Костомарова читают и перечитывают, восхищаются им, учатся у него.

Одно из наиболее значимых и известных творений Костомарова -многотомная "История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей" (нач. 1872). В настоящем издании мы приводим из этого труда знаменитую 20 главу – целиком посвященную Иоанну Грозному. Данные материалы наверняка помогут читателям обнаружить целый ряд дополнительных деталей и характеристик, которые позволят им более полно представить себе внутренний облик едва ли не самого противоречивого из всех русских самодержцев.

Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей Глава 20. Царь Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич, одаренный, как мы уже сказали, в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла, как показывают его вычурные истязания над псковичами. Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности: самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные. Пораженный московским пожаром и народным бунтом, он отдался безответно Сильвестру, который умел держать его в суеверном страхе и окружил советниками. С тех пор Иван надолго является совершенно безличным; русская держава правится не царем, а советом людей, окружающих царя.

Но мало-помалу, тяготясь этой опекой, Иван сначала робко освобождался от нее, подчиняясь влиянию других лиц, а наконец, когда вполне почувствовал, что он сильнее и могущественнее своих опекунов, им овладела мысль поставить свою царскую власть выше всего на свете, выше всяких нравственных законов. Его мучил стыд, что он, самодержец по рождению, был долго игрушкою хитрого попа и бояр, что с правом на полную власть он не имел никакой власти, что все делалось не по его воле; в нем загорелась свирепая злоба не только против тех, которые прежде успели стеснить его произвол, но и против всего, что вперед могло иметь вид покушения на стеснение самодержавной власти и на противодействие ее произволу.

Иван начал мстить тем, которые держали его в неволе, как он выражался, а потом подозревал в других лицах такие же стремления, боялся измены, создавал в своем воображении небывалые преступления и, смотря по расположению духа, то мучил и казнил одних, то странным образом оставлял целыми других после обвинения. Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь разлакомила самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая противодействия, и

лил до тех пор, пока ему не приелось этого рода развлечение. Иван не был безусловно глуп, но, однако, не отличался ни здравыми суждениями, ни благоразумием, ни глубиной и широтой взгляда. Воображение, как всегда бывает с нервными натурами, брало у него верх над всеми способностями души.

Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя.

С одной стороны, люди высшего звания в Московском государстве совсем не стояли к низшим слоям общества так враждебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход; напротив, в период правления Сильвестра, Адашева и людей их партии, большею частью принадлежавших к высшему званию, мы видим мудрую заботливость о народном благосостоянии.

С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословие, но и народные массы, как показывает бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и т. п. Иван был человек в высшей степени бессердечный: во всех его действиях мы не видим ни чувства любви, ни привязанности, ни сострадания; если среди совершаемых злодеяний, по-видимому, находили на него порывы раскаяния и он отправлял в монастыри милостыни на поминовение своих жертв, то это делалось из того же, скорее суеверного, чем благочестивого, страха Божьего наказания, которым, между прочим, пользовался и Сильвестр для обуздания его диких наклонностей. Будучи вполне человеком злым, Иван представлял собою также образец чрезмерной лживости, как бы в подтверждение того, что злость и ложь идут рука об руку. Таким образом, Иван Васильевич в своих письмах сочинял небывалые события, явно опровергаемые известным нам ходом дел, как, например, в своем завещании он говорил: "Изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам"; или в послании в Кирилло-Белозерский монастырь обвинял в измене своих бояр, которым в то же время поручал важные должности; или же перед польским послом сваливал вину разорения Москвы татарами на своих полководцев, а себя выставлял храбрецом, когда на деле было совсем не то.

Обыкновенно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и, спустя многие годы после ее кончины, вспоминал о ней с нежностью в своих письмах. Но, тем не менее, оказывается, что через восемь дней после ее погребения Иван уже искал себе

другую супругу и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа, Екатерину, а между тем, как бы освободившись от семейных обязанностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди.

Царь окружил себя любимцами, которые расшевеливали его дикие страсти, напевали ему о его самодержавном достоинстве и возбуждали против людей адашевской партии. Главными из этих любимцев были: боярин Алексей Басманов, сын его Федор, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Бельский, Василий Грязной и чудовской архимандрит Левкий. Они теперь заняли место прежней "избранной рады" и стали царскими советниками в делах разврата и злодеяний. Под их наитием царь начал в 1561 г. свирепствовать над друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: брат Алексея Адашева Данила с двенадцатилетним сыном, тесть его Туров, трое братьев жены Алексея Адашева, Сатины, родственник Адашева Иван Шишкин с женою и детьми и какая-то знатная вдова Мария, приятельница Адашева, с пятью сыновьями: по известию Курбского, Мария была родом полька, перешедшая в православие, и славилась своим благочестием. Эти люди открыли собою ряд бесчисленных жертв Иванова свирепства.

Сватовство Ивана Васильевича на польской принцессе не удалось. Король Сигизмунд-Август, хотя не отказывал решительно московскому государю в руке сестры, но оговаривался под разными предлогами и, наконец, прислави своего посла, поставил условием брака мирный договор, по которому Москва должна уступить Польше: Новгород, Псков, Смоленск и Северские земли. Само собою разумеется, что подобные условия не могли быть приняты, и заявление их могло повести не к союзу, а к вражде. Иван Васильевич перестал думать о польской принцессе и, намереваясь в свое время отомстить соседу за свое неудачное сватовство, 21 августа 1561 года женился на дочери черкесского князя Темрюка, названной в крещении Мариею. Брат новой царицы, Михайло, необузданный и развратный, поступил в число новых любимцев царя.

Женитьба эта не имела хорошего влияния на Ивана, да и не могла иметь: сама новая царица оставила по себе память злой женщины. Царь продолжал вести пьяную и развратную жизнь и даже, как говорят, предавался разврату противоестественным образом с Федором Басмановым.

Один из бояр, Димитрий Овчина-Оболенский, упрекнул этим любимца. "Ты служишь царю гнусным делом содомским, а я, происходя из знатного рода, как и предки мои, служу государю на

славу и пользу отечеству". Басманов пожаловался царю.

Иван задумал отомстить Овчине, скрывши за что. Он ласково пригласил Овчину к столу и подал большую чашу вина с приказом выпить одним духом. Овчина не мог выпить и половины. "Вот так-то, – сказал Иван, – ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье". Овчину увели в погреб и задушили, а царь, как будто ничего не зная, послал на другой день в дом Овчины приглашать его к себе и потешался ответом его жены, которая, не ведая, что сталось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю.

Другой боярин, Михаил Репнин, человек степенный, не позволил царю надеть на себя шутовской маски в то время, когда пьяный Иван веселился со своими любимцами. Царь приказал умертвить его. Люди адашевского совета исчезали один за другим по царскому приказу: князь Димитрий Курлятов, один из влиятельнейших людей прежнего времени, вместе с женою и дочерьми, был сослан в каргопольский Челмский монастырь (в 1563 г.), а через несколько времени, как говорит Курбский, царь вспомнил о нем и приказал умертвить со всею семьею. Другой боярин, князь Воротынский, также один из влиятельных лиц адашевского кружка, был сослан со всею семьею на Белоозеро: к нему царь был милостивее, приказывал содержать его хорошо и впоследствии освободил, чтоб снова замучить, как увидим ниже. Третий из опальных бояр, князь Юрий Кашин, был без ссылки умерщвлен вместе с братом. Тогда же Иван начал преследовать семейство Шереметевых: один из них, Никита, был умерщвлен, другой, Иван Васильевич (старший), был сначала засажен в тюрьму, но потом выпущен; вместе с братом Ив. Вас. Шереметевым (меньшим) он оставался в постоянном страхе: царь подозревал их в намерении бежать и изменить.

Иоанн Грозный

Неудовольствия с Польшею, естественно возникавшие после неудачного сватовства Иванова, усилились от политических обстоятельств. Ливонский орден не в силах был бороться с Москвою; завоевывая город за городом, русские взяли крепкий Феллин, пленили магистра Фирстенберга и овладели почти всею Ливонскою страною. Тогда новый магистр Готгард Кетлер, с согласия всех рыцарей, архиепископа рижского и городов Ливонии отдался польскому королю Сигизмунду-Августу.

Ливония признала польского короля своим государем; Орден прекращал свое существование в смысле военно-монашеского братства (секуляризировался); сам Кетлер вступал в брак и делался наследственным владетелем Курляндии и Семигалии; Ревель с Эстляндией не захотел поступать под власть Польши и отдался Швеции: кроме того, остров Эзель, в значении епископства эзельского, отдался датскому королю, который посадил там брата своего Магнуса. Сигизмунд-Август, сознавая себя государем страны, которая ему отдавалась добровольно, естественно возымел притязания на города, завоеванные Иваном.

Уже в 1561 году, до формального объявления войны, начались неприязненные действия между русскими и литовцами в Ливонии. Сигизмунд-Август подстрекал на Москву крымского хана, а между тем показывал вид, что не хочет войны с Иваном, и только требовал, чтобы московский государь оставил Ливонию,

так как она отдалась под защиту короля. Московские бояре не только отвечали от имени царя, что он не уступит Ливонии, но припомнили польскому посольству, что все русские земли, находившиеся во власти Сигизмунда-Августа, были достоянием предков государя, киевских князей, и самая Литва платила дань сыновьям Мономаха, а потому все Литовское Великое княжество есть вотчина государя. После таких заявлений началась война.

В начале 1563 года сам царь двинулся с войском к Полоцку.

В городе начальствовал королевский воевода Довойна. Замечая, вероятно, в народе сочувствие к московскому государю, он приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, или так называемую чернь, т. е. простой тамошний русский народ. Эти холопы перебежали в русский лагерь и указали большой склад запасов, сохраняемых в лесу, в ямах. Овладевши этим складом, московское войско приступило к замку, и вскоре от стрельбы произошел там пожар. Тогда Довойна, в совете с полоцким епископом Гарабурдою, решились отдаться московскому царю. Находившиеся в городе поляки под предводительством Вершхлейского упорно защищались, наконец сдались, когда московский государь обещал выпустить их с имуществом. 15 февраля 1563 года Иван въехал в Полоцк, именовал себя Великим князем Полоцким и милостиво отпустил поляков в числе пятисот человек с женами и детьми, одарил их собольими шубами, но ограбил полоцкого воеводу и епископа и отправил их в Москву пленными с другими литовцами. Иван не упустил здесь случая потешиться кровопролитием и приказал перетопить всех иудеев с их семьями в Двине. Тогда же, по приказанию Ивана, татары перебили в Полоцке всех бернардинских монахов. Все латинские церкви были разорены. Царь оставил в Полоцке воеводой Петра Шуйского с товарищами, приказал укреплять город и не впускать в него литовских людей, но дозволил последним жить на посаде, находясь под судом воевод, которые должны были творить суд, применяясь к местным обычаям.

Царь Иван, сообразно своему характеру, тотчас же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко доставшейся победой и в переговорах с литовскими послами, искавшими примирения, по прежнему обычаю, запрашивал и Киева, и Волыни, и Галича; потом великодушно уступал эти земли, ограничиваясь требованием себе Полоцка и Ливонии, и чванился своим мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского Цезаря-Августа.

Примирение надолго не состоялось; война продолжалась, но шла очень вяло, так что несколько лет ни с той ни с другой стороны не произошло ничего замечательного. Между тем

произошли события, подействовавшие на Ивана и усилившие его кровожадные наклонности. Раздраженный против бояр, сторонников Адашева и Сильвестра, он боялся измены от всех тех, кого подозревал в дружбе со своими прежними опекунами. Ему казалось, что, за невозможностью овладеть снова царем, они перейдут к Сигизмунду-Августу или к крымскому хану или же будут в соумышлении с врагами действовать во вред царю. При такой подозрительности царь брал с них поручные записи в том, чтобы служить верно государю и его детям, не искать другого государя и не отъезжать в Литву и иные государства.

Подобные записи взяты были еще в 1561 году с князя Василия Глинского, с бояр: князя Ивана Мстиславского, Василия Михайлова, Ивана Петрова, Федора Умного, князя Андрея Телятевского, князя Петра Горенского, Данила Романова и Андрея Васильева. Всего замечательнее дошедшие до нас поручные записи князя Ивана Димитриевича Бельского.

В марте 1562 года царь заставил за него поручиться множество знатных лиц, с обязанностью уплатить 10 000 рублей в случае его измены, а в апреле 1563 года с этого же боярина взята новая запись, в которой он сознается, что преступил крестное целование, ссылался с Сигизмундом-Августом и хотел бежать к нему. Едва ли Бельский справедливо показал на себя; едва ли бы Иван мог простить такую измену, которую не простил бы и более добрый государь! Судя по тому, что делалось и после, вероятно, в угоду подозрительному и жадному Ивану, боярин сам наговорил на себя, а поручники поплатились за него; царь же простил его, зная, что он не виноват.

Подобная запись взята была с князя Александра Ивановича Воротынского, и в числе поручителей был обвиненный Иван Димитриевич Бельский: но за самых поручителей Воротынского, в случае несостоятельности в уплате за него 15 000 рублей, взята еще запись с разных других лиц в качестве поручителей за поручителей. Подозрительность и злоба царя естественно усилились, когда произошли случаи действительного, а не только воображаемого отъезда в Литву.

Князь Димитрий Вишневецкий, прибывший в Московское государство с целью громить Крым, увидел, что цель его не достигается, ушел к Сигизмунду-Августу и примирился с ним.

Иван притворялся, будто это бегство нимало его не тревожило, и в наказе своему гонцу велел говорить в Литве, когда спросят про князя Вишневецкого: "Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, и нашему государю и земле не причинил он никакого убытка". Но тогда же царь приказал разведывать о Вишневецком под рукою.

В то же время бежали в Литву Алексей и Гаврило Черкасские. Царь так был занят их отъездом, что стороною разведывал, не захотят ли они опять воротиться, и обещал им милость. Все это показывает, как сильно тревожила его мысль о побегах из его государства.

Более всего подействовало на Ивана бегство князя Курбского. Этот боярин, один из самых даровитых и влиятельных членов адашевского кружка, начальствуя войском в Ливонии, в конце 1563 года бежал из Дерпта в город Вольмар, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду-Августу, который принял его ласково, дал ему в поместье город Ковель и другие имения. Поводом к этому бегству было (как можно заключить из слов Курбского и самого Ивана) то, что Иван глубоко ненавидел этого друга Адашевых, взваливал на него подозрение в смерти жены своей Анастасии, ожидал от него тайных злоумышлений, всякого противодействия своей власти и искал только случая, чтобы погубить его.

Курбский не ограничился бегством, но посылал из нового отечества к царю укоризненные, едкие письма, дразнил его, а царь писал ему длинные ответы, и хотя называл в них Курбского "собакою", но старался оправдать перед ним свои поступки. Переписка эта представляет драгоценный материал, объясняющий более, чем все другое, характер царя Ивана. Поступок Курбского, но более всего его письма и невозможность наказать "беглого раба" за дерзость довели раздражительного и подозрительного царя до высшей степени злости и тиранства, граничившего уже с потерею рассудка.

В 1564-65 годах царь продолжал брать поручные записи со своих бояр в том, чтобы они не бегали в Литву (см. записи, взятые с Ив. Вас. Шереметева-Большого, бояр: Яковлева, Салтыкова, князя Серебряного и других), а между тем происходили новые побеги; бежали уже не одни знатные люди. Убежали в Литву первые московские типографы: Иван Федоров и Петр Мстиславец; бежали многие дворяне и дети боярские, между прочим, Тетерин и Сарыхозин. Последние написали дерптскому наместнику боярину Морозову замечательное письмо, показывающее, какие перемены в тогдашнем управлении возбуждали неудовольствие.

Поставляя на вид боярам, что царь плохо ценит их службу и окружает себя новыми людьми, дьяками, Тетерин говорит: "Твое юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина невольного чернечества (т. е., что Тетерин был так же неволей пострижен в монахи, как Морозов посажен наместником), тебя государь жалует так, как турецкий султан Молдавского: жену у тебя взял в заклад, а дохода тебе не сказал ни пула (мелкая монета), повелел

еще 2000 занять себе на еду, а заплатить-то нечем; невежливо сказать: чай не очень тебе верят. Есть у Великого князя новые верники, дьяки: они его половиной кормят, а большую половину себе берут. Их отцы вашим отцам и в холопство не годились, а ныне не только землею владеют, а и головами вашими торгуют. Бог, видно, у вас ум отнял, что вы за жен и детей и вотчины головы свои кладете, а их губите, а себе все-таки не пособите! Смею, государь, спросить: каково тем, у кого мужей и отцов различною смертью побили неправедно?…" Действительно, это была эпоха, когда значение породы уступало сильно значению службы.

Из сословия детей боярских выдвигались прежде называемые дети боярские дворовые и стали называться дворянами: они составляли высший слой между детьми боярскими и скоро образовали отдельное сословие. Их значение состояло в относительной близости к царю; в звание дворян возводились из детей боярских по царской милости. Дьяки, прежде занимавшиеся письмоводством под начальством бояр и окольничьих, стали важными людьми: царь доверял им более, чем родовитым людям.

Курбский между тем давал Сигизмунду-Августу советы, как воевать московского царя, и сам предводительствовал отрядом против своих соотечественников. В конце 1564 года разнесся слух, что огромная сила двигается из Литвы к Полоцку; а между тем Девлет-Гирей, побуждаемый Сигизмундом-Августом, идет в южные пределы Московского государства. Крымцам на этот раз не посчастливилось: они подходили к Рязани и отступили; но царь ожидал с двух сторон нового нашествия врагов, а внутри государства ему мерещились изменники. Он желал проливать кровь, но трусил и измыслил такое средство, которое бы в народных глазах придавало законность самым необузданным его неистовствам. Трусость привела Ивана к мысли устроить, так сказать, комедию, в которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить кого угодно царю.

В конце 1564 года царь приказал собрать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, выбрав их поименно. Разнесся слух, что царь собирался ехать неизвестно куда. Иван вот что объявил духовным и светским знатным лицам. Ему сделалось известным, что многие не терпят его, не желают, чтобы царствовал он и его наследники, злоумышляют на его жизнь; поэтому он намерен отказаться от престола и передать правление всей земле. Говорят, что с этими словами Иван положил свою корону, жезл и царскую одежду.

На другой день со всех церквей и монастырей духовные привозили к Ивану образа; Иван кланялся перед ними,

прикладывался к ним, брал от духовных благословение, потом несколько дней и ночей ездил он по церквам; наконец, 3 декабря приехало в Кремль множество саней; начали из дворца выносить и укладывать всякие драгоценности: иконы, кресты, одежды, сосуды и пр. Всем прибывшим из городов дворянам и детям боярским приказано собираться в путь с царем. Выбраны были также некоторые из бояр и дворян московских для сопровождения царя, с женами и детьми. В Успенском соборе велено было служить обедню митрополиту Афанасию, заступившему место Макария (31 декабря 1563). Отслушавши литургию в присутствии всех бояр, царь принял благословение митрополита, дал целовать свою руку боярам и прочим, присутствовавшим в церкви; затем сел в сани с царицею и двумя сыновьями. С ним отправились любимцы его: Алексей Басманов, Михайло Салтыков, князь Афанасий Вяземский, Иван Чоботов, избранные дьяки и придворные. Вооруженная толпа выборных дворян и детей боярских сопровождала их.

Все в Москве были в недоумении. Ни митрополит, ни святители, съехавшиеся тогда в столицу, не смели просить у царя объяснения. Две недели, по причине оттепели, царь должен был пробыть в селе Коломенском, потом переехал со всем своим обозом в село Тайнинское, а оттуда через Троицкий монастырь прибыл в Александровскую слободу, свое любимое местопребывание.

Никто из Москвы не осмелился обратиться к удалившемуся государю. Наконец, 3 января приехал от него в столицу Константин Поливанов с грамотою к митрополиту. Иван объявлял, что он положил гнев свой на богомольцев своих, архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр, окольничьих, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских, приказных людей; припоминал, какие злоупотребления, расхищения казны и убытки причиняли они государству во время его малолетства; жаловался, что бояре и воеводы разобрали себе, своим родственникам и друзьям государевы земли, собрали себе великие богатства, поместья, вотчины, не радят о государе и государстве, притесняют христиан, убегают от службы; а когда царь – сказано было в грамоте – захочет своих бояр, дворян, служилых и приказных людей понаказать, архиепископы и епископы заступаются за виновных; они заодно с боярами, дворянами и приказными людьми покрывают их перед государем. Поэтому государь, от великой жалости, не хочет более терпеть их изменных дел и поехал поселиться там, где его Господь Бог наставит.

Гонец привез от государя другую грамоту к гостям, купцам и

ко всему московскому народу. В ней государь писал, чтобы московские люди нимало не сомневались: на них нет от царя ни гнева, ни опалы.

Иоанн Грозный

Понятно, что такое посольство произвело неописанный ужас в Москве; не говоря уже о том, что государство оставалось без главы в то время, когда находилось в войне с соседями, внутри его можно было ожидать междоусобий и беспорядков. Одним Иван объявлял гнев, другим милость и, таким образом, разъединял народ, вооружал большинство против меньшинства, чернил перед толпою народа весь служилый класс и даже духовенство, и, таким образом, заранее предавал огулом и тех и других народному суду, которого исполнителем должен быть он сам. Царь как бы становился заодно с народом против служилых.

Само собою разумеется, что ни служилые, ни духовные не могли ни оправдываться, ни возвышать за себя голоса. Весь народ возопил: "Пусть государь не оставляет государства, не отдает на расхищение волкам, избавит нас из рук сильных людей. Пусть казнит своих лиходеев! В животе и смерти волен Бог и государь!..." Бояре, служилые люди и духовные волею-неволею

должны были произносить то же и говорили митрополиту: "Все своими головами едем за тобою бить государю челом и плакаться". Некоторые из простого народа говорили: "Пусть царь укажет своих изменников и лиходеев; мы сами их истребим".

Положили, чтобы митрополит остался в столице, где начинался уже беспорядок. Вместо него поехали святители, а главным между ними новгородский архиепископ Пимен; в числе этих духовных был давний Иванов наушник, архимандрит Левкий; с духовенством отправились бояре, князья Иван Димитриевич Бельский, князь Иван Феодорович Мстиславский и другие. Были с ними дворяне и дети боярские. Как только они появились, то были тотчас, по царскому приказанию, окружены стражею. Царь принимал их как будто врагов в военном лагере. Посольство в льстивых выражениях восхваляло его заслуги, его мудрое правление, величало его грозой и победителем врагов, распространителем пределов государства, единым правоверным государем по всей вселенной, обладающим богатою страною, над которою почиет свыше благословение Божие и явно показывающее свою силу во множестве святых, их же нетленные телеса почиют в Русском царстве.

"Если, государь, – говорили они, – ты не хочешь помыслить ни о чем временном и преходящем, ни о твоей великой земле и ее градах, ни о бесчисленном множестве покорного тебе народа, то помысли о святых чудотворных иконах и единой христианской вере, которая твоим отшествием от царства подвергнется если не конечному разорению и истреблению, то осквернению от еретиков. А если тебя, государь, смущает измена и пороки в нашей земле, о которых мы не ведаем, то воля твоя будет и миловать, и строго казнить виновных, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами".

Царь сказал им, что он подумает, и через несколько времени призвал их снова и дал такой ответ:

"С давних времен, как вам известно из русских летописцев, даже до настоящих лет, русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный и благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя; и до сих пор я вижу измену своими глазами; не только с польским королем, но и с турками и крымским ханом входят в соумышление, чтоб нас погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну; и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и

нас с нашими детьми. Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей".

Иван подал им надежду возвратиться и снова принять жезл правления, но не иначе как окруживши себя особо выбранными, "опричными" людьми, которым он мог доверять и посредством их истреблять своих лиходеев и выводить измену из государства.

2-го февраля царь прибыл в Москву и явился посреди духовенства, бояр, дворян и приказных людей. Его едва узнали, когда он появился. Злоба исказила черты лица, взгляд был мрачен и свиреп: беспокойные глаза беспрестанно перебегали из стороны в сторону: на голове и бороде вылезли почти все волосы. Видно было, что перед этим он понес потрясение, которое зловредно подействовало на его здоровье. С этих пор поступки его показывают состояние души, близкое к умопомешательству. Вероятно, такой перемене в его организме содействовала и его развратная жизнь, неумеренность во всех чувственных наслаждениях, которым он предавался в этот период своего царствования.

Иван объявил, что он, по желанию и челобитью московских людей, а наипаче духовенства, принимает власть снова с тем, чтобы ему на своих изменников и непослушников вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя их имущество, и чтобы духовные вперед не надоедали ему челобитьем о помиловании опальных. Иван предложил устав Опричнины, придуманный им или, быть может, его любимцами. Он состоял в следующем: государь поставит себе особый двор и учинит в нем особый приход, выберет себе бояр, окольничьих, дворецкого, казначея, дьяков, приказных людей, отберет себе особых дворян, детей боярских, стольников, стряпчих, жильцов: поставит в царских службах (во дворцах -Сытном, Кормовом и Хлебенном) всякого рода мастеров и приспешников, которым он может доверять, а также особых стрельцов. Затем все владения Московского государства раздвоились: государь выбирал себе и своим сыновьям города с волостями, которые должны были покрывать издержки на царский обиход и на жалованье служилым людям, отобранным в Опричнину. В волостях этих городов поместья исключительно раздавались тем дворянам и детям боярским, которые были записаны в Опричнину, числом 1000: те из них, которых царь выберет в иных городах, переводятся в опричные города, а все вотчинники и помещики, имевшие владения в этих опричных волостях, но не выбранные в Опричнину, переводятся в города и волости за пределами Опричнины.

Царь сделал оговорку, что если доходы с отделенных в Опричнину городов и волостей будут недостаточны, то он будет брать еще другие города и волости в Опричнину. В самой Москве взяты были в Опричнину некоторые улицы и слободы, из которых жители, не выбранные в Опричнину, выводились прочь.

Александровская Слобода. Современное изображение

Вместо Кремля царь приказал строить себе другой двор за Неглинной (между Арбатской и Никитской улицами), но главное местопребывание свое назначал он в Александровской Слободе, где приказал также ставить дворы для своих выбранных в Опричнину бояр, князей и дворян. Вся затем остальная Русь называлась Земщиною, поверялась земским боярам: Бельскому, Мстиславскому и другим. В ней были старые чины, таких же названий, как в Опричнине: конюший, дворецкий, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольничий, стольники, дворяне, дети боярские, стрельцы и пр. По всем земским делам в Земщине относились к боярскому совету, а бояре в важнейших случаях докладывали государю. Земщина имела значение опальной земли, постигнутой царским гневом. За подъем свой государь назначил 100 000 рублей, которые надлежало взять из земского приказа, а у бояр, воевод и приказных людей, заслуживших за измену гнев царский или опалу, определено было отбирать имения в казну.

Царь уселся в Александровской Слободе, во дворце, обведенном валом и рвом. Никто не смел ни выехать, ни въехать без ведома Иванова: для этого в трех верстах от Слободы стояла воинская стража. Иван жил тут, окруженный своими любимцами, в числе которых Басмановы, Малюта Скуратов и Афанасий Вяземский занимали первое место. Любимцы набирали в Опричнину дворян и детей боярских, и вместо 1000 человек вскоре наверстали их до 6000, которым раздавались поместья и

вотчины, отнимаемые у прежних владельцев, долженствовавших терпеть разорение и переселяться со своего пепелища. У последних отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что их в зимнее время высылали пешком на пустые земли. Таких несчастных было более 12 000 семейств; многие погибали на дороге.

Новые землевладельцы, опираясь на особенную милость царя, дозволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели их в такое нищенское положение, что казалось, как будто неприятель посетил эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всем, что они услышат дурного о царе, но не иметь никакого дружеского сообщения, не есть и не пить с земскими людьми. Им даже вменялось в долг, как говорят летописцы, насиловать, предавать смерти земских людей и грабить их дома.

Современники иноземцы пишут, что символом опричников было изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются как собаки, оберегая царское здравие, и выметают всех лиходеев. Самые наглые выходки дозволяли они себе против земских. Так, например, подошлет опричник своего холопа или молодца к какому-нибудь земскому дворянину или посадскому: подосланный определится к земскому хозяину в слуги и подкинет ему какую-нибудь ценную вещь; опричник нагрянет в дом с приставом, схватит своего мнимо беглого раба, отыщет подкинутую вещь и заявит, что его холоп вместе с этою вещью украл у него большую сумму. Обманутый хозяин безответен, потому что у него найдено поличное. Холоп опричника, которому для вида прежний господин обещает жизнь, если он искренно сознается, показывает, что он украл у своего господина столько-то и столько и передал новому хозяину. Суд изрекает приговор в пользу опричника; обвиненного ведут на правеж на площадь и бьют по ногам палкой до тех пор, пока не заплатит долга, или же, в противном случае, выдают головою опричнику.

Таким или подобным образом многие теряли свои дома, земли и бывали обобраны до ниточки; а иные отдавали жен и детей в кабалу и сами шли в холопы. Всякому доносу опричника на земского давали веру; чтобы угодить царю, опричник должен был отличаться свирепостью и бессердечием к земским людям; за всякий признак сострадания к их судьбе опричник был в опасности от царя потерять свое поместье, подвергнуться пожизненному заключению, а иногда и смерти.

Случалось, едет опричник по Москве и завернет в лавку; там боятся его как чумы; он подбросит что-нибудь, потом придет с

приставом и подвергнет конечному разорению купца. Случалось, заведет опричник с земским на улице разговор, вдруг схватит его и начнет обвинять, что земский ему сказал поносное слово; опричнику верят. Обидеть царского опричника было смертельным преступлением; у бедного земского отнимают все имущество и отдают обвинителю, а нередко сажают на всю жизнь в тюрьму, иногда же казнят смертью. Если опричник везде и во всем был высшим существом, которому надобно угождать, земский был - существо низшее, лишенное царской милости, которое можно как угодно обижать.

Так стояли друг к другу служилые, приказные и торговые люди на одной стороне в Опричнине, на другой в Земщине. Что касается до массы народа, до крестьян, то в Опричнине они страдали от произвола новопоселенных помещиков: состояние рабочего народа в Земщине было во многих отношениях еще хуже, так как при всяких опалах владельцев разорение постигало массу людей, связанных с опальными условиями жизни, и мы видим примеры, что мучитель, казнивши своих бояр, посылал разорять их вотчины. При таком новом состоянии дел на Руси чувство законности должно было исчезнуть. И в этот-то печальный период потеряли свою живую силу начатки общинного самоуправления и народной льготы, недавно установленные правительством Сильвестра и Адашева: правда, многие формы в этом роде оставались и после; но дух, оживлявший их, испарился под тиранством царя Ивана.

Учреждение Опричнины, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться, и глядевшие на это иноземцы справедливо замечают: "Если бы Сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее".

Свирепые казни и мучительства возрастали со введения Опричнины чудовищным образом. На третий день после появления царя в Москве казнен был зять Мстиславского, одного из первых бояр, которому поверена была Земщина, – Александр Горбатый Шуйский с семнадцатилетним сыном и другие. Иные были насильно пострижены; другие сосланы. С некоторых Иван Васильевич брал новые записи в верности, а Михаила Воротынского освободил из ссылки, чтобы впоследствии замучить.

Царский образ жизни стал вполне достоин полупомешанного. Иван завел у себя в Александровской Слободе подобие монастыря, отобрал 300 опричников, надел на них черные рясы сверх вышитых золотом кафтанов, на головы тафьи или шапочки;

сам себя назвал игуменом, Вяземского назначил келарем, Малюту Скуратова – пономарем, сам сочинил для братии монашеский устав и сам лично с сыновьями ходил звонить на колокольню. В двенадцать часов ночи все должны были вставать и идти к продолжительной полуночнице. В четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братия собиралась к заутрене к богослужению, и, кто не являлся, того наказывали восьмидневной епитимией.

Утреннее богослужение, отправляемое священниками, длилось по царскому приказанию от четырех до семи часов утра. Сам царь так усердно клал земные поклоны, что у него на лбу образовались шишки. В восемь часов шли к обедне. Вся братия обедала в трапезной; Иван, как игумен, не садился с нею за стол, читал перед всеми житие дневного святого, а обедал уже после один. Все наедались и напивались досыта; остатки выносились нищим на площадь.

Нередко, после обеда, царь Иван ездил пытать и мучить опальных; в них у него никогда не было недостатка. Их приводили целыми сотнями, и многих из них перед глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлечение Ивана: после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники говорят, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв. Сама монашествующая братия его служила ему палачами, и у каждого под рясою был для этой цели длинный нож. В назначенное время отправлялась вечерня, затем братия собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечерие, и царь ложился в постель, а слепцы попеременно рассказывали ему сказки.

Иоанн Грозный

Иван хотя и старался угодить Богу прилежным исполнением правил внешнего благочестия, но любил временами и иного рода забавы. Узнает, например, царь, что у какого-нибудь знатного или незнатного человека есть красивая жена, прикажет своим опричникам силой похитить ее в собственном доме и привезти к нему. Поигравши некоторое время со своей жертвой, он отдавал ее на поругание опричникам, а потом приказывал отвезти к мужу. Иногда из опасения, чтобы муж не вздумал мстить, царь отдавал тайный приказ убить его или утопить.

Иногда же царь потешался над опозоренными мужьями. Ходил в его время рассказ, что у одного дьяка (у историка Гвагнини он называется Мясоедовским) он таким образом отнял жену, потом, вероятно, узнавши, что муж изъявлял за это свое неудовольствие, приказал повесить изнасилованную жену над порогом его дома и оставить труп в таком положении две недели; а у другого дьяка была повешена жена по царскому приказу над его обеденным столом. Нередки были также случаи изнасилования девиц, и он сам хвастался этим впоследствии. Царю особенно хотелось уличить своих главных бояр в измене. И вот князья Бельский, Мстиславский, Воротынский и конюший

Иван Петрович Челяднин получили от короля Сигизмунда и литовского гетмана Хоткевича письма, приглашавшие их перейти в Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану и отвечали королю с ведома царя не только отказом, но даже с бранью и насмешками, вроде следующих: "Будь ты на Польском королевстве, – пишет Бельский Сигизмунду, – а я на Великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под властью царского величества"; или, как написал конюший Иван Петрович: "Я стар для того, чтобы ходить в твою спальню с распутными женщинами и потешать тебя „машкарством" (от слова маска)".

Ответы эти от четырех лиц обличают одну и ту же сочинившую их руку и, вероятно, писаны под диктовку царя; сомнительно, чтобы в самом деле существовали пригласительные письма к московским боярам, они, по крайней мере, не сохранились в польских делах, тогда как в последних есть боярские (разумеется, черновые) ответы; видно, все это была хитрость Ивана, желавшего испытать своих бояр и при малейшем подозрении погубить их. Но бояре представили письма царю. Царю не было повода придраться к ним; но нетрудно было ему выдумать другой повод погубить конюшего, которого он особенно не терпел.

Царь обвинил несчастного старика, будто он хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем; царь призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на престол, сам стал кланяться ему в землю и говорил: "Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола". С этими словами он вонзил нож в сердце боярина и приказал умертвить его престарелую жену. Вслед за тем Иван приказал замучить многих знатных лиц, обвиненных в соумышлении с конюшим. Тогда погибли князья Куракин-Булгаков, Дмитрий Ряполовский, трое князей Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, казначей Тютин, думный дьяк Казарин-Дубровский и много других. По приказанию царя, опричники хватали жен опальных людей, насиловали их, некоторых приводили к царю, врывались в вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьян, раздевали донага девушек и в поругание заставляли их ловить кур, а потом стреляли в них. Тогда многие женщины от стыда сами лишали себя жизни. Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей, но в то же время Иван допускал поразительную непоследовательность и противоречие, вообще отличавшее его характер и соответствовавшее нездоровому состоянию души. Ту

же Земщину, в которой он на каждом шагу видел себе изменника, царь собирал для совещания о важнейших политических делах.

В 1566 году, по поводу литовских предложений о перемирии, царь Иван созвал земских людей разных званий и предложил им, главным образом, на обсуждение вопрос: уступать ли, по предложению Сигизмунда-Августа, Литве некоторые города и левый берег Двины, оставивши за собою город Полоцк на правой стороне этой реки? Мнения отбирались по сословиям.

Сначала подали свой голос духовные, начиная с новгородского архиепископа Пимена, три архиепископа, шесть епископов и несколько архимандритов, игуменов и старцев, потом – бояре, окольничьи, казначеи, печатник и дьяки, всего 29 человек; из них печатник Висковатый подавал особое мнение, впрочем, в сущности схожее в главном с остальными, за ними 193 человека дворян, разделенных на первую и вторую статью; за ними особо несколько торопецких и луцких помещиков, потом 31 человек дьяков и приказных людей и, наконец, торговые люди, из которых отмечено 12 гостей, 40 торговых людей и несколько смольнян, спрошенных особо, вероятно, по причине их близости к границе. Все они говорили в одном смысле: не отдавать ливонских городов и земли на правом берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но, в сущности, предоставляли государю поступить по своему усмотрению ("ведает Бог да государь: как ему, государю, угодно, так и нам, холопем его"). В заключение все должны были целовать крест на том, чтобы служить царю, его детям и их землям, кто во что приходится, и стоять против государевых недругов.

Дума эта, как нам кажется, была плодом подозрительности Ивана; везде видел он тайных изменников, мерещились ему тайные доброжелатели Литвы, и он пытался этим путем как-нибудь отыскать их по их словам, если кто нечаянно проговорится, иначе трудно объяснить совещание с народом того царя, который предал уже этот народ своей опале. По крайней мере нельзя предполагать, чтобы на соборе этом была одна Опричнина без Земщины. Созванные говорили то, что, по их соображению, было угодно Ивану. Замечательно, что во время сумасбродства московского царя в соседней стране, в Швеции, царствовал также полупомешанный сын Густава Вазы, Эрик. Из страха за престол он засадил в тюрьму брата своего Иоанна, женатого на той самой польской принцессе Екатерине, за которую некогда сватался московский царь.

Иван не мог забыть своего неудачного сватовства; неуспех свой он считал личным оскорблением. Он сошелся с Эриком, уступал ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против

Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзою, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину. Эрик согласился, и в Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе. Но члены государственного совета в Швеции целый год не допускали русских до разговора с Эриком и представляли им невозможность исполнить такое беззаконное дело: наконец, в сентябре 1568 года – низложили с престола своего сумасшедшего тирана, возвели брата его Иоанна. Русские послы, задержанные еще несколько месяцев в Швеции, как бы в неволе, со стыдом вернулись домой.

Иван был вне себя от ярости и намеревался мстить шведам; а чтобы развязать себе руки со стороны Польши, он решился на перемирие с Сигизмундом-Августом, тем более что война с Литвою велась до крайности лениво и русские не имели никаких успехов. Иван на этот раз сделал первый шаг к примирению, выпустил из тюрьмы польского посланника, которого задержал прежде, вопреки народным правам, и, отправляя в Польшу своих гонцов, приказал им обращаться там вежливо, а не так грубо, как бывало прежде.

В это время Ивану пришлось вступить в борьбу с церковною властью за свой произвол, доведенный до сумасбродства. Иван задался убеждением, что самодержавный царь может делать все, что ему вздумается, что не должно быть на земле права, которое бы могло поставить преграды его произволу или даже осуждать его деяния, как бы они ни были безнравственны и неразумны.

Митрополит Макарий был человек уклончивый. В былое время он был заодно с адашевской партией, но, когда государь разогнал ее, Макарий скромно глядел на то, что делал царь, и хотя не пристал из подобострастия к врагам своих прежних друзей, но, однако, и не пошел с последними. Когда заочно судили Сильвестра, Макарий возвысил было за него голос, но очень слабый. Сильвестр был заточен, его друзья и сторонники были истребляемы или подвергались гонению, Макарий оставался митрополитом и только скромно и смиренно дерзал просить Ивана о милосердии к опальным; царю и это было не по сердцу. Преемник Макария Афанасий, бывший царский духовник, был, как кажется, еще покорнее, но царь был недоволен и им; и он осмеливался иногда печалиться об опальных. Когда Иван оставлял Москву для Александровской слободы и прикидывался, будто хочет покинуть престол, то в числе причин, побуждавших его к отречению, выставлял и то обстоятельство, что митрополит и епископы бьют ему челом за опальных. Опричнина была введена; Афанасий не смел прекословить. Но недолго этот

пастырь выносил новый порядок вещей и удалился в Чудов монастырь на покой. Это было в 1566 году.

Надлежало выбрать нового первопрестольника. Выбор пал на казанского архиепископа Германа, из рода бояр Полевых, старца святой жизни, прославившегося своими подвигами распространения христианства в Казанской земле. Представившись первый раз царю, нареченный митрополит хотя не укорял Ивана прямо за его жизнь, но начал с ним беседу о христианском покаянии; беседа его очень не понравилась царю. Воспользовавшись этим, Алексей Басманов досказал царю то, что было в душе Ивана: этот Герман походил на Сильвестра, говорил с царем как Сильвестр. Иван прогнал Германа. Старец вскоре умер. Разнесся слух, будто царь приказал тайно спровадить его.

Тогда царь предложил в митрополиты соловецкого игумена Филиппа. Духовные и бояре единогласно говорили, что нет человека более достойного.

Филипп происходил из знатного и древнего боярского рода Колычевых. Отец его, боярин Стефан, был важным сановником при Василии Ивановиче. Мать его Варвара наследовала богатые владения Новгородской земли. Во время правления Елены Колычевы держались стороны князя Андрея, и трое из них были казнены с падением этого князя.

Молодой сын умершего Стефана, Федор, служил в ратных и земских делах. Царь Иван, будучи малолетним, видал его и, как говорят, любил. Достигши тридцатилетнего возраста, Федор Колычев удалился от мира и постригся в Соловецком монастыре. Что, собственно, побудило его к этому – неизвестно, но так как, вопреки всеобщему обычаю жениться рано, он оставался безбрачным, то должно думать, что причиною этого было давнее недовольство тогдашнею жизненною средою и расположение к благочестию. Через десять лет Филипп был поставлен игуменом Соловецкой обители.

Во всей истории русского монашества нет другого лица, которое бы, при обычном благочестии, столько же помнило обязанность заботиться о счастии и благосостоянии ближних и умело соединять с примерною набожностью практические цели в пользу других. Филипп был образцовый хозяин, какого не было ему равного в Русской земле в его время. Дикие, неприступные острова Белого моря сделались в его время благоустроенными и плодородными.

Пользуясь богатством, доставшимся ему по наследству, Филипп прорыл каналы между множеством озер, осушил их, образовал одно большое озеро, прочистил заросли, засыпал болота, образовал превосходные пастбища, удобрил каменистую

почву, навозил, где было нужно, землю, соорудил каменную пристань, развел множество скота, завел северных оленей и устроил кожевенный завод для обделки оленьих кож, построил каменные церкви, гостиницы, больницы, подвинул производство соли в монастырских волостях, ввел выборное управление между монастырскими крестьянами, приучал их к труду, порядку, ограждал от злоупотреблений, покровительствуя трудолюбию, заботился о их нравственности, выводил пьянство и тунеядство, одним словом, был не только превосходным настоятелем монастыря, но выказал редкие способности правителя над обществом мирских людей.

Неудивительно, что этого человека везде знали и уважали, а потому естественно было всем считать его самым достойным человеком для занятия митрополичьего престола. Но выбор со стороны подозрительного царя человека из боярского рода, который некогда заявлял себя против его матери Елены, может быть отнесен к тем противоречиям, которые были так нередки в поступках полоумного Ивана. Как бы то ни было, Филипп был призван в Москву. Когда он проезжал через Новгород, к нему сошлись жители и молили ходатайствовать за них перед царем, так как носился слух, что царь держит гнев на Новгород. При первом представлении царю Филипп только просил отпустить его назад в Соловки. Это имело вид обычного смирения. Царь, епископы и бояре уговаривали его. Тогда Филипп открыто начал укорять епископов, что они до сих пор, молча, смотрят на поступки царя и не говорят царю правды. "Не смотрите на то, – говорил он, – что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас Господь для того и отрешил от мира, чтобы мы служили истине, хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы за истину в день судный". Епископы, непривычные к такой смелой речи, молчали, а те, которые старались угодить царю, восстали на Филиппа за это.

Никто не смел говорить царю правды; один Филипп явился к нему и сказал: "Я повинуюсь твоей воле, но оставь Опричнину, иначе мне быть в митрополитах невозможно. Твое дело не богоугодное; сам Господь сказал: аще царство разделится, запустеет! На такое дело нет и не будет тебе нашего благословения".

"Владыка святый, – сказал царь, – воссташа на меня „мнози", мои же меня хотят поглотить".

"Никто не замышляет против твоей державы, поверь мне, – ответил Филипп. – Свидетель нам всевидящее око Божье; мы все приняли от отцов наших заповедь чтить царя. Показывай нам пример добрыми делами, а грех влечет тебя в геенну огненную.

Наш общий владыка Христос повелел любить Бога и любить ближнего как самого себя: в этом весь закон".

Иван рассердился, грозил ему своим гневом, приказывал ему быть митрополитом.

"Если меня и поставят, то все-таки мне скоро потерять митрополию, – говорил Филипп. – Пусть не будет Опричнины, соедини всю землю воедино, как прежде было".

Царь разгневался. Епископы, с одной стороны, умоляли Филиппа не отказываться, с другой – кланялись царю и просили об утолении его гнева на Филиппа. Царь требовал, чтобы Филипп непременно ставился в митрополиты и дал запись не вступаться в Опричнину. Филипп наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке, но всего менее ее можно объяснить трусостью, так как это не оправдывается ни предыдущим, ни последующим поведением Филиппа. Вернее всего, царь подал ему какую-нибудь надежду на свое исправление. Филипп дал грамоту не вступаться в царский домовый обиход и был поставлен в митрополиты 25 июля 1566 года.

Несколько времени после того царь действительно воздерживался от своей кровожадности, но потом опять принялся за прежнее, опять начались пытки, казни, насилия и мучительства. Филипп не требовал уже больше уничтожения Опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных и старался укротить его свирепость своими наставлениями. Царь оправдывал себя тем, что кругом его тайные враги. Филипп доказывал ему, что страх его напрасен.

"Молчи, отче, – говорил Иван, – молчи, повторяю тебе, и только благословляй нас по нашему изволению!" – "Наше молчание, – отвечал Филипп, – ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои". – "Не прекословь державе нашей, -сказал царь, – а не то – гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!" -"Я, – отвечал Филипп, – не просил тебя о сане, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона, – твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига".

Царь вскоре невзлюбил настойчивого митрополита и не допускал его к себе. Митрополит мог видеть царя только в церкви. Царские любимцы возненавидели Филиппа еще пуще царя. 31 марта 1568 года, в воскресенье, Иван приехал к обедне в Успенский собор с толпою опричников. Все были в черных ризах и высоких монашеских шапках.

По окончании обедни царь подошел к Филиппу и просил благословения. Филипп молчал и не обращал внимания на

присутствие царя. Царь обращался к нему в другой, в третий раз. Филипп все молчал.

Наконец царские бояре сказали: "Святый владыка! Царь Иван Васильевич требует благословения от тебя". Тогда Филипп, взглянув на царя, сказал: "Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе в Русской земле будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Взыщется от рук твоих невинная кровь. Если будут молчать живые души, то каменья возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд".

"Филипп, – сказал царь, – ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаиваться". "Не могу, -возразил ему Филипп, – повиноваться твоему повелению паче Божьего повеления. Я пришлец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть".

Иван был взбешен, но отвел свой гнев на других и на другой же день, как бы в досаду Филиппу, замучил князя Василия Пронского, только что принявшего монашество. Свирепость царя в это время все более и более возрастала.

В июле того же года происходили описанные нами выше отвратительные сцены разорения вотчин опальных бояр. Царь с пьяною толпою приехал в Новодевичий монастырь. Там был храмовой праздник и совершался крестный ход. Служил митрополит. Когда, по обряду, читая Евангелие, митрополит обратился, чтоб сказать: "Мир всем!" – то, заметив, что один опричник стоял в тафье, митрополит воскликнул: "Царь, разве прилично благочестивому держать агарянский закон?" – "Как? что? кто?" – завопил ему в ответ царь. "Один из ополчения твоего, из лика сатанинского", – сказал всенародно Филипп. Опричник поспешно спрятал свою тафью. Царь был вне себя от злости и, воротившись домой, собрал духовных для того, чтобы судить митрополита.

Царский духовник протопоп Евстафий, враг Филиппа, чернил митрополита, стараясь угодить Ивану. Составился план произвести следствие в Соловках и собрать разные показания

монахов, которые бы могли уличить бывшего игумена в разных нечистых делах. Царю хотелось, чтоб митрополит был низложен как будто за свое дурное поведение. В Соловки отправился за этим суздальский епископ Пафнутий с архимандритом Феодосием и князем Темкиным.

Соловецкие иноки сначала давали только хорошие отзывы о Филиппе. Но Пафнутий соблазнил игумена Паисия обещанием епископского сана, если он станет свидетелем против митрополита. К Паисию присоединилось несколько старцев, склоненных угрозами. Пафнутий привез их к царю. Собрали собор. Первенствовал на нем из духовных Пимен новгородский: из угождения царю он заявил себя врагом Филиппа, не подозревая, что через два года и его постигнет та же участь, какую теперь готовил митрополиту. Призван был митрополит и, не дожидаясь суда, сказал: "Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дело? Мне уже за шестьдесят лет; я жил честно и беспорочно. Так хочу и душу мою предать Богу, судье твоему и моему. Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях! Я творю тебе угодное. Вот мой жезл, белый клобук, мантия! Я более не митрополит. А вам, архиепископы, епископы, архимандриты, иереи и все духовные отцы, оставляю повеление: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвечаете перед Богом; бойтесь убивающих душу более, чем убивающих тело! Предаю себя и душу свою в руки Господа!" Он повернулся к дверям, намереваясь уйти, но царь остановил его и сказал: "Ты хитро хочешь избегнуть суда; нет, не тебе судить самого себя; дожидайся суда других и осуждения; надевай снова одежду, ты будешь служить на Михайлов день обедню".

Митрополит, молча, повиновался, надел одежду и взял свой жезл. В день архангела Михаила Филипп в полном облачении готовился начинать обедню. Вдруг входит Басманов с опричниками; богослужение приостанавливается; читают всенародно приговор церковного собора, лишающий митрополита пастырского сана. Вслед за тем воины вошли в алтарь, сняли с митрополита митру, сорвали облачение, одели в разодранную монашескую рясу, потом вывели из церкви, заметая за ним след метлами, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь. Народ бежал за ним следом и плакал: митрополит осенял его на все стороны крестным знамением. Опричники кричали, ругались и били едущего митрополита своими метлами.

Через несколько дней привезли на телеге низложенного митрополита слушать окончательный приговор. Игумен Паисий проговорил ряд обвинений. Пимен также говорил против

Филиппа. Филипп сказал: "Да будет благодать Божья на устах твоих. Что сеет человек, то и пожнет. Это не мое слово – Господне". Его обвиняли, между прочим, в волшебстве и приговаривали к вечному заключению. Филипп не оправдывался, не защищался, а только сказал царю: "Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде бывших царей. Те, которые творили добро, и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством и теперь вспоминаются недобрым словом. Смерть не побоится твоего высокого сана: опомнись, и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется".

Его увели. По царскому приказанию ему забили ноги в деревянные колодки, а руки в железные кандалы, посадили в монастыре Св. Николая Старого и морили голодом.

Рассказывают, что царь приказал отрубить голову племяннику его Ивану Борисовичу Колычеву, зашить в кожаный мешок и принести к Филиппу. "Вот твой сродник, – сказали ему, – не помогли ему твои чары".

Через несколько дней царь приказал отправить Филиппа в Отрочь-монастырь в Тверь: с досады он казнил еще нескольких Колычевых. Вместо Филиппа царь велел избрать в сан митрополита троицкого архимандрита Кирилла. Бедному Пимену не удалось сесть на митрополичий престол, чего он надеялся.

Мужество Филиппа раздразнило Ивана; оно подействовало на него не менее писем Курбского; оно усилило в нем склонность искать измены и лить кровь мнимых врагов своих. В характере царя, как мы уже заметили, было медлить гибелью тех, которых он особенно ненавидел; его воображение как бы тешилось образами будущих мук, которые ожидали ненавистных ему людей, а между тем он срывал злобу на других.

Иоанн Грозный

Уже давно не терпел он своего двоюродного брата Владимира Андреевича: последний в глазах подозрительного царя был для изменников готовым лицом, которого бы они, если б только была возможность, посадили на престол, низвергнув Ивана, но Иван не решался с ним покончить, хотя уже в 1563 году положил свою опалу как на него, так и на мать его; после того мать Владимира постриглась. Иван держал Владимира под постоянным надзором, отнял у него всех его бояр и слуг, окружил своими людьми, с тем чтобы знать о всех его поступках и замыслах. В 1566 году царь отнял у него удел и дал вместо него другой.

Наконец, в начале 1569 года, после суда над Филиппом, царь покончил с Владимиром. Было подозрение, быть может и справедливое, что Владимир, постоянно стесняемый недоверием царя, хотел уйти к Сигизмунду-Августу. Царь заманил его с женою в Александровскую Слободу и умертвил обоих. О роде смерти этих жертв показания современников не сходятся между собою: по одним – их отравили, по другим – зарезали. Во всяком случае, несомненно, что они были умерщвлены. Вслед за тем была утоплена в Шексне под Горицким монастырем мать Владимира монахиня Евдокия. Та же участь вместе с нею

постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Иулианию, вдову брата Иванова Юрия, какую-то инокиню Марию, также из знатного рода, и с ними двенадцать человек.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усиливалась в Иване. Его рассудок все более и более затмевался. В сентябре 1569 года умерла вторая жена его Мария Темрюковна, никем не любимая. Ивану вообразилось, что и она, подобно Анастасии, отравлена лихими людьми. Постоянный ужас, каждоминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что кругом его множество врагов и изменников, а отыскать их был не в силах; он готов был – то истреблять повально чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил; уже он чувствовал, что Басмановы, Вяземские и братья их овладели им не хуже Адашева и Сильвестра; ненавидел он и их: уже близок был конец их.

В это время царь приблизил к себе голландского доктора Бомелия. Из угождения Ивану, этот пришлец поддерживал в нем страх астрологическими суевериями, предсказывал бунты и измены: он-то, как говорят, внушил Ивану мысль обратиться к английской королеве. Иван писал к Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, соумышляют с враждебными ему соседями, хотят истребить его со всем родом. Иван просил английскую королеву дать ему убежище в Англии. Елизавета отвечала, что московский царь может приехать в Англию и жить там сколько угодно, на всем своем содержании, соблюдая обряды старогреческой церкви. Но в то же время, готовясь убегать от русского народа, Иван нашел предлог досыта удовлетворить своей кровожадности и совершить над русским народом такое чудовищное дело, которому равного мало можно найти в истории.

Московский царь давно уже не терпел Новгорода. При учреждении Опричнины, как выше было сказано, он обвинял весь русский народ в том, что в прошедшие века этот народ не любил царских предков. Видно, что Иван читал летописи и с особенным вниманием останавливался на тех местах, где описывались проявления древней вечевой свободы. Нигде, конечно, он не видел таких резких, ненавистных для него черт, как в истории Новгорода и Пскова. Понятно, что к этим двум землям, а особенно к Новгороду, развилась в нем злоба.

Новгородцы уже знали об этой злобе и чуяли над собою беду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за них перед царем. Собственно, тогдашние новгородцы не могли брать на себя исторической ответственности за прежних, так как они

происходили большею частью от переселенных Иваном III в Новгород жителей других русских земель; но для мучителя это обстоятельство проходило бесследно.

В 1569 году Иван начал выводить из Новгорода и Пскова жителей с их семьями: из Новгорода взял сто пятьдесят, из Пскова пятьсот, Новгород и Псков были в большом страхе. В это время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал разом и отомстить новгородцам, и угодить Ивану. Он написал письмо, как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев к Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю.

Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанных грамот. Грамоты, действительно, отыскались. Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь к злу не допустили его до каких-нибудь сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну: то была странная, сумасбродная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших. Не только Новгород и Псков, но и Тверь была осуждена на кару, как бы в воспоминанье тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана. Город Клин, некогда принадлежавший Твери, должен был первый испытать царский гнев. Опричники, по царскому приказанию, ворвались в город, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни в чем не повинные, не понимавшие, что все это значит, разбегались куда ни попало. Затем царь пошел на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступивши к Твери, царь приказал окружить город войском со всех сторон и сам расположился в одном из ближних монастырей. Малюта Скуратов отправился, по царскому приказу, в Отрочь-монастырь к Филиппу и собственноручно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем.

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и кончится, но через два дня, по царскому приказанию, опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары: воск, лен, кожи и пр., свозили в кучи, сжигали, а потом удалились. Жители опять начали думать, что этим дело кончится, что, истребивши их

достояние, им, по крайней мере, оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащут и бросают тела убитых в Волгу.

Сам Иван собирает пленных полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, частью помещены были в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок; и там повторялось то же, что делалось в Твери. В помяннике Ивана записано убитых там православных христиан 1490 чел. Но в Торжке Иван едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками; но, когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились в отчаянии на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого Ивана, но его остановили.

Все татары были умерщвлены.

Из Торжка Иван шел на Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы. По обе стороны от дороги опричники разбегались по деревням, убивали людей и разоряли их достояние.

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому повелению тотчас окружили город со всех сторон, чтоб никто не мог убежать из него. Потом нахватали духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в Городище поставили на правеж; всякий день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого, как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять. Дворяне и дети боярские, принадлежащие к Опричнине, созвали в Детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали. Это делалось в первых числах января 1570 года.

6 января, в пятницу вечером, приехал государь в Городище с остальным войском и с 1500 московских стрельцов. На другой день дано повеление перебить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь. 8 января, в воскресенье, царь дал знать, что приедет к Св. Софии к обедне.

По давнему обычаю, архиепископ Пимен со всем собором, с крестами и иконами стал на Волховском мосту у часовни Чудного креста встречать государя. Царь шел вместе с сыном Иваном, не целовал креста из рук архиепископа и сказал так: "Ты, злочестивец, в руке держишь не Крест Животворящий, а вместо

креста оружие; ты, со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этим оружием уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великий Новгород отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; с этих пор ты уже не назовешься пастырем и сопрестольником Св. Софии, а назовешься ты волк, хищник, губитель, изменник нашему царскому венцу и багру досадитель!" Затем, не подходя к кресту, царь приказал архиепископу служить обедню.

Иван отслушал обедню со всеми своими людьми, а из церкви пошел в Столовую палату. Там был приготовлен обед для высокого гостя. Едва уселся Иван за стол и отведал пищи, как вдруг завопил. Это был условный знак (ясак): архиепископ Пимен был схвачен; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкий Салтыков и царский духовник Евстафий с царскими боярами овладели ризницею церкви Св. Софии, а отсюда отправились по всем монастырям и церквам забирать в пользу царя церковную казну и утварь. Царь уехал в Городище.

Вслед за тем Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собою, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать "неисповедимыми", как говорит современник, муками, между прочим поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался поджар ("некоею составною мудростью огненною"), потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти вслед за собою в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. "Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева", – говорит современник.

Когда наконец царю надоела такая потеха на Волхове, он начал ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот. Осталось предание, что, приехавши в Антониев монастырь, царь отслушал обедню, потом вошел в трапезную и приказал побить все живое в монастыре.

Расправившись таким образом с иноческими обителями, Иван начал прогулку по мирскому жительству Новгорода, приказал истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы

и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядами по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам, разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу.

Наконец, 13 февраля, в понедельник на второй неделе поста, созвал государь оставшихся в живых новгородцев; ожидали они своей гибели, как вдруг царь окинул их милостивым взглядом и ласково сказал: "Жители Великого Новгорода, молите всемилостивого, всещедрого человеколюбивого Бога о нашем благочестивом царском державстве, о детях наших и о всем христолюбивом нашем воинстве, чтоб Господь подаровал нам свыше победу и одоление на видимых и невидимых врагов! Судит Бог изменнику моему и вашему архиепископу Пимену и его злым советникам и единомышленникам; на них, изменниках, взыщется вся пролитая кровь; и вы об этом не скорбите: живите в городе сем с благодарностью; я вам оставляю наместника князя Пронского".

Самого Пимена Иван отправил в оковах в Москву. Иностранные известия говорят, что он предавал его поруганию, сажал на белую кобылу и приказывал водить, окруженного скоморохами, игравшими на своих инструментах. "Тебе пляшущих медведей водить, а не сидеть владыкою", -говорил ему Иван. Несчастный Пимен был отправлен в Венев в заточение и жил там под вечным страхом смерти.

Число истребленных показывается современниками различно и, вероятно, преувеличено. Псковской летописец говорит, что Волхов был запружен телами. В народе до сих пор осталось предание, что Иван Грозный запрудил убитыми новгородцами Волхов, и с тех пор, как бы в память этого события, от обилия пролитой тогда человеческой крови, река никогда не замерзает около моста, как бы ни были велики морозы. Последствия царского погрома еще долго отзывались в Новгороде. Истребление хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но в окрестностях его; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил. Все лето 1570 года свозили кучами умерших к церкви Рождества в Поле вместе с телами утопленных, выплывавших на поверхность воды, и нищий старец Иван Жегальцо погребал их.

До сих пор Новгород, оправившись после Ивана III, был сравнительно городом богатым; новый торговый путь чрез Белое море не убил его; англичане сами посещали его и имели в нем, как в Пскове, Ярославле, Казани и Вологде, свое подворье.

Новгород отправлял значительный отпуск воска, кож и льна. Новгородские купцы (а именно купцы из новгородских пригородов Орешка и Корелы) в большом числе ездили в Швецию. Таким образом, в Новгороде были люди с капиталами и жители пользовались благосостоянием; с этим обстоятельством, конечно, совпадает и то, что Новгород пред другими краями русскими и в этот период славился преимущественно признаками умелости: так, в предшествовавшие годы приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков на камне и дереве, иконописцев и мастеров серебряных дел.

С Иванова посещения новгородский край упал, обезлюдел: недобитые им, ограбленные, новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищие поколения. Из Новгорода царь отправился в Псков с намерением и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были в оцепенении, исповедывались, причащались, готовились к смерти. Псковский воевода князь Юрий Токмаков велел поставить на улицах столы с хлебом-солью и всем жителям земно кланяться и показывать знаки полнейшей покорности, как будет въезжать царь.

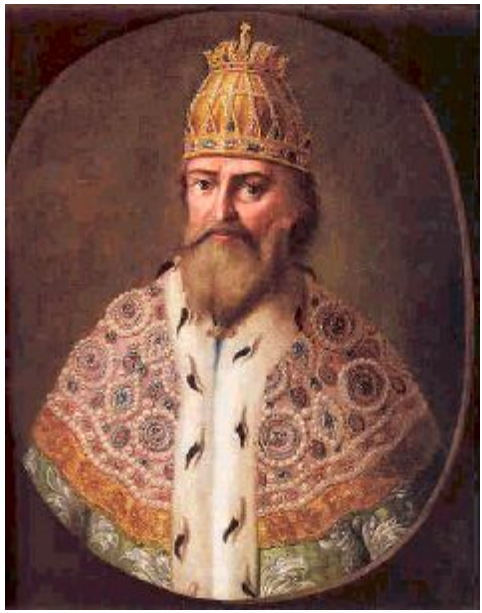
Иван подъехал к Пскову ночью и остановился в монастыре Св. Николая на Любатове. Здесь он услышал звон в псковских церквах и понял, что псковичи готовятся к смерти. Когда утром он въехал в город, его приятно поразила покорность народа, лежавшего ниц на земле, но более всего подействовал на него юродивый Никола по прозвищу Салос (что значит по-гречески юродивый). Этого рода люди, представлявшие из себя дурачков и пользовавшиеся всеобщим уважением, часто осмеливались говорить сильным людям то, на что бы не решился никто другой. Никола поднес Ивану кусок сырого мяса. "Я христианин и не ем мяса в пост", - сказал Иван. "Ты хуже делаешь, – сказал ему Никола, – ты ешь человеческое мясо". По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь. Это так подействовало на царя, что он никого не казнил, но все-таки ограбил церковную казну и частные имения жителей.

По возвращении Ивана в Москву заключено было, наконец, перемирие с Литвою литовскими послами. Срок перемирия назначен был три года, и в продолжение этого времени предполагали заключить окончательный мир. Один из находившихся в этом посольстве описывает выходки московского царя, подтверждающие наше убеждение, что он был тогда не в полном уме. Так, например, когда послы шли к нему на аудиенцию, государь стоял у окна с жезлом в руках, окруженный стрельцами, и громко закричал: "Поляки, поляки, если не

заключите со мною мира, прикажу всех вас изрубить в куски". Взявши у одного из литовской свиты соболью шапку, он надел ее на своего шута, приказывал ему кланяться по-польски, приказал изрубить приведенных ему в подарок лошадей. Послы были свидетелями, как он возвращался в Москву из своего новгородского похода: он сидел на коне с луком за спиною, а к шее коня была привязана собачья голова; возле него ехал шут на быке. Как бы желая опохмелиться от новгородской крови, он, во время пребывания послов, топил татарских пленников.

После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск. Уже, как мы сказали, он ненавидел Вяземского и Басмановых. Первый был перед тем до того любим царем, что Иван иногда ночью, вставши с постели, приходил к нему побеседовать, а когда царь бывал болен, то от него только принимал лекарство. Когда царь изменился к нему, человек, облагодетельствованный Вяземским и порученный им царской милости, некто Федор Ловчиков, донес на своего благодетеля, будто он предуведомил архиепископа Пимена о грозившей Новгороду опасности от царя. Иван призвал к себе Вяземского, говорил с ним очень ласково, а в это время по его приказанию были перебиты домашние слуги Вяземского. Вяземский ничего не знал, воротившись домой, увидел трупы своих служителей и не показал вида, чтоб это производило на него дурное впечатление. Вслед за тем его схватили, засадили в тюрьму, убили нескольких его родственников, а его самого подвергли пытке, допрашивая, где у него сокровища.

Вяземский отдал все, что награбил и нажил во времена своего благополучия, кроме того, показал на многих богатых людей, что они ему должны. Последние были ограблены царем. Вяземский умер в тюрьме, в невыносимых муках. Другой любимец, Иван Басманов, вместе с сыном также подверглись обвинению. Иван приказал сыну убить своего отца. К сыскному делу привлечено было множество лиц и в том числе знатные государственные люди, думный дьяк Висковатый, казначей Фуников, князь Петр Оболенский-Серебряный, Воронцов и другие.



Иоанн Грозный

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти ("кошки"), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидевши все эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги. Выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек осужденных на казнь в ужасающем виде от следов пытки; они едва держались на ногах.

Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Царю не понравилось это; царь разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: "Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость". Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. "Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!" -закричал Иван народу. "Будь здоров и благополучен! – закричал народ. -Преступникам и злодеям достойная казнь!"

Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность царя была так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например,

Висковатого повесили вверх ногами и рассекали на части, Фуникова обливали попеременно то кипящею, то ледяною водой и т. п. На другой же день после казни потоплены были жены казненных, и некоторые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками.

Безумное бешенство, овладевшее Иваном, в это время доводило его до того, что, как говорят иностранцы, он для забавы пускал медведей в народ, собравшийся на льду. Сказание это вероятно, так как нам известно, что Иван прибегал к такому способу мучений.

Русская земля, страдая от мучительства царя Ивана, терпела в то же время и от других причин: несколько лет сряду были неурожаи, свирепствовали заразительные болезни, повсюду была нищета, смертность, всеобщее уныние ("туга и скорбь в людях велия"). Ливонская война истощала силы и труд русского народа. Посошные люди, сгоняемые в Ливонию, погибали там от голода и мороза. Их высылали из далеких замосковских краев с запасами, заставляли тянуть байдаки и лодки, а средств к содержанию не давали. Они бросали работу, разбегались по лесам и погибали. Толпы русских были насильно переселяемы в ливонские города на жительство, заменяя переведенных в Московское государство немцев, и пропадали на новоселье от недостатка средств или от немецкого оружия. Народ русский проклинал Ливонскую войну, и современник летописец замечает по этому поводу, что через нее чужие города наполнялись русскими людьми, а свои пустели. К довершению всех бедствий, недоставало давнего бича русского народа – татарского нашествия; и это суждено было испытать русскому народу.

Не послушавшись своих советников и Вишневецкого, Иван пропустил удобный случай покончить с Крымом, но раздразнил Девлет-Гирея. Крымский хан с тех пор постоянно злобствовал против Москвы и дожидался случая отомстить ей за прежнее самым чувствительным образом. Несколько лет он уговаривал турецкого падишаха Солимана Великолепного нагрянуть на Москву с турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань. Солиман был слишком занят другими делами, но сын его Селим в 1569 году послал вместе с крымцами турецкое войско для завоевания Астрахани.

Этот поход был веден до того нелепо, что не мог иметь успеха. Турки доходили до Астрахани, но по недостатку припасов, при безладице, господствовавшей между ними и татарами, чуть все не погибли. Девлет-Гирей после этого хотел во что бы то ни стало поправить неудачу успехом другого рода и

нашел, что лучше всего последовать примеру предков и напасть прямо на Москву.

Разбойник Кудеяр Тишенков да несколько детей боярских, вероятно, его шайки (в числе их были природные татары) сообщили хану о плачевном состоянии Русской земли, о варварствах Ивана, о всеобщем унынии русского народа, указывали ему, что наступает самое удобное время напасть на Москву. Тогда как силы Руси истощались, Орда, бывшая прежде в расстройстве, поправилась. Девлет-Гирей с необыкновенной скоростью собрал до ста двадцати тысяч крымцев и нагаев и весной 1571 года бросился в середину Московского государства. Земские воеводы не успели загородить ему путь через Оку. Хан обошел их, направился к Серпухову, где был в то время царь с опричниками.

Иван Васильевич бежал и предал столицу на произвол судьбы, как в подобных случаях поступали и все предшественники Ивана, прежние московские государи.

Земские воеводы (князья Бельский, Мстиславский и другие) приготовились было отстаивать столицу. Но татары успели пустить огонь в слободы; пожар распространился с изумительной быстротой по сухим деревянным строениям; в какие-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорела. Уцелел один Кремль, куда не пускали народ, – там сидел митрополит Кирилл с царскою казною.

Тогда в Москве погибло такое множество людей, что современники в своих известиях преувеличивали число погибших до 80 000. Трудно было бежать из обширного города, куда, кроме жителей, набилось много народа из окрестностей; тех захватил пламень, другие задохлись от дыма и жара. В числе последних был главный воевода, князь Иван Бельский. Огромные толпы народа бросились в ворота, находившиеся в той стороне, которая была удалена от неприятеля; толпа напирала на толпу, передние попадали, задние пошли по ним, за ними другие повалили их, и таким образом многие тысячи были задавлены и задушены. Москва-река была запружена телами.

"В два месяца, – говорил англичанин-очевидец, – едва можно будет убрать кучи людских и конских трупов". Татары не могли ничего награбить; все имущество жителей Москвы сгорело. Хан не стал осаждать Кремль, отступил и послал Ивану Васильевичу письмо в таком тоне:

"Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего света применяю к праху, надеюсь на величество Божье, на милость для веры Ислама. Пришел я на твои земли с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты

в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве, в Москве, и пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег и город сжег и опустошил, много людей саблей побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и способность (дородство), ты бы против нас стоял! Отдай же мне Казань и Астрахань, а не дашь, так я в государстве твоем дороги видел и узнал: и опять меня в готовности увидишь".

Иван Васильевич был унижен, поражен, но, сообразно своему характеру, столько же падал духом, когда постигало его бедствие, сколько чванился в счастье. Иван послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать ему Астрахань, только просил отсрочки; он хотел как-нибудь хитростью и проволочкой времени оттянуть обещаемую уступку земель. Это ему и удалось. Ни Казани, ни Астрахани не пришлось отдать; на следующий год хан, понявши, что Иван Васильевич волочит дело, опять пошел на Москву, но был отбит на берегу Лопасни князем Михаилом Воротынским. Эта победа не могла, однако, загладить бедствия, нанесенные в 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселения, а столица помнила посещение Девлет-Гирея так долго, что даже в XVII веке, после новых бедствий Смутного времени, это событие не стерлось из памяти потомства.

Иван, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившийся то заговоров, то измен и восстаний, теперь более чем когда-нибудь вправе был ожидать вспышки народного негодования: оно могло прорваться, подобно тому, как это сделалось некогда после московского пожара. Иван Васильевич, вероятно, из желания оградить себя на случай, подставить других вместо себя в жертву народной злобы, взял с воеводы, начальствовавшего земским войском, князя Мстиславского (второго после Бельского, лишившегося жизни при московском пожаре во время нашествия хана) запись в том, что он и воеводы, его товарищи, изменнически сносились с ханом и подвели последнего на разорение Русской земли и ее столицы. Давши на себя такую странную запись, Мстиславский и его товарищи остались не только целы и невредимы, но потом начальствовали войсками. Нелепость этого обвинения видна сама собой, но царь после того мог уже без удержу объявлять даже иноземцам, что русские бояре, изменники, навели на него крымцев.

Бедствие, постигшее тогда Москву, повело, однако, к принятию на будущее время лучших мер безопасности. С этих пор в южных пределах государства образовалась сторожевая и

станичная служба: из детей боярских, казаков, стрельцов, а частью из охотников, посадских людей выбирались сторожи и станичники; первые, товариществами, попеременно держали сторожу на известных местах; вторые, также товариществами, ездили от города до города, от сторожи к стороже. Тогда на юге возникали новые города; так появились Венев, Епифань, Чернь, Данков, Ряжск, Волхов, Орел. Города эти были сначала небольшие острожки, с деревянными стенами и с башнями, окруженные рвами. Они мало-помалу привлекали к себе население людей смелых и отважных. Туда стекались так называемые гулящие и вольные люди, то есть незаписанные в тягло и не обязанные нести повинностей: то были молодые сыновья и племянники людей всякого звания, и служилых, и посадских, и крестьян.

Но Иван, оставивши живыми тех, которых принудил сознаться в небывалом преступлении, все-таки тогда же нашел себе повод мучить и убивать других людей. В это время он задумал жениться в третий раз и из собранных двух тысяч девиц выбрал себе в жены Марфу Васильевну Собакину. Прежде чем совершен был брак, царская невеста занемогла: тотчас явилось подозрение в отравлении, в порче. Подозрение это прежде всего пало на родственников прежних цариц, так как с новой супругой царя обыкновенно возвышались и новые люди, ее родные, а родственники прежних царских супруг должны были терять свое близкое к царю положение.

Иоанн Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею. Худ. А. Литовченко. 1875 г.

Иван Васильевич посадил на кол брата предшествовавшей жены своей Марии, Михайла Темрюковича, одного из кровожадных исполнителей царских приговоров; умерщвлен был и другой любимец Григорий Грязной; казнено было несколько знаменитых лиц.

Царь женился на своей больной невесте, но Марфа умерла через несколько дней после брака. Царь вопил, что ее извели лихие люди. На другой день Иван Васильевич собрал духовенство на собор и принудил его составить странную грамоту – грамоту, разрешающую царю вступить в четвертый брак, издавна запрещенный церковными уставами, но с тем, однако, чтобы никто из подданных не осмелился поступать по примеру царя. Митрополит Кирилл тогда умер; на соборе председательствовал преемник Пимена новгородский архиепископ Леонид, трус, корыстолюбец, низкопоклонный льстец.

Никто не осмелился поднять голоса за непоколебимость церковных постановлений; задумали только для вида устроить сделку с церковью. Собор дозволял царю противозаконный брак, но налагал на него епитимию, да и ту отчасти брали на себя духовные, разрешая от нее царя на время военных походов. Царь женился в четвертый раз на Анне Алексеевне Колтовской. Через год она ему надоела; царь постриг ее под именем Дарьи.

С тех пор царь, ободренный разрешением собора на четвертый брак, разрешал себе сам несколько супружеств одно за другим. По известию одного старого сказания, в ноябре 1573 года Иван Васильевич женился на Марье Долгорукой, а на другой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запрячь диких лошадей и пустить на пруд, в котором несчастная и погибла.

"Этот пруд, – замечает современник англичанин Горсей, – был настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола". В память события с Долгорукой царь велел провести черные полосы на позолоченном куполе церкви в Александровской Слободе.

Вслед за тем царь женился на Анне Васильчиковой; она не

долго прожила с ним; конец ее неизвестен; царь после нее женился на Василисе Мелентьевой, которая также скоро исчезла.

Между тем в управлении государства явилось еще новое сумасбродство. Вместо того чтобы, как прежде, оставлять Земщину в управление боярам, Иван поверил ее крещеному татарскому царю Симеону Бекбулатовичу и нарек его Великим князем всея Руси; это произошло в 1574 году. Нам неизвестен ближайший повод к этому событию, но, верно, оно связано с другим событием: царь на кремлевской площади казнил многих бояр, чудовского архимандрита и благовещенского протопопа – своих прежних любимцев; вслед за тем он создал из пленного татарина призрачного русского государя. Писались грамоты от имени Великого князя всея Руси Симеона. Сам Иван титуловал себя только московским князем и наравне с подданными писал Симеону челобитные с общепринятыми унизительными формами, например: "Государю,

Великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем, да с Федорцем челом бьет. Государь, смилуйся пожалуй!" Через два года Иван низложил этого Великого князя всея Руси и сослал в Тверь.

Иоанн Грозный на свадьбе Симеона Бекбулатовича

Симеон Бекбулатович

В эти годы в Польше и Литве совершались события чрезвычайной важности по своим последствиям. В июле 1572 года скончался король Сигизмунд-Август, и с ним прекратилась мужская линия Ягеллонов. Незадолго до своей смерти, в 1569 году, этот король с большим трудом устроил вечное соединение Великого княжества Литовского с Польским королевством в одно федеративное государство.

Много было препятствий, которые приходилось преодолеть, много их еще оставалось для того, чтобы это дело вполне окрепло. Литовско-русские паны, еще в то время сохранявшие и православную веру, и русский язык (хотя уже начинавший значительно видоизменяться от влияния польского), боялись за свою народность, как равно и за свои владетельские права; они хотя согласились на соединение, но все еще не доверяли полякам и хотели держаться особо. В самом акте соединения Великому княжеству Литовскому оставлялось устройство вполне самобытного государства и даже особое войско. Правда, всякое упорство литовско-русского высшего сословия в охранении своей веры и народности, по неизбежному стечению обстоятельств, никак не могло быть продолжительным, так как превосходство польской цивилизации перед русской неизбежно должно было

тянуть к себе русско-литовский высший класс и смешать его с польским, что и сделалось впоследствии.

Но во времена Ивана стремление к удержанию своей особности было еще сильно. Предстояло выбрать нового государя. Русско-литовские паны находили выгодным для своих стремлений избрать государя из московского дома преемником последнему из дома Ягеллонов. С этим соединялись и другие виды: кроме православных, естественно желавших иметь государя своей веры, в Польше было много протестантов, которые боялись посадить католика на престол. Люди с широким политическим взглядом видели, что избрание короля из московского дома повлекло бы впоследствии к такому же сближению, а впоследствии и к такому соединению Московской Руси с Польшей, какое последовало уже с Литовской Русью, вследствие воцарения династии Ягеллонов. Наконец, паны были падки на деньги и подарки, а московского государя считали богачом. Иван Васильевич сам очень желал этого, но, как увидим, не сумел достигнуть цели своих желаний и воспользоваться обстоятельствами.

Вскоре после смерти Сигизмунда-Августа Федор Зенкевич-Воропай приехал в Москву и объявил, что польско-литовская рада (совет) желает иметь королем сына Иванова Федора. Это Ивану не полюбилось: ему хотелось, чтобы избрали не сына, а его самого.

"Если бы вы, – сказал послу московский государь, – избрали меня своим государем, то увидели бы, какой добрый государь и защитник был бы у вас. Не зазнавались бы уже поганые! Да что я говорю, поганые? Ни Рим, ни другое какое-нибудь королевство не могло бы ничего сделать против нас, если бы ваши земли стали с нашими заодно. Я знаю, что у вас говорят, будто я злой и запальчивый человек; правда, я гневлив и зол, не хвалю себя за это. Но спросите, на кого я зол? На того, кто против меня зол. На злых и я злой, а кто добрый, тому я не пожалею снять цепь и одежду с себя". Тут стоявший близ царя Малюта Скуратов сказал: "Благочестивый царь, преславный государь, казна твоя не убога: найдешь чем кого жаловать!"

Иван продолжал: "Литовские и польские паны знают, как богаты были мои предки, а я вдвое их богаче. Неудивительно, что ваши государства милуют своих людей; ведь и ваши люди любят своих государей! А мои люди подвели на меня крымского хана и татар: их было 40 000, а у меня только 6000. Ну равные ли силы, сами посудите! Я ничего не знал; вперед отправил шесть воевод с большими полками, а они мне не дали знать о крымцах; положим, трудно было им справиться с большими неприятельскими силами: пусть бы несколько тысяч людей

потеряли, да мне принесли хотя бы одну плеть татарскую; я бы им и за то спасибо сказал! Я и тут ни на волос не испугался татар, а только увидел, что мои люди мне изменяют и предают меня, и потому немного свернул в сторону от татар. Тем временем татары напали на Москву: если бы в Москве была только тысяча человек для обороны, и тогда бы Москву отстояли; а то когда большие не хотели обороняться, то куда уж было обороняться меньшим? И что же? Москву сожгли, а меня об этом даже не оповестили! Видишь, какие изменники мои люди! После этого, если кто и казнен, то за свою вину. А у вас разве милуют изменников? Верно знаю, что их казнят. Скажи же панам польским и литовским, чтобы они, посоветовавшись, поскорее послали ко мне послов. Если Бог даст, я буду вашим государем, то обещаюсь перед Богом не только в целости сохранять ваши права и вольности, но еще умножу их. Не стану много говорить о своей доброте и злости. Если Бог даст, пусть литовские и польские паны пошлют своих сыновей на службу ко мне и детям моим. Тогда узнают, каков я – злой государь или добрый и милосердый? А что изменники мои говорят обо мне, то это у них уж такой обычай, чтобы говорить дурно о своих государях. Почти его, одари как только возможно, а он все-таки не перестанет говорить про тебя дурное!"

Царь просил только, чтобы ему уступили Ливонию по Двину и за то соглашался отдать назад Полоцк со всей его областью. "Если бы только паны захотели меня избрать своим государем, тогда и Ливония, и Новгород, и Псков, и Москва – все будет едино". Он отклонял намерение избрать в короли своего сына: "У меня, – говорил он, – их два, как два глаза в голове. Если мне отдать вам одного из них в короли – это все равно, что из человека сердце вырвать".

Предложение московского царя не понравилось многим панам, особенно польским. Те, которые готовы были избрать царевича Феодора, совсем неохотно мирились с мыслью избрать в короли свободного народа государя, который так ославился своим тиранством. Горячих католиков соблазняло и то, что царь исповедует греческую веру, хотя, впрочем, в этом отношении многие ласкали себя надеждой, что царь соединит греческую веру с латинской.

Прошло шесть месяцев. В Польше не остановились ни на каком выборе. Литовско-русские паны начали уже отчасти склоняться к выбору отдельного государя от Польши и хотели его искать непременно в единоверной Москве. Папский легат и вся католическая партия видели с этой стороны большую опасность. Но московский царь, так сказать, и пальцем не шевельнул в пользу дела, которого исполнения он прежде так добивался.

Литовско-русские паны в феврале 1573 года отправили в Москву из своей среды пана Михаила Гарабурду изъявить царю желание выбрать по воле самого Ивана или его, или его сына, но с тем, чтобы царь уступил Литве Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище, а если он отпустит в короли сына, то пусть даст ему несколько волостей. Иван говорил ни то ни се, явно колебался, хотя не считал невозможным отпустить сына, но замечал, что он "не девка", чтобы давать за ним приданое, и прибавлял, по-прежнему, что лучше бы было, если б не сына, а его самого выбрали в короли.

Гарабурда, видя, что Ивану самому хочется быть королем, сказал ему, что паны и все шляхетство склонны к тому, чтобы выбрать его на престол Великого княжества Литовского, но пусть он покажет средства, как сделать это. Иван требовал Ливонии, отдавал Полоцк, просил Киева, говоря при этом, что он добивается его только ради имени; хотел, чтоб в титуле Москва стояла выше Польши и Литвы, чтобы венчал его на королевство православный митрополит, и в то же время делал странные замечания, противоречившие одно другому: он изъявлял подозрение, что поляки и литовцы для того-то и хотят взять у него сына, чтобы выдать турецкому государю; что он сам в старости пойдет в монастырь, и тогда паны польские и литовские должны будут выбрать одного из его сыновей; что лучше было бы, если бы само Великое княжество Литовское без Польши избрало его, а еще лучше было бы, если б поляки и литовцы выбрали себе в короли австрийского принца Эрнеста, Максимилианова сына. Все это перепутывалось в речи Ивана несвязным образом. В заключение Иван требовал, чтобы не выбирали французского принца, грозя в таком случае войной.

Понятно, что такой способ поведения не мог умножить в Польше и Литве число сторонников Ивана. Между тем хитрый и ловкий французский посол Монлюк красноречием и подарками составил в пользу французского принца сильную партию в Польше. Случилось то, чего особенно не хотел московский государь: избран был французский принц Генрих д'Анжу.

Недолго пришлось быть этому государю в Польше. Не зная ни по-польски, ни по-латыни и плохо объясняясь по-итальянски, этот государь неспособен был к управлению и играл самую жалкую роль. Польские нравы были ему не под стать. Проскучал он со своими французами около четырех месяцев в Польше и, услыхавши, что бездетный брат его Карл IX умер, Генрих 18 июня 1574 года убежал тайно из Кракова во Францию, где и получил французский престол.

Теперь в Польше и Литве, по поводу выбора другого короля,

снова складывалась партия в пользу московского дома. Главой ее был человек очень сильный, примас королевства, гнезнинский архиепископ Яков Уханский. Он сносился с царем и научал его, как следует расположить обещаниями и дарами знатнейших панов. Но Иван действовал очень лениво, а в это время император Максимилиан прислал к нему посольство с просьбой ходатайствовать в Польше, чтобы в короли был выбран эрцгерцог Эрнест.

Иван думал было сначала устроить так, чтобы в Польше был выбран Эрнест, а в Литве он. Но такой план не нашел сочувствия в большинстве панов Литвы, не говоря уже о польских панах; план этот не был по сердцу и самому австрийскому дому; и там было желание владеть совокупно Польшей и Литвой; притом же Иван, намекая на такое разделение, противоречил себе, говоря, что он будет доволен, если Эрнест будет вместе королем польским и литовским.

Такое колебание было причиной, что партия, желавшая избрания короля из московского дома, совершенно исчезла. Одни паны хотели Эрнеста, другие – седмиградского князя Стефана Батория. Большинство осталось за последним. В апреле 1576 года избранный Стефан Баторий прибыл в Краков и получил польскую корону на условиях, явно враждебных Московскому государству, – отнять все, что в последнее время было захвачено царем. Таким образом, вместо желанного соединения и мира, Ивану Васильевичу со стороны Польши и Литвы угрожала упорная решительная война, тем более опасная, что теперь в соседней стране власть сосредоточивалась не в руках вялого и слабого телом и душой Сигизмунда-Августа, а в руках воинственного, деятельного и умного Стефана Батория.

По восшествии своем на престол новый король отправил посольство в Москву. Иван Васильевич рассердился за то, что Баторий называл сам себя ливонским государем и не давал московскому государю ни царского титула, ни титула Смоленского и Полоцкого князя. Мало этого, Иван поставил себе в оскорбление и то, что польский король назвал царя своим братом. Иван заметил, что Стефан Баторий ничуть не выше каких-нибудь князей Острожских, Бельских и Мстиславских.

Гордый вызов был этим сделан со стороны московского государя. Месть была уже решена в уме Батория; он отложил ее только до укрощения внутренних беспорядков в польских владениях.

Иван тем временем поспешил покончить с Ливонией. Уже несколько лет дело покорения этой страны шло очень вяло. Еще в 1570 году, вскоре после бойни в Новгороде, по призыву Ивана,

приехал в Москву владетель острова Эзеля, Магнус, брат датского короля. Иван женил его на своей племяннице Марье Владимировне, дочери убитого им Владимира Андреевича, и назвал Магнуса королем ливонским, с тем чтобы Магнус со своим королевством оставался под верховной властью московского государя. Сначала Иван Васильевич покушался было отнять для него у шведов Эстонию. Покушение не удалось.

В 1577 году приступил Иван Васильевич к решительным действиям в Ливонии. Так как эта страна отдалась частью шведам, частью полякам, то московский государь снова вооружал против себя разом и тех и других. Начали с Ревеля, принадлежавшего Швеции. Русские, под начальством князя Федора Мстиславского и Ивана Васильевича Шереметева Меньшого, зимой в продолжение шести недель пытались овладеть этим городом – и не успели.

Не только шведы и немцы, но чухны дрались против русских. Крестьянское население, терпевшее утеснения от немецких баронов, было прежде расположено признать власть Москвы, но свирепость, с какою по приказанию царя русские обращались вообще с жителями Ливонии без различия их происхождения, до того раздражила чухон, что они составили большое ополчение под начальством Ива Шенкенберга, прозванного Аннибалом за свою храбрость, и отличались против русских бесчеловечной жестокостью: не было пощады ни одному русскому, попавшемуся им в плен.

Русские, не взявши Ревеля и потерявши под этим городом своего воеводу Шереметева, вышли из Ливонии. Вслед за тем, весной, сам Иван вступил в Ливонию с таким огромным войском, какого еще не посылал на эту землю.

Царь направился не в шведскую, а в польскую Ливонию. Успех был чрезвычайный. Город за городом сдавались. Одни города взял сам царь, другие – Магнус: в числе взятых последним были: Кокенгузен, Венден и Вольмар. Тогда Магнус, которого Иван хотя и величал королем, но держал в черном теле, не давая ему ни в чем воли, написал царю из Вендена письмо, и в письме заметил, что пора уже отдать ему королевство его во владение. Царь отвечал Магнусу со злой насмешкой: "Не хочешь ли в Казань, а не то – ступай себе за море!" Вслед за тем он приказал призвать к себе Магнуса из Вендена, обвинил его в измене, в сношениях с курляндским герцогом и с поляками, обругал его и посадил под стражу.

Преданные Магнусу немцы, услышавши, что сделалось с их королем, заперлись в венденском замке, страшась свирепства московских людей; они начали было стрелять в них, за это царь

приказал взять замок приступом и осудил на избиение всех жителей Вендена. Все, сидевшие в замке, не видали возможности устоять против русских и сами взорвали себя на воздух. Жители города Вендена подверглись жестоким мукам и смерти, ратные люди, по царскому приказанию, изнасиловали всех женщин и девиц. Взявши, между прочим, город Вольмар, Иван вспомнил Курбского, бежавшего в этот город, написал ему письмо, в котором величался своими успехами; вместе с тем чванился своим смирением, называл себя блудником и мучителем и советовал Курбскому покаяться. С торжеством воротился царь в Александровскую Слободу, простил Магнуса, но обложил его на будущее время данью и не думал о том, какие последствия может иметь то обстоятельство, что он раздражил польского короля своим нашествием на польскую Ливонию.

Царь Иоанн Грозный просит игумена Корнилия постричь его в монахи. Худ. Клавдий Лебедев Царь опять принялся за казни – свое любимое занятие.

Еще перед отъездом в Ливонию он пригласил к себе новгородского архиепископа Леонида, человека корыстолюбивого, возбудившего против себя ненависть в своей епархии, приказал зашить его в медвежью шкуру и затравить собаками. Идя в Ливонию или возвращаясь оттуда, Иван Васильевич заехал в Псково-Печерский монастырь: тамошный игумен Корнилий встретил его; Ивану бросились в глаза сильные укрепления монастыря, сооруженные за свой счет Корнилием, происходившим из боярского рода. Ивану это показалось подозрительно; вспомнилось былое, закипело сердце, и он убил Корнилия жезлом своим – "предпослал его царь земной царю

небесному", как гласит надгробная надпись над Корнилием.

Прибывши в Слободу, царь разделывался с боярами. Холоп князя Михаила Воротынского обвинил своего господина в чародействе. Иван давно уже ненавидел этого боярина. Его недавние успехи над татарами только увеличивали подозрительность Ивана. Царь приказал его подвергнуть пытке огнем в своем присутствии, сам, как рассказывают, подгребал жезлом своим уголья под его тело, а потом отправил измученного Воротынского в ссылку на Белоозеро. Воротынский умер в пути. Тогда же казнены были князья Никита Романович Одоевский, Петр Куракин, боярин Иван Бутурлин, несколько окольничьих и других лиц: в числе их были дядя и брат одной из бывших цариц, Марфы, Собакины.

В это же время замучен был любимец Ивана, князь Борис Тулупов: его посадили на кол и перед глазами его с варварским бесстыдством истязали старую мать его. Несколько позже замучен был любимец Ивана, врач Елисей Бомелий. Очевидец англичанин рассказывает, что ему выворотили из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетьми, потом в этом виде привязали к деревянному столбу и поджаривали, наконец, еле живого посадили на сани, повезли через Кремль и бросили в тюрьму, где он тотчас умер.

Ливонский поход не мог остаться без отомщения со стороны Батория, давшего при своем восшествии на польский престол обещание возвратить Польше то, что еще прежде было в руках московского царя. Баторий отправил к царю посольство с требованием возвратить отнятые ливонские города. На это отвечали в Москве, что царь не только требует Ливонию и Курляндию, но еще Киев, Витебск, Канев и другие города. Послам объявили, что бывший дом Ягеллонов происходил от полоцких князей Рогволодовичей, и на этом основании московский государь, как родич последних, считает Великое княжество Литовское и королевство Польское своим наследием.

Царь не хотел называть Батория братом, а называл его только соседом и приказывал через своих бояр перед польскими послами говорить разные оскорбительные речи его именем. "Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выберете вы себе в короли! Носились слухи, что вы хотите посадить себе на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Что ж, по вашему избранию разве и этих считать нам братьями? Ваш король недостоин такого великого сана; можно бы и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотим для христианства".

После такого приема война была решена. Вести ее Баторию

было нелегко; поляки и литовцы вовсе не отличались воинственным духом и не давали королю денег. Баторий, при помощи канцлера и гетмана Яна Замойского, преодолел большие трудности, употребил на военные издержки собственные деньги, пригласил опытную пехоту венгерскую и немецкую, снарядил исправную артиллерию. К счастью Польши, Швеция также взялась за оружие против Ивана. Первое столкновение произошло в Ливонии. Магнус, которому Иван, простивши его, дал Оберпален, передался Баторию.

Русские воеводы по царскому приказу двинулись на Венден, но были окружены и разбиты наголову соединенными польскими и шведскими войсками. Главные предводители пали в битве; другие попались в плен; иные бежали. Царь Иван тем временем с большим войском выступил в Новгород и вдруг услышал, что его войска разбиты и Баторий подступает к Полоцку.

29 августа 1579 года венгерская пехота зажгла стены Полоцка. Один из бывших там русских воевод Петр Волынский со стрельцами послал сказать Баторию, что они сдаются. Другие воеводы, и с ними полоцкий владыка Киприан, не соглашались и хотели взорвать себя на воздух, но их не допустили до этого, вытащили из церкви Св. Софии и привели к королю. Многие перешли тогда на службу Баторию; другие были отпущены в отечество и ворочались с полной уверенностью, что царь казнит их. Вслед за Полоцком был взят приступом город Сокол; воевода Федор Шереметев был взят в плен, другой воевода, Борис Шеин, убит. Кровопролитие было сильное, русские бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били. В то же время князь Константин Острожский забирал города в Северской области, а Кмита опустошил Смоленскую область. Баторий давал своим военачальникам строгое приказание не дозволять мучить мирных жителей, не истреблять их полей, объявлял в своем манифесте, что воюет с московским царем, а не с народом. К довершению несчастий для русских, шведы захватили Корелию и Ижорскую землю.

Царь находился с войском во Пскове и услышал там о новом поражении своих войск. Все его высокомерие исчезло. Он пришел в ужас и ушел в Москву. На этот раз он не казнил беглецов; он боялся восстания народного и приказал в Москве дьяку Щелкалову успокаивать народ. Назло ему и к большей его досаде, Курбский прислал ему тогда язвительное письмо: противопоставлял прежнюю славу своего отечества с настоящим посрамлением: "Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся

шума листьев, колеблемых ветром; вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!"

В январе 1583 года царь созвал собор из всех главнейших церковных сановников, представил им, что неверные соседние государи – литовский, турецкий, крымский, шведский, нагаи, поляки, угры, лифляндские немцы, как дикие звери, распалившись гордостью, хотят истребить православие, а между тем множество сел, земельных угодий находятся у епископий и монастырей, служат только для пьянственного и непотребного жития монахов; иные остаются в крайнем запустении, а через это служилое военное звание терпит недостаток. Собор не смел противоречить, постановлено было, чтобы вперед епископии и монастыри не принимали вотчин по душам, не брали их в залог, а равным образом не продавали вотчин и не давали на выкуп тех из них, которые уже за ними утверждены крепостями. Это уже было не первое распоряжение в таком роде, и замечательно, что царь, делая постановления об ограничении прав епископий и монастырей приобретать вотчины, сам нарушал свои постановления и давал то тому, то другому монастырю грамоты на вотчины.

Главное, чего добивался Иван, было намерение попользоваться временно за счет церкви. Таким образом, постановлением того же собора царю предоставлялось забрать на себя все княжеские вотчины, какие прежде были отданы или проданы церковному ведомству, также и все заложенные земли, а денежное вознаграждение за них предоставлялось милости государя. Наконец, приговорено было в виде проекта составить подробный инвентарь доходам епископов и монастырей и оставить им по ровной части, сообразно их сану, т. е. одинаковую часть всем архиепископам и одинаковую всем епископам, а также всем монахам и монахиням оставить поровну, столько, чтобы они имели достаточное одеяние и пропитание и ни в чем не терпели скудости, а все излишнее брать на устройство войска. Но для этого нужно было время. Современник англичанин говорит, что после этого собора, кроме многих недвижимых имений, которые по соборному постановлению переходили на государя, царь взял с духовенства огромную сумму на военные издержки.

Такими мерами доискивался Иван Васильевич средств для ведения войны, а между тем отправил к Баторию посольство, но уже не приказывал своим послам каких-нибудь оскорбительных

выходок, напротив, велел им не обращать внимания, если король не спросит о царском здоровье и не встанет с места, когда они будут отдавать ему поклон от московского государя.

В другое время по общепринятым обычаям это было бы сочтено большим оскорблением. Мало того: если послов станут бесчестить и бранить, то им следовало на это жаловаться приставу слегка, а не говорить "прытко". Унижение не помогло. Баторий обращался с послами гордо и готовился снова идти на Ивана. Поляки, как и прежде, не давали своему королю денег, даже упрекали его и не хотели вовсе войны. Замойскому с трудом удалось уговорить сейм не заключать мира. Баторий и теперь жертвовал в пользу Польши свои собственные деньги; и Замойский дал ему на войну свои средства. Из Венгрии выписали еще пехоты. Наконец, Баторий и Замойский выдумали новое средство набрать войско: они объявили крестьянам королевских имений со всем их потомством свободу от всяких повинностей, если те пойдут в военную службу: положили таким образом взять с двадцати человек одного.

Прошла зима и весна в приготовлениях, и только 16 июня 1580 года Баторий выступил с войском из Вильны. Московские послы являлись одни за другими. Их не слушали; над ними ругались. Баторий требовал Новгорода, Пскова и Великих Лук со всеми их землями, само собою разумеется, не ожидая удовлетворительного ответа на свой запрос. Поход Батория был успешен как нельзя более. Замойский взял Велиж; покорены были и другие города. В августе сам Баторий осадил Великие Луки. 6-го сентября этот город был взят, затем взяты были: Невель, Озерище, Заволочье, Торопец. Шведский полководец Делагарди отнял у русских Везенберг и начал покорять другие ливонские города. С наступлением осени Баторий уехал в Польшу, но партизанская война продолжалась и зимою. Литовцы взяли Холм и Старую Русу, а запорожские казаки со своим гетманом Оришевским врывались в южные пределы Московского государства и опустошали их.

В то время, когда Баторий брал у Ивана город за городом, сам Иван отпраздновал у себя разом два брака. Сначала женился сын его Федор на Ирине Федоровне Годуновой (вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство знаменитый в будущем Борис Федорович Годунов). Затем Иван выбрал из толпы девиц себе в жены Марию Федоровну Нагую.

Торжества по поводу свадеб (имевших в истории печальные последствия) вскоре заменились скорбью и унижением, когда царь узнал, что делается с его войском. Еще раз отправил он посольство просить приостановки военных действий для

заключения мира, и не только называл Стефана Батория братом, но дал своим гонцам наказ терпеливо сносить всякую брань, бесчестие и даже побои. Иван отказывался от Ливонии, но Баторий требовал 400 000 червонцев контрибуции.

Польский король, потешаясь унижением и малодушием врага, отправил к московскому царю своего гонца Лопатинского с письмом, очень характеристичным: "Как смел ты попрекать нас басурманством, – писал он московскому властелину (т. е. тем, что Баторий был вассалом турецкого султана), – ты, который кровью своей породнился с басурманами, твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч! Ты себя выводишь не только от Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого; если ты действительно из греков, то разве – от Тиэста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка! Ты – не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю… Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными как над скотами, а не так, как над людьми! Самая величайшая мудрость: познать самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе написаны; а если хочешь, еще других пришлю: чтобы ты в них, как в зеркале, увидел и себя и род свой… Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог почувствуешь еще! Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство, должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными и с их согласия ведут войны, заключают договоры; вот и мы велели созвать со всей земли нашей послов, чтоб охраняли совесть нашу и учинили бы с тобою прочное установление; но ты этих вещей не понимаешь…" Баторий предлагал Ивану во избежание пролития крови сразиться с ним на поединке. "Курица, – писал между прочим Баторий, – защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, орел двуглавый, от нас прячешься" – и пр.

Иван стал себе искать посредников и отправил гонца Шевригина в Вену и в Рим просить ходатайства императора и папы о заключении мира с Баторием. Император Рудольф отклонил свое посредничество, но папа Григорий XIII с радостью ухватился за это дело, потому что увидел возможность

попытаться: нельзя ли склонить московского царя к соединению церквей и к признанию папской власти. Папа выбрал для этой цели знаменитого в свое время ученого богослова Антония Поссевина.

Пока составлялись планы примирения, Баторий и Замойский всеми силами старались склонить сейм к продолжению войны; они представляли необходимость воспользоваться счастливым временем, чтобы надолго сломить силу Московского государства и остановить завоевательные стремления царя. Поляки хотя и расхваливали короля за его военные доблести, но по-прежнему не расположены были вести долгой войны и дали позволение своему королю еще на один поход, но не иначе как с условием, чтобы этот поход против Москвы был последний, и после него непременно было заключено перемирие. Баторий занял денег у прусского герцога и у других владетелей немецких, вызвал из Европы свежее наемное войско, числом до ста семидесяти тысяч, и летом 1581 г. двинулся на Псков.

Со своей стороны, Московское государство ополчалось до последних сил, так что у Ивана могло набраться, как показывают современники, ратных людей тысяч до трехсот; но это войско непривычное к бою и неопытное, притом же тогда боялись нашествия крымского хана, а потому невозможно было сосредоточить всех сил против Батория, а нужно было составить оборону против татар. Сверх того, приходилось защищаться и против шведов.

В Пскове было до 30 000 русских. Главное начальство над ними было поручено князьям Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому.

Поход Батория был сначала очень успешен. Он взял псковские пригороды Опочку и Красный; 20-го августа поляки и венгры пробили каменную стену Острова, разрушили башню, и старый воевода, начальствовавший в Острове, сдался на милосердие короля. В конце августа 1581 года Баторий появился под стенами Пскова. Удобное время уже было пропущено; весна и лето прошли в приготовлениях и сборах: иначе и быть не могло, так как поляки не давали королю своему никаких средств. Началась продолжительная осада. Русские на этот раз защищались упорно, 8-го сентября Баторий сделал пролом в стене, взял две башни, войско его уже врывалось в город; но русские, ободряемые князем Шуйским, выгнали врагов и подняли на воздух Свиную башню, которою овладели было королевские воины.

Баторий потерял разом до 5000 человек. После этой неудачи король и Замойский с большим трудом поддерживали

дисциплину в войске. Наступила глубокая осень; началась дурная погода; еще другой-третий раз делали приступ, рыли подкопы – ничто не удавалось! Баторий отправил отряд овладеть Псково-Печерским монастырем; и там не было удачи. Король объявил, что решается во что бы то ни стало взять Псков осадой и будет зимовать под городом, приказывал копать землянки и строить избы для воинов; а тем временем в его стане ощущался недостаток съестных припасов, сделалась дороговизна, падали лошади, убегали люди. Отойти от Пскова, не взявши его и не заключивши мира, было бы срамом для Батория: ропоту в Польше не было бы и предела. Баторий потерял бы свою воинскую честь и свое нравственное влияние.

Но и положение московского государя от неудач Батория не улучшалось. Шведы одерживали над русскими победу за победой. Шведский генерал взял Нарву, захватил часть Новгородской земли, овладел Корелою, берегами Ижоры, городами Ямою и Копорьем. Магнус взял Киремпель; ливонские города были отняты у русских почти все. Радзивилл, сын виленского воеводы, с казаками и литовскими татарами, вступивши в глубину неприятельской земли, доходил почти до Старицы, где находился тогда Иван Васильевич. Долгие мучительства и развращение, посеянное в народе опричниною, приносили свои плоды: русские легко сдавались неприятелю и переходили на службу к Стефану Баторию; один Псков представлял счастливое исключение, благодаря тому, что там находился умный и деятельный Иван Петрович Шуйский. Иван Васильевич трепетал измены, боялся посылать от себя войско: ему представлялось, что его самого схватят и отвезут к Баторию. Понятно, что Ивану Васильевичу нужен был мир как можно скорее. Упорство Пскова и нежелание поляков давать средства своему королю на продолжение войны невольно приводили и Стефана Батория к тому же.

Посредник, назначенный папою, иезуит Антоний Поссевин, посетил сначала Батория, дал ему как католику свое благословение на бранные подвиги, а потом прибыл к московскому государю и виделся с ним в Старице. Как духовное лицо и как посланник папы Поссевин сразу заявил, что его гораздо более занимает вопрос о соединении церквей, чем о примирении с поляками. В числе подарков, привезенных им от папы, была книга о флорентийском соборе, которому Западная церковь придавала смысл великого Вселенского собора, уже соединившего Восточную церковь с Западной. Поссевин представлял царю Ивану Васильевичу большие выгоды от соединения, указывал на возможность всеобщего ополчения христианских держав против турок. Царь принял иезуита

чрезвычайно ласково и почтительно, не лишал его надежды на предполагаемое церковное соединение, но не обещал ничего положительного и просил его прежде всего о заключении мира, сколько-нибудь выгодного для московского государя. Антоний уехал от царя с надеждой опять приехать к нему после заключения мира, уже исключительно по делам веры.

При посредстве Антония, в деревню Киверова Горка, в пятнадцати верстах от Запольского Яма, в декабре 1581 г. съехались с обеих сторон уполномоченные. Им пришлось жить в крестьянских курных избах, терпеть зимний холод и недостаток, даже пить снежную воду. Кругом все было опустошено.

Антоний Поссевин явно мирволил польской стороне; московские послы упрямились, желая выговорить себе более выгодные условия; шли споры о титулах и словах, так что однажды иезуит разгорячился, вырвал у них из рук бумагу, даже схватил одного из них за воротник шубы, повернул, пуговицы оборвал на шубе и сказал: "Ступайте вон! Я с вами ничего не буду говорить!" Наконец, после трех недель бесполезных споров, 6-го января 1582 года обе стороны подписали перемирие на десять лет. По этому перемирию московский государь отказался от Ливонии, уступил Полоцк и Велиж, а Баторий согласился возвратить взятые им псковские пригороды.

По заключении мира Поссевин отправился в Москву с давно желанной целью привести царя к соединению с Западной церковью.

В Александровской слободе случилось между тем потрясающее событие: в ноябре 1581 года царь Иван Васильевич в порыве запальчивости убил железным посохом своего старшего сына, уже приобретшего под руководством отца кровожадные привычки и подававшего надежду, что, по смерти Ивана Васильевича, будет в его государстве совершаться то же, что совершалось при нем.

Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года. Худ. И. Е. Репин. 1885 г.

Современные источники выставляют разно причину этого события. В наших летописях говорится, что царевич начал укорять отца за его трусость, за готовность заключить с Баторием унизительный договор и требовал выручки Пскова; царь, разгневавшись, ударил его так, что тот заболел и через несколько дней умер.

Согласно с этим повествует современный историк Ливонской войны Гейденштейн; он прибавляет, что в это время народ волновался и оказывал царевичу особое перед отцом расположение, и через то отец раздражился на сына. Антоний Поссевин (бывший через три месяца после того в Москве) слышал об этом событии иначе: приличие того времени требовало, чтобы знатные женщины надевали три одежды одна на другую. Царь застал свою невестку, жену Ивана, лежащею на скамье в одной только исподней одежде, ударил ее по щеке и начал колотить жезлом. Она была беременна и в следующую ночь выкинула. Царевич стал укорять за то отца: "Ты, – говорил он, – отнял уже у меня двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвил в утробе ее моего ребенка". Иван за эти слова ударил сына изо всех сил жезлом в голову. Царевич упал без чувств, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричал, рвал на себе волосы, вопил о помощи, звал медиков… Все было напрасно: царевич умер на пятый день и был погребен 19 ноября в Архангельском соборе.

Царь в унынии говорил, что не хочет более царствовать, а пойдет в монастырь: он собрал бояр, объявил им, что второй сын его Федор неспособен к правлению, предоставлял боярам выбрать из среды своей царя. Но бояре боялись: не испытывает ли их царь Иван Васильевич и не перебьет ли он после и того, кого они выберут, и тех, кто будет выбирать нового государя. Бояре умоляли Ивана Васильевича не идти в монастырь, по крайней мере, до окончания войны. С тех пор много дней царь ужасно мучился, не спал ночей, метался как в горячке.

Наконец мало-помалу он стал успокаиваться, начал посылать богатые милостыни по монастырям, отправлял дары и на Восток, чтобы молились об успокоении души его сына. В это время усиленно припоминал он погубленных и замученных им, вписывал имена их в синодики, а когда не мог пересчитать их и припомнить по именам, писал просто: "их же ты, Господи, веси!"

Антоний приехал в Москву три месяца спустя после убийства

царевича; он застал еще царя и весь двор в черных одеждах, с отрощенными волосами, по придворному обычаю. Иезуиту хотелось устроить религиозное прение о вере с царем и убедить его силой своих доводов. Но Иван не изъявлял на то большой охоты. "Что спорить о вере, – говорил он, – каждый свою веру хвалит. Мне уже пятьдесят первый год, воспитался я в истинной христианской вере, и переменять мне ее не годится! Придет Страшный суд, и тогда Господь рассудит: какая вера правая, наша или латинская?" – "Святой отец, – сказал Антоний, – вовсе не хочет, чтобы ты менял древнюю греческую веру, основанную на учении св. отцов и постановлениях св. соборов. Он хочет только, чтоб ты исследовал: что есть истинного, и то утвердил в своем царстве. Он хочет, чтобы во всем мире была одна церковь; и мы бы ходили в греческую к вашим священникам, и ваши ходили бы к нашим". Антоний распространился об истории церкви, а в особенности о флорентийском соборе, и заключил свою речь такими словами: "Если ты, великий государь, вступишь с папой в соединение, то не только будешь государем на прародительской отчине своей в Киеве, но и в царствующем граде Константинополе; и папа, и цезарь, и все государи будут об этом стараться". – "Не сойтись нам с тобою, – сказал на это Иван, – наша вера христианская, а не греческая, была издавна сама по себе, а римская сама по себе; греческой наша вера называется оттого, что пророк Давид за много лет до Рождества Христова пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия то место, что Византия, а Византия первое государство греческое просияло в христианстве".

Иоанн Грозный и его мамка (у смертного ложа сына Ивана). Худ. К. Б. Вениг. 1886 г.

Показавши таким образом свою ученость, царь повторил, что не хочет спорить о вере, дабы через то не сделалась рознь с папой и не порвалась бы взаимная любовь между папой Григорием и московским государем.

Антоний уверял, что розни не будет, и просил государя вести с ним прение о вере. Иван Васильевич сказал: "О больших делах мы с тобой говорить не хотим, чтобы тебе не было досадно, а вот малое дело. У тебя борода подсечена, а бороды подсекать и подбривать не велено ни попу, ни мирским людям. Ты в римской вере поп, а бороду сечешь. Откуда это взял и по какому учению?" "Я бороды не секу и не брею", – сказал Антоний. Иван продолжал: "Сказывал нам наш паробок Шевригин, что папа Григорий сидит на престоле и носят его, и целуют ногу; а на сапоге крест, а на кресте распятие. Прилично ли это?"

Поссевин распространялся о достоинстве и величии папы, об особенной благодати над Римом, о которой свидетельствовало множество мощей в этом городе; доказывал, что папа садится на престол не для гордости, а для благословения многочисленного народа, что поклонение ему делается в воспоминание того, как в древние времена народ падал к ногам апостолов, проповедовавших ему веру, заключил, наконец, речь свою тем, что и государя следует величать, славить и припадать к его ногам. С этими словами иезуит поклонился Ивану Васильевичу в ноги.

Но Иван Васильевич на это сказал: "Нас, великих государей, пригоже почитать по царскому величеству, а святителям надо смирение показывать и не возноситься выше царей. Папа Григорий называется сопрестольником Петру Апостолу, а по земле не ходит и велит себя на престоле носить; значит – он хочет Христу подобиться! Папа не Христос, и престол, на чем папу носят, не облако, и те, что носят его, не ангелы! Который папа поступает по Христову учению и по апостольскому преданию – тот сопрестольник великим папам и апостолам; а который папа начнет жить не по Христову учению и не по апостольскому преданию – тот папа волк, а не пастырь".

"Если папа волк, а не пастырь, – сказал Антоний, – то мне и говорить нечего; зачем же ты и посылал к нему о своих делах? И ты, и его предшественники всегда называли его пастырем церкви".

Царь начинал сердиться. Зная его нрав, Поссевин и его товарищи боялись, чтобы он не хватил кого-нибудь своим жезлом, и потому Поссевин старался успокоить его льстивыми словами. Царь тогда сказал: "Вот я говорил, что нам нельзя

говорить о вере. Без раздорных слов не обойдется. Оставим это".

4 марта, в воскресенье Великого поста, царь пригласил Антония идти в церковь смотреть богослужение. Иезуит догадался, что царь это делает для того, чтобы присутствие папского посла в церкви служило для народа доказательством уважения иноверцев к русской вере. Антоний отвечал, что ему известны обряды греческой церкви, а участвовать в них наравне с митрополитом он не может до тех пор, пока митрополит не будет укреплен в вере тем, кто сидит на престоле Петра, которому Господь сказал: утверждай братью свою. "Вы, – говорил он, – упрекаете нас в том, что святой отец сидит на престоле, а у вас митрополит моет себе руки, и этой водой люди окропляют себе глаза и другие части тела, и перед вашими епископами кланяются в землю".

"Эта вода, – отвечал царь, – знаменует Воскресение Христово".

Поссевин, однако, должен был из уважения к царю идти в церковь, причем Иван сказал: "Смотри, чтобы за тобой лютеране не вошли".

"Мы с лютеранами общения не имеем", – отвечал иезуит. Приблизившись к церкви, Антоний постарался тотчас улизнуть. Все думали, что царь рассердится, но Иван Васильевич потер себе лоб и сказал: "Ну, пусть делает как знает".

Антоний никак не мог добиться не только обещания подчиниться папе, но даже и дозволения строить для католиков костелы, хотя позволялось приезжать священникам римско-католической веры. Антоний уехал.

Запольский мир, заключенный с Баторием, оставил войну царя Ивана Васильевича со Швецией нерешенною. Мало этого: Баторий готов был сам воевать со шведами, так как считал всю Ливонию достоянием Польши и Литвы, а Швеция удерживала в своей власти Эстонию. Сейм не допустил Батория до войны, потому что поляки не хотели воевать ни с кем. Неприязненные отношения Московского государства со Швецией продолжались до мая 1583 года, без всяких важных успехов с той и другой стороны, наконец, прекратились перемирием на три года, заключенным на р. Плисе. Швеция оставалась в выигрыше и удерживала за собой не только Эстонию, но и русские города Яму и Копорье с их землями, захваченные во время войны. Таким образом, западные пределы государства суживались, терялись плоды долговременных усилий: на востоке, за Волгой было беспокойно. Черемиса, с начала покорения Казани, не хотела повиноваться русской власти, беспрестанно восставала, а в последнее время горячо и единодушно поднялась за свою свободу и вела войну с упорством. Воеводы с ратьми посылались одни за

другими и долго не могли укротить черемис, которые защищались от их покушений в своих дремучих лесах, не хотели и слышать о платеже наложенного на них ясака, а при случае делали набеги и разорения. Покорить их можно было только построением русских городов: тогда с этой целью был построен Козьмодемьянск.

Мало-помалу стал освобождаться Иван от своей тоски по убитому сыну, а с нею вместе начали проходить угрызения совести, и царь начал опять проявлять признаки обычного свирепства. Ратные люди, так трусливо сдававшиеся Баторию, оставались на первых порах без наказания, но по заключении мира вспомнил об них Иван, собрал и казнил мучительнейшим образом. По сказанию одного иностранного историка, их погибло до 2300 человек. Царь страдал под гнетом своего унижения. Ливония, которой он так добивался, ускользнула из рук его; он хотел вылить свою злобу над ливонскими пленниками, которых у него было очень много. Он приказал привести толпу этих несчастных, пустил на них медведей и сам, стоя у окна, любовался, как пленники напрасно старались отбиться от зверей и как медведи рвали их на куски. Иван Васильевич тогда и над близкими к себе людьми придумывал затейливые мучительства. Так, однажды царский тесть Федор Нагой наговорил на Бориса Годунова, что тот не является ко двору, притворяясь больным после того, как Иван отколотил его своим жезлом. Царь сам внезапно прибыл к Борису, который показал ему свои раны и заволоки, сделанные врачом. Тогда царь Иван приказал сделать заволоки на руках и груди царского тестя, совершенно здорового.

Женившись на Марии Нагой, Иван вскоре невзлюбил ее, хотя она уже была беременна. Он задумал жениться на какой-нибудь иностранной принцессе царской крови. Англичанин медик, по имени Роберт, сообщил ему, что у английской королевы есть родственница Мария Гастингс, графиня Готтингтонская. Иван отправил в Лондон дворянина Федора Писемского узнать о невесте, поговорить о ней с королевой и вместе с тем изъявить желание от имени царя заключить тесный союз с Англией. Условием брака было то, чтобы будущая супруга царя приняла греческую веру и чтобы все приехавшие с ней бояре и боярыни также последовали ее примеру. Хотя царь и заявлял у себя дома о неспособности царевича Федора, но Писемскому не велел говорить этого королеве; напротив, приказывал объявить, что детям новой царицы дадутся особые уделы. Достойно замечания, что на случай, если бы королева заметила, что у царя уже есть жена, Писемский должен был сказать, что она не какая-нибудь царевна, а простая подданная и для королевиной племянницы

можно ее и прогнать.

Писемский был принят с почестями, но королева на вопрос о невесте сказала, что она была недавно в оспе, видеть ее и списывать портрета скоро нельзя, и не прежде как в мае 1583 года доставила послу случай увидеть невесту в саду. Мария Гастингс, тридцатилетняя дева, сначала соблазнилась было честью быть московской царицей, но потом, когда услышала о злодеяниях Ивана, то наотрез отказалась от этой чести. Королева отпустила Писемского, а вместе с тем отправила послом к Ивану Жерома Боуса. Этот посол должен был объявить, что девица, на которой хотел жениться Иван, больна и притом не хочет переменять веры. Королева добивалась исключительной и беспошлинной торговли для англичан, а царь, соглашаясь на это, хотел, чтобы Елизавета помогла ему завоевать снова Ливонию. Между тем мысль жениться на иностранке не оставляла царя, и он все разведывал: нет ли у английской королевы какой-нибудь другой родственницы, с которой он мог бы вступить в брак.

То было в конце 1583 года. Царь мечтал о женитьбе. Бедная женщина, носившая имя царицы и недавно родившая сына Димитрия, каждый час трепетала за свою судьбу, а между тем здоровье царя становилось все хуже и хуже. Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его. Ему только было пятьдесят лет с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком.

В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним все свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили из далекого Севера; какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти. Иван был в ужасе.

В эти, вероятно, дни, помышляя о судьбе царства и находя, что Федор, по своему малоумию, неспособен царствовать, Иван придумывал разные способы устроить после себя наследство и составлял разные завещания. Тогда из близко стоявших к нему людей, кроме Бориса Годунова, были: князь Иван Мстиславский, князь Петр Шуйский, Никита Романов, Богдан Бельский и дьяк Щелкалов. Все не любили Бориса Годунова, опасаясь, что он, как брат жены Федора, человек способный и хитрый, неизбежно овладеет один всем правлением. Сначала Иван составил завещание, в котором объявлял наследником Федора, а около него устраивал совет; в этом совете занимал место Борис Годунов. Потом Богдан Бельский, вкравшийся в доверенность царя, настроил его против Бориса Годунова, и царь (как

впоследствии открылось) составил другое завещание: оставляя престол полоумному Федору, он назначал правителем государства эрцгерцога Эрнеста, того самого, которого прежде он так хотел посадить на польский престол. Эрнест должен был получить в удел: Тверь, Вологду и Углич, а если Федор умрет бездетным, то сделаться наследником русского престола. К этому располагало его уважение, какое он питал к знатности Габсбургского дома. Он считал членов его наследниками Священной Римской империи, в которой родился сам Иисус Христос. Тайна этого завещания не была им открыта Борису, но ее знали вышеупомянутые бояре. Дьяк Щелкалов изменил своим товарищам и тайно сообщил об этом Борису. Они вдвоем составили план уничтожить завещание, когда не станет Ивана.

Иван то падал духом, молился, раздавал щедрые милостыни, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности… Но болезнь брала свое, и он опять начинал каяться и молиться. Была половина марта. Иван с трудом мог ходить: его носили в креслах. 15 марта он приказал нести себя в палату, где лежали его сокровища. Там перебирал он драгоценные камни и определял таинственное достоинство каждого сообразно тогдашним верованиям, приписывая тому или другому разное влияние на нравственные качества человека. Ему казалось, что его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело его покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее.

Иоанн Грозный. Худ. И. Е. Репин

Наступило 17 марта.

[Англичанин Горсей говорит, что это был день, в который, по предсказанию волхвов, его (т. е. царя) должна была постигнуть смерть. Чувствуя себя лучше, Иван послал Бельского объявить колдунам, предсказавшим ему смерть, что он зароет их живьем или сожжет за ложное предсказание. "Не гневайся, боярин, – отвечали волхвы, – день только что наступил, а кончится он солнечным закатом"].

Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню, мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели; сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место, и в это время упал. Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополит и наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионою. Но царь уже был бездыханен. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис приказал затворить ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано

погребению в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына.

Имя Грозного осталось за ним в истории и в народной памяти.

Приложение 2 Духовная царя и великого князя Иоанна Васильевича, самодержца всероссийского

Во имя отца, и сына, и святаго духа, святыя и живоначальныя троицы, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь, и по благословению отца нашего Антония, митрополита всея России, се аз, многогрешный и худый раб божий Иоанн, пишу сие исповедание своим целым разумом. Но понеже разума нищетою содержим есмь, и от убогаго дому ума моего не могох представити трапезы, пищи ангельских словес исполнены понеже ум убо острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое. Душею убо осквернен есмь и телом окалях. Яко же убо от Иерусалима божественных заповедей и ко ерихонским страстем пришед, и житейских ради подвиг прелстихся мира сего мимотекущею красотою; яко же к мирным гражданам привед, и багряницею светлости и златоблещанием предахся умом, и в разбойники впадох мысленныя и чувственныя, помыслом и делом; усынения благодати совлечен бых одеяния, и ранами исполумертв оставлен, но паче нежели возмнитися видящым, но аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднеиший и гнуснеиший, его же иереи видев, не внят, Левит и той возгнушався, премину мне. Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь, Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся, первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся, осквернившему отче ложе, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания. И понеже быти уму зря бога и царя страстем, аз разумом растленен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства, и блуда, и всякаго злаго делания, язык срамословия, и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания всякаго неподобнаго дела, выя и перси гордости и чаяния высокоглаголиваго разума, руце осязания неподобных, и грабления несытно, и продерзания, и убийства внутренння, ея же помыслы всякими скверными и неподобными осквернях, объядении и пиянствы, чресла чрезъестественная блужения, и неподобнаго воздержания и

опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и сквернодеяниа, и убивства, и граблением несытнаго богатства, и иных неподобных глумлений. Но что убо сотворю, понеже Авраам не уведе нас, Исаак не разуме нас, и Израиль не позна нас! Но ты, господи, отец наш еси, к тебе прибегаем, и милости просим, иже не от Самарии, но от Марии девы неизреченно воплотивыйся, от пречистых тя ребр воде и крови, яко масло, возлияв, Христе, боже, язвы струп моих глаголюще душевныя и телесныя, обяжи и к небесному сочетай мя лику; яко милосерд, господи, боже мой, мир даждь нам, разве тебе иного не знаем, и имя твое разумеем; просвяти лице твое на ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и безконечно, и сила, и слава, и держава, ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

И понеже, по писанию, не должни суть хранити имения чада родителям, но родителие чадам, и яже убо вышнее имение, яко же реченно: "премудрость во исходящих поется, на краех же забралных мест проповедается, при вратех же сильных дерзающи глаголет, се предлагаю вам глас мой, сыновом человеческим, лучше бо ту куповати, паче злата и сокровища многа, честнейшии же суть камения многоценна, все честное недостойно ея есть". Глаголет господь: "мною царие царствуют и сильнии пишут правду". Сего ради и аз предлагаю учения, елико мой есть разум, от убожества моего, чадца моя, благодать и божий дар вам.

Се заповедаю вам, да любите друг друга, и бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигните; веру к богу тверду и непостыдну держите, и стоите, и научитися божественных догматов, како веровати, и како богу угодная творити, и в какове оправдании пред нелицымерным судиею стати. То всего больше знайте: православную христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти. А сами живите в любви. А воинству, поелику возможно, навыкните. А как людей держати, и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навыкли же. А людей бы есте, которыя вам прямо служат, жаловали и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат. А каторыя лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию. А всякому делу навыкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу, и как которыя чины ведутся здесь и в-ыных государствах, и здешнее государство с иными государствы что имеет, то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто

держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати. А чего сами не познаете, и вы сами стате своими государствы владети и людьми.

А что, по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь[1] от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся [2] по странам, а може бог когда не оставит, и вам есми грехом своим беды многия нанесены, бога ради, не пренемогайте в скорбех, возвержите на господа печаль свою, и той вас препитает, по пророку глаголющу: "отец мя и мати остависта, господь же восприимет, понеже бо вся в руце господеви, яко чаша уклони от сия, в сию смиряет, а сего возносит, никто же бо приемлет честь от себе, но званный от бога, дает бо власть, ему же хощет, и воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей, и престол славы наследует ему".

А докудова вас бог помилует, свободит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибылняе.

А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, своего брата старейшаго, докудова строитель, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б льзе прокормити было, и оба вы есте жили заодин и во всем устроивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в худе и в добре, один человек, занеже единородныя есть у матери своей.

И вы бы сами о себе прибежище положили, яко же рече Христос во

Святом Евангелии: "иде же собрани аще два или три во имя мое, ту есмь аз посреде их". И аще Христос будет посреде вас для вашея любви, и никто может вас поколебати, вы будете друг другу стена, и забрало, и крепость. К кому ему прибегнуть и на кого уповать! Ты у него отец, и мать, и брат, и государь, и промысленник. И ты б его берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял, а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же.

А бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату

твоему Федору на уделе, и ты б удела его под ними не подъискивал, а на него лиха ни с кем ни ссылался.

А где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал, занеже, аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна гроба не может избежати, и тогды то все останется, по господней притчи, – ему же угобзися нива, иже хотяше разорити житницы и болшая создати, к нему же рече господь: "безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготова, кому будет?"

А ты б любовь нелицемерную держал к брату своему, а к моему сыну Федору, яко же рече божественный апостол Павел: "любы не завидит, любы не гордится, любы не злообразуется, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, все уповает, вся терпит, любы николи же отпадает"; яко же рече той же апостол: "аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся, и есть невернаго горши".

А ты, сыне мои Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем, и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова. А будет благоволит бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на ево лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном сыном был в лихе и в добре один человек. А докуды, и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего [3], и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи никоторыми делы не ссылался. А будут тебе учнут прельщать славаю, и богатством, и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят, мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюдь того не делал и из-Ывановой сыновниной воли не выходил; как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался. А где тебя Иван сын пошлет на свою службу или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит.

А где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того наикрепко, смотрел бы еси правды, а напрасно бы еси не задирался, и людским бы еси вракам не потакал, занеже аще кто множество богатства или земли приобрящеть, а трилакатнаго гроба не может избежати, и тогда то все останется, токмо едина дела, что сотворихом, благо ли, или зло.

И ты б сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, держал в мое место, отца своего, честно и грозно, и надежду бы еси держать во всем на бога да на него, и ни в чем бы еси ему не завидел, занеже единородные есте у своей матери.

И вы б сами себе прибежище положили, яко же рече Христос во Святом Евангелии: "иде же собрани два или три во имя мое, то есмь и аз посреде их". И аще Христос будет посреди вас для вашия любьви, нно кто может вас поколебать! Он тебе стена, и забрало, и рать, и крепость. К кому тебе прибегнуть и на кого уповать! Он тебе отец, и мать, и брат старейший, и государь, и промысленик.

И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был, и добра ему хотел и во всем так, как мне и себе, и во всем воли его буди, до крови и до смерти, ни в чем ему не прикослови. А хотя будет на тебя Иванов сыновен гнев или обида в чем ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, и рати никакой ни вчинял, и собою ничем не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил, и жаловал тебя во всем по моему приказу. А в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо, и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж, а всем бы еси печаль на радость преложа, положил на бога, занеже всяким неправдам местник есть бог.

А ты б, Иван сын, с братом своим молодшим, а с моим сыном Федором,

жил в любви и в согласии заодин во всем, по моему приказу.

И вы б, дети мои, Иван и Федор, жили в любви и в согласии заодин, и сей мой наказ памятовали крепко. Аще бо благо учнете творити, вся вам благая будет. Аще ли злая сотворите, вся вам злая сключатся, яко же речено бысть во Евангелии: "аще кто преслушает отца, смертию да умрет". Всего же болши гоните, и утвержайтеся, и разумейте от православныя веры догматех, да зде благоугодно поживши, и тамо будущих благ наследницы будете, яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыде, яже уготова бог любящим его. Бога любите от всего сердца, и заповедь его от всего сердца творите, елико ваша сила. Яко же речено бысть во евангелии: "Уподобися царствие небесное десяти девам, яже прияша светилники своя, изыдоша в сретение жениху, пять же бе от них мудрых и пять юродивых, яже приимши светилники своя, не взяша с собою елея, [мудрыя же] прияша елей в сосудех, со светилники своими; коснящу же жениху, воздремаша вси, и спаша, в полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите во сретение ему. Тогда воставше вся девы тыя, украсиша светильники своя, юродивыя же мудрым реша: дадите

нам от масла вашего, яко светилницы наши угасают. Отвещаша же мудрыя: егда нам и вам не достанет, идите же паче к продающим и купите себе. Идущим же им купити, прииде жених, и готовыя внидоша с ним на браки и затворени быша двери. Последи же приидоша и протчия девы, глаголюще: господи, господи, отверзи нам. Он же отвещав, рече им: аминь, глаголю вам, [не вем вас, бдите убо], яко не весте дне и часа, в он же сын человеческии приидет". И паки глаголет: "Человек некий отходя, призва своя рабы и предаст им имение свое, овому даст пять талант, овому жь два, овому жь един, комуждо противу силы его. Имый пять талант дела в них, и сотвори другия пять талант. Такожде же иже два име, приобрете им другая два. Приемый же един, вкопа его в землю и скры сребро господина своего. По мнозе же времяни прииде господь раб тех, стезався с ними словесы. И приступл пять талант приемы, принесе другую пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, и се другая пять приобретох ими. Рече же ему господь его: добрый рабе, благий и верный, в мале бысть верен, над многими тя поставлю, вниди в радость господа своего. Приступл же два таланта приемый, рече: господи, два таланта ми еси предал, се другая два таланта приобретох ими". И сей тут же благодать прия. Закопавы же в землю прият наказание. Размыслите в сердце своем и веру имейте, яко иже глаголет, бывает, яко речет: "Глаголю вам, вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам. И егда стоите молящеся, отпущаете, и отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Небо и земля преидет, словеса же моя не преидут. О дни том и о часе никто же весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни сын, токмо отец. Блюдите, бдите, молитеся, не весте бо, когда господь дому приидет, в вечер, или в полунощь, или в петлоглашение, или утро, да пришед внезапу, обрящет вы спяща. Весте, яко царие язык господствует и велицы обладают, не тако же будет в вас, понеже аще хощет вящий быти, да будет всем слуга; иже аще хощет в вас быти старейший, да будет всем раб, яко же сын человеческий не прииде, да послужат ему, но да послужити и дати душу свою избавление за многих". Я же вам глаголю: "Иже бо аще кто постыдится моих словес, и сын человеческий постыдится его, егда приидет во славе своей и отчей Иисус Христос. И кто бо есть строитель верный и мудрый, его же поставить господь над челядию своею, даяти во време житомерие! Блажен раб той, его же пришед господь его, обрящет тако творяща, воистину глаголю вам: над всем имением [своим поставит его. Аще же речет] раб той и во сердци своем, коснить господин мой медлит приити, и начнет бити рабы и рабыня, ясти же и пити и упиватися, приидет господин раба того в день, в онь

же не чает, и в час, в он же не весть, опровергнет его и часть его с неверными положит. Той же раб, ведый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много, не ведавый же сотворив, достойная мзду приимет: всякому ему же дано будет много, много взыщится от него, и ему же предаша множайша, просят от него".

И паки рече Иисус: "человек некий сотвори вечерю велию, и зва многи, и посла раб своих в год вечери рещи званным: грядите, яко же уже готово суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна. И другий рече: супруг волов купих пять, и иду искусити их, молю ти сь, имей мя отреченна. И другий рече: жену поях, и сего ради не могу приити. И шед раб той, поведа господину вся сия. Тогда разгневася дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и ннщия, и бедныя, и слепыя, и хромыя введи семо. И рече раб: се есть, яко же повеле, и еще есть место. И рече господин к рабу: изыди на роспутия и халуги, убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусил моея вечери, мнози бо суть звани, мало же избранных. И паки: „Человека два внидоста в церковь помолитися, един фарисей, а другий мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: боже, хвалу тебе воздаю, яко несмь, яко же прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или яко же сей мытарь; пощуся два краты в суботу, десятину даю всего, елика притяжу. Мытарь же издалече стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше в персии своя, глаголюще: боже, милостив буди мне, грешнику. Глаголю вам, яко сей изыде оправдан паче онаго, яко всяк возносяйся смириться, смиривыйся вознесется. Яко же воздадите убо, яже кесарева кесареви, и яже божия богови. Не посла бо бог сына своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир; веруя в он не будет осужден, а не веруя уже осужден есть, яко не верова во имя единороднаго сына божия. Се есть суд, яко свет прииде в мир, и возлюбиша человецы тму паче, неже свет, беша бо дела их зла. Всяк бо делая зло, ненавидит света и не приходит ко свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть, творяй же истину, грядет ко свету, да явятся дела его, яко о бозе делани суть. Аще кто мне служит, и мне да последствует, иде же есмь аз, ту и слуга мой будет, и аще кто мне служит, почтет его отец мой. И аще любите мя, заповеди моя соблюдете, и аз умолю отца, инаго утешителя вам даст, да будет с вами в веки дух истинныи. Аще кто любит мя, и слово мое соблюдет, и отец мой возлюбит его, к нему приидеве и обитель у него сотвориве". Сице убо заповеда господь нашь Иисус Христос совершати заповеди своя,

совершавшим же и волю его сотворившим сице любовне о них молить и благодать подаеть. „Отче, прииде час, прослави сына твоего, да и сын твой прославит тя, яко же дал еси ему власть всякой плоти, да всяко, яже дал еси ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный, да знают тебе, единаго бога, и его же посла Иисус Христа; аз прославих тя на земли, и дела соверших, еже дал еси мне, сотворю; и ныне прослави мя, отче, у тебе самаго славу, яже имех у тебе, прежде мир не бысть; и явих имя твое человеком, их же дал еси мне от мира, твои беша, и мне их дал еси, и слово твое сохраниша; ныне разумеша, яко вся, елика дал мне, от тебе суть; яко глаголы, их же дал еси мне, дах им, и тии прияша и разумеша, яко от тебе изыдох, и вероваша, яко ты мя посла, аз о сих молю, ни о всем мире молю, но о тех, иже дал еси мне, яко твоя суть; и моя вся твоя суть, и твоя моя, и прославихся в них; аз дах им слово твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, яко же и аз от мира несмь; не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни; от мира не суть, яко же и аз несмь от мира; спаси их во истинну твою, слово твое истинно есть; яко же мене посла в мир, и аз послах их в мир, и за них аз свящу себе, да и ти будут священники во истину; не о сих молю токмо, но и о верующих слове их ради в мя, да вси едино суть, яко и ты, отче, во мне, и аз в тебе, да и ти в нас едино будет, да и мир веру имет, яко ты мя посла; и аз славу, ю же дал еси мне, дах им, да будут едино яко же и мы едино естьмы; аз в них, и ты во мне, да будут совершенни во едино, и да разумеет мир, яко ты мя посла и возлюбил еси их, яко же мене возлюбил еси. Отче, их же дал еси, хощу, дондеже естмь аз, и тии будуть со мною, [да видят славу мою], ю же дал еси мне, яко возлюбил мя еси прежде сложения мира. Отче праведный, мир тебе не позна, аз же тя познах, и тии познаша, яко ты мя посла; и сказах им имя твое, и скажу, да любы, ею же мя еси возлюбил, в них будет, и аз в них". Видите, каково сие божие дарование, что убо сего любезнеишии, еже в бозе быти, и яко богу быти, и с богом пребывати, и божии любви в целовецех вселятися, и безконечных благ наслаждатися и наследствовати! Что убо сего злешии, еже от бога отлучитися, и вечных благ наслаждения лишитися, и безконечных мук восприяти! И вы бы, дети моя, Иван и Федор, божиих заповедей и евангельских усердно послушали, и моего наказания и повеления так же бы есте со усердием послушали, и усердно от всея силы и крепости, елико возможно, прелестей мира сего злых отбегали, и безконечных заповедей же господних, и благих и вечных благ наслаждения наследствовати возжелети от всея души, и крепости, и разума, и берегучись от всякаго поползновения, и преткновения, и ветреннаго соблазна

вражия".

И были есте, дети мои, Иван и Федор, в любви по сему моему наказу, заодин, неразделно, раздельны бы есте были вотчинами и казнами, а сердцем бы есте и любовию были неразделны, а никто никому ни в чем не завидел; а будет кто чем скуден, ино по любви друг друга слушал, а силою б никто ни у кого не имал, а во всяком бы еси деле были, в лихе и в добре, везде заодин, а друг бы за друга не отрекся во всяком деле не токмо что труждатися или страдати, но и кровь пролити и умерети.

И были бы есте, Иван и Федор, по моему наказу оба заедин, и во всем бы себя берегли, и жили по бозе во всяких делах. И хотя, по грехом, што и на ярость приидет в междоусобных бранях, и вы бы творили по апостолу господню: правду и равнение давайте рабом своим, послабляюще прощения, ведяще, яко и вам господь есть на небесех. Так бы и вы делали во всяких опалах и казнех, как где возможно, по разсуждению, на милость претворяли и оставливали часть душам своим, яко долготерпения ради от господа милость приимите, яко же инде речено есть: "подобает убо царю три сия вещи имети, яко богу не гневатися, и яко смертну не возноситися, и долготерпеливу быти к согрешающим". Сице аще о бозе благо поживете, и приложатся вам лета живота. Нас же, родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете, во божественных литургиях, и в панихидах, и в литиях, и в милостынях к нищим и препитаниях, елико возможно, не забывайте, понеже наших прародителей душ воспоминанием велику ползу нам и себе приобрящете зде и в будущем веце, и благостоянием святым божиим церквам, и на враги победа, и одоление, и государству строение, и своему животу покой и вечных благ наслаждение молитвою их происходит, понеже от отец благодать божия и благословение к вам пришедшее, наследником и чадом. И бог мира в троице славимый, буди с вами, молитвами пресвятыя и преблагословенныя владычицы нашея богородицы, заступницы христианския, и милость честнаго ея образа иконы владимерския, державы Руския заступление, во всяко время, на всяком месте, буди на вас, и всех святых всея вселенныя молитва и благословение, и руских чюдотворцов, Петра, Алексея, Ионы, Ивания, Никиты, и Леонтия, Сергия, и Варлаама, и Кирила, и Похнутия, и Никиты, и всех святых руских молитвами, и благословения всего нашего роду, от великаго князя Владимера, просветившаго Рускую землю святым крещением, нареченнаго во святом крещении Василия, и до отца нашего, великаго князя Василия Ивановича всея России, во иноцех Варлаама, и матери

нашея, великия княгини Елены, и жены моей Настасии, а вашей матери, молитва и благословение буди на вас, ныне, и присно, и во веки веков. А что, по грехом, жон моих, Марьи да Марфы [4], не стало, и вы б жон моих, Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем по тому, как аз уставил, и поминали бы есте их со всеми своими родители незабвенно. А будет бог помилует, и государство свое доступите, и на нем утвердитеся, и аз благословляю вас. Ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем. А ты, сын мой Иван, держи сына моего Федора, а своего брата молотшаго, без обиды, и буди ему во всем в мое место.

Благословляю сына моего Ивана крест, животворящее древо, большей цареградской. Да сына же своего Ивана благословляю крест Петра чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего, великаго князя Ивана Даниловича, и весь род наш. Да сына же своего Ивана благословляю царством Руским, шапкою мономаховскою, и всем чином царским, что прислал прародителю нашему, царю и великому князю Владимеру Мономаху, царь Константин Мономах из Царяграда. Да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи, и скатерть [5], а по немецки центурь.

Да сына же своего Ивана благословляю своим царством Руским, чем мя благословил отец мои, князь великий Василей, и что мне бог дал. Даю ему город Москву, с волостми, и станы, и с путми [6], и с селы, и з дворы с гостиными и посадскими, и с тамгою [7], и с мытом, и с торги, и с лавками, и с дворы гостиными, и со всеми пошлинами, и с Добрятинским селом и с бортью, и с Висильцовым столом, и с числяки, и с сродницы [8]. Да ему ж даю село Сомчинское с дворы городскими, и с Самсоновым лугом, да село Воробьево, и с Володимерским, и с Семеновским, и с Воронцовым, и с Кадашевым [9], и с деревнями, как было при мне. Да ему жь даю село Аминево, да село Хорошово, со всем, по тому, как было при мне. Да ему жь даю на Сетуне село Волынское с деревнями, со всем, потому жь, как было при мне. Да ему жь даю село Воронцово, с дворы городскими, по обе стороны реки Яузы, и с мелницами, как было при мне, да манастырь Лыщиков, и с дворы. Да ему жь даю слободку Калычевскую и с лугом, что было, за дядею моим, за князем Андреем Ивановичем, и за сыном его, за князем Володимером Андреевичем, да селы у Москвы, Сараевым, Едниским, Карташевым, Ясеневым, да под Москвою жь, что был есми променил князю Володимиру Андреевичу, селом Собакиным да селом Туриновым. Да сыну же моему Ивану даю Замосковские

волости, что было за дядею, за князем Андреем Ивановичем, и за сыном его, за князем Володимером Андреевичем, волостью Раменейцов, волостью Загарье, волость Кунье, волость Вохна, волость Ена, волость Гуслицы, волость Гжель, и с селы подъесными, которыя в тех волостях.

А сын мой Иван держит на Москве болшаго своего наместника, по старине, как было при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче всея России, и как было при мне, а другова наместника держати на трети на княжь Володимерской Андреевича Донскаго на Москве жь. Которые мои дворы на Москве, внутри города, и на посадех, и сады мои все, и пустыя места по посаду, за моими бояры, и князьми, и за детми боярскими, и за дворянами моими, и за приказными людми, и за конюхи, и за моими мастеры, и слободы стрелецкие, и ямския слободы, те все сыну моему Ивану. А у кого будут у бояр, и у князей, и у детей боярских внутри города на Москве, и за городом, и на посадах дворовых, и вотчинные, и купчие вотчинные, или у кого будут грамоты жалованныя на дворы отца, великаго князя Василья Ивановича, и сын мой Иван в те у них дворы не вступается.

А волости Московские, Рогожь, Вори, Корзенева, Шерна город, Сулешино, и с Новым селом, сыну же моему Ивану. Да ему жь волость Сурожик, да Лучинское, да Радонежь, с волостми, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами, да треть Мушкова с мытом с Лопским.

Да сына же своего Ивана благословляю своими великими княжествы, чем меня благословил отец мой, князь великий Василий Ивановичь. Да ему жь великия княжества: город Володимер с волостми, и с путьми, и с селы, со всеми пошлинами, и с Муромским селцом, и с Шатуром, и с Колужским, и с Вышелесом, и Островом, и с волостью с Крысинским, и со всем, по тому, как было при мне. Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Ряполовим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынскаго: село Антиохово, да село Воскресенское, да село Новые Земенки, что было князь Федора да князь Ивана Гундоровых, да село Старые Меховицы, что было Романа Гундорова, да село Могучее, что было князь Ивана Пожарскаго Меньшова, да село Воскресенское, что было князь Никиты Тулупова, да село Серицы, да село Татарово, что было князь Петра Шарапова Ромадановскаго, да село Троицское, да село Фалеево, что было князя Тимофея да князя Ивана Пожарских, да село Андреевское, что было князя Василья Коврова, да село Рожественское, да деревня Каменное, да три села Васильева, что

было князь Ивана князь Семенова сына Пожарскаго, да деревня Ковернев, и иныя деревни, что были князь Ивана княжь Андреева сына Коврова, да село Нестеровское, что было князь Ивана Меньшова, князь Ивана сына Кривозерскаго, да село Александровское, да село Устиновское, да село Овсяниково, что было князь Андрея Кривозерскаго с братиею, да село Хряпово, да село Мицыно, что было князь Федора Ромодановскаго, да село Матвеевское, да село Яблонцы, что было князь Михаила Ромодановскаго, да село Татарово, да село Никольское, что было князь

Афанасья Нагаева, да село Пантелеево, что было княгини Марьи княж Андреевы Стародубскаго, село Сороки, да село Кувено, что было княгини Афросиньи княж Семеновы Стародубскаго, село Амелева, что было князь Никиты Стародубскаго, да половина села Рамадонова, что было князь Ивана Рамодановскаго, да село Дмитреевское, что было княгини Федосьи Пожарской с детми, да село Кочергино, что было князь Ивана Пожарскаго, да село Голобоково, да деревня Скореково, что было княгини Марьи княжь Борисовых Пожарскаго и сына ея, князь Михаила, да село Лучки с деревнями, что было княгини Марьи княж Петровы Пожарскаго да княгини Федосьи княжь Семеновых дочери Мезецкаго, да село Осипово, что было князь Василья Осиповскаго, да село Палех, что было княж Дмитриевых детей Палецкаго, да село Юрьевское, да село Залесье, что были князь Никиты да князь Амы Гундоровых, да села другие всех готчины, что было Семена Образцова.

Да сыну моему Ивану даю город Коломну, и с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Каширу, и с Заречьем, и со всеми пошлинами, и с волостми за Окою рекою, Тешилово, Ростовец, Рославль, Венев, Мстиславль, и иные места по Резанской рубеж, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Ельцем, и со всеми Елецкими землями. Да сыну моему Ивану даю город Серпухов с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город на Плаве и на Солове [10], со всеми Полскими вотчинами, и со всеми, что было к нему изстари.

Да сына ж своего Ивана благословляю, даю ему великое княжество Резанское: город Переславль Резанский, город Старая Рязань, город Ряской, город Данков, и треть всю [11], со всеми пошлинами, и с волостми, и с селы, и с путми, и со всеми Полскими отхожими вотчинами, как было при мне.

Да сыну ж моему Ивану даю город Мценск с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и со всеми Польскими отхожими вотчинами, да город Белев, с волостми, и с путми, и с

селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю треть города Масальска княжь Володимерскую Всеславля с волостми, и с путми, и с селы, и с тамгами, и со всеми пошлинами, как было к той трети изстари. А князь Михайло Воротынский ведает треть Воротынска, да город Перемышль, да город Одоев Старое, да город

Новосиль, да Остров, Челну, со всем [12] по тому, как было изстари, а Иван сын в то у него не вступается. А князи Одоевские, Оболенские, Воротынские, Трубецкие, Масальские, и их сынове своими вотчинами сыну же моему Ивану, к великому государству, и служат все сыну моему Ивану. А которой тех князей и иных детей отъедут от сына моего Ивана к сыну моему Федору, или инуды кудынибуть, и тех вотчины сыну моему Ивану.

Да сыну моему Ивану даю город Юрьев Волской, да Белогород [13], да Городец, с селы, и с деревнями, и с рыбными ловлями, и со всеми пошлинами, как было при мне. Да ему жь даю город Романов на реке на Волге, а держи его, сын мой Иван, за нагайскими мурзами по тому, как было при мне. А отъедут куды-нибуть или изведутся, и город Романов сыну моему Ивану.

Да сыну жь моему Ивану даю город Можайск с волостми, и с путми, и селы, и со всеми пошлинами, и Щагощью, и с Турьевым, и с Ореховкою, и с Могильным, и с Мишенками, и с Шатерью и с Сулидовым, и с Дмитровцом, по обе стороны Угры, и с иными месты, что к ним потягло, как было при мне. Да сыну жь моему Ивану даю город Вязму и Козлов с волостми, и с путми, и селы, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к Вязме и Козлову и ко всем Вяземским местам потягло, как было при мне. Да сыну жь моему Ивану даю город Доргобужь с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к нему потягло. А волости Доргобужские: Погорелое, Негомля, Хотумичи, Холм, Бятимо, Прость, село Заопье, Водосы, Некрасово, Селечна, Кремяное, Редын по реце по Уже, Устье, Костково, Рехты, Холмичи, Вышково, Василево, Еськино, село Климово, слободка Владычня в Юртове, село Путятино с деревнями, Игумново, Мстиславец, Ощитов, Жуличь, Мошкова Гора, Лучино Городище, Великое Поле, Лопатин, Копыл, Ужида, Ведрожь, Озерище, Сверчовы Луки, и со всем с тем, что к Дорогобужу и к тем волостям и селом потягло, как было при мне. Да ему жь даю город Белою, с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне.

Да сына же своего благословляю, даю ему великое княжество Смоленское, город Смоленск, с волостми, с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, как было при мне и как писано в перемирных грамотах с Жигимонтом Августом королем.

Да сыну же моему Ивану даю город Переславль, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Солью, и с волостью Серебром же, и с Ражественным, и с Бускутовым, и с Пенковых князей вотчиною, что в Переславском уезде, да село Перевятино, да село Горы, с деревнями. Да сыну же своему Ивану даю город Юрьев Польской с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему ж даю город Дмитров с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Боровезк, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами.

А что есми пожаловал царевича Муртазалея, а во крещении Михаила, Кобулина сына Ахкибекова, городом Звенигородом, по тому же, как был Звенигород за царем Симеоном казанским, и сын мой Иван держит за ним Звенигород, по нашему жалованью, а служит царевичь Муртазалей, а во крещении Михайло, сыну моему Ивану, а отъедит куды-нибудь, и город Звенигород сыну моему Ивану. Да сына же своего Ивана благословляю, даю ему Пешехонье, со всеми волостьми, и с путми, и с селы, и с Рыбною слободою, и с Борисоглебскою волостью, что на реке на Волге, против Романова города, и с Пешехонскимы уезды, и езы, и со езовыми деревнями, и со всеми пошлинами и доходы, со всем, по тому, как было при мне. Да сыну же моему Ивану даю город Вологду, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне, да и Заозерьем с Кубаною, и с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и Пенковых князей вотчина в третях, Заозерским, да к Вологде село Даниловское из Костромскаго уезду, по межам. Да ему жь даю город Устег с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и Солью Вычегоцкою, да Вычегду, и Вым [14], и Удому, и Сысолу, и со всеми их месты, да в Заволоцкой земли Ростовщину, Пенегу, Керчму, Прьмские, и Мезень, Немью, Пильи горы, Пенешу, Выу, Тому, Кур-Горы, Елаская Гора на Ваге, со всем, и Онтакова перевара, и Карыалской остров, и Шалга-Гора, Корчала, Сура Паганая, Лавела, и с иными месты, что к тем местам потягло, да Югору, и по Печеру, и Великую Пермь, со всем, и с новыми городки, и с солми, и со всеми пошлинами, как было при мне. Да сыну же моему Ивану даю город Галичь, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Кужейкою, и с Чухломою, и со всеми городки, что в Галицком уезде, и солми, и со всем, что к Галичу, и к Чюхломе, и к Уньже потягло.

Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижней с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами, да город Балахну, и с Заулусою, и с тамгою, и со всеми пошлинами, как было при мне, да город Василь на Суре, и

с мордвами, и с черемисами, и со всеми пошлинами, которые села в Нижнем Новегороде и на Балахне, и за мурзами, и за князьми, и за кем ни буди, то все сыну моему Ивану. Да ему жь даю город Муром с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисами, и что к Мурому потягло. Да ему жь даю город Мещеру с волостми, и с селы, и со всем тем, что к ней изстари потягло, и с Кошковым, и Кадом, и Темников, и Шацкой город, со всем, и князи мордовские со всеми же их вотчинами сыну моему Ивану. Да ему жь даю город Курмыш, да город Алатор на Алаторе, с волостми и со всеми пошлинами, и князи мордовския с их вотчинами, и с черемисами, и со всеми уезды, и угожьи, и что к тем городам потягло. А что к тем городам аз сажал детей боярских на диком поле, и те земли все сыну же моему Ивану, а вотчинникам владеть своим. Да город Арзамас с мордвами и с черемисою, со всем, по тому, как было при мне, да город Стародуб Ряполовской, да волость Мошок, село Княгинино, что было за Воротынским, в Нижегородском уезде, да Фокино сельцо. Да ему жь даю город Белоозеро с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да сына жь своего Ивана благословляю, даю треть города Воротынска, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Городень с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне. Да ему жь даю город Микулин с волостьми, и с селы, и со всеми пошлинами, а со княжо Семеновскою вотчиною Микулинскаго, которая не отдана [15].

Да сыну жь моему Ивану даю Вятскую землю, городы и волости, со всем с тем, что к ним потягло, и з [Ар]скими князьями, как было при мне.

Да сыну же моему Ивану даю городы Северские: Новгород Северской, город Путивль, город Рылск, и Млгин, и Драков, город Почап, город Карачев, и волости и села тех городов, со всеми Северскими и Полскими угожьи и Тилскими угожеи, и со всеми пошлинами, как было при мне. А Северские городы, город Рослов, держи, сын мой Иван, со всем перемирным грамотам с Жигимонтом Августом королем.

Да сына же моего Ивана благословляю своею отчиною, великим княжеством Тверским. Да ему жь город Тверь с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, со всем, по тому, как было при мне, да город Клин с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне, и с Кашиным, что было за Одоевским. А каторыя князи служилыя в Московской и в Тверской земле, и те князи служат сыну моему Ивану, а вотчины свои держит, как при мне было. А кто тех князей служебных отъедет куда-нибуть, и тех князей вотчины сыну моему Ивану. Да

сыну жь моему Ивану даю город Торжек с волостьми, и с путми, и селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Ржеву Володимерову, обе половины, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами.

Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Новгородским, Новымгородом, со всеми пятью пятинами, и с пригородами, и со всеми пошлинами. А пригороды Новгородския: город Иван, город Яма, город Копорье, город Орешик, город Ладуга, городок Высокой, городок Доман, городок Куреск, городок Порхов, городок Кошкин, городок Старая Руса [16]. А дал есми Великий Новгород и с теми пригороды, и со всеми волостми, и с погосты, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, что ни было при мне, к Великому Новугороду.

Да сына же своего Ивана благословляю городы, что есми поставил, с божиею волею, на Литовском рубеже: город Велижь [17], город Заволочье, город Себежь, город Поповичь на Невле, и волость Поповскую всю. А даю ему те городы со всем, как было при мне и как в перемирной грамоте написано с Жигимонтом Августом королем. Да сыну же Ивану в Новогородской земле город Холм, Велико, Бунца, Лапостицы, и с-ыными месты, и с волостьми, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что им потягло. Сыну жь моему Ивану даю город Луки Великия, да город Невль, город Острое, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. А Луцкия волости: Березу, Невль, Усвои, Ловце, Веснеболого, и с-ыными волостьми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне. Да сыну же Ивану даю город Торопец, и волости Торопецкие, Данково, Любуту, Дубню, Рожну, Туру, Бибиреву, Ставцову, Нежельскую, Плавицкую, Жижецкую, Озерскую, Казариновскую, и со всеми пошлинами, и со всем, по тому, как было при мне, и по перемирным грамотам с Жигимонтом Августом королем. Да ему жь даю город Ржеву Пустую со всеми волостьми и погосты, по тому, как было при мне. Да сыну же моему Ивану даю Королевскую землю всю, город Корелу, с волостми, и с путми, и с селы, и с погосты, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к Корелской земли потягло, и с Лопью, и с дикою Лопью. Да ему жь даю Заволоцкую землю [18]: Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Коншегу, и Великой погост, и Холмогоры, и всю Двинскую землю, как было при мне. Да сыну же моему Ивану даю город Псков со всеми Псковскими осадами и с пригороды, город Воронежь, город Дутсов, город Выборец, город Велье, город Врев, город Володимер, город Остров, город Красной, город Вышегородок, город Кобылье городище, город Изборск, город Опочка, город Гдов [19]. А дал есми ему город Псков и те пригороды с волостми,

и засадами, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, по тому жь, как было при мне.

А что естьми, с божиею волею, взял царство Казанское, и аз царством Казанским благословляю сына же своего Ивана, даю ему город Казань с Арскою стороною, и с Побережною стороною, и с Луговою стороною, и со всеми волостьми, и с селы, и с чювашею, и с черемисою, и с тарханы, и с башкирдою [20], и с вотяки, и со всеми их бортными землями с Волскими и с Казанскими, и с рыбными ловлями, и со всеми угодьи, и со всеми пошлинами, а как ми бог [дал] Казанскую землю, что было изстари к Казанской земле потягло, при прежних царех. А что естми, с божиею помощию, поставил город на Свиязе, на Нагорной же поставил есьми на Чебоксаре город, и яз городом Свиянским и городом Чебоксарским благословляю сына жь своего Ивана, и даю ему город Свияжской, город Чебоксарской, со всею Горною стороною, и со всею чувашею, и черемисою, и с мордвами, и с их вотчинами, и с рыбными ловлями, и со всеми пошлинами, как ми бог дал Горную сторону к Свияжскому и к Чебоксарскому городу. А что есьми, с божиею помощию, взял царство Астраханское, и аз царством Астраханским благословляю сына же своего Ивана, даю ему город Астрахань, с торги, и с тамгами, и со всеми пошлинами, и с езжыи, и с мочаги [21], и со всеми Астраханскими месты, и со всем по тому, как Астраханское царство прежние цари держали.

А что есми, с божиею помощию, взял городы в Ливонской земле, город Юрьев, город Вельян, город Ругодев, город Ракобор, город Алыстр, город Кереветь, город Лаюс, город Новой Городок, город Сыренец, город Таврс, город Муков, город Порхов, город Кастер Новой, город Кастер Старой, город Адежь, которой на Ругадевской стороне, город Курелов, город Рынгол, город Ранден, город Конгод, город Кавлет, город Толшебор, город Кутушен, город Сабеи, город Долговыя, двор Занганц, двор Андопеито, был город Медвежья голова, и аз теми городы [22] всеми, и мызами, и волостьми, и селы, и с озеры, и пристаньми морскими, и со всеми угодьи, и тамгами, и весом, и со всеми пошлинами тех городов, благословляю сына же своего Ивана, со всем с тем, что к тем городам, и волостям, и селам, и мызам потягло. А что есьми поставил в своей отчине, в Ливонской земле, город Говью на реке на Говье, и аз тем городом Говью с волостми, и с мызами, и со всем уездом, что было в Говье, благословляю же сына своего Ивана, а держит сын мой город Говью со всем уездом к своей отчине к Юрьеву Ливонскому.

А что есми пожаловал голдовника своего, короля Арцымагнуса, в своей отчине, в Лифлянской земле, городом

Полчевым и иными волостми и селы, и грамоту жалованную на город Полчев, и на волости, и на селы дал есми королю Арцымагнусу, и сын мой Иван за своим голдовником, за Арцымагнусом королем, город Полчев, и волости, и селы держит по нашей жалованной грамоте, и служит король Арцымагнус сыну моему Ивану. А отъедет кудынибудь, и город Полчев, и волости, и села, что были есми пожаловали короля Арцымагнуса, сыну моему Ивану. А что есми дал королю Арцымагнусу в заем пятнатцать тысячь пятьсот рублев денег в московское число, а в тех денгах король Арцымагнус заложил у меня в Ливонской земле городы, город Володимерец, город Ворну, город Прекат, город Смилтен, город Буртники, город Роин, и со всеми уезды, и с селами, и с мызами тех городов, и сын мой Иван на короле Арцымагнусе те деньги, или за денги городы, которыя в тех денгах заложены, возмет себе, а сыну моему Федору до того дела нет. А что, по божией воли, взял есми у брата своего Жигимонта Августа короля свою вотчину город Полоск, и аз городом Полоцком, с волостми с Полоцкими, и с селы, и с тамгами, и весы, и со всеми угодьи, и со всем Полоцким уездом, что было изстари к городу Полоцку, и аз тем городом Полоцком со всем благословляю сына своего Ивана. А что есми, с божиею помощию, поставил городы в Полоцком повете, город Сокол на реке на Дрыси, да город Копье, и аз теми городы благословляю сына же своего Ивана, со всеми волостьми, что к тем городам потянет. А что есми, за божиею помощию, взял у брата своего, Жигимонта Августа короля, город Озерище, да к Озерищу волость Усвят, и аз в Усвятской волости поставил город Усвят, и аз городом Озерищем и городом Усвятом со всеми их волостми, и уезды, и селы, и с угодьи, благословляю сына же своего Ивана, со всем с тем, как было к тем городам изстари, а держит сын мой Иван то все по перемирным грамотам с Жигимонтом Августом королем.

А что отец наш, князь великий Василей Ивановичь всея России, написал в своей душевной грамоте брату моему, князь Юрью, город Угличь и все поле, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Холопьем, что торг на Мологе, да город Бежецкой Верх с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да город Калугу с волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да город Ярославец Малой с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами, и с Суходровью, да город Кременеск с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да город Медынь, Мещерск с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да Опаков [23] на Угре со всем, да волости на Угре, Товарков, Конопнарь, и иныя волости по Угре, что были даны князю Василью Шемечичу да князю Василью

Стародубскому, да ему ж написал село у Москвы Озерецкое Старое, село Озерецкое Новое, с деревнями и со всеми прикупми, да село Черкизово с деревнями, что куплено у Петровых детей Яковлева Захарьина, и с прикупными селы, и с прибавочными становыми деревнями, да селцо Напрудное [24] с городскими дворы и с посадскими, а божия воля коснется, Юрья брата в живности не будет, а не останется у него ни сына, ни внука, и ту вотчину всю, его удел, отец, князь великий Василий, написал в своей душевной грамоте мне, к великому государю, и божия воля сталась, брата моего, князь Юрья, не стало в животе, а сына у него, ни внука, ни дочери не осталось, и аз ис того брата своего удела благословляю сына своего Ивана городом Бежицким Верхом с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да городом Калугою, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да городом Малым [25] с волостми, и с путми, и с селы, и всеми пошлинами, и с волостью Суходровью, как было преждь сего, да городом Медынью с волостьми и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами, да волостьми Апаковым на Угре, со всем, по тому, как было прежь сего, да волостьми жь Таварковым, и Конопкою, и иными волостьми по Угре, что было за князем Васильем за Шемячичем и за князем Васильем Стародубским, да из сел селом Черкизовым под Москвою, оприче Черкизовские мелницы, и одиннатцать деревень, которыя к мелнице приписаны. А что есми по отце своем душевной грамоте и по брата своего, князь Юрьеву, приказу пожаловал брата своего, князь Юрьеву Васильевича, княгиню Ульяну, а свою невеску, дал есми ей на прожиток до ее живота город Кременеск с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с ямскими, и с приметными денгами, и с кормленными откупными денгами, и со всеми наместничьи доходы, что было доходов прежь того, да городом Устюжною Железною, посадом, и с деревнями, которыя приписаны к посаду, с ямскими, и с приметными денгами, и с кормленными окупы, да в Углицком уезде волостью Кадкою, с ямскими и с приметными денгами, и со всякими доходы тоя волости, да Подмосковными селы, селом Пузяевым с деревнями, селом Белом Ратом с деревнями, да деревнею Наузоловым, и иными деревнями, которыя с Наузоловым приписаны были те деревни к селу Озерецкому, да княгине же Ульяне дал есми мелницу на реке Клязме, у села Черкизова, да одиннатцать деревень, которые приписаны к той мельнице, да княгиню же Ульяну пожаловал есми на Углече дворцовыми селы, селцом Зеленцовым с деревнями, да селом Николским Ждановым с деревнями, и сын мой Иван держит за нею те городы, и волости, и села до ее живота, а после ее живота город Кременеск, и с

волостьми, и с волостью с Вешками, сыну моему Ивану, к великому государству, а села Черкизова мелница и что к ней одиннатцать деревень, сыну моему Федору, к селу Черкизову. А что был есьми благословил брата своего, князь Юрья, сверх его уделу, городом Брянским, и аз тем городом Брянским благословляю сына же своего Ивана, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было изстари, а село Пузяево с деревнями, да село Белой Раст с деревнями, да деревня Наузулово, и которые деревни приписаны к Наузолову, сыну моему Федору к селцу Озерецкому, Устюжна Железопольская, и волость Каргка, и села, которые в Углицком уезде, село Николское Жданово с деревнями, сыну же моему Федору, к Угличу. А что есьми, по отца своего душевной грамоте и по брата своего, княжь Юрьеву, приказу, дал есьми жене его, княгине Ульяне, вотчину впрок, в Углецком уезде село Хороброво с деревнями, да село Красное с деревнями, и грамоту есьми жалованную на те села и деревни, по нашей жалованной грамоте волна она отдать по душе, и продать, и променить, или буде похочет роду своему отдать, а сын мой Иван и сын мой Федор в те у ней два села не вступаются, по сей нашей жалованной грамоте.

Да сына же своего Ивана благословляю городы и волостьми, что было дяди моего, Андрея Ивановича, и сына его, князь Володимера Андреевича, городом Вышегородом на реке на Петрове [26], с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с дворцовыми селы, да в Можайском уезде волостью Алешнею Воскресенским да волостью Петровскою, с селы, и з деревнями, и с починки, и со всеми угодьи, и с дворцовыми селы, что в тех волостях, и со всеми доходы, да городом Старицею с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, с волостми, с Холмом, и с Погорелым Городищем, и с волостью с Синею, да городом Алексиным, и с Волконою, и с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да городом Вереею, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. А что был дали есьми князю Володимеру Андреевичу в мену, против ево вотчины, городов, и волостей, и сел, городы, и волости, и села, и князь Володимер передо мною преступил, и те городы, и волости, и села сыну моему Ивану, а княжь Володимерова сына, князя Василья, и дочери, посмотря по настоящему времяни, как будет пригоже.

А сына своего Федора благословляю крест золотой с мощьми Ивановской Грязнова. Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Суздаль с волостьми, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами, да город Шую, с волостми, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Кострому да город Плесо [27] с волостми, и с путми, и со всеми пошлинами. Да

ему жь даю город Любим, да город Буй, да город Судиславль, да город Нерехту, и с Солми с Болшею и с Малою, и со всеми их волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, как было при мне.

Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Ярославль с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. А князьям боярским ярославским и детем боярским ярославцам своими вотчинами и с купленными от сына моего Федора не отъехати к сыну моему Ивану и никуды. А кто отъедет от сына моего Федора куды-нибудь, и земля их сыну моему Федору. А служат у него, и он у них в земли, и у жен, и у детей не вступается. А которые есьми вотчины поимал у князей ярославских, и те вотчины сыну моему Федору, а сын мой Федор в том волен, хощет те вотчины за собою держать, хощет он отдать. А у которых князей ярославских их вотчин не имал, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них, жен, и у детей их, а отъедут к сыну моему Ивану или инуды куды-нибудь, и те вотчины сыну моему Федору. Да сыну же моему Федору даю город Козелск и Серенеск [28] с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Серпейск да Мценеск с волостьми, и с путми, и со всеми пошлинами. Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Волок Ламской с волостьми, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да сыну же моему Федору даю село из Москвы, село Крылецкое с деревнями, да село Татарово с деревнями, да село Сорочино с деревнями, Романцово с деревнями, что припусканы от становых деревень, да село Озерецкое Старое, да село Озерецкое Новое с деревнями, и с припускными деревнями, что припусканы от остаточных деревень, да селцо Кузяево, да селцо Белой Раст и Наузовские деревни, которые списаны с Наузовской деревней, и те селы и деревни сыну моему Федору, к селу Озерецкому. Да ему жь даю селцо Напрудное с городскими с посадскими дворы, а [по] которыя места дал есьми ему те дворы, и аз дал тому список, за своею печатью и за дьяка своего приписью. Да сыну же моему Федору даю в Суздале село Быково, что было князь Иваново Мстиславскаго, да волость Коряковская, со всеми деревнями, и с починки, и с рыбными ловлями, да село Лопатниче, да Борисово, да полсела Гориц, да две трети села Тернеева, и с приселки, и с деревнями, и с починки, что были княжо Александровские Горбатаго, да волость Турех с деревнями и с рыбными ловлями.

А что есьми дал сыну моему Федору казны своея, и то писано в казенном списке.

А бог даст мне сына с женою моею Анною, и аз его благословляю город Углечь, и Устюжная, Холопей, с волостми, и

селы, и с двемя селы, которые даны старице Александре княжо Юрьево Васильевича, и з данью к Углечю. Да ему жь даю город Кашин, и с Задубровскою слободою и Славковым, и со всеми волостьми, и селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Ярославец с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Верею, с волостьми, и с путьми, и с селы, и со всеми пошлинами.

А бог даст мне с женою своею с Анною дочерь, и аз ее благословляю, даю город Зубцов с волостми, и путьми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ей же даю Опоки, и Хлепен, и Рагачев, с волостьми, и селы, и с путми, и со всеми пошлинами. Да ей же даю Подмосковныя села, село Митрополичье, что было Михаила Тучкова, село Елдегино, что было Юрья Шеина, село Симоновское Васильевское Шеина, село Кленки Услюмовское, Данилово село Ивановское, Брюхово село Супонево, Сафарынское Ивана Сафарина, село Давыдовское Дмитреевское

Яковлева сына Давыдова, со всеми деревнями и с угодьи.

Да благословляю жену свою Анну, даю ей город Ростов, с волостьми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, да под Москвою село Алешня, село Болтино, село Астанково, и с приписными деревнями, что приписано от черных станов и поместных, да в Ярославле вотчина Суцких князей, село Сутки, село Щулепово, село Болонино, село Мартемьяново, село Борниское, село Новое, село Кривцово, и с деревнями, и с починки, что было княгини Аграфены Суцкого, да вь Юрьеве Польском село Городище Мстиславле, село Флолищево, село Сенмское, село Елохово, с деревнями и со всеми угодьи, да тремя третьми Заозерских Пенковых вотчиною со всеми деревнями и угодьи. А что есьми дал жене своей и детем своим казны своей, и то писано в казенном списке [29].

А что отец наш, князь великий Василей Ивановичь всея России, пожаловал князя Федора Мстиславскаго, и что аз придал сыну его, князю Ивану, и сын мой Иван в ту у него вотчину и у его детей не вступается. А отъедет куданибудь, и та вотчина сыну Ивану.

А что есьми пожаловал князя Михаила княжь Васильева сына Львовича Глинскаго вотчиною, и сын мой Иван у княжь Михаилова сына, у князя Иванова, и у его детей не вступается у нево ничем. А буде куды-нибудь отъедет, и та вотчина сыну моему Ивану. А что есми пожаловал Раманову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостьми и селы, и сын мой Иван в ту вотчину, ни у них детей не вступается. А которыя у них волости и села будут в сына моего Федоров удел, и сын мой Федор по тому ж в ту вотчину не вступается по сей моей душевной грамоте. А что

есьми был пожаловал князь Михаила княжь Иванова сына Воротынскаго старою его вотчиною, городом Одоевым, да городом Новасьию, да городом на Черни, и аз ту вотчину взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в то место вотчину, город Стародуб Ряполовской, да в Муромском уезде, в Зовском стану, волость Мошок, да в Нижегородском уезде село Княгинино с деревнями, да на реке на Волге Фокино селище, а ведает ту вотчину князь Михаила по меновным грамотам, по тому жь, как ведал свою вотчину, а служит он и дети ево сыну моему Ивану, а сын мой Иван в ту у него вотчину и у его детей не вступается, а отъедет куда-нибудь, и та вотчина сыну моему Ивану.

А город Озерище со всеми пригороды, которыя есьми поставил на

Полоцком, и на Озерецком повете, и с Усвятом, сыну моему Федору со всем, по тому, как писано в сей моей душевной грамоте сыну моему Ивану, а удел сына моего Федоров ему жь к великому государству.

А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят; а образец им учинен готов.

А ныне приказываю свою душу, сына своего Федора отцу своему, богомольцу, Антонию, митрополиту всея России, да тебе, сыну своему Ивану.

А ты, сын мой Федор, сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, слушай во всем и держи его в мое место, отца своего, и государства его под ним не подыскивай. А учнешь ты, сын мой Федор, под сыном под Иваном государств его подыскивать, или учнешь с кем-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или учнешь на него кого подъимати, или учнешь с кем на него одиначитися, ино по евангелскому словеси, Федор сын, аще кто не чтит отца или матерь, смертью да умрет.

А кто сию мою душевную грамоту порушит, тому судит бог, и не буди на нем мое благословение.

Ау сей моеи душевнои грамоты сидел…

Примечания переписчика, данные по тексту:

notes

1

1 Зде изгнание не значит лишение престола, но ненависть на него, в последней же духовной, учиненной в 7090 году, яснее о сем говорит и мстить запрещает.

2

2 Скитание свое имянует, что изволил от страха бунтов жить в городе Старице, а более в Александровой слободе.

3

3 Зде еще страх свой о лишении престола изъявляет.

4

4 Зде упоминает он трех жон умерших, а именно: Анастасия Романовых, Мария Черкаских, Марфа Сабакиных, да живая Анна, по ней была Марфа Нагих, итого 5. А Курпский в "Истории" показует: прежде сея Анны бысть 5 жен.

5

5 Скатерть что значит неизвестно, а видно, что между регалиями полагалась.

6

6 Путь просто значит дорога, но зде разумеется доход, от того произошло, что прежде для походов полагали дани путевые, с чего доходы тут названы, да и денги именовали путь, как то еще на многих тиснением изображено.

7

7 Томга по татарски значит печать или знак, но разумеется и положенная подать, как то видно из грамот татарских и гистории, что часто поголовные денги именуют тамгою, которые тогда положены по гривне с головы, могущей луком владеть.

8

8 Вислово сто, числяне и родницы что значит, мне неизвестно, однако ж видно, что некоторые слободы, к Москве принадлежащие, так именованы были, равно же село и луг Самсоновской, разве по старым книгам писцовым сыщется, понеже потом для церквей имена переменили.

9

9 Володимирское на Кулишках, Семеновское Воронцово и Кодашево – все ныне внутрь Москвы.

10

10 Ныне зовется Крапивна город. Польские разумеются степные вотчины.

11

11 Треть разумеется по тогдашнему разделению всего государства, яко Московская, Володимерская и Рязанская.

12

12 Сии городы у Воротынских, Масальских, Одоевских, и Оболенских, Трубецких взял сам царь Иван Васильевичь, а вместо оных для безопасности дал им села в разных уездах.

13

13 Белогород где был неизвестно, ибо нынешней Белогород на Донце тогда не был еще построен.

14

14 Вым был тогда не малой город, где жили епископы пермские и югорские, а ныне тут монастырь небогатой.

15

15 Городен и Микулин ныне села в Тверском уезде.

16

16 Зде городки Высокой, Деман, Куреск, Кашкин, где были, ныне неизвестно и равно же сему и ниже горы Новгородския упомянуты, Холм Велики, Бунци, Лапостицы, о которых может быть где-либо в гисториях сыщется.

17

17 Велижь, Себежь, Поповичь, или Невль, уступлены к Литве при нем же по договору со Стефаном Баторием, королем полским, ниже город Острое, хотя неизвестно, но чаятелно в Литве же.

18

18 Заволочье во всех древних гистoриях названо все, что за Ладожским озером.

19

19 Псковские пригороды, кроме Опочки и Гдова, все села и болшая часть за помещики.

20

20 Здесь видно, что башкиры были тогда российския.

21

21 Мочаки видно, что учюги, слово татарское.

22

22 Здесь многия городы упомянуты, кои ныне неизвестны. И болшая часть им же уступлены были частию к Полше, частию к Швеции, токмо Сыренец и Новой городок, помнится, остались в руском владении, и по сему видно, что сия духовная писана прежде года, когда с полским королем он мир учинил, равно сему и Полоцк со всем уступлен к Литве тогда жь, чем видится.

23

23 Опаков ныне село в Медынском уезде, в котором знак каменная полатка доднесь осталась. Сей был на границе Литовскаго владения во время Витолдово, но великий князь Василей Ивановичь с прочими от Литвы взял в… году.

24

24 Захарьины, как видно, писались прежде Яковля, а после стали писатся Романовы, от которых пресветлейший род Романовых счастливо воцарствующих, государей российских, происходит, и видно, что их предки знатны вотчины имели, ибо Напрудная слобода ныне внутре Москвы.

25

25 Городок Малой где был, неизвестно.

26

26 Вышегород в коем уезде было, не знаю.

27

27 Плесо ныне село.

28

28 Серенеск неизвестно, разве не описано ли вместо Серпейск.

29

29 Здесь из всех разделов оных государей видно было, какую они от смятения опасность имеют, что хотя детем меншим доволныя уделы определяли, но все в розни, а не сплошь, дабы им неудобно было в скорости от всего удела войска собрать и государю какое-либо воспротивление учинить.